This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 166 191

BERKELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

LP 15R

СОЧИНЕНІЯ И. П. МЯТЛЕВА.

КІЕВЪ.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° въ Москвѣ
Кіевское отдѣленіе, Бибик. бульв., д. № 8 б.
1893.

И. Мятлевъ

ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. П. МЯТЛЕВА.

Изданіе книгопродавца-издателя Ф. А. Іогансона.

ВЪ КІЕВѢ:

Уголъ Крещатика и Прорѣзной, 1;
Подолъ, Александровская улица, 7.

ВЪ ХАРЬКОВѢ:

Уголъ Харьковскаго моста и Рыбной
улицы, домъ Гуляевой.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED
SEP 01 1994

Дозволено цензурою. Г. Кіевъ, 1 Декабря 1893 года.

PG 3337
M5
1893

Иванъ Петровичъ Мятлевъ родился въ 1796 г., въ Петербургѣ, въ очень богатой и аристократической семьѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ довольно поверхностное, но, благодаря счастливымъ природнымъ способностямъ, основательному знакомству съ языками и продолжительнымъ путешествіямъ за границей впослѣдствіи считался однимъ изъ образованныхъ людей своего времени.

Принадлежа, по своимъ связямъ, къ высшему кругу общества, И. П. съ дѣтства числился на службѣ и въ молодыхъ лѣтахъ достигъ степеней извѣстности. На литературное поприще выступилъ впервые въ 1834 году, издавъ, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, тощій сборникъ посредственныхъ стихотвореній, подъ названіемъ „Друзья уговорили". Въ слѣдующемъ 1835 г. появилось уже его „Собраніе стихотвореній", также прошедшее незамѣтнымъ для большей части публики. Послѣ этого, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, до 1840 г. Мятлевъ не появлялся вовсе въ печати, довольствуясь скромной славой, въ кругу своихъ знакомыхъ, остроумнаго импровизатора и неподражаемаго чтеца своихъ-же собственныхъ стихотвореній, въ легкомъ, шутливомъ родѣ. И только съ появленіемъ въ 1840 году „Сенсацій и замѣчаній г-жи Курдюковой за границей „данъ л'этранже" Мятлевъ сразу становится однимъ изъ любимѣйшихъ авторовъ и начинаетъ печататься во всѣхъ лучшихъ журналахъ того времени: (въ „Современникѣ" Плетнева, „Библіотекѣ для чтенія" Сенкевича, „Маякѣ" Корсакова и друг.). Но недолго пришлось Мятлеву пользоваться литературными успѣхами,—13-го февраля 1844 г. онъ скоро-

постижно скончался, какъ разъ успѣвъ издать послѣднюю (третью) часть „Италіи“, заканчивающую „Сенсаціи“.

Смерть Мятлева почти единодушно была отмѣчена тогдашними представителями литературной критики, какъ значительная утрата для отечественной литературы, при чемъ поэтическая физіономія покойнаго обрисовывалась въ весьма симпатичныхъ красках: прославлялся его незлобивый юморъ, указывалось на вызвышенное религіозное настроеніе, проникающее многія изъ его стихотвореній, признавалась за ними искренность и т. д. Даже не расположенныя къ Мятлеву „Отечественныя Записки“, хотя и болѣе сдержанно, но останавливались на тѣхъ сторонахъ литературной дѣятельности умершаго поэта, которыя считали возможными похвалить. Совсѣмъ другое отношеніе къ Мятлеву обнаруживаетъ тотъ же журналъ въ 1857 г., по поводу появившагося перваго полнаго собранія сочиненій Мятлева, изданнаго Өедоровымъ. Въ подробномъ разборѣ произведеній Мятлева ультрадемократическій журналъ, не могшій простить автору его происхожденія и воспитанія, а главное—усматривая, вѣроятно, въ литературной дѣятельности дѣйствит. статск. совѣтн. и камергера—Мятлева не больше какъ праздное времяпрепровожденіе большаго барина и считая такое отношеніе—роняющимъ литературу—что называется совершенно „разнесъ“ автора „Фонариковъ“, „Коммеражей“ и „Сенсацій г-жи Курдюковой“ и т. д. За то отношенія остальныхъ литературныхъ журналовъ оставались къ Мятлеву самыя теплыя, а талантливый критикъ „Библ. для Чтенія“ отзывается даже въ слѣдующихъ выраженіяхъ о „Сенсаціяхъ и замѣткахъ г-жи Курдюковой“: „Курдюкова принята Россіей, какъ національная шутка, какъ родная, въ высшей степени своя острота.... Она останется народнымъ твореніемъ, такъ хорошо схвачены въ ней

комическія черты нашей новозданной образованности"....
О самомъ же Мятлевѣ Сенковскій говоритъ: „Онъ не былъ поэтомъ, не *сочинялъ* стиховъ, но импровизировалъ ихъ шуткой и рифмой, шутя вонзалъ онъ свое перо въ самое живое мясо нашей образованности, и никакимъ разсужденіемъ не вырвать его оттуда. Съ такимъ оригинальнымъ дарованіемъ можно смѣло мечтать о поэтствѣ". Но какъ не расходятся въ своихъ взглядахъ на значеніе Мятлева представители двухъ разныхъ литературныхъ партій, все-же и поверхностнаго знакомства съ этимъ полузабытымъ поэтомъ достаточно, чтобы признать, что по отношенію къ нему справедливо покрайней мѣрѣ среднее мнѣніе. И если Мятлевъ—не можетъ претендовать на значеніе перво-класснаго поэта,—то всё-же, помимо даже историко-литературнаго интереса, какой онъ несомнѣнно имѣетъ для насъ теперь, его оригинальное дарованіе само по себѣ заслуживаетъ вниманія современныхъ читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О ты, которая открыла
Во мнѣ и чувства, и любовь
И съ дѣтства ихъ со мной вскормила,
Прими плоды твоихъ трудовъ.

НОВЫЙ ГОДЪ.

Весь народъ,
    Говоритъ,
Новый годъ,
    Говоритъ,
Что принесъ,
    Говоритъ,
Ничего-съ,
    Говоритъ,
Кому крестъ,
    Говоритъ.
Кому пестъ,
    Говоритъ,
Кому чинъ,
    Говоритъ,
Кому блинъ,
    Говоритъ,
Кому носъ,
    Говоритъ.
Ну такъ что-съ,
    Говоритъ,
Все равно-съ,
    Говоритъ,

Ничего-съ,
Говоритъ.
Новый годъ,
Говоритъ,
Весь свой плодъ,
Говоритъ,
Раскидалъ,
Говоритъ,
Разбросалъ.
Говоритъ,
О газаръ,
Говоритъ,
А мюзаръ,
Говоритъ,
Опоздалъ,
Говоритъ,
Прозѣвалъ,
Говоритъ,
Заворчалъ,
Говоритъ.
Самъ ты братъ,
Говоритъ,
Виноватъ,
Говоритъ,
Паръ иси,
Говоритъ,
Попроси,
Говоритъ,
Тамъ подсунь,
Говоритъ,

Или плюнь,
    Говоритъ,
Навяжись,
    Говоритъ,
Отвяжись,
    Говоритъ,
Де се фастъ,
    Говоритъ,
Если дастъ.
    Говоритъ,
Новый годъ,
    Говоритъ,
Намъ во плодъ,
    Говоритъ,
Ля санте,
    Говоритъ,
Ля гесте,
    Говоритъ;
Пур сеси,
    Говоритъ,
Ужъ мерси,
    Говоритъ,
Поклонись,
    Говоритъ,
И крестись,
    Говоритъ;
Въ свой чередъ,
    Говоритъ,
Все придетъ.

***

ФОНАРИКИ.

—

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мнѣ,
Что видѣли, что слышали
Въ ночной вы тишинѣ?
Такъ чинно вы разставлены
По улицамъ у насъ:
Ночные караульщики,
Вашъ вѣренъ зоркій глазъ!
Вы видѣли ль, примѣтили ль,
Какъ дѣвушка одна,
На цыпочкахъ, тихохонько
И робости полна,
Близъ стѣнки пробирается,
Чтобъ друга увидать
И шопотомъ, украдкою,
Люблю! ему сказать.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль, какъ юноша
Нетерпѣливо ждетъ,
Какъ сердцемъ, взоромъ, мыслію
Красавицу зоветъ...
И вотъ они встрѣчаются,
И радость, и любовь;

И вотъ они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль несчастную,
Убитую тоской,
Какъ будто тѣнь бродящую,
Какъ призракъ гробовой?
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ея всѣ жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль преступника,
Какъ въ горести нѣмой,
Отъ совѣсти убѣжища
Онъ ищетъ въ часъ ночной?
Вы видѣли ль веселаго
Гуляку въ сюртукѣ,
Оборванномъ, запачканномъ,
Съ бутылкою въ рукѣ?

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,

А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль сиротушку,
Прижавшись въ уголокъ,
Какъ проситъ у прохожаго,
Чтобъ бѣдной ей помогъ;
Какъ горемычной холодно,
Какъ страшно въ темнотѣ?
Ужель никто не сжалится,
И гибнуть сиротѣ!

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Вы видѣли ль мечтателя,
Поэта, въ часъ ночной?
За риѳмой своенравною
Гоняясь, какъ шальной,
Онъ хочетъ муку тайную,
И неба благодать,
Толпѣ, ему внимающей,
Звучнѣе передать.

Фонарики, сударики,
Горятъ себѣ, горятъ,
А видѣли ль, не видѣли ль,
Того не говорятъ.

Быть можетъ, не примѣтили...
Да имъ и дѣла нѣтъ;

Горѣть имъ только велѣно,
Покуда будетъ свѣтъ.
Окутанный рогожею
Фонарщикъ ихъ зажегъ;
Но чувства прозорливости
Имъ передать не могъ!...

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой:
Чиновники, сановники,
Все люди съ головой!
Они на то поставлены,
Чтобъ видѣлъ ихъ народъ,
Чтобъ величались, славились,
Но только безъ хлопотъ.

Имъ, дескать, не приказано
Вокругъ себя смотрѣть,
Одна у нихъ обязанность:
Стоять тутъ и горѣть.
Да и горѣть, покудова,
Кто не задуетъ ихъ.
Такъ что же и тревожиться
О горестяхъ людскихъ!

Фонарики, сударики,
Народъ все дѣловой:
Чиновники, сановники—
Все люди съ головой!

***

СОНЪ.

—

Зачѣмъ такъ скоро прекратился
Мой лучшій сонъ?
Зачѣмъ душѣ моей явился
Такъ внятно онъ?
Зачѣмъ блаженство неземное
Мнѣ посулилъ
И все завѣтное, родное
Расшевелилъ?
Какъ дымъ, его исчезла младость
Съ сіяньемъ дня,
И безъ него я зналъ, что радость
Не для меня!

***

СТАТУЯ.

—

Статуя, какъ ты хороша!
Тобой полна моя душа,
Ты точно та, кого воображаю,
Рисую въ мысляхъ и ласкаю
Въ безсонницахъ и сладкомъ снѣ,
Ужъ ты давно знакома мнѣ.
Уже не разъ, томимъ мечтою,
Я грудь твою и плечи цѣловалъ,
Твой станъ роскошный обнималъ,

Игралъ съ прелестною ногою.
Ахъ! если бы я способъ отыскалъ,
Какъ оживить, воспламенить статую,
Какъ влить въ нее любовь такую,
Какою я, безсмысленный, горю....
Но я пустое говорю:
Мнѣ суждено статуей любоваться,
А ей—все камнемъ оставаться!

***

ГЮГЕНОТЫ.

—

Я собиралася давно
Посмотрѣть *ле гюгено!*
Что за *гюгено* такіе
Бусурмане записные?
Каковъ былъ мусье Волтеръ?
Сочинитель Мейерберъ,
Нѣмецъ, человѣкъ ученый,
Настоящій шмерцъ копченый;
Вѣрно будетъ хорошо.
Тре жоли, тре бо, тре шо
Ужъ въ другой разъ не увижу,
Какъ *адью* скажу Парижу!
Доместикъ мусье франсуа!
Ты достань билетъ *пуръ муа*
Въ третьемъ ярусѣ три ложи,
Помѣстить всѣ наши рожи.

Двѣсти франковъ—такъ и быть!—
Я готова заплатить.

Вотъ приносятъ намъ билеты.
Мы откушали, одѣты,
Кулебяки двѣ въ запасъ
Къ вечеру лежатъ для насъ.
Вотъ мы въ оперу пустились,
Въ трехъ каретахъ размѣстились,
Прiѣзжаемъ, и какъ-разъ
Увертюра началась.
Флейты, барабаны, скрипки
Проиграли безъ ошибки;
Публика кричитъ: *браво!*
Я шепнула: *се нуво!*
И какой мотивъ чудесный!
Только, кажется, извѣстный
Изъ Русалки или взятъ
Изъ Калифа де Багдадъ.

Вотъ и занавѣсъ открыли,
Кучи кучей навалили
Разноцвѣтныхъ плясуновъ,
Голосистыхъ пѣвуновъ;
Королева, съ нею дамы,
Рыцари, герои, хамы;
Хамы, *данъ ле танзъ антикъ*,
Значило: *ле доместикъ*,
Потому что хамъ смѣялся,
Когда Ной пьянъ напивался.
Ной сказалъ ему за то:

Твое сѣмя проклято.
И съ проклятіемъ на шеѣ
Отъ него пошли лакеи,
Полотеры, повара,
Ключницы и кучера....
А надъ пьянымъ что остриться?
Пьяный можетъ пригодиться,
Пьяный къ откупу хорошъ,
Лишній все притащитъ грошъ.
Къ пьянымъ я полна почтенья;
Но оставимъ разсужденья.
Я вамъ просто разскажу
Комъ ла комеди се жу.

Проплясали, порѣзвились;
Дамы вдругъ разоблачились
Каждая сняла *пенуаръ,*
Жё не пуве па круаръ,
И вскричала: чтобъ мамзели
Наши на партеръ смотрѣли.
Тфу—ты, Боже, Царь Давыдъ!
Стыдъ, ну просто срамъ и стыдъ!
Тутъ францезъ или мазурки,
А потомъ, играя въ жмурки,
Съ лѣстницы мусье идетъ,
И принцессу застаетъ.
Закричалъ, махнулъ руками,
Разсердился, между нами,
Я никакъ не поняла
Въ чемъ исторія была.

Только гвалтъ, расправа, крики,
Все по правиламъ музыки
И прекраснѣйшій финалъ,
Какъ въ Москвѣ, *данъ ла весталъ.*
Занавѣсъ тутъ опустили;
Мы морожное спросили,
Ѣли, пили, черезъ часъ
Снова занавѣсь взвилась.
Тутъ мусье съ принцессой снова,
Не безъ ласковаго слова,
Все ей нѣжности поетъ,
Честь съ поклономъ отдаетъ.
А она ему манерно
Отвѣчаетъ: Ахъ, невѣрно!
Предостерегу любя:
Всѣ сердиты на тебя.
Спрячься милый въ уголочкѣ
Ты услышишь о дружочкѣ
Что здѣсь люди говорятъ.
Вдругъ приходятъ—святъ, святъ, святъ!—
Три, четыре генерала;
Всѣ усѣлися сначала,
Всякой мнѣніе даетъ,
Всякъ мошенникомъ зоветъ,
Полюбовника принцессы,
И опять пошли процессы,
Какъ бы вора уловить,
Гюгенотовъ всѣхъ убить.
Онъ все слушаетъ, сердечный,
Но, какъ таракашъ запечный,

Притаился, ни гугу!....
„Я бѣдняжкѣ помогу!“—
Про себя поетъ принцесса;
А ужъ дальше ни бельмеса
Я никакъ не поняла;
Вся компанія ушла;
Полюбовникъ воротился,
Началъ пѣть, потомъ рѣшился
Тягу поскорѣе дать....
Но вотъ тутъ какая стать,
Я никакъ ужъ не добилась.
Вдругъ принцесса разъярилась,
И Богъ вѣдаетъ зачѣмъ
Закричала: *же вузъ эмъ.*
Тутъ разнѣжились, запѣли,
Вдругъ куранты зашумѣли,
И мусье бѣжитъ къ себѣ,
А она,—*тутъ свитъ томбе!*—
Такъ, какъ снопъ, и повалилась.—
Занавѣсь тутъ опустилась,
Мы такъ были *эшофе,*
Что спросили *дю кафе.*—

Актъ четвертый представляетъ
Кирку, гдѣ народъ гуляетъ
И танцуетъ минуэтъ...
Презатѣйливый балетъ!
Но мусье вбѣгаетъ снова,
Гнѣвный, въ родѣ Пугачева,
И поетъ, поднявъ картузъ:

„Муа пуръ муа, э діе пуръ тусъ!“
Это всѣхъ перепугало!
Все собранье убѣжало
Вонъ изъ кирки—вдругъ пальба,
Что такое? ба! ба! ба!
Гюгенотовъ убиваютъ,
А за что, про что—не знаютъ.

Тутъ съ рѣшеткой темный дворъ,
За рѣшеткой славный хоръ.
Но мусье опять вбѣгаетъ,
Даму нѣжно обнимаетъ.
Впрочемъ, это не конецъ;
Прибѣгаетъ самъ отецъ
Подстрѣлить свою дѣвицу,
Какъ ночную словно птицу—
И со всѣхъ сторонъ—пафъ, пафъ!—
Всѣмъ пишите эпитафъ.

Ну ужъ опера, признаться...
Но пора намъ убираться,
Десять *су* мадамъ уврёзъ,
И къ *ла лимонадъ газёзъ*,
И къ забытымъ кулебякамъ—
Вѣдь, не бросить же собакамъ!

***

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

—

Я ошибся, я повѣрилъ
Небу на землѣ у насъ,
Не расчислилъ, не измѣрилъ
Разстоянія мой глазъ.
И восторгу я предался,
Чашу радости вкусилъ,
Опьянѣлъ и разболтался,
Тайну всю проговорилъ!
Я наказанъ, безъ роптанья
Долженъ казнь мою сносить,
Сиротой очарованья
Вѣкъ мой грустный пережить.
Мнѣ мгновенно засіяла
Между тучъ одна звѣзда,
Сердцу небо показала
И сокрылась навсегда!
Но вотъ тамъ, за облаками,
Я найду ее опять...
Тамъ не разстаются съ вами,
Тамъ вы можете сіять.

*
* *

ЗВѢЗДА.

—

Звѣзда, прости! пора мнѣ спать,
Но жаль разстаться мнѣ съ тобою,

Съ тобою я привыкъ мечтать,
А я теперь живу мечтою.

И дастъ ли мнѣ тревожный сонъ,
Отраду ложнаго видѣнья?
Нѣтъ, чаще повторяетъ онъ
Дневныя сердцу впечатлѣнья.

А ты, волшебная звѣзда,
Неизмѣнимая сіяешь,
Ты сердцу грустному всегда
О лучшихъ дняхъ напоминаешь.

И къ небу, тамъ, гдѣ свѣтишь ты,
Мои стремятся всѣ желанья....
Мои тамъ сбудутся мечты.
Звѣзда, прости же, до свиданья!

***

НЕБО.

—

На небо, мечтая, я часто гляжу,
И думы, рѣзвясь, улетаютъ
Межъ звѣздъ, далеко за земную межу,
Туда, гдѣ печалей не знаютъ.
Но небо я въ сердцѣ своемъ нахожу,
Въ немъ также мнѣ звѣзды сіяютъ.

То небо—отчизна, Россія моя,
Тѣ звѣзды—друзья и родные,

И сестры, и мать, кѣмъ такъ счастливъ былъ я
Такъ веселъ во дни молодые.
Сіяйте мнѣ чаще, сіяйте, друзья,
Вы, звѣзды мои золотыя.

Надежда святая въ томъ небѣ, луна
Весь міръ украшаетъ собою;
Мнѣ даже милѣе чужая страна,
Гдѣ я озаряюсь луною;
Но облакомъ часто закрыта она...
Я облако назвалъ тоскою.

Ей долго быть спутницей въ жизни моей,
Мнѣ застить веселье и радость;
Но звѣзды другія я вижу и въ ней,
Въ ней вижу утекшую младость,
И взятыхъ могилой родныхъ и друзей,
И въ облакѣ тоже есть младость.

***

ПТИЧКА.

—

Молодая пташечка,
Ты куда летишь?
Ты куда изъ клѣточки
Рѣзвая спѣшишь?

Берегись, въ поляхъ тебя
Сторожитъ стрѣлокъ,
Иль къ мальчишкѣ, можетъ быть,
Попадешь въ силокъ.

Иль тебя вдругъ хищная
Птица заклюетъ,
Иль среди погодушки,
Громъ тебя убьетъ.

Я лечу на родину,
Тамъ гнѣздо совью,
Тамъ весну увижу я
Прежнюю свою.

Въ чистомъ, ясномъ воздухѣ
Буду ликовать,
О своей неволюшкѣ
Съ пѣсней вспоминать.

Не боюсь опасностей,
Грома, ни сѣтей,
Грусть и одиночество
Изведутъ скорѣй.

А когда ударитъ вдругъ
Часъ послѣдній мой,
Мыслью той утѣшуся,
Что лечу домой.

За надежду сладкую
Смертью заплачу;
А кто знаетъ, можетъ быть,
Я и долечу.

Ну, лети же, пташечка,
Лети, Богъ съ тобой!

Ахъ, и мнѣ какъ хочется
Самому домой!

И когда бы крылышки
Я твои имѣлъ,
Я давно на родину
Самъ бы улетѣлъ.

*
* *

ОБЛАКО.

—

Какъ быстро облако бѣжитъ!
Оно сей часъ луну закроетъ,
Мой путь вечерній омрачитъ,
И сердце вѣщее заноетъ.

Есть въ жизни тоже облака,
И радость жизни тоже тмится,
Когда несчастія рука
Внезапно на сердце ложится.

Но вѣтеръ облако умчитъ!
Луна попрежнему сіяетъ,
Мой путь вечерній серебритъ,
И томный сумракъ изчезаетъ.

Ахъ, если бъ жизни облака
Погода такъ же уносила,
И налетѣвшая тоска
Навѣкъ бы сердца не клеймила.

Удѣлъ нашъ въ жизни не таковъ,
Когда спознаемся съ тоскою.....
Но будетъ жизнь безъ облаковъ—
И къ ней я уношусь мечтою.

***

РУССКІЙ СНѢГЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

—

Здорово, русскій снѣгъ, здорово!
Спасибо, что ты здѣсь напалъ,
Какъ будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказалъ.

И ретивое запылало
Любовью къ родинѣ святой,
Въ груди отрадно заиграло
Очаровательной мечтой.

Въ родныхъ степяхъ я очутился,
Зимой отечества дохнулъ,
И отъ души перекрестился,
Домой я точно заглянулъ.

Но ты растаешь, и съ зарею,
Тебѣ не устоять никакъ,
Нѣтъ, не житье намъ здѣсь съ тобою:
Житье на родинѣ, землякъ!

***

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ ДУШОЙ.

Куда ты просишься, душа?
Уже ль земля не хороша?
Уже ли мало здѣсь отрадъ и утѣшеній
И сладкихъ думъ, и сладкихъ вдохновеній?
Здѣсь розы алыя цвѣтутъ,
Здѣсь дѣвы рѣзвятся, здѣсь соловьи поютъ;
Есть для тебя и родина святая,
И жизни лучшихъ дней подруга молодая.
Два сына—будущность твоя,
И мать, и сестры, и друзья.
Чего же ты, чего жъ еще желаешь?
О чемъ безвременно скучаешь?
Куда жъ ты просишься, душа?
Уже ль земля не хороша?
Нѣтъ, хороша земля, прелестна:
Земная радость мнѣ извѣстна;
Напѣвамъ юныхъ дѣвъ и пѣнью соловья
Съ восторгомъ сладостнымъ внимаю часто я;
Я знаю, есть земныя розы,
Но ихъ мертвятъ земныя слезы,
И ихъ, увы! не проченъ стебелекъ,
И алые листки разноситъ вѣтерокъ.
Какъ храмъ, святыни храмъ, я родину считаю,
Но торжниковъ и въ ней встрѣчаю
Нерѣдко и корысть, холодность и обманъ!
И бичъ изъ вервія не данъ
Изгнать изъ храма ихъ, какъ древле Искупитель

Въ Сіонѣ ихъ изгналъ—порока побѣдитель!
Мнѣ суждено на зло смотрѣть,
Зло постигать и зло терпѣть.
Дѣтей, жену, родныхъ я страстно обнимаю,
Но ихъ безсмертными здѣсь видѣть я желаю,
Какъ я, какъ духъ нетлѣнный Божества;
Они земныя существа!
И ихъ удѣлъ—утрата и разлука!
И вотъ—моя земная мука.

***

СТАРУШКА.

—

Идетъ старушка въ дальній путь,
Съ сумою и клюкой;
Найдетъ ли мѣсто отдохнуть,
Старушка въ часъ ночной?

Среди грозы кто пріютитъ?
Какъ ношу донесетъ!...
Ничто старушку не страшитъ,
Идетъ себѣ, идетъ....

Присѣсть не смѣетъ на часокъ,
Чтобъ духъ перевести;
Короткій данъ старушкѣ срокъ,
Ей только бъ добрести.

И, можетъ быть, въ послѣдній разъ
Ей суждено туда,

Куда душа всегда рвалась,
Гдѣ кончится бѣда.

Во что бъ ни стало, а дойти,
Хоть выбиться изъ силъ,
Какъ бы ни страшно на пути,
Чѣмъ путь бы ни грозилъ!

Такъ въ жизни позднія лѣта
Сильнѣй волнуютъ кровь
Души послѣдняя мечта,
Послѣдняя любовь.

Ничто не помогаетъ намъ,
Ни юность, ни краса,
Ни рой надеждъ, младымъ годамъ
Дарящій небеса.

Одна любовь взамѣнъ всему,
И съ нею мы идемъ,
И съ нею горестей суму
Безъ ропота несемъ.

Спѣшимъ, спѣшимъ.... въ далекій путь
Желали бы бѣжать,
Присѣсть не смѣемъ, отдохнуть,
Чтобы не опоздать.

Безщадно гонитъ насъ любовь,
Пока дойдемъ туда,
Гдѣ навсегда остынетъ кровь,
Гдѣ кончится бѣда.

***

ЖИЗНЬ.

—

Отчего, скажите, слезы
Риѳма лучшая для розы?
Жизнь какъ свѣтлая рѣка,
Но на днѣ ея тоска.
Радостью волна сіяетъ,
Но со дна тоска всплываетъ,
Разливаясь по рѣкѣ
При малѣйшемъ вѣтеркѣ.
Вѣтерокъ—воспоминанье
Прежнихъ дней и тѣхъ утратъ,
Что въ душѣ, какъ будто ядъ,
Отравили упованье.
Вѣтерокъ земли родной,
Голосъ дальній и любимый,
Вѣтерокъ призывъ родимый
Къ ней въ объятія домой!
Вѣтерокъ о ней, о милыхъ—
Страхъ, забота, вѣщій гласъ,
И вотъ почему у насъ
Больше въ жизни дней унылыхъ,
Чѣмъ веселыхъ, ясныхъ дней.
Тяжело душѣ моей,
Когда вѣтеръ колыхнется,
Когда дума навернется;
Но привычнѣе при ней.

***

ЛЮТНЯ.

—

Имѣлъ я лютню въ юныхъ дняхъ,
На золотыхъ ея струнахъ
Бряцалъ я радость, упованье,
Бряцалъ любовь, очарованье,
Бряцалъ веселье и печаль.
Моей мнѣ часто лютни жаль:
Теперь, въ минуты вдохновенья,
Въ часы душевнаго томленья,
Еще бы побряцалъ на ней
Я пѣснь моихъ веселыхъ дней,
Еще бы радость раздавалась,
Когда бъ цѣла она осталась!
Но время грузною рукой
Порвало струну за струной,
И каждая души утрата—
Обманъ надеждъ, кончина брата,
И смерть отца, и смерть дѣтей—
На лютнѣ врѣзались моей.
Одну струну, струну печали,
Судьбы порывы не порвали.
На ней бряцать мнѣ суждено.
И я пою всегда одно:
Минувшихъ дней воспоминанье
И лучшей жизни упованье.

***

ЗВѢЗДОЧКА.

Одна мнѣ звѣздочка явилась
Межъ облаковъ,
И ею въ сердцѣ пробудилась
Жизнь и любовь.

Она такъ свѣтло засіяла,
Такъ дружно мнѣ,
Какъ будто слово мнѣ сказала
О старинѣ.

И я помолодѣлъ душою,
И вновь мечты,
И будто въ юности весною
Я рву цвѣты.

Скажи: я, вѣрно, гостья рая,
Тебя узналъ,
Не ты ли дѣва молодая,
Мой идеалъ?

Не ты ли ангелъ легкокрылый,
Что къ намъ слетѣлъ?
О нѣтъ, не ты! я съ дѣвой милой,
Вчера сидѣлъ,

Ее опять увижу вскорѣ.
Такъ хороша!
Въ ней моя радость, мое горе,
Моя душа!

И если такъ ты мнѣ сіяешь,
Сомнѣнья нѣтъ,
Ея очей ты отражаешь
Волшебный свѣтъ.

Она теперь въ тебя глядится,
И, можетъ быть,
Души все тайное стремится
Тебѣ открыть.

О звѣздочка! замолвь два слова
Ей про меня!
Ее увижу завтра снова,
Средь бѣла дня.

***

МЕДВѢДЬ и КОЗА.

(БАСНЯ)

—

Медвѣдь сказалъ Козѣ:
„*Команъ вузъ озе*
„Скакать, плясать, меня такъ безпокоить,
„Когда тебя я вздумалъ удостоить
„Быть компаньонкою моей?
„Постой, проклятая! я дамъ тебѣ *суфлей*“.
И, съ словомъ симъ, онъ важно потянулся,
Вскочилъ,—и лапой размахнулся,
Но стукнулъ вдругъ водильщикъ въ барабанъ,

И нашъ Медвѣдь *ту дусеманъ*,
Пошелъ съ поникшей головою,
Плясать по прежнему съ Козою.

Столоначальникъ такъ на писарей кричитъ,
Взойдетъ директоръ—замолчитъ.

***

ДУМА НА КЛАДБИЩѢ.

—

Друзья минувшихъ, лучшихъ лѣтъ,
Которыхъ съ нами уже нѣтъ,
Житейское вы переплыли море,
На берегу у насъ оставили вы горе,
Вамъ хорошо, вы въ небесахъ!

О вашихъ молимъ мы душахъ.
Но наши что о васъ моленья?
Они сердечныя внушенья,
Они души святыя пѣнья,
Одинъ языкъ еще понятный вамъ,
Тамъ, въ небесахъ, какъ ѳиміамъ,
Какъ дымъ родной, они къ вамъ долетаютъ,
И вамъ о насъ напоминаютъ.

Но помолитесь вы о пережившихъ васъ!
Вашъ чистый неземной ужъ гласъ
Скорѣй услышитъ Провидѣнье,
Его житейское волненье,

Напасти, бури трепетать
Не заставляютъ: благодать
Для васъ безоблачно сіяетъ,
И вѣру радуга вѣнчаетъ,
И въ небѣ вашемъ, весь изъ звѣздъ,
Васъ озаряетъ дивный крестъ.

Молитесь вы! Въ мятежномъ морѣ свѣта,
Какъ лучезарная планета,
Молитва ваша, жизни челнъ,
Насъ охранитъ отъ бурныхъ волнъ,
И вѣтры буйные привяжетъ,
И пристань тихую укажетъ!
Когда жъ въ нее мы доплывемъ,
И мы тогда возопіемъ,
И много милостивъ Творецъ, мольбѣ внимая,
Какъ васъ, насъ возведетъ къ себѣ въ обитель рая.

***

ЧАСЫ.

—

Стучатъ, стучатъ,
Не замолчатъ
Часы всю ночь,
И мнѣ не въ мочь
Ихъ слышать шумъ;
Тяжелыхъ думъ
Душа полна,

И стѣснена
Тоской она.
Часы, часы,
Гдѣ всѣ красы
Минувшихъ лѣтъ?
Увялъ ихъ цвѣтъ.
Постылъ мнѣ свѣтъ.
Часы, часы,
Что тѣ красы,—
Ужель опять
Ихъ не видать?
Часы въ отвѣтъ
Ни да, ни нѣтъ;
И я вздохнулъ,
И съ тѣмъ уснулъ.

***

ПОХИТОСЪ.

—

Какъ похитосъ хорошъ въ устахъ
Твоихъ, красавица младая!
Ты въ дымѣ, какъ видѣнье рая,
Ты точно ангелъ въ облакахъ!

Какъ зыбь тумана, зыбь росы
Съ зарею межъ цвѣтовъ гуляетъ,
Такъ дымъ, клубяся, проникаетъ
Въ твои шелковые власы.

Какъ я бы въ этотъ дымъ желалъ
Хоть на минуту обратиться;
Я могъ бы вкругъ тебя увиться,
Я бъ сердца тайну разсказалъ.

Но нѣтъ! къ чему? меня плѣнивъ,
Ты о тоскѣ моей не спросишь:
Меня, какъ похитосъ, ты бросишь,
До половины докуривъ.

***

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ.

—

Еще годъ, какъ не бывало,
Надъ моею головой
Пробѣжалъ и только стало
Мнѣ грустнѣй: какъ часовой
Безотвѣтный, я до смѣны
Простою; потомъ, бѣднякъ,
Какъ актеръ, сойду со сцены—
И тогда одинъ червякъ
Будетъ мною заниматься,
А товарищи, друзья
Позабудутъ, можетъ статься,
Что когда-то жилъ и я,
Что и мнѣ они внимали,
Когда въ пѣсняхъ изливалъ
Я сердечныя печали,

Иль на радость призывалъ.
Гость въ пирушкѣ запоздалый,
Я допилъ уже до дна
Чашу радости бывалой,
И разбита ужъ она!
Понемногу отлетѣли
Обольщенья и любовь,
И лампады догорѣли
Нашихъ дружескихъ пировъ.
Новые огни засвѣтятъ,
Новый явится поэтъ,
Зашумятъ и не примѣтятъ,
Что меня въ пирушкѣ нѣтъ.
Можетъ быть, и всю бесѣду
Нашу годы разнесутъ,
Раскидаютъ и къ обѣду
Гости новые придутъ.
Но и мы соединимся,
Въ жизни мы воскреснемъ вновь.
И тогда мы погрузимся
Въ безпредѣльную любовь.

***

КАТЕРИНА ШАРМАНКА.

—

Я къ коловратностямъ привыкъ!
Вся жизнь по мнѣ: *лантернъ мажикъ*,
Судьба шарманщикъ, итальянецъ!

То погребеніе, то танецъ,
То мотовство, то *гранъ мизеръ*,
То удивительный карьеръ;
То будто рыба объ ледъ бьешься!
Отказъ, какъ шестъ, гдѣ ни толкнешься!
То свадьба, то война, то миръ;
Все гумъ, гумъ, гумъ, *андеръ маниръ*!

Передъ красоткой несравненной,
Ты, заколдованный, влюбленный,
Стоишь въ восторгѣ, *а жену*,
Вотъ, дескать, я нашелъ жену!
Родитель, маменька согласны:
Нашиты платья все атласны,
Готовится почетный пиръ!
Но вдругъ гумъ, гумъ! *андеръ маниръ*.

Твоя красотка измѣнилась,
Въ другого молодца влюбилась,
Преотвратительный гримасъ
Тебѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отказъ!
Ты, чтобы слишкомъ не терзаться,
Рѣшился въ службу записаться,
И статскій заказалъ мундиръ;
Ну, нѣтъ.... гумъ, гумъ! *андеръ маниръ*!

Рѣшили судьи, адвокаты,
Что годенъ только ты въ солдаты,
Что ты не баринъ, а холопъ;
Тебѣ приговорили лобъ!
Чтожъ дѣлать? Ты мечтами пылокъ!

Готовъ, но закричалъ: затылокъ
Пріемщикъ, ротный командиръ,
Опять гумъ, гумъ! ***андеръ маниръ***!

Комъ отръ фуа, казакъ ты вольный;
По крайней мѣрѣ тѣмъ довольный,
Что молвить можешь: ***же манъ ве***,
Но попадаешься вдовѣ,
Не слишкомъ старой и богатой,
А человѣкъ ты не женатой!
Скакнулъ бы въ свадебный ***навиръ***,
Анъ глядь.... гумъ, гумъ! ***андеръ маниръ***!

Вдова имѣетъ два процесса,
Любовника имѣетъ ***ньеса***
Любовникъ озорникъ, бретеръ,
А ты совсѣмъ не ***иматеръ***
Процессовъ, распрей и дуэлей.
Твои восторги охладѣли,
Ты говоришь: ***же ме ретиръ***!
Опять гумъ, гумъ! ***андеръ маниръ***!

Тутъ попадаешь въ ***омъ даферы***,
Въ прикащики и ***секретеры***,
Къ извѣстному ***мусье ле контъ***,
И свой ты тутъ находишь ***контъ***.
Онъ ***бонъ виванъ***, и не считаетъ,
Тебѣ все слѣпо довѣряетъ;
Ты у него, какъ въ ***маслѣ сыръ***,
Но вдругъ гумъ, гумъ!.... ***андеръ маниръ***!

Ле контъ обкушался и лопнулъ;
Наслѣдникъ на тебя притопнулъ;
„Давай ко, дескать, мнѣ отчетъ!“
Оно тебѣ не безъ хлопотъ.
Грозитъ тюрьма, грозятъ расправы,
А сундуки не безъ потравы;
Тебя повысосетъ вампиръ!
Небось гумъ, гумъ!.... *андеръ маниръ*!

Ты съ ревизоромъ помирился;
Бѣлѣе снѣга очутился;
Всѣ въ воду спрятаны концы,
И записался ты въ купцы;
Довольно выгодно торгуешь;
Даешь обѣды и пируешь;
Но вдругъ банкрутится банкиръ....
Опять гумъ, гумъ! *андеръ маниръ*!

По прежнему бѣднякъ съ сумою,
Ты въ бѣломъ свѣтѣ сиротою;
Тебя тоска, нужда гнететъ;
Но мысль подчасъ еше мелькнетъ,
Что у судьбы, быть можетъ, къ кассѣ
Еще есть стеклышко въ запасѣ!....
Авось, *иванъ ке де муриръ*,
Хоть разъ гумъ, гумъ!.... *андеръ маниръ*!

***

ВИДѢНІЕ.

Въ кусочекъ неба облачился
Россіи ангелъ, и слетѣлъ
Въ концертъ, гдѣ русскихъ рой толпился,
И гдѣ Итальи геній пѣлъ.
И я смотрѣлъ на то видѣнье,
На тотъ небесный, свѣтлый ликъ,
И чудное гремѣло пѣнье,
И взоромъ въ небо я проникъ.
Осуществилась мысль поэта,
Душа святыней обдалась.....
Но пѣснь чудесная допѣта,
И ангелъ вдругъ исчезъ изъ глазъ.
Такъ недосказанной умчалась
Святая тайна въ небеса,
Но ангела въ душѣ осталась
Залогомъ дивная краса.
Въ ней рая вижу обѣщанье,
Награду жизни скорбныхъ дней,
И благодать, и упованье
Теперь живутъ въ душѣ моей.

***

СКРИПКА.

Говорятъ, есть въ небѣ пери;
Это души здѣшнихъ Мери,

Лизъ, Катишей и Анетъ,
Что оставили нашъ свѣтъ,
Вѣкъ заботный не доживши,
Поблеснувъ и полюбивши
И отправясь въ небеса,
До зари! Тамъ ихъ краса
Все цвѣтетъ, не увядая;
Но она ужъ не земная.
Перелетъ ихъ въ міръ духовъ
Обращаетъ ихъ въ любовь,
Въ чувство чистое, святое,
Сонму ангеловъ родное,
Но еще съ нимъ не одно,—
Онѣ точно, какъ звѣно,
Міръ связуютъ съ небесами—
Ихъ любовью, ихъ мольбами,
Въ небѣ имъ земного жаль!
Часто одолѣть печаль
Пери не имѣютъ силы;
Хоры ангеловъ не милы
Въ небѣ ясномъ, голубомъ
Сожалѣютъ о земномъ,
И съ мечтою недоцвѣтшей,
Все о радости прошедшей
Сокрушаться ихъ удѣлъ.

Рай наскучилъ, надоѣлъ...
Какъ-то разъ одна изъ пери
Отпросилась,—изъ-за двери
Прыгъ, и въ свѣтъ явилась вновь;

И кларнетъ, и кадетъ
Говорятъ про обѣдъ.
И Французъ, и родня
Всѣ ругаютъ меня.
Ахъ! согласенъ и я,
И давно-бы пора,—
Но бѣда въъ томъ моя,
Что въ карманѣ дыра!
Mais pour tous
Нашъ Французъ
Предложилъ заплатить.
Je confesse,
Politesse,
Ихъ нельзя не хвалить!
А тутъ кстати пришлось,
Онъ, то есть, того-съ,
Безъ Француза бѣда,
Даромъ пыль да вода.
Ну теперь полакать,
Благо способы есть,
Новыхъ силъ понабрать,
По вкуснѣе поѣсть.

Гдѣ бъ найти,
Обрѣсти,
Намъ обѣдецъ *meilleur*
Лисабонъ
N'est pas bon
Miserable tracteur,
Portions trop petites,

Les poulets mal rotis
А *le beure*-то, *le beure!*
Что за вкусъ! *quelle odeur!*
Этотъ *Гербергъ—un trou,*
Весь набитый биткомъ,
И стоитъ на вѣтру,
И несетъ табакомъ.

Въ суетахъ,
Попыхахъ
Des garçons en chemise;
Бѣготня,
Толкотня,
И превялой *service,*
Мы едва черезъ часъ
Получили *du* квасъ,
Осетринки плохой,
Бутербротъ съ колбасой.
Тутъ компанья зоветъ,
Тутъ маркера кричатъ,
Онъ до насъ не дойдетъ
И пора въ маскарадъ!

Поднялись,
Понеслись,
Не доѣвши куска,
Черезъ садъ
Такъ спѣшатъ,
Что, ей Богу, тоска.
Я всѣ пятки отбилъ,
Не доѣлъ, не допилъ.

Но другіе бѣгутъ,
Дѣлать нечего тутъ!
Отъ чего, спроситъ свѣтъ,
Такъ спѣшитъ весь народъ?
Что ты скажешь въ отвѣтъ?
C'est la mode! C'est la mode!

*
* *

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

ВЕЧЕРЪ.

Мы спѣшимъ,
Мы бѣжимъ,
Къ маскараду бѣгомъ,
Здѣсь запретъ,
Хода нѣтъ!
Обойдите кругомъ!
Вотъ вошли наконецъ
Въ Петергофскій дворецъ,
Обтоптали носки,
И попали въ тиски.
Мнѣ толстякъ Генералъ
Наступилъ на мозоль;
Камергеръ затолкалъ,
Мочи нѣтъ, *ma parole,*
Мудрена
Мнѣ жена:
Такъ и лѣзетъ впредъ

L'imprudente.

Комендантъ
Всѣхъ назадъ такъ и жметъ;
Посмотрѣть *polonaise*,
Всякъ конечно *bien aise*,
Но зачѣмъ-же толкать?
Силы нѣтъ устоять.
Увлекаюсь толпой
Взадъ, впредъ, или въ бокъ,
Среди моря челнокъ.

Какъ помочь,
Мою дочь
Подцѣпилъ *un jeune homme*,
А Французъ,
Съ *mon epouse*
Что-то шепчетъ вдвоемъ.
Ну ужъ быть тутъ бѣдамъ!
Какъ *секурсъ* я подамъ?
Не пробьешься никакъ,
Вотъ я *dans les* дуракъ!
Ну ужъ праздникъ.... скажу!
Вдругъ раздался *un* крикъ.
Что такое? гляжу,
Анъ съ женой *hystérique!*

За водой,
Какъ шальной,
Я стремглавъ побѣжалъ,
Лишь пролѣзъ
Въ *polonaise*,

Какъ куръ во щи попалъ,
И въ него запряженъ.
Эстерическихъ женъ
Не могу не ругать.
Какъ своихъ мнѣ сыскать?
Обошли весь дворецъ;
Какъ вернулись назадъ,
Маскараду конецъ,
Всѣ отправились въ садъ!
Я бѣгу,
Какъ могу,
Къ *Mon plaisir*'у! къ Марли!
L'ampions
Миліонъ
По алеямъ зажгли,
Точно день, яркій свѣтъ,
А жены нѣтъ, какъ нѣтъ!
Гдѣ Французъ? гдѣ Кларнетъ?
Гдѣ племянникъ кадетъ?
Ихъ нигдѣ не видать.
Я вездѣ побывалъ,
Мочи нѣтъ продолжать,
Какъ собака усталъ!
Dieu merci
Par ici
Къ нимъ какъ разъ доберусь!
Нѣтъ! линейки катятъ,
Проходить не велятъ,
Ты ни взадъ ни впередъ!
Видитъ глазъ, зубъ нейметъ!

Нѣтъ линейкамъ конца,
Все ихъ тянется рядъ,
Потъ струится съ лица,
Ноги ужасть болятъ.
Проскакалъ,—
Испугалъ!—
Адъютантъ на конѣ:
Я назадъ,
Вдругъ летятъ
Плошекъ восемь ко мнѣ,
Какъ подался *comme ça,*
Знать, задѣлъ за лѣса.
Вѣдь я саломъ облитъ,
Какъ фонарщика видъ.
Хорошо жъ погулялъ!
Признаюсь, *on peut dire*,
Голодалъ и усталъ,
Ужъ *partie de plaisir!*
Promener
Sans diner
И съ потерею *même*;
Les мозоль
Ma parole,
Отдавили совсѣмъ;
Я на козлахъ торчалъ,
Въ Полонезѣ гулялъ,
Всѣхъ своихъ растерялъ,
И подъ соусъ попалъ.
Отъ чего, спроситъ свѣтъ,

Такъ я сунулся въ бродъ?
Что скажу я въ отвѣтъ?
C'est la mode! C'est la mode!

***

ФАНТАЗІЯ.

На мазурку Шопена, игранную Листомъ въ концертѣ 22 Апрѣля 1842 года.

—

Мазурку начали—я съ нею,
Я съ нею буду танцовать,
Я все ей высказать успѣю.
Пора, пора ей все узнать,
Я ей скажу, какъ я тоскую,
Какъ я страдаю, какъ ревную,
Какъ я влюбленъ, какъ плачу я!
Но вотъ она, бѣда моя!
При ней я все позабываю,
Любовно станъ ея роскошный обнимаю
И съ ней верчусь, и съ ней лечу,
Въ восторгѣ я!

Но нѣтъ, хочу
Ей высказать мои сомнѣнья;
Просить, хотя изъ сожалѣнья,
Всю мою жизнь не отравлять.

Но только вымолвилъ—и глядь
Она меня внезапно покидаетъ,

Съ другимъ идетъ, ему внимаетъ,
А я какъ вкопанный стою!
Тоску не выплакать мою
Рѣками слезъ.

О! какъ сердита,
Всѣхъ восхищаетъ, какъ харита,
А на меня и не глядитъ,
Ей нужды нѣтъ, что я убитъ.

Я одержу побѣду надъ собою,
Ей отомщу, пойду съ другою,
Пускай потужитъ и она.

Ахъ, какъ душа моя больна!
Какъ тяжело мнѣ, какъ мнѣ скучно!
Мазурка между тѣмъ такъ звучно,
Такъ весело, такъ сладостно гремитъ,
Всѣхъ оживляетъ, всѣхъ манитъ
Къ восторгу, къ радости безпечной,
Мнѣ одному тоски моей сердечной
Не одолѣть!....

Не одолѣть! ужель
Одна есть только въ жизни цѣль!
Я цѣлью оживлюсь другою!

Я въ небо унесусь парящею мечтою;
Тамъ сонмы ангеловъ, тамъ перій дивный рой;
Онѣ мнѣ возвратятъ и радость и покой;
Тамъ отдохнетъ душа моя больная.

Побѣдной пѣснѣ ихъ я мысленно внимая,
Отъ всѣхъ земныхъ тревогъ на вѣки откажусь;
Въ пустыню мрачную отъ свѣта удалюсь,
Какъ труженикъ, вздымая къ небу руки!

Безсмысленный! опять мазурки звуки,
Опять она порхнула предо мной,
И я опять порабощенъ душой.

Но что я вижу? вотъ подходитъ!
И на меня съ улыбкой взоръ наводитъ,
Меня зоветъ, меня манитъ,
Со мною ласково, привѣтно говоритъ.

Спасибо, ангелъ мой прелестный!
Спасибо.... радости небесной
Ты долю мнѣ въ сей жизни подала:
Какъ хороша ты, какъ мила,
Мнѣ болѣе уже не тяжело, не скучно.

Мазурка сладостно и звучно,
И весело, и радостно гремитъ,
Со мной красавица летитъ,
На крыльяхъ радости душа моя стремится.

Но долго ли мазурка продолжится?

***

ИСТОЛКОВАНІЕ ЛЮБВИ.

—

Что есть любовь?
Спросилъ меня Петровъ,

Мой дворникъ, стражъ, блюститель дома.
Любовь мнѣ какъ-то незнакома.
Неправда, врешь дуракъ,
Ты только говоришь не такъ;
Любовь есть то, къ чему душа стремится,
Любовь есть то, чѣмъ сердце веселится,
И безъ чего прожить намъ мудрено!
А, понялъ я: любовь есть пѣнное вино!

* *
*

МОГИЛА и РОЗА.

Изъ Виктора Гюго.

—

Одинокая могила
Съ розой въ полѣ говорила:
Ты куда дѣваешь всѣ
Слезы неба при росѣ?
Ты сама куда дѣваешь
Все, что жадно поглощаешь
Съ свѣта съ каждою зарей?
Роза возразила ей:
Слезы неба я сбираю,
Въ ароматъ ихъ превращаю
И молитвой въ небо лью....
Я жъ, отвѣтила могила:
Изъ всего, что поглотила,
Небу ангеловъ даю.

*
* *

СМЕРТЬ СОЛДАТА.

Изъ Уланда.

—

Товарищъ былъ мнѣ добрый...
Не сыщется такой,
Какъ застучатъ тревогу,
Со мной бывало въ ногу—
Идетъ товарищъ мой!

Разъ засвистѣла пуля,
Его ль, меня ль сразитъ;
Его она задѣла,
Какъ моего часть тѣла,
У ногъ моихъ лежитъ.

Еще даетъ мнѣ руку,
Нельзя; зарядъ другой
Въ ружье кладу рукою—
Покойся, миръ съ тобою,
Товарищъ добрый мой!

***

НА СМЕРТЬ ПѢВИЦЫ МАЛИБРАНЪ.

—

Зачѣмъ не вѣчны,
Но скоротечны
Блескъ и краса.
Въ гробу пѣвица

Пѣнья царица.
О чудеса!
Пери слетѣла,
Пѣсню пропѣла,
И отлетѣла
На небеса!

***

БРАЧНАЯ ДЕЛИКАТНОСТЬ.

—

Одинъ чувствительный священникъ
Сказалъ почтенной попадьѣ:
Тебя узнавъ, я сталъ твой плѣнникъ,
Свободѣ я сказалъ *адье*.
И я съ свободою разсталась,
Въ отвѣтъ сказала попадья:
Съ тобой какъ только обвѣнчалась,
Рабыня стала я твоя!

***

НЕПРІЯТНЫЙ СОСѢДЪ.

—

Къ Шевалдышеву изъ Тамбова
Въ гостинницу пріѣхалъ господинъ,
И нумеръ занялъ онъ одинъ.
Спросилъ поѣсть того, другаго,

И цѣлый день въ квартирѣ просидѣлъ,
Но только страхъ, какъ надоѣлъ,
Ему сосѣдъ чрезмѣрно чистоплотной,
Притомъ натуры премокротной;
То харкалъ, кашлялъ и плевалъ,
То ротъ и горло полоскалъ,
То воду лилъ, то умывался.
Съ досады онъ съ гостинницей разстался,
Его жъ сосѣдъ, узнать намъ довелось
Былъ Англичанинъ Ватерклосъ.

***

ЛУННАЯ НОЧЬ.

—

Какъ сладость я люблю осенней лунной ночи,
Какъ мнѣ при ней всегда отрадно и легко,
Какъ уношусь всегда мечтами далеко,
Когда мои луну встрѣчаютъ очи!
Какъ для меня краснорѣчивъ
Ея таинственный отливъ,
Когда онъ свѣтлою и длинной полосою
Лежитъ надъ спящею водою
И листія деревъ какъ будто серебритъ;
Въ моей душѣ всегда такъ сильно загоритъ
Любовь къ высокому и вѣра въ провидѣнье
И изчезаютъ въ мигъ и робость, и сомнѣнье,
Какою, мнится мнѣ, могучею рукою,
Великолѣпный тотъ устроился покой,

Который вкругъ меня объемлетъ всѣ предметы.
Гдѣ бури свѣтскія, гдѣ козни, гдѣ навѣты,
Все улеглось, и въ небѣ голубомъ,
Одна торжественнымъ сіяющимъ щитомъ
Луна побѣдная гуляетъ,
Душа воспрянетъ, оживетъ,
Я забываю, что я старъ,
Что унялся давно страстей моихъ пожаръ.
И что, какъ гость въ бесѣдѣ запоздалый,
Всѣ жизни прелести давно уже пропали.
Я оттолкнулъ сосудъ, допивъ его до дна.
Воспоминаньями волшебница луна
Мою всю душу наполняетъ
И дума тайная, привычная встрѣчаетъ
Опять друзей моихъ минувшихъ лѣтъ,
Друзей, которыхъ здѣсь давно со мною нѣтъ.
Взоръ устремляется въ густыя рощи сѣни,
И въ отблескахъ луны мнѣ ихъ мелькаютъ тѣни,
И ты, мой братъ, мой вѣрный, лучшій другъ,
Котораго сразилъ такъ рано злой недугъ,
И ты опять бесѣдуешь со мною.
Все вѣетъ мнѣ святой, завѣтной стариною,
И дружба прежняя, и прежняя любовь,
И вы красавицы, и вы со мною вновь,
Разгульной юности прелестныя подруги,
Забавы рѣзвыя, счастливые досуги
Вы раздѣляете по прежнему со мной,
Вы разцвѣтаете утѣшною весной
Цвѣты уже давно запаханной долины,
Восторга юнаго счастливыя картины,

Какой-то радостью всѣ чувства обдаютъ,
И дышетъ ароматъ, и соловьи поютъ,
И вы слова любви мнѣ шепчете украдкой;
Но для меня теперь еще загадкой,
Любимъ я былъ или смѣялись вы;
Довѣрчивость моя, мечтательность увы!
Неизцѣлимые души моей недуги,
Все тѣ жъ еще и юныя подруги
Заката дней моихъ смѣются надо мной,
Когда съ отцвѣтшею, съ отжившею душой
Въ восторгѣ юности, я ихъ рѣчамъ внимаю,
Или огнемъ любви внезапно запылаю,
Или, стряхнувъ съ себя все бремя непогодъ,
Вмѣшаюсь иногда въ ихъ рѣзвый хороводъ,
Но ихъ забавы мнѣ, какъ отклики былаго,
Какъ эхо дальнее мнѣ сказаннаго слова,
Когда еще не при одной лунѣ,
А на яву все улыбалось мнѣ
И если бы въ душѣ читать моей умѣли,
То не смѣялись бы, а вѣрно пожалѣли!

***

ВИДѢНІЕ.

Въ гостинницѣ Шевалдышева.

—

У Шевалдышева что то
Ночью я заснуть не могъ.

Иль мечта, или забота,
А, быть можетъ, и отъ блохъ.
Какъ ни силился, ни бился,
Убѣдясь, что не засну;
Я халатъ надѣть рѣшился,
Трубку взялъ, и сѣлъ къ окну.

Тутъ мнѣ видно задремалось;
Я глаза вперилъ на дворъ,
И мнѣ точно показалось,
Будто слышу разговоръ—
На дворѣ передо мною,
Все повозки, цѣлый рядъ;
И онѣ между собою,
Точно будто говорятъ.

Между ними, въ ихъ компаньи,
Какъ бываетъ и у насъ,
Старшій по лѣтамъ, и въ званьи,
Былъ зеленый тарантасъ.
Онъ изъ города Сызрани
Притащилъ откупщика;
И поставленъ былъ на сани,
Только на зиму пока....

Но немножко покривился,
Прибоченясь на дугу,
Онъ къ повозкамъ обратился:
Я совѣтъ вамъ дать могу,
Изъ бездѣлья для науки,
И пока нашъ дворъ затихъ,

Потолкуемъ-ка отъ скуки
Мы о господахъ своихъ.

Ты, покрытая рогожей,
Кто хозяинъ твой?—Купецъ,
Бѣлобрысый, краснорожій,
Разбитной ужъ удалецъ;
Мы съ нимъ вѣчно разъѣзжаемъ,
Не пропустимъ имянинъ;
Говорятъ, что мы гуляемъ;
Но гуляетъ онъ одинъ.
А я бѣдная тащуся,
Только онъ куда велитъ;
По ухабамъ колыхнуся,
И отводъ ужъ мой отбитъ.

Съ поотшибленной запяткой,
Кибитченка тутъ стоитъ.
Баринъ занятъ мой девяткой,
Кибитченка говоритъ:
Кое какъ перебивался
Мой покуда банкометъ,
Но до нитки проигрался,
И меня онъ продаетъ.

Тутъ кибитка откидная
Говоритъ: привезена
Мною толстая, больная,
Городничаго жена.
Ни ломоты, ни припадки,
И ни жаръ ее гнетутъ;

Но супругъ ея за взятки,
Говорятъ, попалъ подъ судъ.
Судьи иногда суровы;
Средствами Москва полна;
Здѣсь останутся здоровы
И шкатулка, и она.

Тутъ повозка на колесахъ
Говоритъ: уже весной
Я примчалась, о процесахъ
Баринъ, молъ, хлопочетъ мой,
Обо мнѣ, что всякій скажетъ,
Видя участь здѣсь мою,
Баринъ мой все мажетъ, мажетъ,
А я всё-таки стою.

Я такъ притащилъ поэта,
Тутъ заговорилъ возокъ;
Но останусь здѣсь до лѣта;
Баринъ сердцемъ занемогъ,
Онъ увидѣлъ здѣсь графиню,
Мысль его цвѣтущихъ дней,
Матушки Москвы богиню,
И останется при ней.

Тутъ разсѣялось видѣнье....
Мой возокъ ужъ запряженъ
И въ Симбирское имѣнье
Я дѣлами увлеченъ.
Но оставить мнѣ графиню,
Мысль моихъ бывалыхъ лѣтъ,

Матушки Москвы богиню,
Грустно, право мочи нѣтъ!

*
* *

СКУЧНО.

Дума.

—

Лѣсъ дремучій, лѣсъ угрюмый,
Пожелтѣлые листы,
Неразгаданныя думы,
Обманувшія мечты!

Солнце жизни закатилось,
Все прекрасное прошло,
Все завяло, измѣнилось,
Помертвѣло, отцвѣло.

Все состарилось со мною;
Конченъ мой разгульный пиръ;
Охладѣвшею душою
Я смотрю на свѣтлый міръ.

Міръ меня не разумѣетъ,
Міръ мнѣ сдѣлался чужой,
Не приманитъ, не согрѣетъ
Ни улыбкой, ни слезой!

То ли въ старину бывало!
Какъ любилъ я свѣтлый міръ!

Опытъ сдернулъ покрывало....
И разбился мой кумиръ.

Какъ ненастье, завыванье
Ворона въ душѣ моей....
Но есть тоже соловей
Сладкозвучный—упованье!

***

СОЛОВЕЙ.

—

Сладкозвучный соловей,
Говори душѣ моей,
Пой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней,
Сладкозвучный соловей!

Какъ я любовался ей,
Безъ заботы, безъ затѣй
Въ свѣтлой юности моей,
Сладкозвучный соловей!

Вѣрилъ я словамъ друзей,
Вѣрилъ добротѣ людей,
Пѣсней радуясь твоей,
Сладкозвучный соловей!

Пѣснь твоя въ тиши ночей,
Нынче стала мнѣ грустнѣй;
Спой мнѣ пѣснь бывалыхъ дней
Сладкозвучный соловей!

***

ВОСТОРГЪ.

—

Настоечка тройная,
Настоечка травная,
Изъ зельи составная,
Удивительная.
Въ присядку при народѣ
Тряхнулъ бы въ хороводѣ
. . . .
. . . .

***

КН. А. ЛОБ.

—

Какъ ты поешь, какъ ты поешь,
Какую сладость въ душу льешь,
Какъ жизни путь тобой свѣтлѣетъ,
Душа какъ небо разумѣетъ.
Ей хочется летѣть туда,
Гдѣ ясно такъ горитъ звѣзда,
Гдѣ сонмы ангеловъ ликуютъ,
Гдѣ не страдаютъ, не тоскуютъ,
Но гдѣ всѣ любятъ, всѣ поютъ,
Гдѣ вѣчной юностью цвѣтутъ,
Всѣ чувства, мысли, осязанья,
Гдѣ всѣ сбываются желанья.
Но ты сама такъ хороша....

Въ недоумѣніи душа
Летѣть ли ей или остаться,
Чтобы тобою любоваться.
Ты запоешь—здѣсь благодать,
Такъ что жъ и въ небо улетать!

***

БОЛЬНОЙ ДѢВИЦѢ.

—

Въ твои младенческіе годы
Тебя настигли непогоды,
И вѣтры буйные твой нѣжный стебелекъ
Погнули, молодой цвѣтокъ.
Но для тебя погода прояснится,
Твой стебелекъ окрѣпнетъ и спрямится
И будешь ты еще въ долинѣ расцвѣтать,
И будешь ты еще собою восхищать
Родителей твоихъ, и твоего поэта.
Тебя ждутъ радости, пиры большаго свѣта,
Тебя обступитъ рой красавцевъ молодыхъ,
И одного ты выберешь изъ нихъ,
И въ полнотѣ души его любить ты будешь.
Но твоего поэта ты забудешь,
А онъ бѣднякъ, онъ, можетъ быть, вздохнетъ,
Когда тебя къ вѣнцу счастливецъ поведетъ,
Тогда впервые постигая,
Что ты не ангелъ, а земная!

***

МОЛИТВА.

Рубини.

—

Какое пѣнье неземное,
Онъ къ Богородицѣ излилъ,
Все сокровенное, святое
Души онъ имъ изобразилъ.
Какая вѣра въ Провидѣнье,
Сознанье немощи своей:
Любовь, надежда, сокрушенье.
Мать Искупителя людей
Всѣ скорби жизни испытала,
Ихъ всѣ извѣдала душой.
Она, казалось мнѣ, внушала
Сама глаголъ ему родной.
И весь я въ небо устремился,
Я благодати достигалъ,
Какъ вдругъ пѣвецъ остановился,
И голосъ дивный замолчалъ.
Зачѣмъ, подумалъ я, такъ мало
Намъ было суждено внимать,
На мигъ намъ небо просіяло,
И отуманилось опять!
Затѣмъ, чтобъ мы не забывали,
Что все на мигъ намъ здѣсь цвѣтетъ,
И чтобъ сильнѣй туда желали,
Куда насъ пѣснь его зоветъ!

*
* *

ЕЙ.

—

Залетное, небесное видѣнье,
Дай вѣсточку о родинѣ твоей,
На долго ль ты разсталось съ ней,
Твое на долго ль посѣщенье?

Отъ сердца горе отлегло,
Я вдругъ помолодѣлъ душою,
Мнѣ стало такъ легко, свѣтло,
Когда я встрѣтился съ тобою.

Скажи, тамъ въ синихъ небесахъ,
Знакома ль ты съ моей звѣздою?
Она въ сіяющихъ звѣздахъ
Свѣтлѣе всѣхъ—сходна съ тобою!

Какъ ты среди земныхъ утѣхъ,
Среди пировъ земного міра,
Свѣтлѣй, милѣй, виднѣе всѣхъ,
Такъ и она среди эфира.

Какъ ты чудесна, хороша
Моя звѣзда, одно съ тобою:
Вся заливается душа
При васъ любовью и тоскою.

Какъ стану я на васъ смотрѣть,
Мой взоръ не можетъ отдѣлиться,
И плакать хочется, и пѣть,
И Богу хочется молиться.

Твой взглядъ, какъ дивный съ неба лучъ,
Вливаетъ въ душу упоенье,
Среди туманной жизни тучъ,
Мнѣ говоритъ, какъ откровенье.

Какъ шестикрылый серафимъ,
Какъ непорочный житель рая,
Ты улыбаешься моимъ
Стихамъ, безсмыслицамъ внимая.

Я позабылъ про небеса,
Ужъ въ нихъ очей не устремляю,
Твоя мнѣ свѣтитъ здѣсь краса,
И Бога я благословляю!

Но отъ чего жъ плѣнился я,
Такъ страстно, свѣтлый небожитель,
Скажи, не ты ль, звѣзда моя,
Не ты ли ангелъ мой хранитель?

***

A M^lle ЛЮБОВЬ.

—

Не безъ намѣренья тебя,
Любовью люди окрестили,
И жизнь ты проживешь любя,
Все то, что люди полюбили.

И шумный свѣтъ, и пышный балъ,
Которыхъ будешь ты красою,

И рощей тѣнь, и водъ кристалъ
Съ очаровательной луною.

Весну роскошную, цвѣты
И завыванье непогоды,
Поэзью, думы и мечты
И дѣвъ веселыхъ хороводы.

И средь поклонниковъ твоихъ
Ты страстно одного полюбишь;
Онъ будетъ счастливъ.... но другихъ
За то какъ много ты погубишь!

*
* *

ВОСКРЕСЕНІЕ ЛАЗАРЯ.

—

Четверодневенъ Лазарь былъ,
Холоднымъ саваномъ обвитый,
Тяжелымъ каменемъ накрытый,
Когда его Спаситель воскресилъ.
И слова одного довлѣло,
Чтобъ огнь и жизни, и любви
Опять зажегъ въ его крови,
Уже на вѣкъ оледенѣлой.

Подобно Лазарю обвитъ
И я житейской пеленою,
Тяжелой суетой земною,
Какъ будто каменемъ накрытъ,

Но изрѣки Спаситель слово,
Но снизойди святая благодать—
И я душой воспряну снова,
Я вѣрой озарюсь опять.

Улягутся земныя бури,
Туманъ страстей исчезнетъ вдругъ,
И свѣтлою звѣздой въ лазури
Небесъ мой засіяетъ духъ;
Я въ вожделѣнную стихію
Душой свободной погружусь,
И, преклонивъ колѣна, выю,
Я съ сокрушеньемъ помолюсь,
Передъ владыкою творенья,
Виновникомъ всѣхъ бытія,
Яко кадило всесожженья,
Исправится мольба моя.

Но ихъ достоинъ ли я, грѣшный.
Чтобы меня Спаситель посѣтилъ?
Нѣтъ прелестямъ юдоли здѣшней,
Себя я слишкомъ посвятилъ.
Земной любви, земной отрадѣ,
Я слишкомъ жертвовалъ душой,
И далъ угаснуть я лампадѣ,
Въ которой былъ огонь святой.

Какъ мытаря, мое воззванье,
Ты не отринь, прими Господь,
Ты возврати мнѣ execute упованье
И усмири земную плоть,

Не вѣрю, моему сомнѣнью
Ты благодатно помози,
И для меня надъ обольщеньемъ
Твой крестъ побѣдный водрузи!

***

НЕЙНДОРФСКАЯ НОЧЬ.

Петербургскимъ друзьямъ.

—

Ужъ солнце скрылось за горою,
Ужъ затѣнился день вечернею зарею,
И понемногу ночь настлала свой покровъ
На засыпающій Нейдорфъ,
И небо ясное усѣялось звѣздами;
Тутъ мнѣ повѣяло мечтами
О сторонѣ моей родной.

Какъ часто, тамъ, въ тиши ночной
Тѣ жъ звѣзды для меня сіяли,
И сердцу сладостно вѣщали
О чемъ-то лучшемъ, не земномъ,
И думы рѣзвыя летали,
Въ ихъ хороводѣ золотомъ,
И сердцу милый отчій домъ
Ихъ покровительству ввѣряли.
Я какъ-то лучше былъ душой,
Глядя на ихъ волшебный строй;
Но вы тогда со мной бывали,

И звѣзды—вмѣстѣ намъ сіяли.
Родные сердцу, и друзья,
И васъ сливала мысль моя!
Теперь я здѣсь одинъ скитаюсь,
Одинъ на звѣзды я гляжу;
Но васъ опять я нахожу—
Въ звѣздахъ я съ вами съединяюсь,
Мнѣ свѣтитъ въ нихъ вашъ добрый взглядъ,
Онѣ—о васъ мнѣ говорятъ.

—

О, сердцу родные!
На звѣзды златыя
Взгляните порой,
Вамъ также сіяетъ
И васъ осѣняетъ
Ихъ хоръ неземной!
Два слова скажите,
Поклонъ мнѣ пошлите,
Они долетятъ!—
Онѣ заблестятъ!—
Въ ихъ свѣтломъ сіяньи,
Въ душевномъ свиданьи
Мы мигъ проведемъ,
И съ новою силой
Разлуки унылой
Тоску понесемъ.

*
* *

УНЫНІЕ.

Куда удалились,
Дни счастья? васъ нѣтъ!
Куда вы сокрылись?
Ахъ, дайте отвѣтъ!
Куда васъ влечетъ
Надежда съ собою?
Тоска лишь со мною,
И сердцу съ тоскою
Постылъ бѣлый свѣтъ!

И солнце не мило,
Не милъ вѣтерокъ:
Печально, уныло
Журчитъ ручеекъ.
Какъ осень листокъ
Съ кусточка срываетъ,
Листокъ увядаетъ—
Тожъ съ сердцемъ бываетъ,
Когда злобенъ рокъ.

Напрасны забавы,
Не могутъ прельстить;
Напрасно путь славы
Желаютъ открыть:
Все будетъ тужить
Оставленный милой.
Какой можно силой
Свѣтъ сердцу постылый
Еще оживить?

Но развѣ подруга
Одна, скажутъ мнѣ:
Ты выбери друга
По сердцу себѣ.—
Ихъ много! Но гдѣ
Другого найдете?
Для сердца на свѣтѣ
Въ одномъ лишь предметѣ
Сокровища всѣ.

Его потеряешь—
Тогда цѣлый свѣтъ
Пустыней считаешь:
Отрады въ немъ нѣтъ,
Увялъ жизни цвѣтъ.
Ахъ то же со мною!
Одинъ я съ тоскою,
И душу къ покою
Могила зоветъ.

*
* *

АРТАМОНЫЧЪ.

—

Не ходите вы, дѣвицы,
Поздно въ нижній садъ гулять!
Тамъ такія небылицы,
Что и слухомъ не слыхать!
Въ рощѣ, межъ двумя прудами

Видѣнъ домикъ, вы туда
Не ходите; право, съ вами
Можетъ встрѣтиться бѣда!

Артамонычъ, въ часъ полночи,
Часто ходитъ въ тѣхъ мѣстахъ;
Какъ огонь сверкаютъ очи,
Блѣдность смерти на щекахъ;
Грозно машетъ онъ руками,
Въ бѣломъ саванѣ обвитъ;
Страшно щелкаетъ зубами,
Зорко, пристально глядитъ.

Стонъ невнятный произноситъ,
Будто вѣтра дикій вой,
И чего-то точно проситъ
Этотъ голосъ гробовой.
Грѣшный духъ его терзаетъ
Несносимая тоска,
И съ собою онъ таскаетъ
Два зеленые бруска.

Артамоныча могила
Подъ горой въ погостѣ тамъ;
Буря крестъ съ нее сломила:
Крестъ разбился по кускамъ;
Долго на землѣ лежали
Всѣ обломки; но зимой
Ихъ мальчишки растаскали,
Кто играть, а кто домой.

Но вокругъ могилы срыты
Кучи мокраго песка —
И на нихъ лежатъ забыты
Два зеленые бруска;
Ихъ-то вѣрно все и носитъ
Посѣтитель этихъ мѣстъ,
И людей онъ добрыхъ проситъ
Починить могильный крестъ.

***

ОСЕНЬ.

—

Когда леденѣетъ
Сребристый потокъ,
Когда пожелтѣетъ
Увядшій листокъ,
Когда умолкаетъ
Въ лѣсахъ соловей:
Душа унываетъ
И тягостно ей.

Ахъ! также и младость
Поблекнетъ, пройдетъ;
Веселіе, радость
Съ собой увлечетъ!
Душа охладѣетъ
Къ привѣтамъ друзей,
И время развѣетъ
Мечту юныхъ дней.

Но снова весною
Листку зеленѣть,—
И съ прежней игрою
Потоку шумѣть,
И вновь филомелѣ
Въ лѣсахъ воспѣвать;
Но прежнихъ веселій
Ужъ сердцу не знать;

Душа, увядая,
На вѣкъ отцвѣтетъ,
И юность златая
Опять не придетъ;
Такъ осень невольно
Заставитъ вздохнуть,
Счастливому больно
Впередъ заглянуть.

***

ЛУНА.

—

Когда волшебная луна
На небѣ голубомъ сіяетъ,
И полуспящая волна
Ея мерцанье отражаетъ;
Когда въ тиши ночной зефиръ
Колеблетъ листія порою:
Душа весь наполняетъ міръ
Своей любимою мечтою.

Не радость въ ней и не печаль;
Но. съ будущимъ минувшее сливая,
Она глядитъ въ туманну даль,
Воображенію внимая....
Оно рисуетъ передъ ней,
Все, что сбылось, что измѣнило,
И что въ печальной жизни сей
Еще бы сердце веселило.

Друзей минувшихъ, юныхъ лѣтъ,
И отчій домъ, поля родныя,
И тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Но въ сердцѣ все еще живые;
А горькій опыта урокъ,
Что дважды младость не бываетъ,
Что счастію положенъ срокъ—
Душа въ раздумьѣ забываетъ.

Но долго ли обольщена
Она любимою мечтою?
Зайдетъ за облако луна
И увлечетъ мечту съ собою:
И жизни одинокій путь
Еще грустнѣй, мрачнѣй предстанетъ,
И мысль одна: куда нибудь,
Авось, еще луна проглянетъ!

*
* *

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ВЫСКАЗКА.

—

Тараканъ
Какъ въ стаканъ
Попадетъ—
Пропадетъ;
На стекло,
Тяжело,
Не всползетъ.

Такъ и я:
Жизнь моя
Отцвѣла,
Отбыла;
Я плѣненъ,
Я влюбленъ,
Но въ кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока силъ
Не лишилъ
Меня Богъ;
Но чтобъ могъ
Разлюбить,
Позабыть,
Никогда;
На всегда
Я съ тоской,

Грусти злой
Не бѣгу;
Не могу
Убѣжать,
Перестать
Я любить—
Буду жить
И тужить.

Тараканъ,
Какъ въ стаканъ
Попадетъ—
Пропадетъ;
На стекло,
Тяжело,
Не всползетъ.

***

КЪ МОРЮ.

—

Зачѣмъ привѣтливой волною
Меня зовешь ты въ области мечты?
О море синее! со мною
Зачѣмъ не постарѣло ты?

Зачѣмъ еще душѣ родныя
Твой бурный ревъ и тишина?
Зачѣмъ опять мечты былыя,
Когда сребритъ тебя луна?

Зачѣмъ отвага молодая
Живетъ опять въ душѣ моей,
Когда мой парусъ расправляя,
Плыву по влагѣ я твоей?

Зачѣмъ, по прежнему, игрою
Твоихъ непостоянныхъ волнъ,
Давно знакомый съ тишиною
Мой мирный, престарѣлый челнъ?

Мой жизни челнъ давно у брега,
Давно ужъ положенъ предѣлъ
Его затѣйливаго бѣга,
И я давно ужъ посѣдѣлъ.

Воображеніе—вѣтрило
Дней юныхъ сердца моего
Уже давно мнѣ отслужило
И опытъ разорвалъ его.

Давно простился я съ весною;
Исчезли юныя мечты!
О море синее! со мною
Зачѣмъ не постарѣло ты?

*
* *

ПЛАЧЪ ДИТЯТИ.

—

Я не люблю, когда дитя тоскуетъ
И плачетъ.... мнѣ оно жалчѣй всего:

Дитя печаль свою ни какъ не растолкуетъ
И горе, кто пойметъ его!

Вокругъ его, куда бъ ни поглядѣли,
Все улыбается, во всемъ ему привѣтъ;
Любовь сама его лелѣетъ въ колыбели,
И для него еще печалей нѣтъ.

Оно груститъ, оно рыдаетъ;
Его ничѣмъ нельзя унять,
И за него моя душа страдаетъ,
И я тоску его стараюсь разгадать.

Быть можетъ, вѣщій гласъ душевный
Ему о будущемъ сказалъ,
И хоть на мигъ сей міръ волшебный
Разоблачилъ и указалъ,—

И зритъ оно: обманъ, разсчеты,
Гдѣ дружбы свѣтъ ему сіялъ;
Уныніе, тоску, заботы,
Гдѣ мнился радостей фіялъ.

Быть можетъ, подавая руки
Родимой, зритъ оно душой
Жестокій съ нею часъ разлуки,
Себя же въ мірѣ сиротой;

И свѣтлый міръ предъ нимъ темнѣетъ,
Отрады въ немъ оно не ждетъ;
Но мать его не разумѣетъ
И пѣснь веселую поетъ.

Я не страшусь тоски, когда душою
Могу ее душѣ родной пересказать,
Отрадно мнѣ, когда грустятъ со мною,
Когда меня умѣютъ понимать.

Но ежели меня забавой развлекаютъ
И оторвать хотятъ отъ горести моей:
Мнѣ мнится, что мое родное отнимаютъ
И сердцу моему гораздо тяжелѣй!

***

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА.

—

Семь звѣздъ сіяетъ въ небѣ ясномъ
Всегда отдѣльно отъ другихъ,
И въ ихъ строю волшебномъ и согласномъ
Мой взоръ всегда находитъ ихъ.

И каждый вечеръ ихъ явленье,
Ихъ тихій, постоянный свѣтъ
Въ печали сердцу утѣшенье
И лучшій въ радости привѣтъ.

Онѣ душѣ моей знакомы:
На нихъ смотрѣть я прихожу,
Когда, мечтой крылатою влекомый,
Въ раздумьи сладость нахожу.

Стремясь къ высокому открытою стезею,
Въ надеждахъ часто я встрѣчаю недочетъ.

Обманъ и зло, и грустно мнѣ душею;
Но посмотрю на нихъ, и грусть моя пройдетъ.

Когда жъ бываю я свидѣтель,
Что иногда среди людей
Есть и любовь и добродѣтель,
На звѣзды посмотрю—и сердцу веселѣй!

Гляжу на нихъ, когда дорогой дальной
Вечерней ѣду я порой—
И мыслью быстрой и печальной
Переношусь къ себѣ, домой.

И вижу въ нихъ все, что душою
Своимъ я въ мірѣ семъ назвалъ,
Все, что люблю, что щедрою рукою
Мнѣ Богъ здѣсь въ утѣшенье далъ!

И мнѣ отрадны звѣзды эти,
Умѣлъ я каждой имя дать:
Вотъ тутъ жена, отчизна, дѣти
И жизни мирной благодать,
Тутъ двѣ сестры, а это мать.

О мать! о существо святое!
Другъ первый съ самыхъ юныхъ лѣтъ!
Мнѣ провидѣніе земное
И пристань лучшая отъ бѣдъ.

О сестры, юности веселой
Подруги вѣрныя! приду
Я къ вамъ и старой, посѣдѣлой,
И васъ такими же найду.

О ты, жена! о другъ безцѣнный!
Кѣмъ жизнь я вполнотѣ позналъ
И полюбилъ, кѣмъ вдохновенный,
Я сердцемъ счастье воспѣвалъ.

Отчизна! коей процвѣтанье,
Величье, слава, честь моей
Души есть первое желанье,
И цѣль, и подвигъ жизни всей!

О дѣти! вы надежда, радость,
Моей души, и мой вѣнецъ,
Мое богатство, жизни сладость,
И вами счастливъ вашъ отецъ!

Звѣзда моей же жизни мирной
Подъ часъ бываетъ не видна;
Смотрю я тщетно въ сводъ эфирной—
Отъ глазъ скрывается она.

Она скрывается въ то время,
Когда мнѣ слишкомъ тяжело,
Когда заботъ. печалей бремя
На сердце крѣпко налегло.

Когда жъ заботы миновали,
Когда могу родныхъ обнять
И съ ними позабыть печали:
Она является опять.

Въ семи звѣздахъ я заключаю
Все то, что назвалъ я своимъ;

Душой Творца благословляю
И преклоняюсь передъ нимъ.

Роптать на горести не смѣю,
Имѣя въ мірѣ столько благъ;
Предъ Божествомъ благоговѣю
И чту его въ семи звѣздахъ!

Онѣ душѣ напоминаютъ,
Сколь для меня украшенъ свѣтъ,
Въ печаляхъ сердце утѣшаютъ
И въ радостяхъ ему привѣтъ.

***

ЛАСТОЧКА.

—

„Куда ты, ласточка, постой!
Зачѣмъ насъ оставляешь?
Куда, скажи, такъ быстро свой
Полетъ ты направляешь?“

„Лечу туда, гдѣ нѣтъ зимы,
Гдѣ бурей нѣтъ, гдѣ все прекрасно,
Куда всегда стремимся мы;
Туда, гдѣ небо вѣчно ясно.“

„Уже ль въ нерадостной судьбѣ
Твои у насъ дни проходили?
Иль здѣсь соскучилось тебѣ?
Или тебя здѣсь не любили?“

„Нѣтъ, здѣсь я счастлива была,
Судьба меня не тяготила,
Рѣзвилась, пѣла и жила,
Была любима и любила.“

„Зачѣмъ же улетаешь въ даль,
Здѣсь и поля тебѣ родныя;
Уже ль гнѣзда тебѣ не жаль
Гдѣ полюбила ты впервые?“

„Ахъ! нѣтъ, мнѣ очень жаль гнѣзда:
Мнѣ жаль всего, что оставляю;
Но я у васъ не навсегда,
А тамъ я вѣчно обитаю.“

„Уже ли родина не тамъ,
Гдѣ сердце любитъ, гдѣ все мило?
Зачѣмъ искать другую намъ,
Когда и здѣсь все веселило?“

„Нѣтъ, родина не тамъ для насъ,
Гдѣ все измѣнно, скоротечно,
Гдѣ горькій есть разлуки часъ,
Но тамъ гдѣ счастье наше вѣчно!“

„Но гдѣ же край блаженный тотъ,
Гдѣ нѣтъ разлуки, нѣтъ печали?
Гдѣ радость вѣчная живетъ
И гдѣ бъ измѣны не бывали?“

„Ты душу вопроси свою:
Она нерѣдко улетала

Туда мечтой, и въ томъ краю
Земное все позабывала:“

„Уже ль могла и то забыть,
Чѣмъ въ жизни сей такъ дорожила?
Душа должна бъ всегда любить,
Когда однажды полюбила!“

„О, нѣтъ! любовь всегда при ней,
Но не зови любовь земною:
Она даръ неба въ жизни сей,
И не разлучная съ душою!“

„Что мило здѣсь, то мило тамъ!
Туда летятъ родные звуки.
О, какъ же грустно будетъ намъ,
И какъ сносить тоску разлуки!“

„Тамъ озаритъ насъ новый свѣтъ,
Душа разлуки тамъ не знаетъ,
И съ ней земной любви предметъ
Любовь другая съединяетъ.“

***

СВАДЕБНЫЙ ПОѢЗДЪ КОЛОНИСТОВЪ.

—

Каспаръ женится съ Лизетомъ,
Колонисты поднялись,
Кто со скрипкой, кто съ кларнетомъ,
Всѣ въ дорогу собрались.

Въ первую телегу сѣли
Музыканты всѣ гурьбой
И въ минуту загремѣли
Либеръ-Августинъ родной.

Кто изъ нихъ не умѣстился,
Тотъ пѣшкомъ направя бѣгъ,
За телегою пустился,
И гудитъ: *Аллесъ истъ векъ!*—

Сзади ѣдетъ мужъ съ женою,
Въ ста телегахъ брачный балъ
Аккуратною рысцою,
Чтобъ и пѣшій не отсталъ.

Хоръ невѣста заключаетъ,
Рядомъ съ ней сидитъ женихъ,
И подъ тактъ ей повторяетъ:
Либе Лисхенъ! Либе дихъ!

Ей всегда дождаться должно,
Чтобъ звукъ музыки затихъ,
И тогда сказать ей можно:
Каспаръ, я, ихъ либе дихъ.

Музыканты прославляютъ
Громко сей счастливый бракъ,
И въ награду ожидаютъ
Ихъ картофель и табакъ.

Пфейфенъ старики тутъ курятъ,
Молодые *вальсъ,* и ну!....

А старушки балагурятъ,
    Вспоминая старину.

Веселитесь, колонисты!
    Для меня вашъ пиръ горой,
Скрипокъ визгъ, кларнетовъ свисты,
    Стоятъ музыки иной.

Загудите вы фальшиво,
    Визгните: *цу-штаркъ*, друзья!
Всю бѣду поправитъ пиво,
    И никто вамъ не судья!—

***

СПОРЪ ЗА ВАФЛИ.

—

Пріѣхалъ въ *Красненькой* гулять
Портной, изъ Нѣмцевъ, *Бутеръ-Фрессеръ;*
Спросилъ онъ: *Габель, Лефель, Мессеръ,*
И вафли приказалъ подать.—
Садится, и глядитъ умильно,
И въ мысляхъ ѣстъ уже *мейнъ Геръ!*
Какъ вдругъ вбѣгаетъ офицеръ,
И вафли выхватилъ насильно.

„*Чей эта вафля*, узнавать
Позвольте, гаспадинъ военный?“
— Ну, знать твоя, мусье почтенный,
Что вздумалъ за нее стоять?

„А если мой, могу-ль ихъ кушаль?“ —
Сердито Нѣмецъ закричалъ.
— Что, что, мусье? я не разслушалъ.—
„Могу ль ихъ кушаль? я сказалъ.“
— Ну, не сердитесь, сейчасъ другіе
Я прикажу тебѣ подать.—

Но Нѣмецъ въ спѣсь вошелъ такую,
Что раскричался не въ себя,
„Здѣсь все равно! Вашъ не забудетъ,
Здѣсь вашъ польтинъ и мой польтинъ!—
Здѣсь это все, одинъ польтинъ!“—
— Врешь, Нѣмецъ, рубль ужь это будетъ!
„Нѣтъ, сами *рубль* ви гаспадинъ!
Что ви задумаль? — Забіака!
Я вашъ маркель, иль человѣкъ!—
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не человѣкъ!“
— Что жъ, Нѣмецъ, что же ты? собака?—

***

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Быль на Руси.

—

Приходитъ староста пузанъ
И двадцать мужиковъ.
Се сонъ же круа ле пейзанъ
Де мадамъ Бурдюковъ.

О нихъ докладывать *Андре*
Идетъ офиціантъ.
Данъ л'антишамбръ фетъ антре.
Е дитъ лёръ, к'иль з'атандъ.

Выходитъ барыня съ гостьми
Черезъ часочка два.
Бонжуръ, бонжуръ, ме бонз-ами!
Ке вуле ву де муа?

Ну, староста! ты доложи,
Сказали мужики.—
Э бьенъ, де куа донкъ иль с'ажи!
Де куа? у бьенъ де ки?

И староста, отдавъ поклонъ,
Свой началъ разговоръ.
Но барыня кричитъ: *алонъ!*
Не кріе па си форъ.

Мы яровое убрали,
И убрали траву.—
С'е тре жоли, с'е тре жоли!
Команъ ву порте ву?

И намъ теперь всѣмъ отдыхъ данъ;
Но аржаному срокъ.—
Але ву з'анъ, але ву з'анъ!
Ке дьябль! же ма'нъ мокъ!

Въ продажу хлѣбъ уже глядитъ,
Убрать бы поскорѣй.

Кес-ке ву дитъ? Кес-ке ву дитъ?
Же круа, ву мюрмюре?

Какъ опоздаемъ будетъ жаль;
Не довеземъ въ василь!—
Са ме т'егаль, са ме т'егаль.
Ву з'етъ де з'ембесиль!

И выгнать всѣхъ велѣла вонъ
За хлѣбный магазинъ,
А гости крикнули: *Се бонъ!*
Се тре бьенъ—ма кузинъ!

Вотъ управляютъ какъ у насъ!
Все—*минусъ*, а не *плюсъ*.
Ке вуле ву, ке л'онъ фассъ!
Онъ не се па ле Рюссъ!

***

НАСТАВНИКУ АБАТУ.

—

На канапели
Лежу,
Въ прологъ, въ Минеи
Гляжу,
Не понимаю
Никакъ!—
Тебя ругаю,
Дуракъ,

Старый наставникъ
Французъ,
И твой наглавникъ,
Картузъ,
И твой измятый
Халатъ;
Ахъ ты, проклятый
Аббатъ!

Чему училъ насъ?
Спроси.
Гдѣ городъ *Вильнасъ*,
Нанси?
Гдѣ *Лиссабона*,
Мадридъ,
Ліонъ, гдѣ *Рона*
Бѣжитъ?
Кто былъ Римлянинъ—
Катонъ?
Кто Англичанинъ
Невтонъ?
Кто побѣдитель
Аѳинъ?
Кто сочинитель
Расинъ?

Изъ Лафонтена
Cygale,
Изъ Демосфена
Morale,

Съ тобой склоняли
Rozat;
А не узнали
Аза!
Главной науки,
Читать,
Азъ, вѣди, буки,
Не знать.
Прямой, ты, точный
Фигляръ!
Въ лавкѣ—лубочный
Товаръ.

А ужъ въ бесѣдѣ
Ты хватъ!
И чортъ тебѣ де
Не братъ!
Учишь прелестно
Всему,
И все извѣстно
Уму;
И не измѣрить
Cela!
А какъ повѣрить—
Voila!

На канапели
Лежу,
Въ прологъ, въ Минеи
Гляжу,

Не понимаю
Никакъ!—
Тебя жъ ругаю,
Дуракъ.

***

ПРОЭКТЪ ГРОСФАТЕРА.

—

АНДАНТЕ.

Вотъ въ полномъ развалѣ и форсѣ нашъ балъ,
Разгульно и живо оркестръ заигралъ.
На пляски на радость
Зовутъ!

И старый и малый пустились плясать;
Старушки и дяди; не то чтобъ отстать—
Встряхнувшись, вспрямившись,
Идутъ.

Фетинья Матвѣвна, угодно ль со мной?
Пожалуй, Перфилій Савельичъ, ты мой,
Готова я прыгать
Съ тобой.

Мы можемъ гросфатеръ чудесно пройти.
Ну, ясный мой соколъ, взвивайся, лети,
Вертись, увивайся
За мной.

АЛЛЕРГО.

Эй, ну! вы дяди, матери,
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не унывать!
Вотъ тащатъ, что есть духу,
Полковницу старуху:
Она кряхтитъ,
Какъ быкъ пыхтитъ
И шевелитъ
Огромнѣйшимъ вѣѐромъ.

А дальше: съ офицеромъ
Бѣжитъ мамзель,
Комъ эль э бель!
Ея вся цѣль,
Чтобъ онъ въ нее влюбился,
Чтобъ онъ на ней женился;
Ме прене гардъ!
Кавалергардъ
Совсѣмъ на то не мѣтитъ,
И только что замѣтитъ,
Онъ отойдетъ,
И пропадетъ,
И унырнетъ.

АНДАНТЕ.

Ну, можно ль на балѣ марьяжъ затѣвать?
На балъ не жениться, приходятъ плясать!

Престранны мамзели,

Временъ.

Мы видѣли много примѣровъ такихъ:
Любезенъ, пріятенъ—а все не женихъ;
Ужъ мужемъ не будетъ

Ламанъ.

Вы слышали, свадьба Анеты съ Лукой
Разрушилась? Странно! Былъ случай такой.
Что? *Комеражи*

Пуръ сюръ.

Сама виновата разборомъ Анетъ;
Какъ вывели справки, анъ 45 лѣтъ!
Онъ ей показался

Тро мюръ.

А нашъ камеръ-юнкеръ чѣмъ хуже другихъ?
Нѣтъ, этотъ, позвольте, ужъ что за женихъ!
Горбатъ онъ и бѣденъ—

Же пансъ.

А прапорщикъ Гриша, ну, вотъ хоть куда!
Родня онъ, неправда! седьмая вода,
Но любитъ онъ слишкомъ

Ля дансъ.

Съ такимъ ужъ разборомъ и вѣкъ не найти:
Тотъ слишкомъ высокій, а тотъ *тро пети.*
Тотъ слишкомъ щедушенъ,

Тотъ косъ;

Да надо бы знать имъ и совѣсть и честь!
Конемъ не объѣдешь, какъ суженый есть.
И нужны ли свадьбы—

Вопросъ?

АЛЛЕГРО.

Эй, ну, вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать,
Не отставать!
Не унывать!

—

Вотъ модница, кокетка,
Какъ курица насѣдка
Вкругъ пѣтуха—
Ха! ха! ха! ха!
Не безъ грѣха!
То поведетъ глазами,
То размахнетъ руками,
То прыгъ, то скокъ,
То подъ бочокъ.
Ай, простячокъ,
Смотри, оберегайся!
Ты мнѣ не попадайся!
Держи свой *кёръ*
А то *малёръ*
Вотръ сервитеръ.
Ты сердце потеряешь,
Когда меня узнаешь;
Не пощажу—
Какъ погляжу,
Обворожу!
Я франтовъ, каммергеровъ,

Студентовъ, офицеровъ,
Завербовавъ
Подъ мой уставъ,
Пифъ, пафъ, пифъ, пафъ!

АНДАНТЕ.

Смотрите, какъ пляшетъ, какъ рыщетъ! Къ чему жъ!
Сидѣла бы дома—есть дѣти и мужъ!
Нельзя, чтобъ не вышелъ.
Скандалъ!
Что скажетъ посланникъ про нашихъ про дамъ?
Я чай, въ чужихъ краяхъ, позвольте, и тамъ
Всегда дамы ѣздятъ
На балъ.
Но такъ ужъ нахально не прыгаютъ, чай?
Вотъ! шепчетъ съ драгуномъ, гляди, примѣчай;
Угодно ли завтра
Въ Ббастонъ?
Нѣтъ, я не играю; въ одинъ преферансъ
Три робера только, а послѣ ля дансъ,
Оно для здоровья
Тре бонъ.
Кто хочетъ быть счастливъ, тотъ вамъ подражай,
А вѣсти какія? каковъ урожай?
Овесъ уродился
Самъ пятъ.
А что, не читали вы новый романъ,
Мадамъ Витурини, мусье Коріоланъ?

Изъ Римской исторіи
Онъ взятъ.
А слышали, Трындинъ вѣдь проситъ разводъ;
Съ женой побранился у Баденскихъ водъ,
И знаете, въ чемъ былъ
Ихъ споръ?
Кто въ домѣ хозяинъ, жена или онъ?
Ну, слово за словомъ, и взяли законъ,
Оно бы конечно....
Но вздоръ!

АЛЛЕГРО.

Эй, ну, вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не отставать!
Не унывать!

Вотъ щеголь посѣдѣлый
Бѣжитъ въ манишкѣ бѣлой,
Ногой дрягнетъ.
Другой лягнетъ,
И припрыгнетъ.
Я, дескать, веселюся,
Подагры не боюся
Я моложавъ
Же сюйзъ енъ бравъ.
И мой уставъ:
Покуда тащатъ ноги,
Не покидать тревоги!

Я молодецъ,
Младыхъ сердецъ
Большой ловецъ!
Вотъ, нате, посмотрите,
Теперь люблю я Кити,
А тамъ Анетъ?
А тамъ Лизетъ!
Но вдругъ жилетъ
Съ натуги разстегнулся,
И щеголь спотыкнулся,
И оземь бухъ.
И крикъ старухъ
Раздался вдругъ.

АНДАНТЕ.

Какой сумасшедшій, какой вертопрахъ!
Ну, можно ль рѣзвиться въ преклонныхъ лѣтахъ!
Всему есть на свѣтѣ
Сезонъ.
Онъ статскій совѣтникъ, притомъ же женатъ,
А все веселится; но въ спискѣ наградъ
Его пропустили—
Резонъ!
А слышали, ленту вѣдь дали тому!
Какъ бишь его имя? Скажите кому?
Никакъ не припомню
Сонъ номъ
А знаете, мѣсто вѣдь тотъ получилъ,
Который..... а этотъ, какъ перескочилъ!!

Вы слышали ночью
Канонъ?
Уже ль наводненье? Не знаю, *пет-'етръ*:
Но здѣсь что-то дуетъ, открыли *фенетръ*,
Не трудно простуду
Схватить.
Ахъ, на лотерею возьмите билетъ!
Охотно, пожалуй.... позвольте; но нѣтъ!
Признаться, мнѣ скучно
Платить.

А что, про Алжирцевъ уже не слыхать?
Нѣтъ, что-то въ газетахъ случилось читать,
Что ихъ переводятъ
Въ Бордо.
Смотрите, очнулся и пляшетъ опять!!.....
Мы думали, пóлно—ему ужъ не встать....
А больно ушибъ, чай,
Ле до.

АЛЛЕГРО.

Эй, ну, вы дяди, матери!
Смотрите же, въ гросфатерѣ
Чуръ не зѣвать!
Не отставать!
Не унывать!

Вотъ дяди разъярились,
Съ старухами схватились,
Писать пошло,

Алю, ало!
О гранъ гало!
Ихъ даже не догонятъ.
Старушки же бонтонятъ.
Леръ па, леръ дансъ,
Леръ реверансъ,
Все *анъ кадансъ!*
Прекрасно бы; но что же?
Вдругъ люди помоложе,
Не въ свой чередъ
Бѣгутъ впередъ;
Задоръ беретъ,
Старушекъ-колотушекъ,
Отчаянныхъ болтушекъ,
Ихъ разговоръ.
Плю форъ, плю форъ—
И вышелъ вздоръ!
Все вмѣстѣ вдругъ смѣшалось,
И каждому досталось:
Кого толкнутъ,
Кого прижмутъ,
Раздались визги, крики.
И плясуны антики,
Съ толпой старухъ,
Теряя духъ,
По кресламъ бухъ!

* * *

РАЗГОВОРЪ БАРИНА СЪ АФОНЬКОЙ.

—

Баринъ.

Здравія желаю, гг. сенаторы,
Я прихожу изъ банковой конторы,
Не французскій, не нѣмецкій, человѣкъ россій-
скій,
Приношу вамъ поклонъ низкій.
Эй, малый!
Жены моей приданой,
Кривой крѣпостной,
Удалая головка, долбленой глазъ—
Много-ли васъ?

Афонька.

Одинъ!

Баринъ.

А, это ты, Афонька.....
Ты, который бѣжалъ, когда я женился?
Да куда жъ ты сокрылся?

Афонька.

А я, съ позволенія вашего, въ деревнѣ вашей
подъ овиномъ сидѣлъ....

Баринъ.

Дуракъ! А еслибъ этотъ овинъ сгорѣлъ?

Афонька.

Я бы, съ позволенія вашего, вышедши, руки
погрѣлъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы, какой онъ грубіянъ.
Ну, скажи, пожалуста, Афонька,
Ты жилъ въ моей деревнѣ—
Какъ мои мужики живутъ?

Афонька.

Зажиточно.

Баринъ.

Да какъ зажиточно?

Афонька.

Да очень зажиточно!

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, зажиточно!

Афонька.

А такъ зажиточно,
Что въ семи дворахъ одинъ топоръ;
Поутру дрова рубятъ,
А вечеромъ въ кулакъ трубятъ.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мои мужики плотники и музыканты.
Ну, скажи, пожалуста, Афонька, какъ у меня хлѣбъ уродился?

Афонька.

Хорошо-съ!

Баринъ.

Да какъ хорошо?

Афонька.

Да очень хорошо.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ ты мой, хорошо?

Афонька.

А такъ хорошо,
Что колосъ отъ колоса—
Не слыхать дѣвичьяго голоса;
Снопъ отъ снопа,
Столбовая верста;
А копа отъ копы,
Цѣлый день ѣзды.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ хорошо уродился.
Что же, Афонька, хлѣбъ то мой продали,
Или сюда везутъ?

Афонька.

Нѣтъ, его не продали и не сюда везутъ,
А ваши шелудивыя собаки разъигрались,
И уронили весь хлѣбъ въ лохань.

Баринъ.

Позволь, гг. сенаторы!
Слѣдовательно, мой хлѣбъ пропалъ!

Афонька.

Нѣтъ, не пропалъ, а въ потребу попалъ.

Баринъ.

Что жъ изъ него сотворили?

Афонька.

Бражку сварили.

Баринъ.

Да пьяна ли эта брага?

Афонька.

Пьяна.

Баринъ.

Да какъ же пьяна?

Афонька.

Да очинно пьяна.

Баринъ.

Да какъ же, братецъ мой, пьяна?

Афонька.

Да такъ пьяна,
Что если старостѣ поднести,
Да его милость тройнымъ полѣномъ оплести,
То его милость и со двора не свезти.

Баринъ.

Позвольте, гг. сенаторы,
Какой онъ грубіянъ!

***

РАУТЪ.

—

Вотъ въ раутъ
Насъ зовутъ—
Мѣсто скуки,
Гдѣ сидишь
И глядишь,
Сложивъ руки,
Какъ толпой,
Цѣлый рой

Полусонныхъ
Стариковъ,
Игроковъ
Безпардонныхъ,
Молодицъ
И дѣвицъ
Голоплечихъ,
Корпусовъ
И головъ
Человѣчьихъ;
Въ тѣснотѣ,
Въ духотѣ,
Ходятъ, бродятъ,
И себѣ
И тебѣ,
Сонъ наводятъ;
Тамъ сидятъ
Пятьдесятъ
Кавалеровъ,
„Тузъ самъ пять
—Безъ *онеровъ!*
„Я *ремизъ!*“
—Я *пуръ сизъ*,
Предлагаю!
„Нѣтъ, *пардонсъ-съ*
Я въ *ренонсъ*
Выступаю“.—
„Короли!“
—*Пароли!*
Дама въ *сюрахъ*,

Иль валетъ,
А ужъ нѣтъ
Объ амурахъ,
О винѣ,
О войнѣ,
Про Россини,
Про шассе,
Балансе,
И помина.—
Дамы есть,
Но не въ честь
Имъ собранье.—
Не умно,
Не смѣшно—
Ихъ болтанье.
Вотъ бѣда!
Нѣтъ слѣда
Быть любезной.—
Гдѣ *раутъ*,
Это трудъ
Безполезный!—
Толкотня,
Стукотня,
Карамболи!
Онѣмѣть,
Одурѣть
По неволѣ!—
А въ раутъ,
Всѣ бѣгутъ,
Какъ въ бесѣду,—

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Се тро бетъ,
Не поѣду!

***

НА ГРѢХЪ МАСТЕРА НѢТЪ.

—

Ахъ, *пететръ!* Ахъ, *пететръ!*
Сюръ пеше не па дё метръ!
Такъ куражу я себя,
Безнадежно полюбя,
Безотрадно изнывая,
И фантазія живая
Вѣчно повторяетъ мнѣ,
Днемъ, и ночью, и во снѣ,
Ахъ, *пететръ!* Ахъ, *пететръ!*
Сюръ пеше не па дё метръ!

Знаю, мнѣ любить не слѣдъ,
И старенекъ я, и сѣдъ,
И не мастеръ прифрантиться,
Такъ чего жъ могу добиться?
Чего ждать мнѣ?—Все равно,
Мнѣ мерещется одно:
Ахъ, *пететръ!* Ахъ, *пететръ!*
Сюръ пеше не па дё метръ!

Молода и хороша
Ты—нѣтъ, стиснута душа

И смѣешься надо мною—
Вижу, но крѣплюсь душою!
Можетъ, время перейдетъ,
И любовь свое возьметъ!
Ахъ, *пететръ!* Ахъ, *пететръ!*
Сюръ пеше не па дё метръ!

***

ВЕЛИКОЛУЦКІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ КАДРИЛЬ.

(Шутка).

—

Кель è фоль, кель è фоль,
Ма тре-бьенъ еме сестрица!
Кель è фоль, кель è фоль!
Такъ влюбиться, *комъ се дроль!*

И грустна,
И мрачна,
Лукъ-Великихъ вѣстовщица;
Ей печаль:
Ѣдетъ въ даль
Са нассьйонъ, сон марешаль!

Кель è фоль, кель è фоль, и проч.

Тяжкій крестъ!
С'ет'юнь нестъ,
Перезрѣлая дѣвица:
Какъ доска

Грудь плоска....
А все хочетъ муженька!

Кель è фоль, кель è фоль и проч.

Да, такой
Разбитной
Мало видитъ и столица;
О зимуръ
Претъ тужуръ,
Эль санфламъ ужъ черезъ-чуръ!

Кель è фоль, кель è фоль, и проч.

Сонъ лангажъ,
Дюръ, *соважъ*,
Жжотъ и щиплетъ, какъ горчица....
И въ Лукахъ,
И въ-гостяхъ,
Са сёль вуа приводитъ въ страхъ!

Кель è фоль, кель è фоль, и проч.

На весь міръ
Лишь мантиръ,
Что она за мастерица!
Всѣхъ *ноарсиръ*,
Авилиръ,
Сон'юникъ, премье плезиръ!

Кель è фоль, кель è фоль, и проч.

Пусть твердятъ,
Говорятъ:

Ву морде ком'юнъ волчица....
Не робѣй!
И смѣлѣй
Те серванть и жансъ ты бей!

Кель è фоль, кель è фоль, и проч.

Что она
Влюблена,—
Дива нѣтъ: *ма сёръ*—дѣвица;
Но что *маль*—
Очень жаль....
Не бывать ей *марешаль!*

Кель è фоль, кель è фоль,
Ма тре-бьенъ еме сестрица!
Кель è фоль, кель è фоль!
Такъ влюбиться, *комъ се дроль!*

***

С. ПЕТЕРБУРГСКІЙ ФРАНЦУЗСКІЙ КАДРИЛЬ.

—

Иль ну воль, иль ну воль,
Безпрестанно нашъ прикащикъ;
Иль ну воль, иль ну воль,
Безпрестанно, *комъ се дроль!*

Все равно,
Ужъ давно
Мы себѣ не смотримъ въ ящикъ.

Все равно,
Ужъ давно
Такъ у насъ заведено.

Иль ну воль, иль ну воль, и проч.

Ла мадамъ,
По баламъ,
А мусье, мужей обращикъ,
Аншанте,
Андете
Такъ и хлещетъ въ экарте!

Иль ну воль, иль ну воль и проч.

Вотъ пора
Въ юнкера
Сыновей—кто имъ укащикъ!
Эполетъ
Ихъ предметъ,
А имѣнье маршъ въ совѣтъ!

Иль ну воль, иль ну воль и проч.

Мужичокъ
Свой оброкъ
Запустилъ и въ долгій ящикъ;
Ты франтишь
Тарантишь,
А въ карманѣ— просто шишъ!

Иль ну воль, иль ну воль и проч.

*
* *

ОБЛАКА.

—

Люблю смотрѣть на облака,
Какъ ихъ незримая рука
Несетъ по синевѣ небесной;
Съ какою быстротой чудесной
Онѣ мѣняютъ образъ свой:
Такъ точно говорятъ съ душой
Воспоминанья жизни юной!—
Такъ арфы отдаленной струны
Невнятно вторятъ за горой —
То радости, любви напѣвы,
То тихій стонъ унылой дѣвы,
То громкій смѣхъ весельчака,
То баркароллу рыбака!—

Я облака привыкъ всегда встрѣчать мечтою,
И мнится, что онѣ бесѣдуютъ со мною.

То горы высоки,
Пещеры глубоки,
Утесы, скалы,
Морскіе валы
Собою рисуютъ
И въ небѣ бушуютъ,
И небо мрачатъ.

Такъ душу мутятъ
Тѣ черныя думы,
Часы тѣ угрюмы,

Какъ вспомнится ей
Холодность друзей,
Любовь безъ отрады,
Всѣ жизни досады,
И ревность и злость,
Непрошеный гость—
Тоска роковая,
Кѣмъ юность златая
На вѣкъ отцвѣла—
Какъ призракъ прошла,
Поры не дождавшись,
Чтобъ ей наигравшись—
Остынула кровь,
Угасла любовь.

Такъ арфы смущенной
Бряцаетъ струна,
Какъ звонъ отдаленный
Съ погоста,—она—
Отзывъ погребальный,
Иль голосъ прощальный
Сердечнымъ друзьямъ,
Женѣ, сиротамъ,—
Отжившаго съ ними,
Друзьями земными,
Супруга, отца,—
Теперь мертвеца!

Иль будто легкій дымъ, на небѣ чистомъ, ясномъ,
Несутся облака движеніемъ согласнымъ,—
То вдругъ разстелятся прозрачной пеленой,

То вѣтра рѣзваго взвиваяся игрой,
Похожи на покровъ танцующей хариты,
И звѣзды свѣтлыя, едва, едва сокрыты,
Являются сквозь нихъ, какъ дѣвъ стыдливыхъ
взглядъ,
Когда мечты любви впервые посѣтятъ.

Душа такъ въ смущеньи,
О первой любви,
О первомъ волненьи
Кипящей крови:
Отрадно мечтаетъ,
Минувшимъ желаетъ
Себя упоить,
И въ немъ уловить
Часы тѣ златые,
Что годы младые,
Какъ быстрой рѣкой,
Умчали съ собой,—
Когда улыбались
Всѣ радости ей,
И вѣрны казались
Обѣты друзей,—
Все свѣтло надеждой,
Любовь безъ измѣнъ,
И брачной одеждой
Весь міръ облеченъ!

Такъ арфа отрадно и звучно бряцаетъ,
Любовью внушенный, веселый напѣвъ,
Гармоніей быстрой, живою сзываетъ

На пляски, на радость, толпы юныхъ дѣвъ,
Потомъ замирая, все тише, нѣжнѣе,
Какъ будто бы шепчетъ украдкой любовь;—
Трепещешь отвѣта,—получишь, и вновь—
Бряцаетъ живѣе, быстрѣй, веселѣе!....

Когда жъ златимыя проснувшейся зарею,
Какъ дѣвы молодой ланиты, облака
Пылаютъ живостью и свѣжею красою,
И плавно слѣдуютъ движенью вѣтерка,
И въ небѣ рисуютъ
Златые узоры,
И мысли, и взоры,
И сердце волнуютъ,—
Мнѣ мнится, что онѣ творенья красоту—
Величіе творца собою прославляютъ.

Воспоминанія такъ душу озаряютъ,
Когда представятъ ей любимую мечту
О счастіи прямомъ, которымъ окупились
Всѣ жизни горести, всѣ скорби, всѣ труды,
И какъ залогъ святой, его въ ней сохранились
Неизгладимые слѣды.—
Такъ первыхъ успѣховъ на поприщѣ жизни,
Участія въ славѣ любимой отчизны,
Намъ память священна, намъ память мила,
И ей озаряясь, душа весела.—
Такъ свято мы помнимъ всю сладость лобзаній,
И первыхъ восторговъ, и первыхъ признаній,
Которыми красенъ любви первый мигъ,
И перваго сына—таковъ первый крикъ.

Въ восторгѣ священномъ
Такъ арфа брядаетъ,
Такъ арфа вѣщаетъ
О шумѣ военномъ,
О славѣ въ бояхъ,
О блескѣ побѣды,
О свѣтлыхъ пирахъ,
Героевъ бесѣды
Такъ вторитъ она,—
И жизни полна
Бросаетъ перуны!
И звучныя струны
Восторгомъ горятъ,
Съ душой говорятъ—
Какъ волны морскія,
Какъ пѣсни живыя
Удалыхъ гребцовъ,
Веселыхъ жнецовъ,
Какъ нѣжныя трели
Младой Филомели,
Пѣвицы ночей;—
Какъ быстрый ручей,
Когда онъ игриво,
Легко, торопливо,
Бѣжитъ межъ вѣтвей
По грудѣ камней!—

Но небо чистое безоблачной красою—
И безпредѣльной синевою
Еще разительнѣй мнѣ сердцу говоритъ,

Особенно, когда въ немъ свѣтлая горитъ
Звѣзда-предвѣстница, звѣзда волхвовъ святая,
Обѣтованіемъ сіяя!
Я вдохновеніемъ живой,
Неизмѣнимой, чистой Вѣры,
Превыше становлюсь земной
Удушливой и тѣсной сферы,
Въ неопалимой Купинѣ—
Предвѣчный лучъ сіяетъ мнѣ.

Такъ неба алкая,
Предвѣчной отчизны,
Всѣ узы слагая
Сей временной жизни,
Душа озаренна
Любовью святой,
Летитъ окрыленна
Живящей мечтой
Къ Началу творенья,
Къ Началу всѣхъ благъ,
Забывъ огорченья,
И рабство, и страхъ!—
Паритъ надъ природой,
И гордой свободой
Превыше людей,—
Превыше сѣтей
Земныхъ мудрованій,
Превыше желаній
И скорбей земныхъ,
И видитъ, что мигъ—

Одинъ ихъ раждаетъ,
И мигъ поглощаетъ
Въ временъ глубину,
Какъ море волну!!—

Но безпредѣльная, какъ небо голубое,
И лучезарная, какъ солнце золотое,
Сіяетъ вѣчность передъ ней!—
И Искупителя людей,
Она Христа, въ себѣ вмѣщаетъ,—
Его всю благость постигаетъ.—
И свѣтелъ для нея житейскаго конецъ!
Тамъ добродѣтелямъ вѣнецъ!
Тамъ слабости, грѣху прощенье!
И тамъ, въ Христѣ, для насъ второе воскресенье.

Но тутъ умолкаетъ
Ужъ арфа земная,
И думу плѣняетъ
Гармонья иная:
Давида пророка бряцаетъ струна,
И сердцу понятна и звучна она,
Какъ гласъ упованья,
Какъ дружбы призванья,
Какъ съ родины гласъ,—
Какъ радуетъ насъ
Надеждъ исполненье,
Съ душой примиренье,
Когда во устахъ,
И Чаша спасенья,
И вѣра и страхъ!—

Такъ увлекаяся парящею мечтою,
Я заставляю міръ бесѣдовать со мною,
Его рисуетъ мнѣ поэзіи рука!—
И мнѣ понятны облака,—
И въ нихъ читаю я страстей земныхъ волненье,
А въ небѣ чистомъ—Откровенье.

***

ЗВѢЗДЫ.

—

Когда дорогою, зимой,
На небо я смотрю вечернею порой,
Усѣянное все блестящими звѣздами,
Я увлекаюсь въ даль крылатыми мечтами,
И лучшія мои завѣтныя мечты—
Всегда моя любовь, и ты,
И я бъ желалъ имѣть такъ много осязаній,
Какъ много звѣздъ въ небесномъ мірозда765ньи,
И я бы всѣ, наполнилъ ихъ одной—
Моей любовью, и тобой!
И ликовалъ бы такъ, какъ Ангелы ликуютъ!
Они въ звѣздахъ любовь небесную рисуютъ;
Моя любовь чиста, какъ ихъ блестящій свѣтъ;
Въ моей любви—обмана нѣтъ,
Съ твоимъ сочувствіемъ она горитъ звѣздою,
Она свѣтла, ясна тобою!
И я бъ желалъ, чтобы съ мечтой

И ты, вечернею порой,
На небо ясное взирая,
И друга дальняго въ раздумьи вспоминая,
Читала бы любовь мою—
Въ звѣздахъ, какъ дань, какъ собственность твою;
Тогда бъ, въ урочный часъ, душами мы слетались,
И намъ казалось бы, что мы не разставались.

***

ДЕНЬ И ЖИЗНЬ.

—

Знакомы мнѣ и радость, и печаль,
И дней моихъ уже лампада догараетъ;
Но часто прежняго мнѣ жаль,
О немъ въ раздуміи душа моя мечтаетъ,
И какъ открытая скрижаль,
Моимъ мечтамъ всегда природа отвѣчаетъ.

Въ зарѣ румяной, молодой,
Она рисуетъ предо мной
Тѣ дни счастливые, благіе,
Когда увидѣлъ я впервые
Подругу сердца, и сказалъ:
Вотъ мой давнишній идеалъ!
Вотъ та, съ которой жизни бремя,
Мы понесли бы такъ легко.

Надеждъ, очарованій время,
Уже теперь ты далеко!
Но въ сердцѣ ты еще живое,
Неизгладимое, святое,
И часто, въ радостной судьбѣ,
Я вспоминаю о тебѣ.

Но вотъ и утро наступило:
Земля одѣлась красотой
И засіяло надо мной
Дневное, пышное свѣтило;
Душа моя мечтаетъ вновь:
Такъ точно первая любовь,
Подруги первое признанье,
Одушевили все созданье,
И міръ сталъ свѣтелъ для меня,
Какъ утро радостного дня.
Вотъ полдень, торжество природы,
И солнце пламенемъ горитъ,
И чувствамъ все съ восторгомъ говоритъ,
И рощи, и поля, и воды,
Какъ Гимнъ безмолвной и святой;
Я вспомнилъ—жизни полдень мой,
Когда, достигнувъ всѣхъ желаній,
Всѣхъ лучшихъ сердца упованій,
Я былъ съ подругой подъ вѣнцомъ,
Благословенъ моимъ отцомъ,
Моею матерью счастливой;
Гляжу съ улыбкой горделивой
И на родныхъ, и на друзей.

И на подругу,—всѣхъ милѣй.
Товарищъ лучшихъ жизни дней,
Мой братъ, мнѣ простираетъ руку,
Тогда не ждалъ я съ нимъ столь раннюю разлуку:
О нѣтъ, живя его душой,
Я вѣровалъ, что онъ состарится со мной,
И что другъ другомъ такъ любимы,
Другъ другу мы необходимы;
И точно: дней моихъ закатъ—
Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ братъ.

Вечернею зарей тутъ небо запылало,
И многихъ ужъ тогда не стало
Друзей, и милыхъ и родныхъ,
И въ небѣ я увидѣлъ ихъ
Звѣздами, свѣтлыми средь ночи,
И ихъ искать всегда—мои привыкли очи;
Сей мыслію утѣшною водимъ,
Я пѣсней и мечтой взываю часто къ нимъ;
Они мою тоску какъ будто понимаютъ,
И съ неба пѣснѣ отвѣчаютъ.

Но вотъ ужъ ночи мглой земля облечена,
И вотъ изъ облаковъ является луна;
Ея привѣтное, волшебное сіянье
Для сердца моего—минувшаго преданье;
Отрадный, но холодный свѣтъ,
Какъ друга дальняго привѣтъ,
Но что-то говоритъ о будущемъ свиданьи,
О лучшей жизни, упованьи,

И томный лучъ ея туда мнѣ кажетъ путь,
Гдѣ суждено мнѣ отдохнуть.

* * *

ЧУЖОЕ ДИТЯ.

На станціи дитя ко мнѣ
Пришло, ласкается, играетъ,
И мнѣ, какъ бы въ туманномъ снѣ,
Моихъ дѣтей напоминаетъ;
И понеслась душа моя
Домой, привычною мечтою....
Моихъ дѣтей ласкаю я;
Любуюсь милою женою;
Радушенъ, веселъ ихъ привѣтъ.
Души желанье совершилось:
Тоски, усталости ужъ нѣтъ,
И сердце радостью забилось!
Я новой жизнію горю,
Дорожный посохъ свой бросаю,
Про путь имъ дальній говорю,
И ихъ разсказамъ я внимаю,
И счастливъ я любовью ихъ!
Вполнѣ блаженствую душою;
Жена въ объятіяхъ моихъ,
И дѣти всѣ—опять со мною!
Но колокольчикъ зазвенѣлъ.....
Ужъ тройка для меня готова,

И я опять осиротѣлъ,
И тосковать я долженъ снова;
Передо мной, широкій путь
Мятель и вьюга заметаетъ....
И гдѣ конецъ его—кто знаетъ?
Пора, пора бы отдохнуть!

***

НЕВА.

Какъ я люблю, надъ пышною Невою,
Мечтать вечернею порою,
Когда луной озарена
Ея прозрачная волна.

Какъ я люблю ея спокойное теченье,
И видъ ея гранитныхъ береговъ,
Прибрежныхъ жителей шумливое движенье,
И безпрестанный гулъ мостовъ;
Такъ время, мнится мнѣ, все плавною рѣкою,
И одинакой чередою,
Уноситъ жизни блескъ и жизни суеты;
А мы, на берегу, поклонники мечты,
Надѣемся—хоть гулъ оставить за собою;
Но многихъ думъ еще Нева предметомъ мнѣ,
И разнородныя онѣ,
Какъ разнородны сновидѣнья,
Какъ разнородны впечатлѣнья

Души парящей и живой,
Въ тревогахъ жизни молодой.
Какъ часто мысль моя елботикъ провожаетъ,
Когда онъ подъ мостомъ тихонько проплываетъ,
Дѣвица въ немъ сидитъ—самъ другъ;
Надъ головой и шумъ и стукъ,
Но стука, грохота, она не замѣчаетъ:
Съ ней другъ сидитъ, она мечтаетъ,
Душою улетая въ даль,
Не радость въ ней, и не печаль,
Но что-то среднее такое,
Душѣ знакомое, родное;
Они вдвоемъ, теперь для нихъ,
Весь міръ заснулъ, весь міръ затихъ....
Такъ жизни челнъ мой непримѣтный,
Съ одною думою завѣтной,
Съ одной любовію святой,
Къ моей подругѣ молодой,
Межъ бурей и тревогъ тихонько проплываетъ,
Порывовъ ихъ не замѣчаетъ,
И доплыветъ въ тотъ край родной,
Гдѣ ждутъ меня—и радость и покой.

. . . .

Люблю смотрѣть на свѣтъ луны сребристой,
Быть можетъ онъ въ пріютъ къ несчастному запалъ:
Какъ много бѣдному сказалъ
Сей вѣстникъ неба, вѣрой чистой;
Смятенье думъ онъ разогналъ,

Сей лучъ страдальцу показалъ,
Что и его Творецъ не оставляетъ,
Что благодать повсюду проникаетъ,
И какъ бы ни былъ кто сокрытъ,
Все Богомъ онъ не позабытъ.—
И для меня луны привѣтное сіянье,
Когда я гдѣ нибудь, далеко отъ родныхъ,
Какъ голосъ неба, предсказанье,
Что Богъ ихъ бережетъ, что я увижу ихъ,
И оживленною душою
Я озаренъ опять надеждою святою,
И свѣтлой уношусь мечтой
Къ женѣ и дѣтямъ—въ край родной.

***

ГРОБЪ МЛАДЕНЦА.

—

Въ маленькомъ гробѣ лежитъ обложенный цвѣтами
Младенецъ и, кажется, дремлетъ сердечный;
Давно ли рѣзвился, игралъ между нами
Радушный, веселый, безпечный.

И внезапно, сраженный недугомъ, дружочикъ
Завялъ и погаснулъ, страдая несчастный,
Какъ вянетъ на стеблѣ весною цвѣточикъ,
Весны не дождавши прекрасной.

И ты плачешь о немъ, о! не плачь, онъ въ сей жизни
Исполнилъ святое свое назначенье;
Теперь онъ ликуетъ въ предвѣчной отчизнѣ,
Тебѣ показавъ Провидѣнье.

Симъ младенцемъ на вѣки ты съ небомъ сроднилась,
Онъ твоею предъ Богомъ молитвой живою;
Сей тяжкою жертвой душа озарилась
Надеждой и вѣрой святою.

И съ тобой неразлученъ младенецъ твой милый,
Онъ глядитъ тебѣ въ душу,—какъ лучъ упованья,
Въ часъ скорби съ тобой онъ, въ сей жизни унылой
Твои облегчаетъ страданья.

И всякое чувство твое—наслажденье прямое,
И твердость въ печали, и въ скорбяхъ другаго
Участье, повѣрь мнѣ, посланье святое
Младенца, тамъ въ небѣ живаго!

Но съ нимъ узы святыя, любовь и терпѣнье;
Оскорбить ты уныньемъ его берегися,
Когда жъ тяготитъ на душѣ огорченье,
Его вспоминай—и молися.

***

РЫБАКЪ.

—

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Грозой челнокъ его разбило,
Напрасны были всѣ труды;
Погибъ, но бѣлое вѣтрило
Еще мелькаетъ изъ воды,
То погрузится, то всплываетъ
Какъ бы прощаясь съ рыбакомъ,
Такъ пламень жизни догораетъ
Съ весной, въ страдальцѣ молодомъ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ!

О, мой челнокъ, прости! пропало
Съ тобою то, что льстило мнѣ;
Съ какой отвагой я, бывало,
Съ тобой носился по волнѣ!
Какъ ты летѣлъ рулю послушный,
Какъ быстро волны разсѣкалъ,
Съ какою рѣзвостью воздушной
Твой вымпелъ подъ небомъ игралъ!

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

Мы навсегда съ тобой разстались;
Съ весны, бывало, до зимы,
Веселой пѣсней оглашались
Моей, прибрежные холмы.
И я умолкъ!—прости надеждѣ,
И пѣснямъ я—прости сказалъ;
А море тоже, какъ и прежде,
Передо мной призывный валъ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ!

Завесть могу челнокъ я новой,
Вѣтрило новое достать,
И вопреки судьбѣ суровой
Пуститься по мору опять;
Но будетъ ужъ не то вѣтрило,
Не тотъ челнокъ, и съ ними мнѣ
Не будетъ ужъ, какъ прежде было,
Отрадно плавать по волнѣ.

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ,
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ!

Такъ если въ юности мятежной
Измѣнятъ счастье и любовь,
Ужъ никогда къ нимъ вѣрой прежней
Не озарится сердце вновь.
Быть можетъ счастье пожалѣетъ,
Опять отдастъ, что отнято,
И новая любовь повѣетъ,—
Но будетъ все уже не то!...

Волна шумитъ, волна бушуетъ,
И съ пѣною о берегъ бьетъ;
На берегу сидитъ, тоскуетъ
Младой рыбакъ, и слезы льетъ.

* *
*

РОЗЫ.

—

Какъ хороши, какъ свѣжи были розы
Въ моемъ саду! какъ взоръ прельщали мой!
Какъ я молилъ весенніе морозы
Не трогать ихъ холодною рукой!

Какъ я берегъ, какъ я лелѣялъ младость
Моихъ цвѣтовъ завѣтныхъ, дорогихъ;
Казалось мнѣ, въ нихъ разцвѣтала радость,
Казалось мнѣ, любовь дышала въ нихъ.

Но въ мірѣ мнѣ явилась дѣва рая,
Прелестная, какъ Ангелъ красоты,

Вѣнка изъ розъ искала молодая,
И я сорвалъ завѣтные цвѣты.

И мнѣ въ вѣнкѣ цвѣты еще казались
На радостномъ челѣ красивѣе, свѣжѣй,
Какъ хорошо, какъ мило сплетались
Съ душистою волной каштановыхъ кудрей!

И за одно онѣ цвѣли съ дѣвицей!
Среди подругъ, средь плясокъ и пировъ,
Въ вѣнкѣ изъ розъ она была царицей,
Вокругъ ее вились и радость и любовь.

Въ ея очахъ веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулилъ, казалось, рокъ,
И гдѣ жъ она?.... въ погостѣ бѣлый камень,
На камнѣ—розъ моихъ завянувшій вѣнокъ.

***

UNA FRA TANTE.

—

Есть много звѣздъ на небѣ ясномъ,
И любо намъ смотрѣть на прелесть ихъ,
Но въ хороводѣ ихъ прекрасномъ,
Одна звѣзда свѣтлѣе всѣхъ другихъ,
И къ той звѣздѣ нашъ взоръ всегда стремится,
И первую ее всегда находитъ онъ,
Къ другимъ уже онъ послѣ обратится,
Но къ ней опять невольно привлеченъ;

Такъ и въ душѣ есть много думъ прекрасныхъ,
Есть много думъ завѣтныхъ и родныхъ,
И горькихъ думъ, и думъ веселыхъ, ясныхъ,
Но дума есть одна завѣтнѣе другихъ:
И съ думой той живемъ мы неразлучно,
И въ часъ унынія, и въ утѣшенья часъ,
Съ ней радость веселѣй, не такъ и горе скучно,
И въ думѣ той—вселенная для насъ!
Такъ и въ любви: красавицъ много въ свѣтѣ,
Но лишь одна для сердца разцвѣла,
Незрима имъ, она въ одномъ предметѣ
Вмѣщаетъ все, чѣмъ только жизнь мила;
А тѣ красавицы, мѣшаяся съ толпою,
Мелькаютъ передъ нимъ, какъ дальній метеоръ;
Одна красавица всегда вездѣ съ душою,
Одну красавицу повсюду ищетъ взоръ;
О! жизни радостей подруга молодая!
Ты та красавица, которой полонъ умъ
И сердце, ты звѣзда моя святая,
Ты дума лучшая изъ всѣхъ сердечныхъ думъ.

***

СИРОТКА.

Сиротка, позднею порой,
Чего здѣсь ищешь ты?
Ужъ солнце скрылось за горой;

Иди домой,
До темноты.

Сиротка, голову склоня,
Мнѣ молвила въ отвѣтъ:
„Привычна мрачность для меня,
Средь бѣла дня
Мнѣ теменъ свѣтъ.

Какъ разъяренною грозой,
Какъ мракомъ тучъ,
Задернутъ будто пеленой,
Моей тоской,
Мнѣ солнца лучъ.

И дома мнѣ отрады нѣтъ,
Такъ пусто тамъ;
Увы! такъ пустъ мнѣ цѣлый свѣтъ,
И слезки не найду въ отвѣтъ—
Моимъ слезамъ“.

—Зачѣмъ отрадъ не ищешь ты
Средь дня твоимъ бѣдамъ?
Полна природа красоты,
И солнце свѣтитъ съ высоты,
Какъ радость намъ.—

„Нѣтъ, тягостенъ мнѣ солнца свѣтъ
И радость дня:
Убитъ тоской мой жизни цвѣтъ,
Но имъ, какъ будто дѣла нѣтъ
Ужъ до меня.

А ночь, какъ жизнь моя мрачна,
Мнѣ сродно съ ней;
Какъ сердцу свѣтитъ старина,
Звѣздами свѣтитъ такъ она
Тоскѣ моей.

Луна сводъ неба серебритъ
Сквозь темныхъ тучъ,
Не солнцемъ пламеннымъ горитъ,
Но какъ надежда—говоритъ
Ея мнѣ лучъ.“

***

ПЛАВАЮЩАЯ ВѢТКА.

—

Что ты вѣтка бѣдная,
Ты куда плывешь?
Берегись, сердитое
Море, пропадешь!

Ужъ тебѣ не справиться
Съ бурною волной.
Какъ сироткѣ горькому
Съ хитростью людской.

Одолѣетъ лютая,
Какъ ты не трудись,
Далеко умчитъ тебя,
Вѣтка, берегись.

„Для чего беречься мнѣ?“
Вѣтки былъ отвѣтъ,
Я уже изсохшая,
Во мнѣ жизни нѣтъ.

Отъ роднаго дерева
Вѣтеръ оторвалъ;
Пусть теперь несетъ меня,
Куда хочетъ, валъ.

Я и не противлюся;
Мнѣ чего искать?
Ужъ съ роднымъ мнѣ деревомъ—
Не сростись опять!

***

ВЕЧЕРЪ.

—

Уже догорало,
Скрываяся въ море,
Дневное свѣтило;
И небо пылало,
И сердце мечтало;
Минувшее горе,
Какъ дальное эхо, его возмутило!

И тихо спускалась
Съ небеснаго свода

Завѣса ночная;
Такъ точно скрывалась,
Чѣмъ здѣсь озарялась
Для сердца природа,
Любовь и надежда, и радость земная.

И сердце, уныло,
Вдругъ вспомнило ясно
Счастливое прежде,
И сердце спросило,
Ужель измѣнило
Все то, что прекрасно?
Ужели не вѣрить любви и надеждѣ?

Друзья незабвенны,
Которыхъ мы въ свѣтѣ
Такъ рано лишились,
Землей сокровенны,
Душой вы не тлѣнны!—
Но гдѣ же живете?
Ужели на вѣки отъ насъ вы сокрылись?

И звѣзды златыя
Безмолвнымъ отвѣтомъ
На небѣ блеснули!
О! сердцу родные,
Въ міръ лучшій взятые,
Бывалымъ привѣтомъ
И съ прежней любовью не вы ли взглянули?

Я вѣрю, такъ ясно—
Любви только очи

Пылаютъ огнями,
И я не напрасно
На звѣзды такъ страстно
Взираю средь ночи;
Въ нихъ души ликуютъ, утраченныхъ нами.

***

ПѢСНЬ РАТНИКА.

—

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное!
За край родной, въ кроваву сѣчь
Мое стремится ретивое.

Я милой дѣвою любимъ;
Она сама „люблю“ сказала;
Симъ словомъ я непобѣдимъ,
И жизнь мнѣ въ красотѣ предстала,
Но отплатить я долженъ ей:
Пусть мною тожъ она гордится;
Пусть бранной славы лучъ моей—
На милой дѣвѣ отразится!

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное,
За край родной, въ кроваву сѣчь
Мое стремится ретивое.

Но, можетъ быть, обманутъ я?
Измѣнница другаго любитъ,

За чтожъ обманъ? онъ какъ змѣя,
Всю радость дней моихъ погубитъ;
Тоска, и ревность, и любовь,
Отравой въ душу мнѣ втѣснятся,
И никогда надеждой вновь—
Мои мечты не озарятся.

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное,
Скорѣй, скорѣй въ кроваву сѣчь!—
Тамъ изцѣлится ретивое.

Убитымъ быть, и пасть въ бою,
Быть можетъ суждено мнѣ рокомъ;
Она узнаетъ смерть мою!
И это будетъ ей упрекомъ.
Но нѣтъ, пусть любитъ такъ другой,
Какъ я любилъ, какъ обожаю,
Пусть онъ сравняется со мной,—
И я измѣнницѣ прощаю!

Подайте мнѣ булатный мечъ,
Подайте копіе стальное!
За край родной, въ кроваву сѣчь;
Пусть тамъ погаснетъ ретивое.

***

ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ МАТЕРИ.

—

Привѣтствовать твое рожденье,
Души невольное стремленье!

Въ ней пламень радости горитъ,
Избытокъ чувствъ въ ней говоритъ,
И изливается рѣкою,
Какъ дань любви передъ тобою.—

Я помню въ радостной судьбѣ
Все, чѣмъ обязанъ я тебѣ,
Твою любовь—всегда со мною,
Моей вожатою звѣздою,—
Моею пристанью въ бѣдахъ!
Когда въ ненастныхъ жизни дняхъ,
Страстей порывомъ увлеченный,
Мой челнъ по влагѣ разъяренной
Носился безъ руля въ волнахъ,—
Твое вниманіе, твой страхъ,
И радость свѣтлую, когда я возвратился,
Когда съ мятежною я жизнію простился,

И добродѣтели стезей
Пошелъ руководимъ тобой;
Какъ снисхожденіемъ сначала
Мои шаги ты подкрѣпляла,
И вѣры неизмѣнный свѣтъ,
Тобою какъ во мнѣ согрѣтъ;

Я помню, какъ ты раздѣляла
Восторгъ успѣховъ молодыхъ,
И первымъ звукамъ струнъ моихъ
Съ какимъ участіемъ внимала!—
Я помню съ радостью живой
Какъ породнилась ты душой

Съ моей подругой молодой,
Когда, любовью пламенѣя,
Зажегъ я факелъ Гименея;
Восторгъ того я помню дня,
Какъ сынъ родился у меня,
И ты его перекрестила;
Я помню, какъ съ тобой насъ вмѣстѣ посѣтила
Утрата горькая, и насъ соединила
Съ тобой печаль еще тѣснѣй;
Заря моихъ счастливыхъ дней,
Осталась ты моей вечернею зарей!
И я, блаженствуя тобою,
Тебя привѣтствую душою,
И пѣснь любви тебѣ пою,—
И Богъ услышитъ пѣснь мою!
Молитва въ ней скрывается святая,
Молитва чувствъ, молитва неземная,
Она, какъ гимнъ Подателю всѣхъ благъ:
Я зрю Его въ твоихъ чертахъ,
Ты для меня сосудъ Его благотворенья,
И для меня—ты голосъ Провидѣнья.

***

ТАРАНТЕЛЛА.

—

1.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,

Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.
Говоритъ душѣ безпечной;
Пой, любуйся, веселись!
Дивенъ міръ, но міръ не вѣчной!
Выше, выше понесись,
Жизни слишкомъ скоротечной
Не вдавайся, не держись.
Думамъ здѣсь не развернуться:
Не успѣешь оглянуться,—
Все прекрасное пройдетъ!
А на небѣ безопасно:
Небо чисто, небо ясно;
Въ немъ обширнѣе полетъ.

2.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе.
И съ душою говоритъ.

Посмотри: ужъ догараетъ
Освѣщенье на пирахъ;
Шумъ оркестровъ затихаетъ.
И одна, почти въ слезахъ,
Дѣва бѣдная вздыхаетъ
Объ утраченныхъ часахъ.
Посмотри, завяли розы;
Посмотри, какъ льются слезы....
Гдѣ забавъ горячій слѣдъ?

А на небѣ все прекрасно!
Небо чисто, небо ясно;
Даже облачка въ немъ нѣтъ!

3.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Какъ цвѣла и какъ любила
Эта юная чета!
Восхищала, веселила
Ихъ любовь, ихъ красота,—
Тутъ измѣна, здѣсь могила;
Все земное суета.
Какъ непрочно все, что мило!
Счастье многое сулило,
Но сдержало ли обѣтъ?
А на небѣ все прекрасно;
Небо чисто, небо ясно,
И обмана въ небѣ нѣтъ.

4.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Вотъ счастливца окружаютъ
Дѣти, други, какъ цвѣты

Вкругъ его благоухаютъ....
Но на долго ль? Видишь ты,
Другъ за другомъ отпадаютъ,
Точно съ дерева листы—
И одинъ осиротѣлый,
По дорогѣ опустѣлой,
Пригорюнясь, онъ идетъ.
А на небѣ все прекрасно;
Небо чисто, небо ясно;
Тамъ разлука не живетъ.

5.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,
Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Увлекаешься ли мечтою
Славы доблестныхъ трудовъ
Видишь стаю за собою
И зоиловъ, и враговъ.
Ты обрызганъ клеветою,
Ты вездѣ встрѣчаешь ковъ;
Твой восторгъ охладѣваетъ,
Чувствъ святыню оскорбляетъ
Свѣта хохотъ, свѣта ледъ.
Но взнесись на небо ясно:
Тамъ свободно, тамъ прекрасно,
И оно тебя пойметъ.

6.

Вотъ луна глядится въ море;
Въ небѣ вѣщая горитъ,

Видитъ радость, видитъ горе,
И съ душою говоритъ.

Говоритъ душѣ унылой:
Міръ роскошный опустѣлъ
Для тебя; и легкокрылый
Духъ веселья отлетѣлъ,—
Но крѣпись духовной силой.
Нѣтъ, не въ мірѣ твой удѣлъ!
Твой удѣлъ вотъ здѣсь, межъ нами;
Межъ блестящими звѣздами
Прежнее тебя все ждетъ;
Все, что мило, что прекрасно,
Небо чисто, небо ясно
Для тебя здѣсь бережетъ.

***

КОММЕРАЖИ.

Посвящено A CES DAMES.

—

Трещеточки, чечеточки!
Что разболтались вы?
Что лѣзетъ за нелѣпица
Изъ вашей головы!

Вотъ этотъ, дискать, женится,
А этому отказъ;
Вотъ тотъ за той волочится,

Тому подбили глазъ;
А этотъ, съ бакенбардами,
Весь разорился въ пухъ;
А этотъ, что въ отставкѣ-то,
Съ ума сошелъ, и вдругъ!

И сами вы, трещеточки,
Узнали все?.... на-врядъ!
—Узнать-то не узнали мы,
А только говорятъ!

Поздравить съ имянинами
Забылъ графиню князь;
А дочку какъ-то за сына
Просваталъ онъ намнясь;
Помолвка уже сдѣлана,
Конца бы только ждать....
Графиня разсердилася,
Не сходятся опять!

И знаете, трещеточки,
Кто разсказалъ?.... на-врядъ!
—Ну, кто—не знаемъ именно,
А только говорятъ.

И свадьба князя Зюзина
Опять нейдетъ на ладъ;
Онъ думалъ: тесть-то батюшка
Неслыханно богатъ;
А какъ пошелъ за справками,
Такъ что же вышло?—вздоръ!

Имѣнье все заложено!
Онъ на попятный дворъ!

И самъ онъ вамъ, трещеточки,
Признался въ томъ? на-врядъ!
—Признаться, не признался онъ,
А только говорятъ.

Дочь хочетъ за полковника
Карпухина отдать;
И статскаго совѣтника
Желала бы поймать;
И лейтенанта хочется;
Она на тотъ предметъ
Даетъ балы богатые;
Однако толку нѣтъ!

Вы на балахъ, трещеточки,
Бываете?..... на-врядъ!
—Бывать-то не бываемъ мы,
А только говорятъ!

Да дочь сама проказница,
Кокетка, ужъ сказать!
Проводитъ, надуваетъ всѣхъ:
И жениховъ и мать;
И отъ чего манежится
И такъ хитритъ она?
Въ учителя Нѣмецкаго
Секретно влюблена!

Да это вздоръ, трещеточки,
Учитель старъ, женатъ!

—Про это ужъ не знаемъ мы,
А только говорятъ!

Какъ странно одѣвается
Мадамъ Тюрлютютю;
На плечахъ пуфы страшные
Камаль пре пуэнтю;
Беретецъ черный бархатный,
Вся въ кисточкахъ спина,
И косы три фальшивыя,
И вся насюрмлена!

И сами вы, трещеточки,
Весь видѣли нарядъ?
—Наряда не видали мы,
А только говорятъ!

Левъ Буйволычъ Медвѣдевъ нашъ
Какъ Львицѣ досадилъ!
Въ пикникъ къ себѣ онъ въ саночки
Пантеру посадилъ;
И Львица разсердилася,
Въ большой азартъ вошла,
На зло, Верблюду Власьичу
Мазурку отдала!

И это вы, трещеточки,
Провѣдали?.... на-врядъ!
—Провѣдать не провѣдали,—
А только говорятъ!

Поручикъ съ камеръ-юнкеромъ
Затѣяли дуэль;

Исторья непріятная;
Причиною мамзель:
Мамзель ангажирована
Поручикомъ была,
Но какъ-то съ камеръ-юнкеромъ
Вальсировать пошла!

Вы видѣли, трещеточки,
Исторію—на-врядъ!
—Исторьи не видали мы,
А только говорятъ!

Графиня къ старой тетушкѣ
Все ѣздитъ по утрамъ;
Но капитанъ молоденькій
Ее встрѣчаетъ тамъ.
Намеки ль, подозрѣнье ли,—
Мужъ какъ-то завернулъ:
Тутъ всѣ перепугалися,
Шумъ, гвалтъ и караулъ!

И сами вы, трещеточки,
Тутъ встрѣтились?—на-врядъ!
—Нѣтъ, правда, насъ тутъ не было,
А только говорятъ!

Да самъ Терентій Яковличъ
Поссорился съ женой;
Онъ къ ней пришелъ нечаянно,
Какой же онъ смѣшной!
Баронъ Данило Карловичъ
Съ нимъ встрѣтился въ сѣняхъ;

Распросы, слово за словомъ,—
Расходятся на дняхъ!

И точно вы, трещеточки,
Увѣрены?.... на-врядъ!
—Не то, чтобы увѣрены,
А только говорятъ!

Пришла година горькая
Для нашихъ докторовъ:
Животный магнетизмъ подъ нихъ
Подкапываетъ ровъ;
Вамъ стоитъ деревенскую
Лишь бабу усыпить,
Она сейчасъ пропишетъ вамъ,
Чѣмъ мазаться, что пить!

И опытъ ужъ, трещеточки,
Вы сдѣлали?—на-врядъ!
—Нѣтъ, опыта не дѣлали,
А только говорятъ!

Но столько здѣсь ужъ фокусовъ
Надѣлалъ магнетизмъ,
Что дамы всѣ восторжены!
Ужасный фанатизмъ!
Одна изъ нихъ кобянится,
Та испускаетъ стонъ;
А эта поэтически
Описываетъ сонъ!

И что жъ онѣ, трещеточки,
Здоровѣе? на-врядъ!

—Признаться, не примѣтили,
А только говорятъ!

Пріѣхалъ къ намъ изъ-за моря
Французъ-магнетизеръ.
Какія шутки строитъ онъ!
Сказать-что профессоръ!
Горбатыхъ, косолапыхъ, лишь
Онъ за носъ подержалъ,
Всѣ ноги вдругъ спрямилися,
И горбъ какъ не бывалъ!

И сами вы, трещеточки,
Свидѣтели?.... на-врядъ!
Свидѣтелями не были,
А только говорятъ!

Какая-то есть палочка,
И есть стаканъ воды;
И палочку макаетъ онъ
Все кончикомъ туды;
А тамъ онъ ей по воздуху
Вокругъ себя ведетъ,
И какъ начнетъ разсказывать,
Компанья вся заснетъ!

Да можетъ быть, трещеточки,
Отъ скуки люди спятъ?
—Ну нѣтъ, довольно веселы
Компаньи говорятъ!

Вдова одна профессорша,
Три двойни родила,

И двадцать восемь мѣсяцевъ
Беременна была;
Когда же разрѣшилася,
Собрался факультетъ,
Велѣлъ литографировать
Родильницы портретъ!

Портретъ же вы, трещеточки,
Имѣете?.... на-врядъ!
—Портрета не достали мы,
А только говорятъ!

Грибкова перессорилась
Со всей родней своей.
Хотя она и умница,
Да толку нѣтъ у ней,
Все пишетъ письма странныя,
Ругаетъ наповалъ:
И что же? по-немножечку
Всякъ отъ нея отсталъ!

Скажите, вы трещеточки,
Знакомы съ ней?.... на-врядъ!
—Нѣтъ, съ нею не знакомы мы,
А только говорятъ!

Поймали трехъ разбойниковъ
Недавно на сѣнной;
Ихъ долго караулили...
Одинъ гулялъ съ женой,
Другой ходилъ съ корзинкою,
И продавалъ блины;

А третій, ужъ не помнимъ, съ чѣмъ,
Но всѣ посажены!

И что жъ, они, трещеточки,
Признались?.... иль грозятъ?
—Не знаемъ, не развѣдали,
А только говорятъ!

На небѣ, межъ планетами,
Меркуріусъ горитъ;
Нашъ астрономъ изъ Питера
Всѣмъ выбраться велитъ:
Онъ пишетъ, что дни майскіе
Такъ будутъ горячи,
Что крыши всѣ растопятся,
И лопнутъ кирпичи!

Его трактатъ, трещеточки,
Прочли вы весь?... на-врядъ!
—Прочесть намъ не случалося,
А только говорятъ!

Комета появилася;
Но, бѣдная, прошла
Сквозь солнышко нечаянно,
И хвостъ свой обожгла.
Теперь, она, кургузая,
Гуляетъ межъ планетъ,
Скромнехонько, инкогнито,
Хвоста же нѣтъ, какъ нѣтъ!

И астрономъ, трещеточки,
Сказалъ вамъ то?... на-врядъ!

— Нѣтъ, съ нимъ-то мы не знаемся,
А только говорятъ!

Японцы съ кабардинцами
Затѣяли войну,
За то, что тѣ китайскую
Разрушили стѣну;
И короля Сандвичскаго
Задѣлъ опять Султанъ;
Индѣйцы разшумѣлися,
Кипитъ Алдагестанъ!

И это все, трещеточки,
Въ газетахъ есть?... на-врядъ!
—Въ газетахъ не написано,
А только говорятъ!

Изъ глуши, изъ Саратова,
Пріѣхалъ экономъ;
Рублями, дипозитками,
Карманъ набитъ биткомъ;
Аллегри, балъ и томболя,
Рубини, Бланшъ и Листъ,
Другія наши прихоти,—
Карманъ и пустъ и чистъ!

Не ужъ-то онъ, трещеточки,
Такъ былъ здѣсь тароватъ?
—Не знаемъ, не знакомы съ нимъ,
А только говорятъ!

И не на что отправиться
Теперь ему домой;
И даже шубы не на что
Купить себѣ зимой;
Онъ вѣрно обанкрутится,
Какъ жить онъ будетъ такъ;
Въ казну заподряженнаго
Не выставитъ никакъ!

А что, въ казну, трещеточки,
Имѣетъ онъ подрядъ?
—Ну, это не извѣстно намъ,
А только говорятъ!

Шестнадцать камеръ-юнкеровъ
Вчера произвели;
Всѣхъ легкоконныхъ латниковъ
Въ резервъ перевели;
Изъ егерей составили
Кавалерійскій полкъ;
Теперь вездѣ по городу
Идетъ объ этомъ толкъ.

И что жъ, прочли, трещеточки,
Приказъ о томъ?... на-врядъ!
—Приказа не видали мы,
А только говорятъ!

Престрашный шумъ за картами
Вчера у графа былъ;
Баронъ туза червоннаго
Девяткою убилъ;

Въ рукахъ всѣ были козыри,
И даму графъ держалъ,
Съиграли, какъ Мазепа вы!
Барону онъ сказалъ.

И что жъ, они, трещеточки,
Поссорились?... на-врядъ?
—Не знаемъ мы.... поссорились,—
А только говорятъ!

У старика аптекаря
Вчера сбѣжала дочь.
Эпекакуана съ арникой
Онъ разводилъ всю ночь;
Какой-то франтъ расчесаный
Рецептъ ему принесъ,
Старикъ полѣзъ за специями,
А дочку тотъ увезъ!

На вѣрное, трещеточки,
Вы знаете?—на-врядъ!
—Ну, то есть, не навѣрное,
А только говорятъ!

Директоръ департамента
Все ставитъ на своемъ;
Онъ хочетъ, чтобъ чиновники
Всѣ ѣздили верхомъ;
Доклады только кончатся,
Онъ всѣхъ ихъ шлетъ въ манежъ
И думаетъ современемъ
Ихъ выучить; но гдѣ жъ!

Но это вздоръ, трещеточки,
И гдѣ онъ вами взятъ?
—Пожалуй, вздоръ, положимте,
Однако жъ говорятъ!

Есть стихоплетъ, риѳмачъ у насъ,
Негодный ни къ чему;
Дѣлами занимается,
Но принесутъ ему
Докладъ, разсчеты, вѣдомость,
А онъ твердитъ сонетъ;
Дѣла его вверхъ дномъ идутъ,
И въ кассѣ денегъ нѣтъ!

А въ кассѣ-то, трещеточки,
Вы шарили?... на-врядъ!
—Нѣтъ, кассы не считали мы,
А только говорятъ!

Да онъ же и волочится
За дамами всегда;
По баламъ ѣздитъ, рыскаетъ....
Судите же, когда
Онъ можетъ вникнуть въ жалобы
Крестьянъ своихъ и какъ?
Нѣтъ просто, въ бѣломъ свѣтѣ онъ
Юродивый, бѣднякъ!

Трещеточки, чечеточки,
Какъ разболтались вы!
Что лѣзетъ за нелѣпица
Изъ вашей головы?

Во все, вездѣ, вы суетесь,
Какъ мухи, какъ шмели;
И хоть кого, несносныя,
Съ ума бы вы свели!
Трещеточекъ, чечоточекъ
Такъ расплодился родъ,
Что просто мочи нѣтъ отъ нихъ,
И оглушенъ народъ!

Когда бъ еще полезная
Ихъ направляла цѣль!
Добру наставить юношу,
Предостеречь мамзель;

Коварной, злобной хитрости
Завѣсу развернуть;
Дать руку добродѣтели!
А то ни чуть, ни чуть!...

Трещеточки, чечоточки
Ни свѣтятъ, ни горятъ;
И сердцемъ не участвуютъ,
А только говорятъ!!!....

*
* *

СЕНСАЦІИ И ЗАМѢЧАНІЯ Г-жи КУРДЮКОВОЙ

ЗА ГРАНИЦЕЮ, ДАН Л'ЭТРАНЖЕ.

I.

Отъѣздъ.

—

Мнѣ сказали доктора:
„Мадамъ Курдюковъ! пора
Вамъ бы на воды въ Германью,
Тамъ найдете вы компанью
Лордовъ, графовъ и князей,
Препорядочныхъ людей.
Вамъ понравится Европа.
Право, мѣшкать *иль не фо-па*,
А то будете *маладъ*,
Отправляйтесь-ко въ Кронштатъ."

Вотъ въ дорогу я пустилась:
Въ городъ Питеръ дотащилась
И промыслила билетъ
Для себя, *э пуръ* Анетъ,
И *пуръ* Харитонъ *ле* мѣдникъ.
Сюръ ле пироскафъ Наслѣдникъ,
Погрузила экипажъ,
Приготовилась въ вояжъ,

Но на Бердовой машинѣ,
Вздумалось моей кузинѣ,
Бѣдную меня, *маладъ*,

Проводитъ *жюска* Кронштадтъ.
Берегъ весь кипитъ народомъ,
Передъ нашимъ пароходомъ,
Де мамзель, де кавалье,
Де попы, *дезъ офисье,*
Де коляски, *де* кареты,
Де старушки, *де* кадеты,
Однимъ словомъ, всякій сбродъ.

Задымился пароходъ,
Въ колокольчикъ застучали,
Всѣ платками замахали;
Завозились *ле мушуаръ*;
Всѣ кричатъ: *адье, бонсуаръ.*
Ревене, не м'убліе па!
Отвязалася зацѣпа;
Мы пустились по водамъ,
Какъ старинная мадамъ,
При началѣ минуета.
Не догонитъ насъ карета;
Мы летимъ, какъ соколы!
Разсѣкаются валы,
Домъ за домомъ пропадаетъ,
Меньше, меньше убываетъ
И *ле* Петербургъ исчезъ
Въ мрачной синевѣ небесъ.

Пригорюнясь объ отчизнѣ,
Я подумала о жизни.
Право, то жъ бываетъ съ ней:
Много въ юности затѣй,

Передрягъ, любви, невзгоды;
Протекутъ, промчатся годы,
И вся эта кутерьма,
Исчезаетъ, какъ дома.
Кстати берегъ Петергофа
Намъ синѣется, здорово
Старый другъ минувшихъ лѣтъ!
Я была *энъ-пе кокетъ,*
Помню, N.N. волочился,
И чуть чуть... но онъ женился,
Завладѣла имъ жена....
Я осталася вѣрна
Господину Курдюкову

Но *адье* и Петергофу;
Вотъ является Кронштадтъ.
Сердцу русскому онъ кладъ;
Онъ Петра напоминаетъ;
Духъ Петра въ немъ обитаетъ,
И теперь его гранитъ
Не ме тушъ па, говоритъ.

Вотъ и *пироскафъ* Наслѣдникъ!
О, великій проповѣдникъ
Всѣхъ морскихъ тревогъ и мукъ,
Ты, *мусье,* капитанъ Кукъ,
Дай твое мнѣ краснорѣчье,
Дай перо не человѣчье,
Описать на твой манеръ,
Наше странствіе *паръ меръ.*

Я взошла. Зовутъ обѣдать!
Хорошо бъ *дине* отвѣдать!
Но куды,—ужъ мѣста нѣтъ!
Пропадаетъ мой обѣдъ.
Я на палубу взбѣжала,
Капитана отыскала;
Говорю: *монъ капитенъ*,
Онъ въ отвѣтъ мнѣ: *нихтъферштейнъ!*
Нѣмецъ на бѣду копченный,
По-французски неученый.
Я не знаю *лалеманъ;*
Ну, признаться, *се шарманъ!*
Ужъ мнѣ это компанейство:
Настоящее злодѣйство,
Привелегію давать,
Чтобъ меня не понимать,
Чтобъ осталась я голодной!
Я, съ улыбкой благородной,
Отошла, но мой обѣдъ—
Отомстила *сюръ Анетъ*,
Съ ней за все, про все ругалась,
Тутъ съ кузиной я разсталась;
Бердова машина прочь.

Солнце скрылось, вотъ ужъ ночь.
Чтожъ не ѣдемъ? Тамъ съ паспортомъ
Что-то возится надъ портомъ
Акуратный капитанъ:
Хочетъ знать, *пуркуа*, *команъ*
Отправляемся въ дорогу.

Было время, слава Богу—
Разсмотрѣть, но ахъ, *гаме*,
Все у насъ *формалите!*
Есть всегда крючекъ запасный.

Но вотъ полночь. Мѣсяцъ ясный
Расходился въ небесахъ,
И на дремлющихъ волнахъ
Онъ излилъ свое сіянье,
Въ сердце томное мечтанье
О быломъ, о старинѣ;
Мнѣ явились, какъ во снѣ,
Тѣ боскеты, тѣ пріюты,
Роковыя тѣ минуты,
Гдѣ впервые, Курдюковъ
Объявилъ мнѣ про любовь.—
Я жеманилась сначала,
Но потомъ сама сказала,
Поразнѣжась: *пуркуа па?*
Адресуйтесь *а папа!*

Но вотъ подъѣзжаетъ шлюпка.
Въ ней, раздутой, точно губка,
Офицеръ сидитъ рябой.
Отправляйся, Богъ съ тобой!
Онъ кричитъ, подавъ бумаги,
Пассажиры не бродяги;
Капитейнъ, идье, фарцу!
Дѣло, стало быть, къ концу.
Точно, пароходъ дымится;
Мы идемъ, волна клубится

Подъ колесами у насъ,
И Кронштадтъ пропалъ изъ глазъ.

Посмотрѣть бы, компаньоны
Каковы, что за *фасоны?*
Однимъ словомъ, кто они?
А то, Боже сохрани!
Не диковинка *пётетеръ*,
Такъ сказать, *се компрометеръ*.
Ну приступимъ: *вуаси*
Знатный баринъ *де рюси*.
Онъ въ плащѣ, въ очкахъ, въ фуражкѣ,
Не узнаешь по замашкѣ,
Кто такой. Но вотъ *малёръ*.
Съ нимъ заговорилъ актеръ,
Просто изъ французской труппы.
А вонъ тамъ, какія группы!
Офицеры, шкипера,
Шамбеляны, повара,
Разночинство, развращенье,
Вавилонское смѣшенье!
Вотъ опять актеръ *франсе*
Разговоръ *рекомансе*
Съ графомъ, будто бъ съ своимъ братомъ.
Я бы съ этимъ сопостатомъ
Поступила.... но гляжу,
Всюду то же нахожу;
Въ креслахъ Гамбсова издѣлья,
Что дарятъ для новоселья,
Дама знатная сидитъ.

Съ нею каждой говоритъ,
Всякъ подходитъ, кто желаетъ,
И съ сигаркой подсѣдаетъ.
Вонъ съ козлиной бородой,
Знать Французикъ молодой,
Во всю мочь горланитъ пѣсни;
Не умолкнетъ онъ, хоть тресни.
А тутъ Н. Н. балагуръ,
Что *а муа фезе ла-куръ*,
Говоритъ стихи плохіе,
Иногда, хоть и смѣшные,
Ме пуртанъ, се не ва па.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Тутъ толкуютъ о натурѣ,
Больше жъ о литературѣ.
Амитеры де вояжъ,
И какую ералашъ,
То Вольтера, Ламартина,
То другого господина,
Превозносятъ до небесъ;
То Байрону перевѣсъ
Присуждаютъ оффиціально,
То Гюго бранятъ формально,
А тамъ далѣе отъ нихъ,
Цѣлой фронтъ старухъ больныхъ
Чулки вяжутъ, что есть мочи,
Съ утра ранняго до ночи.
Такъ успѣли надоѣсть,
Что не знаешь гдѣ и сѣсть.
Тутъ гуляетъ горделиво
Цампа что ли, Алмавива,
Въ синей епанчѣ одѣтъ,
Энъ курье де кабинетъ,
Англичанинъ съ рожей красной,
Вѣрно человѣкъ опасной!
Онъ ни съ кѣмъ не говоритъ;
То сигарку закуритъ,
То присядетъ, то напьется;
То самъ про себя смѣется,
То глядитъ на *фирмаминъ*,
И всегда *анъ мувеманъ*.

Такъ мы плыли двое сутокъ;
Очень скучно, кромѣ шутокъ;

Какъ вдругъ появился мнѣ,
Островъ Борнгольмъ въ сторонѣ.
Островъ Борнгольмъ! кто не знаетъ?
Русской всякой тутъ вздыхаетъ,
Потому, что Карамзинъ
Сочинилъ романъ одинъ
Пречувствительный, презнатный,
И притомъ весьма пріятный;
Мнѣ же, что таить грѣхи?
Очень нравятся стихи:
„Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви".
Они напоминаютъ
Волненіе въ крови,
Когда, будучи при мѣстѣ,
Кажется, рублей за двѣсти,
Мой супругъ попалъ подъ судъ.
Какъ я ихъ пѣвала тутъ!
Какъ я въ горести мечтала,
Что́ въ Борнгольмѣ я вздыхала,
Въ мысляхъ слились Курдюковъ,
И законы, и любовь.
Онъ не правъ, конечно;—что же,
Онъ мой мужъ, великій Боже!
Я законная жена,
Сожалѣть о немъ должна.

Но еще одна секунда,
И ужъ берегъ Травемюнда,
На яву ли то,—во снѣ?

Я въ нѣмецкой сторонѣ!
Для меня всѣ вещи новы,
И нѣмецкія коровы,
И нѣмецкая трава!
Закружилась голова;
Внѣ себя отъ восхищенья;
Все предметъ мнѣ удивленья!

Но морской мой конченъ путь,
И пора мнѣ отдохнуть.

II.

Любекъ.

Городъ Любекъ градъ ганзейской;
Изъ исторьи европейской,
Кажется, *Лабе Милотъ*,
Помню я, что былъ комплотъ
Встарину межъ городами,
Чтобъ торговыми дѣлами
Имъ завѣдывать, и такъ,
Чтобы не входилъ никакъ,
Въ городъ, ни король, ни воинъ,
Кто въ Ганзу не удостоенъ!
Всѣмъ тогда была гроза
Знаменитая Ганза.
Даже Новгородъ великой,
Подстрекаемъ политикой,

Въ тотъ вмѣшался заговоръ.
Русской царь былъ *пиз-анкоръ*
Обладатель пол-вселенной.
На тотъ счетъ, опять почтенной,
Помнится мнѣ, Карамзинъ,
Написалъ романъ одинъ.
Я сама его читала,
Въ Мароы ужасть какъ желала,
Но теперь не та *эпокъ:*
Женщина! вяжи чулокъ.
Не задумывай о рѣчи,
Какъ *алоръ,* у нихъ при вѣчѣ.
Нѣтъ! теперь болтливыхъ бабъ
Въ мигъ квартальной цапъ-царапъ.

Городъ Любекъ такъ построенъ,
Что вниманія достоенъ:
Въ немъ все кирки, не дома;
Много пищи для ума,
Всюду старина святая,
Плоховата мостовая,
Ме села, си мет-эгаль.

А какая *катедраль!*
Что за штуки въ ней встрѣчаютъ!
Тамъ куранты часъ играютъ,
Кажется *ле Огюстинъ.*
Ангелъ выскочитъ одинъ,
Молоткомъ бьетъ объ колонну,
И къ нему идутъ къ поклону
Куклы въ царскихъ епанчахъ,

Въ гарнитуровыхъ штанахъ.
Хоть о томъ толкуютъ розно,
Но оно весьма курьезно.
Тамъ какого-то Голбейнъ,
Кажутъ также *ле десейнъ;*
Во всю стѣну все скелеты,
И фигуры разодѣты;
Ламперёръ, ле папъ, купецъ,
Рыцарь, воинъ, изъ Нѣмецъ,
Королева, столяриха,
Баронесса и портниха.
Этотъ называютъ вздоръ,
Ле проказы *де ла моръ.*
Я все мелькомъ осмотрѣла,
Видѣть городъ захотѣла,
И пошла, вездѣ въ чепцѣ.
Вижу даму на крыльцѣ,
Да и не одну—десятки,
Анъ маншъ куртъ, и всѣ порядки
Соблюдаютъ прежнихъ лѣтъ.
Есть и фартукъ, и корсетъ,
И платочекъ, и корзинка,
Будто бъ про запасъ для рынка,
А мущины Нѣмцы типъ—
Есть у всякаго *ла пипъ*—
И *ла каннъ,* и фракъ предлинной,
И *кюлотъ,*—костюмъ старинной,
И *ле букль,* и *ле сулье,*
Веритабль кавалье!
Кучера, ткачи, маркеры,

Всѣхъ ихъ право въ гувернеры
Мы забрали бъ встарину!
Имъ была лафа *ше ну!*
Нынче времена иныя:
Наши Русачки лихіе
Рады Нѣмцамъ указать.
Хваты, нечего сказать!
У моихъ меньшихъ сестричекъ
Гувернантка изъ Калмычекъ,
А у братцевъ гувернеръ
Бывшій Н. Н. *шасёръ*
Сынъ прикащика простаго,
Человѣка крѣпостнаго,
Но которой, *же ле гажъ*,
Навострился *анъ вояжъ*—
Такъ и рѣжетъ по-французски.

Но мой *эстома* по-русски
Говоритъ: пора *дине*,
Полно дискать *промене.*
Вверхъ носить ко мнѣ забота;
Я поѣмъ *у табельдота.*
Вотъ вхожу, хозяинъ самъ,
Молвилъ: *зецензи мадамъ:*
Но потомъ и самъ садится!
Ну, куда жъ это годится,
Чтобъ трактирщикъ за столомъ
Самъ сидѣлъ, какъ *галантомъ?*
Вотъ ла супъ,—одна водица!
Съ лукомъ, съ тѣстомъ, и корица

Такъ и плаваетъ по немъ.
Незавидно, подождемъ,
Дальше будетъ что такое.
Вотъ *ле бёфъ*, языкъ, жаркое,
Рыба, утка и *гемисъ*.
Это *ле премье сервисъ*.
Ко всему даютъ варенье.
Что за странное смѣшенье!
А съѣдятъ, *нейе па пёръ*,
И затѣмъ *фромажъ* и *бёръ*.
Кушать мясо съ черносливомъ
Запивать все это пивомъ,
Тотчасъ будетъ *ла коликъ*.
Нѣмецъ къ этому привыкъ,
Но я русская, не нѣмка,
Все равно, давай, поѣмъ-ка,
Что-то будетъ? Ничего!

Но готовы *ле шево*.
Городъ Любекъ оставляю,
Путь мой въ Гамбургъ направляю,
Постильонъ сидитъ верхомъ,
Важно хлопаетъ бичомъ,
Но потомъ въ рожечекъ мѣдной
Такъ онъ подуваетъ бѣдной,
Что краснехонекъ, какъ ракъ.
Это музыкальной знакъ.
Да! рожокъ, по мнѣ, кокарда
Земли Глука и Моцарта,
И Бетговена, *временъ!*

Музыкантъ-то, *сёлеманъ*,
Не искусенъ,—такъ играетъ,
Что намъ уши раздираетъ:
То завякаетъ козой,
То какъ быкъ мычитъ порой,
То визгнетъ, какъ поросенокъ,
То заплачетъ, какъ ребенокъ.
То скрипитъ, *ме сет-эгаль:*
Колыбель *де ла Вестаиь*
Въ этихъ звукахъ полудикихъ.
Такъ начало рѣкъ великихъ
Непримѣтный ручеекъ;
Такъ невидный червячекъ
Той матеріи начало,
Что роскошно украшала
Между нами не одну
Генеральскую жену!

Въ гору постильонъ слѣзаетъ,
Трубку вяло набиваетъ,
Лошади идутъ шажкомъ,
А онъ возлѣ нихъ пѣшкомъ.
Я кричу, онъ въ усъ не дуетъ;
По-нѣмецки мнѣ толкуетъ,
Что карета тяжела.
Вишь подъѣхалъ съ чѣмъ, *волà!*
Жалко, что не угодила.
Я въ Москвѣ ее купила
За три тысячи рублей;
Не мѣнять же, дуралей!

Вотъ шлагбаумъ—тутъ за дорогу
Марковъ пять платить, ей Богу!
Хуже тракта нѣтъ у насъ.
По-нѣмецки: *васъ истъ дасъ?*
Разсердясь я закричала:
Махензи шосей сначала,
И тогда я заплачу,
А теперь *нихтсъ*, не хочу!
Нѣмецъ въ хохотъ, и мнѣ кажетъ,
Что шлагбаумъ онъ не отвяжетъ,
Пока денегъ не отдамъ.
Что жъ мнѣ спорить? Я мадамъ!
Не стоять же здѣсь съ каретой.
Посовѣтовшись съ Анетой,
Отдала, и вскорѣ вотъ
Мы на станцьи;—новой счетъ!
За *шмиръ-гельдъ, тринк-гельдъ*, барьеры,
Здѣсь на разныя манеры
Отдувайся кошелекъ;
Мигомъ весь уйдетъ оброкъ.
Право,—экая досада!
Не доѣду до Бадъ-бада;
И прійдется мнѣ стоять,
Или деньги занимать.

III.

Гамбургъ.

—

Городъ Гамбургъ, городъ важной,
По коммерціи вальяжной,
Богатѣйшіе *мезонъ!*
Право, *онъ оре резонъ,*
Если бъ назвали столицей
Городъ Гамбургъ, и царицей
Всей торговли *де Эвропъ.*
Любекъ передъ нимъ холопъ,
Просто дрянь. Здѣсь есть кареты,
Шарабанъ, кабріолеты,
Кавалеры *а шеваль,*
Гардъ есть даже *насьональ,*
Въ длинныхъ чекменяхъ казацкихъ,
Въ киверахъ полусолдатскихъ,
Маршируютъ съ *ла мюзикъ,*
А напереди мужикъ,
Русской, съ бородою длинной.
Табліе на немъ лосинной,
Ходитъ съ топоромъ въ рукѣ,
И въ медвѣжьемъ колпакѣ.
Надобно сказать въ прибавокъ,
Что солдаты всѣ изъ лавокъ
Набраны, а комендантъ
Ихъ—сигарный фабрикантъ.

Я бъ у гамбургцевъ спросила:
Для чего имъ эта сила?
На кого *тире л'эпе?*
Нынѣ, *Дьё мерси, ла пе,*
Не ко времени *пруэсы.*
Гдѣ ихъ были *фортересы,*
Бастіоны, палисадъ,
Тамъ теперь прекрасной садъ.
Все дорожки, все боскеты,
Клумбы, лавочки, генгеты,
Гдѣ съ утра затѣя пиръ,
Нѣмцы прославляютъ миръ.
Нужны ль трубы, барабаны?
Не драбанты, а кауфманы
Славу здѣсь должны стяжать,
А не сабли обнажать.

Не дурна моя квартера:
Гдѣ же лучше Бельведера?
Онъ стоитъ *данъ ле мильё,*
Передъ вашими *ле-зьё*
Юнфернштигъ и Эспланада.
Это Гамбурга фасада.
Гамбургъ точно, какъ товаръ:
Много въ немъ *пуръ ле регаръ,*
И кварталъ весь этотъ новой,
Какъ въ кускѣ конецъ хазовой,
Какъ на пачкѣ *экрито,*
Развернешь, уже не то.
Разъ пошла я для прогулки

Дальше, что же? закоулки,
Неопрятность, тѣснота.
Магазиновъ красота
Даже тамъ еще плѣняетъ,
Но оно лишь объясняетъ,
Каговы у нихъ *ресурсъ.*

Вотъ здѣсь Гамбурга *ла-бурсъ.*
Домъ большой, и въ немъ двѣ залы.
Наверху одни журналы;
Тутъ съ утра купцы сидятъ,
И молчаніе хранятъ;
Даже тутъ и чхнуть не смѣешь,
Поневолѣ оробѣешь.
А внизу вездѣ, глядишь,
Всѣ развѣшены *афишъ,*
Но не тутъ дѣла сплетаютъ,
Курсъ монетъ опредѣляютъ:
Нѣтъ, на то есть *ан-дегоръ*
Крышею покрытый дворъ,
Какъ загонъ скота въ Украйнѣ.
Я поудивилась крайне
Здѣсь такой *аномали....*
Какъ Гамбургцевъ ни хвали,
А все люди, человѣки!....
Тутъ Индѣйцы, Турки, Греки,
Англичане, *де Франсе,*
Словомъ, тутъ народы всѣ.
Ровно въ часъ *ла-портъ* открыли,
Но меня не пропустили,

Потому что я мадамъ,
И къ коммерческимъ дѣламъ
Не принадлежу по полу...
Виновата, по подолу!!
Я имъ: *се бьенъ пё галанъ!*
Молвила *анъ ман-алланъ,*
И наверхъ подняла палецъ.
Это принялъ за сигналецъ
Фьякръ. стоявшій въ сторонѣ,
Мигомъ повернулъ ко мнѣ,
Съ сивой тощею лошадкой,
И съ колясочкой прегадкой.
Я должна была *гремпе;*
Ужасть, комъ *сетъ-эскарпе!*
Дверку онъ за мной захлопнулъ,
Ну *вогинъ?* спросилъ, и топнулъ.
Я признаться стала въ пень,
Говорю: *л'эглизъ, жарденъ,*
Иль *ле-портъ*, куда угодно
Не могу еще свободно
По-нѣмецки объяснять.
Онъ сталъ лошадь погонять,
Но куда, ей, ей, не знаю.
Только вижу, — примѣчаю,
Что съ коляской *же маршѐ,*
Прямо такъ черезъ *маршѐ.*
Люди впереди и сзади;
Не кричитъ онъ: пади, пади!
Лишь бичемъ на воздухъ бьетъ,
И расходится народъ.

Догадаешься, прекрасно;
А не то, такъ преопасно,
Вотъ, *ше ну кандъ иль-а-ди:*
Баба чортова, поди!
Оглянулась, осердилась,
Но за то посторонилась.
Э же трувъ, се трез-эзе,
Но *муэнъ сивилизе.*
По проулкамъ крючковатымъ,
Часъ благимъ мы ѣдемъ шагомъ,
Вдругъ онъ мнѣ: *дасъ истъ ле портъ!*
Поглядѣла я: кой чортъ?
Все трактирчики, *генгеты.*
Гдѣ жъ брандвахта? гдѣ пикеты?
Гдѣ пакгаузы? гдѣ *ле-ке?*
Только корабли въ рѣкѣ.
Вижу я, что для торговли,
Точно, какъ для рыбной ловли,
Нужно только приманить,
А потомъ ужъ не мутить,
Не подчаливать къ мерёжѣ,
Не шумѣть, избави Боже!
Лишь сначала волю дай,
Тамъ гляди, и не мѣшай!
— Ну, *мусье*, вези *нахъ обенъ!*
Я сказала. Безподобенъ
Фьякръ мой! Понялъ эту цѣль.
И привезъ *а Сенъ-Мишель.*
Кирка важная, большая,
Точно церковь, и какая

Башня знатная при ней!
Вѣрно въ триста саженей.
Я наверхъ взойти рѣшилась;
Лѣзла, лѣзла, дотащилась.
Что тутъ за прекрасный видъ!
Глазъ куда ни поглядитъ,
Города вездѣ, селенья,
Эльбы, Везера теченье.
Есть съ чего сойти съ ума!
Кель шарманъ панорама̀!

Гдѣ-то въ книгѣ я читала,
Будто бъ, не увидя бала,
Городъ—*онъ не пё жюже.*
Какъ же быть? мнѣ, госпожѣ,
Напроситься невозможно;
Развѣ очень осторожно.
Но что вижу? ба, ба, ба,
Вотъ счастливая судьба!
Объявляется о балѣ,
Ныньче жъ вечеромъ въ воксалѣ.
Не хочу его *манке.*
Кликнула *энъ лонъ-лаке,*
И отправилась.—При входѣ
Заплатила маркъ, по модѣ
Скинула *манто* въ сѣняхъ,
И вошла. Что вижу?—Ахъ!
Какъ куръ во щи я попала;
Вся биткомъ набита зала,
И какой ужасной сбродъ!

Все ремесленный народъ:
Все *де дамъ комъ илль не фо па!*
Чуть не сдѣлалось *сенкопа.*
Трубокъ дымъ, попойка, крикъ,
И прескверная *мюзикъ!*
Я назадъ; меня хватаетъ
Энъ мусье, и вдругъ сажаетъ
На колѣни, какъ мамзель.
Курдюковъ бы на дуэль
Его вызвалъ за продерзость.
Но я вырвалась, о мерзость!!
Какъ узнаютъ—нѣтъ, *санъ брюи*
Я уѣду *данъ ли нюи.*

Но карета расхилилась,
И еще не починилась.
Побранила я *ме жансъ,*
Записалась въ дилижансъ.
Дилижансъ узнать не худо;
Хоть до Бремена покуда,
А ужъ послѣ—въ Оснабрюкъ.
Заказала я семь брюкъ
Въ Гамбургѣ для Харитона;
Для себя—два амазона,
И мантилью *пуръ Анетъ;*
Да купила я лорнетъ,
Парасоль, часы стѣнные,
Вещи разныя иныя.
Харитонъ ихъ соберетъ,
И съ каретой привезетъ.

Деньги какъ подобралися.
Экой Гамбургъ! провалися.
Ужъ замѣчено всегда,
Русскимъ въ Гамбургѣ бѣда.
Все такъ дешево, красиво,
И сидѣльцы такъ учтиво
Все умѣютъ предложить,
Что нельзя и не купить.
Намъ всегда гостинцы нужны;
Мы и съ тѣмъ, и съ этимъ дружны:
И *ма тантъ*, и *ле доктеръ*,
И Коко, Жано, *ма серъ*,
Все на память тутъ приходитъ;
И такъ далеко заводитъ,
Что на первую пору
Въ кошелькѣ ужасный *тру*;
А ужъ далѣе что будетъ,
Русской думать позабудетъ.
Протранжирить, промотать,
Вотъ что русскому подъ стать!
Что же дѣлать?—виновата:
Я по-русски таровата;
Всѣмъ знакомымъ *де кадо*,
И себѣ *ту-се-киль-фо*
Въ Гамбургѣ я накупила.
Такъ карету погрузила,
Что *пуръ муа* и *пуръ Анетъ*,
Даже сѣсть ужъ мѣста нѣтъ,—
Русская, хотя извѣстна,
Ла рыдвань четвероместна;

Ваши погребъ, чемоданъ,
Сундуки, *дерьеръ, деванъ*,
Примутъ издали за гору,
И на почтахъ не безъ спору;
Все ея тяжелину—
Поставляютъ намъ въ вину.

Но не кончены заботы,
Я потребовала счеты
Изъ *отель де Бельведеръ.*
Вѣрно *са сера тре шеръ;*
Не условилась сначала.
Спѣсь мнѣ какъ-то помѣшала;
Здѣсь зовутъ меня *контесъ*
Торговаться, *са м'абесъ!*
Русскихъ многихъ поддѣваютъ
Только тѣмъ, что величаютъ
Иль *монъ пренсъ*, или *монъ контъ;*
И тогда имъ будто *гонтъ*
Счеты видѣть, торговаться,
И въ обманъ не отдаваться.
Какъ они, попалась я;
Но признаться, мысль моя,—
Что давно насъ раскусили,
И давно ужъ сочинили
Басенку про русскихъ баръ,
Ле корбо и ле ренаръ.

IV.

Дилижансъ.

—

Въ дилижансъ чтобъ сѣсть съ Анетой,
Мнѣ пришлось *даборъ* съ каретой
Ѣхать *жюске данъ ле портъ*,
А тамъ, показавъ паспортъ,
Плыть рѣкой на пароходѣ,
При ужаснѣйшей погодѣ,
Вѣтрамъ и дождю *анъ бютъ*.
Я сошла *данъ ла каютъ*;
Духота, народъ толпится;
Всякой тутъ скорѣй садится,
Такъ, что намъ ужъ мѣста нѣтъ.
Я стою *авекъ* Анетъ,
Про погоду разсуждаю;
Какъ доѣду я, не знаю....
И теперь болитъ спина,
Сгорбиться была должна
Я въ каретѣ, и немножко
Ноги выставить въ окошко,
Чтобы вещи умѣстить,
А Анету посадить
Ужъ на козлы мнѣ пришлося,
Столько клади набралося.
А оттудова, Богъ вѣсть!
Хоть по пальцамъ перечесть,
Сколько помню о багажѣ,

Я не захватила даже
Лишней вещи ни одной:
Я взяла мой *сакъ* ночной,
Чемоданъ, туалетъ и ларчикъ,
Да дорожный самоварчикъ,
А съ Анетой сундучекъ,
Да съ провизьей погребокъ;
Съ шляпками моя картонка,
Да въ корзиницѣ балонка,
Пять, шесть книгъ, мой *сакувражъ*—
Вотъ и весь мой тутъ багажъ!
Мнѣ затѣи вовсе чужды;
Но вотъ для какой-то нужды,
Вышла парочка старухъ.
Поскорѣй на мѣсто бухъ,
Побѣжали мы, и сѣли,
И спасибо, что успѣли;
Глядь, онѣ ужъ снова въ дверь,
Но не пустимъ ихъ теперь.
За мѣста готовы драться;
Только стоило добраться!

Вотъ таможня, *ла дуанъ*.
Здѣсь мой бѣдный чемоданъ
Весь разшарятъ, раскидаютъ,
А о томъ не разсуждаютъ,
Что немудрено измять,
Перепортить, и опять
Мнѣ укладывать прійдется.
Если такъ, оно найдется,

Что все тутъ *пуръ мон-юзажъ*.
Ну, не лучше ли, *плю сажъ*,
Если бъ *ла дуанъ* сначала,
Вояжеровъ разобрала,
Посмотрѣла бы пашпортъ,
И открыли бы *ла портъ*
Всѣмъ, кто ѣдетъ для *плезира*;—
Какъ свободный житель міра,
Не за тѣмъ, чтобъ торговать,
А чтобъ деньги проживать.
Да что *ла дуанъ* добудетъ,
Если насъ тревожить будетъ?
Можетъ быть, одинъ платокъ,
Или полотна кусокъ.
Царство тѣмъ не разорится;
А на противъ, поживится
Тѣмъ, что въ немъ мы просоримъ.
Мы за то заговоримъ
Про его цивилизацью,
И прославимъ эту нацью.
Дѣло разное, купецъ;
Ѣдетъ онъ на тотъ конецъ,
Чтобы сбыть свои товары.
Нужны зоркіе *регары*,
Чтобъ онъ соблюдалъ тарифъ,
И не сдѣлалъ бы подрывъ,
Черезъ разныя мытарства,
Индустріи государства.
Но и тутъ опять скажу;
Я совсѣмъ недорожу

Заведеньями такими,
Что запретами одними
Могутъ только процвѣтать.
Нечего на нихъ считать!
Время измѣнитъ законы;
Что за страшные уроны
Должно ожидать тогда?
Да и всѣмъ отъ нихъ бѣда!
Платишь вдвое то, что хуже
И непрочно,—почему-же?
Потому что далъ король
Фабрикантамъ *монополь*.
Нѣтъ, по мнѣ бъ распорядиться,
Чтобы у себя добиться
Такъ издѣлья добывать,
Чтобы имъ соревновать
Не могли никакъ чужія
Потому что выписныя,
И дороже ихъ,—*а козъ*
Де ла друа, э дю провозъ.

Я какъ будто отгадала:
Мнѣ таможня приказала
Преучтиво, *анъ-франсе*,
Взять мои багажи всѣ,
Дескать, нѣтъ на нихъ сомнѣнья.
Лишь спросили объявленья,
Что со мной товаровъ нѣтъ,
Подходящихъ подъ запретъ.
Женсепа, я отвѣчала,
И досмотра ожидала,

Но *мусье ле-капораль*
Закричалъ: *о, сет-эгаль!*

Я отправилась въ контору
Дилижансовъ. На ту пору
Тамъ мой вѣшали багажъ,
Чтобъ укласть *данъ л'экипажъ.*
Фунтовъ триста сорокъ восемь.
Экой вѣсъ!—покорно просимъ.
Да нельзя его намъ взять.
Ле конторщикъ сталъ ворчать:
Сказано намъ по закону,
Фунтовъ двадцать на персону.
Фунтовъ двадцать! *комъ се бетъ!*
Тяжелѣй одинъ туалетъ.
Если взять его хотите,
За излишекъ заплатите.
Заплатила такъ и быть!
Здѣсь платить все, и платить—
Было бъ чѣмъ, вся въ этомъ сила!

Къ дилижансу приступила,
Думала, что *ла мельеръ*
Будетъ *пласъ данъ л'ентерьеръ*;
Но ошиблась: *гранъ-сеньёры*,
Знатоки и *аматёры*,
Пласъ берутъ *данъ ле купе.*
Но онъ весь былъ *окюпе;*
Такъ засѣла въ шестимѣстной
Я каретѣ, очень тѣсной.
Вся она была полна:

Тутъ конторщика жена
Дилижансовъ, а тутъ рядомъ
Пивоваръ съ ужаснымъ задомъ;
Тутъ толстякъ, а тутъ скелетъ,
А тамъ въ уголкѣ Анетъ.
Межъ собою балагурятъ
Наши Нѣмцы, а не курятъ,
Слишкомъ уважая дамъ.
Но Анетинымъ ногамъ
Достается отъ скелета.
Видно хочетъ штука эта
Съ ней интригу завести.
Тьфу ты, Господи прости!
Вдругъ дохнулъ пренеучтиво
Нашъ производитель пива,
А за нимъ, вдругъ нашъ толстякъ
Подалъ усыпленья знакъ,
Захрапѣлъ, какъ будто боровъ.
Устрашась сердитыхъ взоровъ,
Успокоился скелетъ,
И спать залегла Анетъ.
Вскорѣ я сама заснула,
Но въ плечо меня толкнула
Пивовара голова.
Хоть поѣздка дешева,
Но ужасно безпокойна;
Даже дамамъ непристойна.
Близко такъ сидятъ,—какъ знать
Ночью вдругъ не ждешь, и хвать...
Рада буду, какъ доѣду

Въ Бременъ... Вдругъ со мной бесѣду
Заводить сталъ нашъ толстякъ;
Говоритъ онъ мнѣ: Никакъ
Дама русская... по минѣ?
Я на Невскомъ, въ магазинѣ,
Продаю *шапо де суа!*
Мусье Ю... ръ!!.. *Вуй, се муа.*
Точно, помню, Курдюкову
У него брала обнову,
Шляпу, галстухъ и жилетъ,
Часто *пуръ сонъ журъ де фетъ.*
Мы съ нимъ долго толковали,
И такъ оба пріустали,
Что заснула до утра.
Но вотъ Бременъ—и пора
Выходить намъ; городъ старой,
Съ Любекомъ онъ можетъ парой
Въ памяти моей стоять:
Постараюсь описать.

V.

Бременъ.

—

Бременъ, славясь стариною,
Былъ, какъ говорятъ, Ганзою
Признанъ *пуръ ла капиталь.*

Тутъ видна еще *ла саль*.
Гдѣ Ганзейцы собирались,
Погреба, гдѣ упивались
Ихъ могущества виномъ,
И въ раздоліи хмѣльномъ
Всѣ дѣла распоряжали,
И торговлей управляли.

Въ погребахъ сохранено
Времени того вино,
И за деньги продается
Въ пользу думы; подается
Въ кабинетахъ на столахъ,
Въ тѣхъ же самыхъ погребахъ.
Я по погребамъ ходила,
И отвѣдать попросила;
Когда жъ я его *гуте*,
Подивилась остротѣ,
Но не вкусу, у любаго
Вкусу нѣту никакого.
Его разные сорта;
Замѣчательна черта:
Что двѣнадцать ихъ считаютъ,
И всѣ бочки называютъ
Именами *дезъ-апотръ*.
Они ровны, *л'енъ комъ л'отръ*.
Вкусъ изъ-сладка кисловатый,
Цвѣтъ изъ-красна желтоватый;
Но тамъ, говорятъ, всегда
Всѣхъ хмѣльнѣе *ле Жюда*.

Отъ того онъ и предатель,
Прибавляетъ продаватель,
Бургомистра временщикъ
По титулу погребщикъ.

Тутъ, гдѣ погреба и зала,
Я съ вниманіемъ взирала
На чудесную *фасадъ:*
Вся узорчата; стоятъ
Тутъ статуи, *эскогрифы*,
И другіе іороглифы,
Ле-Саксонъ и *ле-Готикъ*,
И *ле-Грекъ митоложикъ*,
Чего хочешь, того спросишь,
И понятіе уносишь
Полное *о ренесансъ*,
Гдѣ проснулися *ле съянсъ*,
Но такъ межъ собой смѣшались,
Что всѣмъ кашею казались.
Ла статю дю гранъ Роланъ...
Здѣсь она *пуркуа, команъ?*
Мнѣ растолковать не знали.
Только Нѣмцы разсказали,
Что есть въ Бременѣ патентъ,
Коимъ этотъ монументъ
Данъ ему на сохраненье;
И Имперьи повелѣнье,
Чтобъ хранить его, какъ глазъ.
И приписано въ указъ:
Если монументъ свалится,

Городъ правъ своихъ лишится;
Ужъ за то онъ сохраненъ
И рѣшеткой обнесенъ.
Сверхъ того еще есть крышка,
И прибита тутъ афишка,
Чтобъ не гадили никакъ,
И въ ней препинанья знакъ.

Кто охотникъ до сигарокъ,
Вотъ ужъ тутъ ему подарокъ:
Ихъ найдешь во всѣхъ домахъ,
Да не въ ящикахъ, въ тюкахъ,
Какъ у насъ пенька и сало.
Толку въ нихъ я знаю мало,
Говорятъ, *комси-комса*,
Но для глазъ они краса:
Ими окна убираютъ,
И Европу наводняютъ.

Я пошла въ рабочій домъ.
Тамъ старикъ, *э кель бравъ-омъ!*
Одинехонекъ, съ женою,
Управляетъ всей тюрьмою,
Но безъ стражи, безъ цѣпей.
Бременецъ одинъ попей,
Подерись, или съ *аманомъ*
Встрѣться Бременка, ратманомъ
Тотчасъ ихъ туда сведутъ
И работу зададутъ.
А старикъ ихъ критикуетъ,

И про доблесть имъ толкуетъ,
Но безъ палокъ, безъ угрозъ.

Всѣ дома иль *веръ* иль *розъ*;
Улицъ нѣтъ; все переулки;
Но за то что за прогулки
На бульварахъ! *же ремаркъ*,
Что вездѣ они какъ паркъ.
Во всѣхъ городахъ ганзейскихъ.
Вѣрно славныхъ полицейскихъ
Подобрали: *сеть-эгаль*,
Ле режимъ мюнисипаль
Только въ городѣ годится,
Но когда распространится
Въ государствѣ, *се фини!*
Ты оглобли поверни,
Уплетай во всѣ лопатки.

Странные еще порядки
Въ разсужденьи *де ла бурсъ*,
Надо видѣть, *а ла курсъ*
Какъ сбѣгаются по звону
Всѣ къ Меркурьеву амвону
Негоціанты и *коми*
Равно *а миди эдми!*
Опоздаетъ кто, тотъ платитъ!
Нѣмецъ гроша не истратитъ,
Если можетъ удержать,
Лучше милю пробѣжать.

Кирка здѣсь еще замѣтна,
Но не тѣмъ, чтобы кокетна,

Нѣтъ.... кто въ ней похороненъ,
Тотъ не тлѣетъ..... обращенъ
Просто въ кожу барабана,
Иль въ пергаментъ для фирмана;
И по этому *суванъ*
На спинѣ *дюнъ грандъ-маманъ*,
Бременецъ стучитъ тревогу,
Иль готовитъ домъ къ залогу
При свидѣтельствѣ попа,
На брюшкѣ *дёнъ гранъ папа*.

VI.

Оснабрюкъ и Мюнстеръ.

Вотъ мой Харитонъ явился,
Съ почтой долго провозился,
Все привезъ окромѣ брюкъ;
Отправляюсь въ Оснабрюкъ.

Видѣть городъ интересно,
Гдѣ Европа, какъ извѣстно,
Сдѣлала *трете де пе*.
Были многіе *дюпе*,
Многіе земель лишились,
Многіе обогатились,
А иные короли
Тутъ загнули пароли.
Но трактатомъ симъ. Германья

Положила основанья
Всѣхъ своихъ владѣній правъ,
Политическій уставъ.
Онъ и нынѣ, можетъ статься,
Служитъ поводомъ придраться,
Пошумѣть, затѣять споръ,
И нагородить дю вздоръ.
Знать, отъ сильнаго задора
Сдѣлано два договора:
Въ Оснабрюкѣ былъ одинъ,
А по поводу причинъ,
Что тогда же разсудили,
Въ Мюнстерѣ другой склеили.
Оба за одно пошли:
Ле трете де Вестфали.

Что политикъ съединяетъ,
Дама то не разлучаетъ,
Такъ я Мюнстеръ, Оснабрюкъ,
Уложила въ тотъ же тюкъ.
Точно, есть въ обоихъ залы,
Гдѣ послы и генералы
Положили межъ собой
Раздѣлить весь шаръ земной,
Такъ, чтобъ каждому досталось
То, что нужно, что желалось.
И чтобы уже за симъ,
Всякъ доволенъ былъ своимъ,
И покоенъ былъ навѣки.
О, бѣдняжки человѣки!

Будто вѣчность въ ихъ рукахъ,
И созданье ихъ не прахъ....
Гдѣ ихъ дѣлась политика?
При капризахъ Людовика,
Что *Луи каторзъ* зовутъ,
Просто-напросто капутъ!
Онъ въ одну почти компанью
Внука королемъ въ Испанью
Самовольно посадилъ,
Рейнъ потомъ переступилъ,
Притѣснилъ потомъ Голландью,
Захватилъ потомъ Фламандью,
А Вестфальскій договоръ—
Ни въ копѣйку,—тутъ *анкоръ*
Заключили миръ Утрехтской,
Тамъ еще трактатъ Нимвегской,
Наконецъ *Эксъ ла Шапель*,
И всегда одна же цѣль:
Вѣчный миръ,—но мы забыли,
Что про залы говорили.

Въ Оснабрюкѣ лишь столы,
Лавки, потолки, полы
Тѣхъ временъ еще остались!
Стѣны только поубрались
Всѣ портретами персонъ,
Что тогда давали тонъ.
Въ Мюнстерѣ мнѣ показали,
Что послы употребляли,
Заключая славный миръ,

Экритуары, тирелиръ.
Деньги клалъ куда виновной,
По интригѣ кто любовной,
Иль за тѣмъ, что долго спалъ,
Къ засѣданью опоздалъ.
Есть еще тамъ бердышъ длинный,
И шандалъ одинъ старинный,
Разобиженный отъ мухъ,
И серебряный пѣтухъ,
Что служилъ на мѣсто кружки,
Для пословъ, въ часы пирушки,
Если кто нибудь изъ нихъ
Ловко обманулъ другихъ.
Тутъ рука еще сухая
Адвоката негодяя,
Что фальшиво написалъ
Засѣданія журналъ.
Эту руку отпилили,
Да и въ ящикъ положили,
Людямъ на позоръ и въ страхъ.
Какъ подумать о рукахъ
Разныхъ многихъ дипломатовъ,
Если бы за фальшъ трактатовъ
Ихъ отпиливать всегда,
Не былъ бы *шекгенсъ* тогда
Общимъ столь обыкновеньемъ,
Но подъ часъ, за неимѣньемъ,
При дворѣ посолъ иной,
Просто шаркалъ бы ногой.
Въ Оснабрюкѣ у старушки,

Въ киркѣ подъ ключемъ игрушки,
Чѣмъ *Ле Шарлемань* игралъ.
Это рубленный кристалъ,
Въ родѣ бабки иль жетона.
Шарлеманева корона,
Гребень, коимъ онъ всегда
Чесывалъ *ла* борода,
Да еще его дубина.
Знали волю господина
Царедворцы тѣхъ временъ;
Всякой дѣлалсяуменъ,
Кто подъ палку попадался,
Утихалъ и зарекался,
Свято наблюдать законъ,
Чтобъ избѣгнуть *ле батонъ.*
Въ киркѣ Мюнстера есть тоже
Рѣдкости, но непохоже:
Тамъ желѣзныя висятъ
Клѣтки три, и говорятъ,
Что въ нихъ сжарены Гуситы,
Тѣхъ временъ знать Езуиты,
Аферисты, *энтриганъ*,
Сплетники, *де мове жанъ.*

Въ Мюнстерѣ и въ Оснабрюкѣ
Упражняются ль въ наукѣ,—
Не могу вамъ доложить.
Не хотѣла бы въ нихъ жить:
Не отели тамъ, харчевни,
И какъ будто двѣ деревни

Эти оба города.
Завираюсь иногда:
Въ Мюнстерѣ есть три казармы,
Есть студенты, есть жандармы,
Есть гулянье, эспланадъ,
Пять, шесть кирокъ, *дезъ аркадъ*,
Гдѣ съ сосиськами есть лавки,
И тесемки и булавки.
Есть большой почтовой дворъ,
И таможня есть *анкоръ*
Для въѣзжающихъ въ Германью.
Но, поклонъ образованью,
Лишь ее переступи,
И тогда спокойно спи!
Ты нигдѣ не потревоженъ ;
Нѣтъ ужъ болѣе таможенъ,
Хоть раздѣлъ Германьи *тель*,
Что въ ней тридевять земель.

VII.

Колонь.

Наконецъ не безъ *эласа*
Я до Рейна добралася.
Вотъ ужъ съ башнями Колонь.
Пятна, *мо де неръ* и вонь,
Намъ ужъ больше не причина:

Здѣсь вода *де Жанъ Фарина*,
Совершенный *спесификъ*.
Жанъ Фарина *л'омъ юникъ*,
Какъ повсюду утверждаютъ,
А и здѣсь ужъ ихъ считаютъ,
Какъ я слышу, сорокъ пять!
И никакъ нельзя узнать,
Кто изъ нихъ *ле веритабель;*
Все равно, *се тутъ-энъ дьябель*,
И по мнѣ, пускай, нетронь:
Тѣмъ дешевле *лодколонь*.

Вотъ *ле Домъ*, большое зданье,
И вокругъ него гулянье.
Это кирка древнихъ лѣтъ;
Стѣны всѣ какъ петинетъ,
Или кружево въ узорахъ.
Первая она во взорахъ,
Какъ къ Колони подъѣзжать.
Только надобно сказать,
Что додѣлать не успѣли,
Или лучше не съумѣли,
И надстроили кой-какъ—
На нее простой колпакъ.
Какъ разительно различье!
Здѣсь всей древности величье
Тутъ *ла поврете нувель*.
Но,—какъ въ башнѣ *де Бабель*
Было языковъ смѣшенье,—
Разныхъ случаевъ стеченье,

Революцья, Бонапартъ—
Сдѣлалъ въ ней свой кордегардъ,
И конюшню для лошадокъ.
Этимъ онъ мнѣ очень гадокъ,
Но великъ онъ *малгре са,*
Натворилъ онъ чудеса
И въ Египтѣ, и въ Итальи!
И законы, и батальи
Ему сдѣлали *ренонъ.*
Вивъ ле фё Наполеонъ!
Но про кирку разговоры:
Въ ней большой органъ и хоры,
А ужъ окна *манификъ!*
Точно *ла лантернъ мажикъ;*
Всѣ расписаны чудесно!
Какъ въ огнѣ горятъ прелестно!
Весь изъ Библіи сюжетъ;
Тутъ *ла Сентъ-Элизабетъ,*
Тутъ вертепъ, тутъ убіенье
Дезъ-анфанъ, тутъ вознесенье,
Также есть *ла политикъ:*
Какъ *ле Шарлеманъ* великъ
На великолѣпномъ тронѣ,
Въ мантьѣ, въ латахъ и коронѣ,
Онъ и важенъ, и пригожъ;
А вокругъ гербы вельможъ,
Что его сопровождали,
И принцессы, дѣвы, крали,
Украшенья *де са куръ*
Тутъ *дезъ-анжъ* и *дезъ-амуръ.*

Славно!—но еще здѣсь чудо:
Посмотрѣть бы вамъ не худо,
Мнѣ сказалъ мой проводникъ,
Нѣмецъ, пономарь-старикъ.
Тутъ за алтаремъ въ чуланѣ,
Въ золотомъ большомъ экранѣ,
Головы царей волхвовъ.
Поняла изъ многихъ словъ,
Что сказалъ мой провожатой,
Что Людовикъ *ле* девятой
Ихъ Колони даровалъ.
Гдѣ и какъ онъ ихъ досталъ,
По Исторіи не видно,
Но сомнѣніе обидно!
Я въ гостяхъ и замолчу.
Только я взяла свѣчу,
Разсмотрѣть жемчугъ, алмазы,
Изумруды и топазы,
Что въ экранѣ иль въ ракѣ
Сдѣланы, и аплике.
Тутъ еще мнѣ показали
Сакристи, гдѣ понабрали
Кучу рѣдкостей, коронъ,
Дезъ эпе и де батонъ.
Всѣ въ алмазахъ, въ филограмѣ,
И еще въ чудесной рамѣ
Маленькіе барельефъ.

Тутъ, кусочекъ хлѣбца съѣвъ,
Я пошла смотрѣть другую

Кирку, право пресмѣшную.
Въ ней собраніе костей,
Онзъ-миль вьержевъ. Ихъ злодѣй
Готъ, Вандалъ или Норманецъ,
Пьяница, народъ изъ пьяницъ,
Перерѣзалъ, перебилъ,
Лишь за то, что не склонилъ
Ихъ на бракосочетанье,
Какъ гласитъ о томъ преданье.
Странный встрѣтили *скрюпюль*
Онзъ миль вьержг, и *Сентъ Юрсюль!*
Мужъ пьянюшка, что жъ такое?
Съ нимъ вольнѣй и легче вдвое;
Забурлитъ онъ, отойдешь,
Послѣ все жъ свое возьмешь!!
Мужъ язычникъ и безъ вѣры?
Не бѣда и то,—примѣры
Есть такіе, что женой
Такъ направленъ мужъ иной,
Что всему готовъ повѣрить:
Стоитъ только поманерить.
Вотъ мой Курдюковъ и самъ
Вѣрилъ всѣмъ моимъ словамъ.
Готы такъ же бъ покорились,
Всѣ бъ навѣрно окрестились,
Новыхъ было бы *онзъ миль*
Православныхъ *данъ ла-виль.*

Еще кирку посѣтили
Мы, гдѣ Рубенса крестили.

Рубенсъ очень былъ уменъ;
Все писалъ онъ толстыхъ женъ.
Честь за то ему и слава!
Я сама не худощава,
А по части *де* красотъ,
Всякъ стоитъ за свой приходъ.
И на толстыхъ всюду мода,
Но всегда, вездѣ природа
Водитъ Рубенса рукой.
Колоритъ его какой,
И какое выраженье!
Здѣсь *табло* Петра мученье:
Онъ въ Парижъ былъ увезенъ,
Но при мирѣ возвращенъ.
Все поэзія въ картинѣ;
Жизнь передана холстинѣ,
Точно вылиты въ словахъ
И уныніе, и страхъ,
Фанатисмъ, остервененье,
И небесное терпѣнье.
Провидѣнія рука
Подкрѣпляетъ старика.
Въ немъ все дольное страдаетъ,
Но лицо его сіяетъ
Вѣрой свѣтлой и живой;
Онъ ужъ будто не земной;
Онъ пріялъ вѣнецъ мученья,
И завѣса ослѣпленья
Будто сдернулась съ очей
У толпы, у палачей.

Всѣ недвижны, всѣ робѣютъ,
Передъ нимъ благоговѣютъ.
Кажется, что вѣры лучъ
Къ нимъ проникнулъ изъ-за тучъ;
Но я, дура, заглядѣлась
На картину будто въѣлась,
И забыла, что ужъ вотъ
Время *де ла табель дотъ.*
Поскорѣй бѣгомъ къ трактиру.

Но мнѣ Рубенса квартиру
Показалъ мой проводникъ,
Мусье Жанъ ле доместикъ.
На воротахъ по портрету
Узнаютъ квартиру эту.
Ла Мари де Медисисъ
Бѣдныхъ бюргеровъ *ле фисъ*
Невзначай здѣсь отыскала,
Ко двору *де Франсъ* призвала
И его открыла даръ!
Но каковъ же *ле газаръ?*
Завелась, пошла интрига,
Ганри катръ убитъ, и лига
Усмирилась, но Мари
Выгнали *горъ де Пари!*
И блестѣвшая на тронѣ,—
Какъ изгнанница въ Колонѣ;
Ту, кѣмъ славу получилъ,
Самъ же Рубенсъ пріютилъ;
У него она скончалась.—

Но опять я заболталась:
Видно, не обѣдать мнѣ!
Хоть подумаю о снѣ,
И соснуть-то какъ, не знаю!
Смерть боюсь, что опоздаю.
Завтра, ровно *а сизъ-ёръ*,
Здѣсь уходитъ *ла ваперъ*.
Надо погрузить карету,
Надо разбудить Анету,
Выпить надобно *ле те*;
Ну, бѣда *де ту коте!*

VIII.

Рейнъ.

Слава Богу, мы успѣли!
И поспали, и поѣли,
Первый лишь услыша звонъ,
Завозился Харитонъ;
Колымага нагрузилась,
Я со всѣми расплатилась,
Задымился пароходъ,
Отправляемся въ походъ.
Вотъ стремится величавой
Рейнъ, давно гремящій славой,
Кто его не проходилъ?
Кто его вина не пилъ?

Рейнъ между рѣками знатной,
Онъ всѣхъ болѣе пріятной.
Назоветъ кто только Рейнъ,
Тотъ всегда прибавитъ *вейнъ*;
Такова ужъ привычка.

Слушайте, вотъ перекличка
Пассажировъ. Это лордъ,
Англичанинъ, старый чортъ,
Разъѣзжаетъ ради скуки;
У него въ карманахъ руки,
Планшевый сюртукъ,—жилетъ
Полосатой и лорнетъ.—
Это Нѣмцы, знать изъ Бона,
Два профессора закона.
Тутъ студентовъ пять иль шесть,
Мудрено ихъ перечесть:
Все впередъ и взадъ гуляютъ;
Волоса ихъ отличаютъ,
Какъ у нашихъ мужиковъ,
И покрой ихъ сюртуковъ
Въ родѣ куртокъ, а фуражки—
Полоскательныя чашки,
На одинъ у всѣхъ манеръ,
Крошечныя *анъ-дра-веръ*,
Это англійская мисса,
Прежеманная;—актриса
Тутъ нѣмецкая сидитъ;
Съ ней французикъ говоритъ
Прямо изъ Пале-рояля.

Пестрый, сдѣланный изъ шаля,
Щегольской на немъ жилетъ,
Узкій, точно какъ корсетъ;
Шаровары пребольшіе,
Полосатые, сшивные,
Бархатный сюртукъ, усы,
И съ цѣпочкою часы.
Тутъ старикъ съ женой и съ дочкой;
Тутъ, одѣтые сорочкой,
Или блузой, два *коми*,
Первые *де мез-ами*,
Преготовые къ услугѣ.
Говорятъ мнѣ, и въ Калугѣ
Ихъ товары получу,
Если только захочу,
А товаръ *гингамъ*, батисты.
Тутъ безъ галстуховъ артисты,
Этотъ, *энъ пейзажистъ*,
Этотъ *энъ віолончелистъ*.
Тутъ двѣ дамы съ офицеромъ,
Тутъ фамилія съ курьеромъ,
Задаетъ ужасный тонъ!

Въ сторонѣ здѣсь городъ Бонъ;
Городъ маленькій и тѣсный,
Университетъ извѣстный
Здѣсь устроенъ, и при немъ
Тутъ же сумашедшихъ домъ,
Се тре бьенъ... по мнѣ, наука
Преопаснѣйшая штука!

Забредешь въ ея пути,
Мудрено ль съ ума сойти?
Согласить прошу системы,
Афоризмы, теоремы,
Весь наборъ кудрявыхъ словъ
Де месьё де философъ.
Солнце, пишетъ тотъ, вертится
Вкругъ земли, и не ложится,
А другой стоитъ на томъ,
Что вкругъ солнца мы идемъ,
И не замѣчаемъ сами,
Какъ стоимъ мы вверхъ ногами,
Каждый въ срокъ и въ череду
Мѣсяца два-три въ году,
По сигналамъ Зодіяка.
Коперникъ на то собака,
Но уменъ и Птоломей!
Ужъ какъ знаешь, разумѣй!
Если перейти къ исторьи,
И въ ней разныя теорьи:
Римскій славный былъ народъ,
Говоритъ *Лабе Миллотъ.*
Нибуръ говоритъ—ни мало:
Римлянъ вовсе не бывало!
Даже въ томъ согласья нѣтъ,
Сотворенъ когда былъ свѣтъ,
Прежде ли сожженья Трои,
Или послѣ, и герои,
Что *мусье Гомеръ шанте,*
Экзисте, не экзисте,

Онъ не се па, и про Гомера
Говорятъ, что онъ химера.
Никогда и не бывалъ.
Иліаду кто жъ писалъ?
Въ философіи замѣтимъ,
Что за перекоры встрѣтимъ
О врожденности идей!
У малютокъ, у дѣтей,
У ребенка въ колыбели,
Мысли дескать ужъ созрѣли;
Онъ ихъ въ свѣтъ съ собой несетъ.
Онъ кормилицу сосетъ,
А ужъ вѣдаетъ, бѣдняжка,
Что песочница не чашка,
Что подсвѣчникъ не фонарь,
И что попъ не пономарь.
Для чего же воспитанье,
Для чего? Ну, для узнанья,
Ошибается ли онъ.

Вотъ проѣхали мы Бонъ.
Городъ Кобленцъ недалеко.
Здѣсь поставленъ превысоко
Ле фортъ Эренбрейтенштейнъ.
Къ чему служитъ... *нихтъ ферштейнъ!*
Говорятъ: онъ *энпренабель.*
Но не нуженъ онъ, *ке дьябель!*
Непріятель не возьметъ,
Чтожъ такое? Обойдетъ,
И остался благодѣтель,

Какъ сова въ гнѣздѣ, свидѣтель
Всей отваги боевой,
Матушку хоть рѣпку пой.

Въ Кобленцѣ большія зданья,
Но достойна замѣчанья,
Ла фонтенъ, что сорудилъ
Здѣсь префектъ, и посвятилъ
Въ честь французскаго похода
И двѣнадцатаго года.
Комендантъ *рюсъ экриве:*
Вю паръ нузъ э апруве!

Тутъ все горы близъ Нейвида..
Въ восхищеніи отъ вида,
Пассажиры, какъ въ хмѣли,
Всѣ кричатъ: *комъ се жоли!*
Комъ се бо! А что такое?
Горы лишь, не что иное.
Посмотрѣли бы у насъ,
Ле Уралъ и ле Кавказъ.
Свѣтъ мнѣ право непонятенъ!
Отъ чего всѣмъ такъ пріятенъ
Видъ крутыхъ, скалистыхъ горъ
И руиновъ?—Это вздоръ:
Лучше всякой мнѣ руины
Просто риги и овины;
Въ нихъ по крайней мѣрѣ прокъ:
А де рюинъ муа же-манъ-мокъ.
Домъ безъ крыши, безъ окошекъ,
Годенъ только что для кошекъ,

Иль для крысъ, не для людей.
И какой же дуралей
Ихъ хозяинъ—такъ высоко,
Что едва завидитъ око,
Ихъ построилъ и къ чему?
Чтобъ не ѣздили къ нему,
Чтобъ его не навѣщали.
Какъ медвѣди знать живали
Рыцари *де танзъ-антикъ*;
А для ихъ для *доместикъ*
Каково было спускаться
Къ Рейну за водой?... Признаться,
Какъ ни говори *ла фуль*,
Тре жоли и бьюти-фуль,
Не согласна я... Конечно,
Я сама люблю сердечно
Ле лежанды, *ле балладъ*,
Пѣтыя на старой ладъ,
Встарину какъ здѣсь любили,
Какъ амурились, какъ жили
Рыцари и *ле контесъ*.
И волшебникъ лысой бѣсъ...
И красавицы младыя,
И разбойники лихіе.

Здѣсь два брата въ старину
Полюбили разъ одну
Прекрасивую принцессу,
Но, не внемля интересу,
Положили межъ собой,

Дѣло то рѣшить войной,
И поѣхать въ Палестину,
Испытать свою судьбину,
Первой, Турку кто убьетъ,
Тотъ принцессу и возьметъ.
Такъ и сдѣлали; возились
Го́да два, и воротились;
Но увы, мамзель принцесъ
Кто-то между тѣмъ увезъ.
Не догнали супостата.
Два воюющіе брата
Возвратились и въ слезахъ,
Замка два на двухъ горахъ
Тутъ построили и жили;
Замки же соорудили
На готическій манеръ,
И зовутъ ихъ *ле дё фреръ*.

Дальше, красная дѣвица,
Черноброва, круглолица,
Снѣга бѣлаго бѣлѣй
И красивѣе, милѣй
Всѣхъ дѣвицъ Бахчисарая,
Словомъ, будто дѣва рая,
Цѣлый край одна спасла
Отъ ужаснѣйшаго зла.
Былъ драконъ лихой, свирѣпой,
Сходный яростью съ Мазепой,
Всюду страхъ распространялъ,
Рвалъ и рѣзалъ и терзалъ!

Люди плакали, тужили,
И совѣтомъ положили,
Чтобъ дракона утолить,
Въ жертву дѣву посвятить,
Дѣву съ чистою душою,
И красивую собою.
Жребій палъ какъ будто въ цѣль
На крещеную мамзель;
А народъ былъ некрещеный;
Грубый, пьяный, неученый,
Готъ проклятый иль Вандалъ,
Чести вовсе онъ не зналъ.
Дѣву бѣдненькую взяли
И къ осинѣ привязали,
На томъ мѣстѣ, гдѣ драконъ
Выбралъ для себя притонъ.
Мясо свѣжее услышалъ
Ле драгонъ, и тотчасъ вышелъ,
И свою разинулъ пасть.
Чуя грозную напасть,
Дѣва Богу помолилась,
И крестомъ пріосѣнилась.
Сталъ какъ вкопаный драконъ,
И отвѣся ей поклонъ,
Съ трескомъ такъ какъ змѣй гремучій,
Побѣжалъ онъ въ лѣсъ дремучій,
И исчезъ въ пучинѣ водъ.
Изумился весь народъ,
Дѣвѣ въ поясъ поклонился,
Въ ту жъ минуту окрестился,

И построилъ за̀мокъ тутъ:
Драхенфельсъ его зовутъ.

Дальше рейнская русалка,
Преплутовка, прӗнахалка,
По прозванію Лурлей,
На погибель кораблей
Пѣсни дивныя пѣвала,
Взгляды страстные кидала
Изъ подлобья на пловцовъ,
На лоцмановъ, на гребцовъ.
Всѣ заглядывались, млѣли,
Править больше не умѣли,
И корабль ихъ погибалъ
Межъ пучинъ и дикихъ скалъ;
Тутъ къ нимъ Лурлей приплывала,
Тормошила, щекотала
Ихъ до смерти, и тогда
Поглощала ихъ вода.
Шелъ кто даже и горою,
Ранней, поздней ли порою,
Если Лурлей запоетъ,
Уже далѣе нейдетъ:
Остановится смущенный,
Заколдованный, влюбленный,
Внизъ бѣжитъ, и *тутъ-а-ку*
Прямо бухнется въ рѣку.
Лурлей тутъ его щекочетъ,
Рѣзвится, поетъ, хохочетъ,
Пока жизни не лишитъ.

Вотъ что повѣсть говоритъ:
Даже войска посылались
Взять ее, но всѣ влюблялись,
Ле солда, ле капитенъ.
Всѣ къ ней отдавались въ плѣнъ
И на вѣки пропадали.
Но секретъ ея узнали:
Колдуномъ-отцомъ ей данъ,
Былъ какой-то талисманъ,
Просто, бусы изъ корала.
Ими всѣхъ она плѣняла,
Но какой-то наконецъ,
Рыцарь, воинъ-молодецъ,
Побѣдитель Мусульмана,
Самъ привезъ два талисмана,
Противъ козней злыхъ; съ однимъ
Становился невидимъ,
А съ другимъ онъ не влюблялся
Никогда, и дознавался
Всѣхъ секретовъ отъ красотъ.
Видитъ Лурлею, и вотъ
Въ ту жъ минуту догадался:
Къ ней тихонько подобрался,
Ожерелье онъ сорвалъ,
Бусы въ волны раскидалъ.
Лурлей въ тотъ же мигъ пропала,
Но остался у корала
Отзывъ здѣсь на каждый звукъ.
Въ академію наукъ
Сообщить такое чудо,

Право, было бы не худо.
Здѣсь рѣка, какъ точно *лакъ:*
Подаютъ съ *вапера* знакъ
Иль трубой, иль пистолетомъ,
И кораллъ сейчасъ отвѣтомъ,
Изъ воды встрѣчаетъ насъ,
Пять, иль шесть, иль восемь разъ.

Тутъ плывемъ между горами.
Вдругъ мы видимъ межъ волнами
Башню. Это *Мейзе турмъ.*
Мыши взяли здѣсь на штурмъ
Монсиньора прескупаго,
Пребогатаго, презлаго,
Деньги онъ и хлѣбъ копилъ,
Голодомъ народъ морилъ.
Люди жаловаться стали;
Онъ ихъ сжегъ, чтобъ замолчали.
А Богъ допустилъ мышей
Съѣсть *эвека* до ушей.
По дѣломъ конецъ таковской!
Монъ ами, мусье Жуковской,
Написалъ про то *балладъ,*
Слышу я, *к'иль э малладъ.*
Для здоровья бъ не мѣшало
Погулять ему хоть мало.
Здѣсь межъ горъ и межъ руинъ,
Онъ набрался бъ, *ж'имажинъ,*
Много новыхъ *энспирацій.*
Слава онъ для нашей нацьи!

Нужно и побаловать,
Но лѣниться не давать:
Пусть гуляетъ онъ и пишетъ.
Всякой съ радостью услышитъ;
Ужъ не то, что мой разсказъ.
Я лоханка, а онъ тазъ.

Берега здѣсь измѣнились:
Виноградники явились,
Гдѣ *ле бонъ* рейнъ-вейнъ растетъ.
И чѣмъ далѣе впередъ,
Тѣмъ красивѣй положенья.
Всюду, города, селенья,
Пристаетъ къ нимъ *ла ваперъ.*
Входитъ новой вояжеръ,
Иль выходитъ изъ машины.
Рейнъ тутъ горы и руины
И суровость всю отвергъ.
Вола ле Іоганисбергъ!
Этимъ замкомъ политика
Надѣлила Метерниха.
Русской князь и генералъ
Этотъ замокъ отказалъ:
Русскимъ дорога лишь слава;
Но нѣмецкая держава
Отръ шозъ: дю солидъ
Подавай; кто посулитъ,
Все охотно принимаетъ....
Далѣе, нашъ глазъ встрѣчаетъ
Маркебрунъ и Рюдесгеймъ,

Эта башня Гидельсгеймъ,
Гдѣ *ле Шарлеманъ* родился,
Умеръ, жилъ или женился;
Жен'сепа здѣсь въ *гидъ* штрихъ.
Этотъ замокъ Биберихъ,
Герцогъ тутъ живетъ Нассауской.
Точно какъ въ Москвѣ Петровской.
Свѣтлорозовый дворецъ...
Принцъ Нассауской молодецъ;
Вина у него и воды,
Все текучіе доходы.
По причинѣ винъ и бань,
Каждый принцу платитъ дань;
Или до пьяна пируя,
Иль лечась отъ почечуя.
Вотъ является Маянсъ,
Колыбель *де ла сіянсъ*,
Титулъ тѣмъ ему пристойной,
Что здѣсь Гутенбергъ покойной
Изобрѣлъ *эмпримери*.
Посудите, *же ву при*,
Каково его открытье!
Что за страшное развитье
И познаній, и идей!
Ужъ теперь среди людей
Нѣтъ секретовъ; не возможно
Слова молвить осторожно,
Пошутить хоть глазъ на глазъ,
Сюръ ле контъ людскихъ проказъ.
Полетитъ, какъ окриленной,

Твой *бон-мо* по всей вселенной;
И теперь никто *не бетъ*:
Прочитаетъ *ла газетъ*,
И толкуетъ, судитъ, рядитъ,
Въ короли того посадитъ,
У того отниметъ тронъ.
Оконель и Веллингтонъ,
Оппозиціи и власти
Имъ разобраны на части.
То ли дѣло въ старину?
Всякой зналъ свою струну;
Сапоги точалъ сапожникъ,
Пироги пекалъ пирожникъ,
Не заботясь о другихъ.
Между тѣмъ Виргильевъ стихъ,
Оды славныя Горацья,
Сенъ-Бернарда медитацья,
Сохранялись *паръ экри;*
Регарде ле манюскри.
Дорого ихъ продавали;
Знатные за то читали,
А не всякой ротозѣй.
Въ Маинцѣ есть *энъ мюзей;*
Рѣдкости въ немъ не велики,
Только римскія антики,
Потому что искони
Здѣсь была ихъ *колони.*
Маинцъ городъ неопрятный;
Только видъ весьма пріятный
Съ колокольни. *Онъ фе ка*

Также *дезъ* окорока,
Что здѣсь въ Маинцѣ коптятся.
По обычью здѣсь садятся
Вояжеры въ пароходъ,
Рейнскій дѣлая походъ.
Я, напротивъ, здѣсь слѣзаю,
Рейнъ роскошный оставляю,
Къ Франкфурту направлю путь.
Любопытно мнѣ взглянуть
На германскую діету;
Поучиться этикету,
И въ чужбинѣ, *же л'аву*,
Видѣть Русскихъ *рандеву*.

IX.

Франкфуртъ.

Первой станціей считаютъ
Наши Франкфуртъ, какъ бываютъ
За границей, и всегда
Всѣ сбираются туда
Посмотрѣть, попріодѣться,
Межъ людьми понатереться,
А оттудова, глядишь,
Отправляются въ Парижъ,
Или въ Римъ, или въ Висбаденъ.

Русской право мнѣ досаденъ:
Онъ ловчѣй, виднѣе всѣхъ,
А стремится, какъ на смѣхъ,
Походить на иностранца,
На Француза, Итальянца,
Англичанина *сюрту;*
Въ томъ находитъ красоту.
Очень часто я видала,
Тихій, скромненькій сначала,
Какъ побудетъ *а Франкфортъ,*
Ужъ не братъ ему и чортъ.
Точно будто не здорово
Вымолвить по-русски слово:
Же ве, дескать, *волтиже*
Годикъ *сюръ лезъ-этранже.*
Же не вё па, же ниpe па,
Же не манжъ па де ла рѣпа,
Этсетра.... Здѣсь аристархъ
Для всѣхъ Русскихъ *мусье Зархъ.*
Всѣ къ нему, какъ бы къ пастору,
На счетъ дѣлъ, покупокъ, спору.
Онъ все ладитъ, все миритъ,
Преучтиво говоритъ,
Но за то ужъ какъ онъ лупитъ
Нашихъ, ежели что купитъ,
Иль достанетъ *а креди!*
Это Русскихъ *маладu:*
На мѣлокъ все покупаютъ,
А расплату отлагаютъ
До послѣдняго *каръ дёръ.*

Ле трактирщикъ живодеръ
Радъ радехонекъ: онъ знаетъ,
При отъѣздѣ какъ считаетъ
Русскій, вѣчно въ торопяхъ;
Раскричится такъ, что страхъ!
Бьетъ и стулья, и скамейки,
Но заплатитъ до копѣйки,
Какъ бы ни былъ писанъ счетъ.
Постильонъ готовъ и ждетъ;
Ваши ящики таскаютъ,
Шумъ, возня, собаки лаютъ,
И притомъ же *лез-ами*
Провожаютъ. Чортъ возьми!
Какъ башкѣ не закружиться?
Гдѣ тутъ съ счетами возиться?
Поскорѣе въ экипажъ,
Заплатилъ, и *бонъ вояжъ!*

Городъ Франкфуртъ акуратной,
Какъ съ иголочки, пріятной;
Изъ всѣхъ улицъ *ла плю бель*
Безъ сомнѣнья, *се ла Цейль.*
Все отели щегольскія,
Точно, какъ дворцы большіе,
Все въ колоннахъ, *анъ гранитъ.*
У воротъ швейцаръ стоитъ,
Лонъ-лакеевъ батальоны,
Экипажи и *гарсоны,*
Какъ амуры въ завиткахъ,
Суетятся въ попыхахъ.

Для тебя готовы рваться....
Какъ тутъ дури не набраться?
И не замечтать порой,
Что ты чортъ знать, кто такой.

Съ этой мыслью въ магазины
Ты идешь: вездѣ витрины,
Бронзы, золото, хрусталь,
Де холстинки, *э де шаль.*
Какъ же тутъ не раззориться?
Русскій любитъ заводиться
И безъ нужды, про запасъ.
Слабость такова у насъ.
Особливо, какъ повѣрятъ
Санзъ-аржанъ, сейчасъ отмѣрятъ
Всѣ товары и въ отель
Отошлютъ *се багатель.*
Всякой разъ спрямится шея,
Какъ ты кликнешь лонъ-лакея
Скажешь: *фетъ пейе лотесъ*,
А онъ скажетъ: *вуй*, *пренсесъ!*

Но чтобы узнать діету,
Я взяла *даборъ* карету,
И поѣхала *бьенъ витъ*
Всѣмъ тузамъ отдать визитъ.
Прекрасивые *салоны!*
Задаютъ такіе тоны
Ле банкиры, *ле маршанъ*,
Что ей Богу, *се шарманъ*,
Ты подумаешь, что графы!!...

Деньгами полны ихъ шкафы,
А въ Франкфуртѣ *ла ноблесъ*
Состоитъ *данъ лезъ-эспесъ.*

Позвали меня обѣдать
Де банкье, чтобы отвѣдать
Дескать *гюръ де санглie.*
Мнѣ достался въ *кавалье*
Саксенъ-Веймарскій посланникъ.
Туръ де Таксиса племянникъ
Подалъ прежде руку мнѣ,
Но къ почтмейстерской женѣ,
По хозяйской резолюцьи,
Перешелъ; здѣсь—эволюцьи
Важныя, чтобы свести,
Съ кѣмъ кому за столъ итти.
Преужасныя заботы!
Политическія ноты,
Если сдѣлаешь *эрёръ*
Въ этомъ, *ма пароль д'онёръ!*
Ла хозяйка съ президентомъ,
А тутъ съ каждымъ резидентомъ
Гости всѣ по старшинству.
Я боялась, *же л'аву:*
Я седьмаго только класса,
Но здѣсь чести дождалася,
Мнѣ хозяйка *полиманъ*
Молвила: *пасе деванъ!*
На счетъ мѣстъ опять разборы:
Часто сводятъ разговоры

И банкира, въ чьей бесѣдѣ
Я обѣдала вчера.
Что такое?.... иль пора
Вновь настала, гдѣ Беллона
Шпорила Наполеона?
Иль народъ бурлитъ, черту
Перейдя? Нѣтъ, *па дю ту:*
Просто Лейпцига сраженья,
Франкфурта освобожденья
Славятъ сдѣсь *аниверсеръ.*
Подъѣзжаетъ офицеръ,
Что-то крикнулъ по-нѣмецки,
И въ минуту, молодецки,
Стали *ле мосье маршанъ*
Строиться *анъ режиманъ,*
И пошли по-дивизіонно,
Чинно, браво, церемонно.
Я за ними поплелась,
Жюска Рёмеръ; это *пласъ*
Здѣсь важнѣйшій и старинной,
Не квадратной онъ, не длинной,
Строенъ весь *анъ стиль готикъ,*
И тутъ *ле пале антикъ,*
Герцоги куда съѣзжались,
Въ *амперерьі* выбирались.
Теперь нѣтъ ихъ; безъ вѣнца
Командиры, три купца,
Просто въ шляпѣ треугольной,
И съ фигурой предовольной.
Ихъ доспѣхи: *энъ* фракъ *нуаръ,*

Энъ жабо и *энъ мушуаръ*,
И манжеты, и манишки,
И атласныя штанишки,
Э де букль, э де сулье,
И шпаженка *ан-асье*,
Коей, сколько можно видѣть,
Даже мухи не обидѣть.
Ужъ совсѣмъ не *милитеръ!*
Ме се не па лёръ аферъ.
Передъ нами марширують
Ле сольда и солютуютъ,
Артилерья *а сонъ постъ*
Авекъ де шево де постъ.
Они войско провожаютъ,
Всѣмъ знаменамъ присѣдаютъ,
Улыбаясь *о драпо*,
Вкругъ себя водя *шапо*,
Какъ вожу, сказать примѣрно,
И кокетно, и манерно
Опахаломъ я моимъ
Передъ щеголемъ инымъ,
И конецъ всего парада.

Я, признаться, очень рада,
Мнѣ пора *ме препаре*
На посольской *суаере*,
И поговорить съ Анетой.
Хочется мнѣ быть одѣтой
Какъ возможно *манификъ*,
Суаре дипломатикъ.

Отличилася Анета:
Я прекрасно разодѣта,
Жемчуги и *де каро,*
Э ма робъ а гранъ ка́ро,
Черной блондою обшита,
Дезъ-аграфъ изъ малахита,
Башмаки *кулёръ сафранъ,*
Э де букльз'а ланфанъ,
А надъ ними діадима,
Съ мозаикою изъ Рима,
И вуаль *анъ петинетъ,*
А въ рукѣ большой букетъ.

Я вошла; уже въ передней
Мнѣ *афронтъ* былъ не послѣдній;
Закричалъ лакей *кошонъ:*
Ла Контесъ де Корнишонъ!..
„Курдюковъ!" я подхватила
Въ тотъ же мигъ, но разсмѣшила
Только тѣмъ гостей сама.
Въ изступленьѣ, безъ ума
Въ залу первую вбѣжала;
Старичишку генерала
Чуть я не столкнула съ ногъ,
Но переступя порогъ,
Я назадъ ужъ не глядѣла,
Какъ шальная долетѣла
До салона: тамъ сидятъ
Дамы всѣ въ кружокъ, молчатъ,
И въ платокъ подъ часъ зѣваютъ.

Кавалеры въ вистъ играютъ;
Если жъ кто нибудь изъ нихъ
Къ дамѣ подойдетъ, то въ мигъ
Слово молвитъ и отскочитъ.
Дать онъ повода не хочетъ
Злымъ намекамъ и рѣчамъ.
Есть *сюрту* одна мадамъ,
Цѣлый Франкфуртъ это знаетъ,
Критикуетъ все, ругаетъ,
Устремилась мнѣ во слѣдъ,
Мой смотрѣла туалетъ,
Блонды, букли осудила,
Просто же совсѣмъ забыла,
Что сама такъ хороша,
Что не стоитъ ни гроша.
Подаютъ намъ лимонаду,
О сюкре, гато, оршаду,
И холодный слабый чай.
Будетъ *энъ супе,* я чай?...
Нѣтъ, о немъ и не мечтаютъ.
Гости всѣ вдругъ уѣзжаютъ,
Ровно *а дизъ еръ э дми;*
А каретѣ, прахъ возьми,
Я въ двѣнадцать быть велѣла.
Хорошо же я засѣла!
Ужъ хозяйка чуть не спитъ,
Сквозь зѣвоту говоритъ,
А сама все смотритъ въ двери:
Не пора ли де тетерѣ
На гнѣздо,—какъ вдругъ одинъ

Преучтивый господинъ
Изъ бѣды меня избавилъ,
И отъѣхать предоставилъ
Мнѣ свой *ле кабріолетъ.*
Ну, узнала я діетъ!
Въ гости не поѣду больше!
Какъ же быть? Другой посольшѣ
Слово я еще дала,
Не могу *манке села,*
А то скажутъ, что *контесы*
Русскія, безъ *политесы.*
Для нихъ *же ме сакрифи,*
А ужъ послѣ, *са сюфи.*

Поутру взяла я ванну,
И пошла смотрѣть Арьянну,
Что у Бетмана въ саду.
Комъ се бо, э комъ се ду!
Этотъ мраморъ, эти плечи,
Эта грудь, нѣтъ только рѣчи—
У статуи, чтобъ иной
Не почелъ ее живой!
Что за станъ за горделивой,
Гибкой, ловкой и красивой!
Что за ножка, за спина!
Что за.... ну вотъ тебѣ на,
Я совсѣмъ почти забылась
И какъ кавалеръ влюбилась.
Я мадамъ, и *ла десансъ*
Быть должна моя *эссансъ.*

Чтобъ не тратить время даромъ,
Я назадъ пошла бульваромъ.
Прежніе *ле бастіонъ*
Срылъ *мусье* Наполеонъ.
Франкфуртцы, народъ учтивой,
Садъ тутъ сдѣлали красивой.
Де пруды, *де банъ-занъ планшъ,*
Для гулянья *ле диманшъ.*
Цѣлой городъ окружаетъ
Этотъ садъ, и въ немъ гуляетъ
Нѣмецъ въ табельные дни:
Въ будни жъ—Боже сохрани!

Какъ съ бульвара повернула,
Я въ ту лавку заглянула,
О фактисъ гдѣ продаютъ.
Зейдлицкой хлебнула тутъ
Столько, что сама не знала,
Какъ до дому добѣжала.
Осрамилась бы совсѣмъ
На бульварѣ! и зачѣмъ?
Пуръ конъ дизъ, что я въ вояжѣ
Малость замѣчаю даже.

Про музей, про казино,
Про *Майнлустъ* не мудрено
Что я слова не сказала:
Я тамъ даже не бывала.
Се бонъ пуръ ле кавалье;
Дамѣ было бъ *сенгюлье.*

Но пора мнѣ, ужъ Анета
Ждетъ меня у туалета.
Этотъ вечеръ проглочу,
Быть учтивою хочу;
Но *юзажей* наглядѣлась
И по проще я одѣлась:
Корольки *де тюркуазъ*,
Волоса *а ла шинуазъ*,
Съ парой золотыхъ цѣпочекъ,
И *сюръ ле сомме* цвѣточекъ;
Платье просто *бле муранъ*,
Съ блондами *а катръ ранъ*
И съ весьма большимъ воланомъ;
Лезъ-аграфы съ талисманомъ
Д'аметистъ, кушакъ *муаре*,
Башмачки же *мордоре;*
Рукава изъ петинета,
Золотые два браслета,
Энъ букетецъ *а ла таль*,
А въ рукѣ *энъ эванталь*.
Вотъ отправилась, сначала
Уже про запасъ зѣвала,
Суаре помнила ту,
Но ошиблась, *па дю ту*,
Что за славные салоны!
И въ гостяхъ какіе тоны!
И хозяйка какъ мила!
Описать нельзя *села*;
Такъ любезна, такъ учтива,
И собою такъ красива,

Какъ картинка, мудрено
Быть милѣй. Она къ пьяно
Подошла, тихонько сѣла,
Заиграла и запѣла.
Какъ поетъ! *э комъ эль жу*,
Сетъ-а диръ, я вамъ скажу!!
Быль, а точно небылица!
Соловей она, жаръ птица,
Околдуетъ, заберетъ
Сердце все, какъ запоетъ
Эръ де грасъ, иль *Каста дива*
Де ла Норма; особливо
Нашу пѣсню соловья,
Лучше не слыхала я.
Слезы градомъ полилися.
О, мадамъ амбасадриса!
Дай себя поцѣловать!
Я хотѣла ей сказать.
Сердце все во мнѣ пылало,
Но куражу не достало.
Тутъ намъ подали *дю те*;
Удивительный *гуте*.
Гости много толковали
Межъ собою, танцовали.
Я надѣялась опять
Голосъ дивный услыхать,
И сидѣла, и сидѣла;
Наконецъ я посмотрѣла
На часы: второй ужъ часъ!
И съ хозяйкой, глазъ на глазъ,

Я одна почти осталась.
Поскорѣй домой помчалась,
Но хозяйка говоритъ:
У куре ву донъ си витъ?
Знатной дамы вотъ поступки!
А не то, чтобы сквозь губки
Говоритъ *бонжуръ, мерси!*
Вы давно ли изъ *Рюси?*
Чай у васъ есть *де* медвѣди?
А какъ спросишь, такъ сосѣди
Скажутъ: эта рождена
Въ неизвѣстности, бѣдна,
А вотъ эта—дочь барона,
Богатѣйшаго *мезона.*
Въ сердцѣ, вижу я, *ноблесъ,*
Знатность *э ла политесъ.*
Это бывшая сначала
Мамзель *** доказала.

Но часочка черезъ два
Де Франкфортъ муа же ман'ва.
Насмотрѣлась на діету
И на Франкфуртъ; штуку эту
Разобрала по частямъ.
Гроша за нее не дамъ!!
Только слушать вѣчно рада,
Коль угодно до упада,
Эръ де грасъ, и соловья,
Ихъ не позабуду я.

Но сказать я позабыла,
Лотръ журъ, я посѣтила
Знаменитаго *Мартенъ*.
Всѣхъ звѣрей его *дестенъ*
Быть учителемъ, владыкой.
Волей твердой и великой
Власть онъ эту получилъ,
Разнымъ штукамъ научилъ,
Тигра, барса изъ Бенгала,
Льва, гіену и шакала,
Онъ трактуетъ какъ скотовъ!
Гдѣ ты, дѣдушка Крыловъ?
Посмотрѣлъ бы, какъ послушенъ
Царь твой, левъ, какъ добродушенъ
Тигръ и барсъ, и хищный волкъ!
Вѣрно далъ бы новый толкъ
Многимъ баснямъ, и для нацьи
На предметъ *цивилизацьи*
Ты сказалъ бы: *атанде!*
На *Мартена регарде*.
Какъ своихъ онъ тресируетъ,
И когда хоть побалуетъ,
Выпуститъ изъ клѣтки вонъ,
Но въ рукѣ всегда *батонъ*.
Шарле дизъ бы не свалился,
Если бъ такъ распорядился!!
Но не только *политикъ*,
Много *характеристикъ*
Мысли бъ здѣсь твои сыскали;
Напримѣръ, хоть тѣ морали,

Что нужда *бьенъ плюсъ*, чѣмъ честь,
Калачи научитъ ѣсть.

Но толкую я, болтаю,
А того не замѣчаю,
Что ужъ почтальонъ сидитъ
На конѣ, *алонъ плю витъ!*
Харитонъ! зови Анету,
Посади меня въ карету.
И пошелъ же, не зѣвай,
Путь держи и направляй
Въ Мангеймъ, *гранъ-дюше де Баденъ.*
Мусье Зархъ какъ мнѣ досаденъ!
Обобралъ меня кругомъ
Ме пуртанъ сетъ-энъ бравъ омъ.

X.

Мангеймъ.

Городъ Мангеймъ не огромный,
Тихій, чистенькій и скромной,
Но въ немъ преспѣсивый тонъ:
Что ни житель, то баронъ,
Что ни дама, то *контеса,*
Впрочемъ онъ безъ интереса,
Комъ онъ дитъ, анъ политикъ.

Въ немъ живетъ одинъ *антикъ:*
Баронъ Дрейсъ, изобрѣтатель
Дрезіены, мнѣ пріятель,
Вѣчно пьянъ, но бѣглый умъ
Полонъ презатѣйныхъ думъ.
Нынѣ онъ не бездѣлушкой
Занятъ, хочетъ просто пушкой
Всюду почту замѣнить!
Стоитъ только посадить
Человѣка въ пушку эту,
И сейчасъ, по бѣлу свѣту
Понесетъ *канонень-постъ,*
Черезъ ровъ, разбитый мостъ,
Куда хочешь, *нахъ белибенъ,*
А на станцьяхъ *фюръ* ушибенъ
Положенъ вездѣ матрацъ.
Стоитъ взять фитиль, и бацъ!
Я бъ, признаться, не рѣшилась;
Испытать бы—устрашилась.

Въ Мангеймѣ могла я счесть
Улицъ, кажется, пять, шесть,
Да два плаца, да аркады,
Только что для променады.
Хоть онѣ гостинный дворъ,
Но коммерція тутъ вздоръ:
Все бисквиты и конфеты,
Ленты, чепчики, корсеты.
Знаменитый лишь одинъ
Артаріевъ магазинъ:

Книги, виды и ландкарты,
Веллингтоны, Бонапарты,
Во весь ростъ *сюръ де шево;*
Де десензъ орижино,
Рокепланъ, Гюденъ, Вернета,
Словомъ, всѣхъ артистовъ свѣта.
Нужно дорого платить,
Но заплатишь, такъ и быть!

Здѣсь дворецъ еще великой,
Но онъ сходенъ съ политикой—
Этихъ мѣстъ—ея *анблемъ.*
Бонапартовъ былъ *системъ:*
Раззоривъ сперва Германью,
Взять потомъ ее въ компанью,
По воинственнымъ дѣламъ,
Но разрушить здѣсь и тамъ
И слѣдинки *сувенира.*
Палатинская квартира,
Этотъ мангеймскій дворецъ,
Раззоренъ почти въ конецъ,
И заброшенъ и оставленъ,
По потомъ онъ переправленъ,
Чтобъ исполнить новый планъ
Де Наполеонъ ле гранъ.

Изо всѣхъ *ди камараденъ*—
Выбранъ имъ *Гранъ дюкъ де Баденъ*—
Быть швейцаромъ *де ла Франсъ.*
Заключивъ съ нимъ *аліянсъ,*
Чтобъ исполнить цѣль такую,

Онъ племянницу родную
Выдалъ замужъ за него;
Но не расчиталъ того,
Что курносая съ косою
Смерть у всѣхъ надъ головою,
Можетъ измѣнить *ле соръ.*
Дюкъ де Баденъ илъ э моръ!
Самого Наполеона
Также свергнули со трона,
И дворецъ *не па фини.*
Въ немъ принцесса Стефани
Вѣкъ свой скромно доживаетъ,
Но и въ тишинѣ сіяетъ,
Точно въ облакѣ луна,
Какъ ни скрыта, все ясна.

Вкругъ всего дворца обсаженъ
Славный паркъ, красивъ и важенъ,
Де деревья *манификъ*;
Лугъ, дорожки и *ла дигъ*
Видъ прекрасный представляетъ.
Тутъ роскошно протекаетъ
Намъ уже знакомый Рейнъ.
Словомъ, право *дасъ истъ шенъ.*
Но гуляющихъ тутъ нѣту:
Знать противно этикету
Въ Мангеймѣ *де промене.*
Не встрѣчались люди мнѣ
Ни на улицихъ, ни въ садѣ—
Я въ большой была досадѣ,

И рѣшилась въ *табель д'отъ* —
Чтобъ хоть тамъ набрать *де нотъ*

На скамейкахъ, на диванѣ,
За столомъ все Англичане.
Дамы всѣ, въ рукѣ *маншонъ*,
Волоса *анъ тирбушонъ*,
И хвосты и пелерины,—
Ну, не то, чтобъ соболины,
Нѣтъ, но кошачьи *плюто*.
Кадрилье на всѣхъ манто,
И соломенная шляпа,
Де данъ, комъ онъ н'анъ а па.
Кавалеры въ сертукахъ,
Въ сѣрыхъ шляпахъ, въ башмакахъ,
Всѣ сидятъ облокотившись
На ладонь, и не напившись,
На лицахъ у всѣхъ *ружеръ*,
А *ле гидъ де вояжеръ*
Тутъ при нихъ ужъ непремѣнно.
Они знаютъ совершенно
Эту книгу наизустъ,
И обманетъ-ко ихъ пусть
Иль трактирщикъ, иль хозяйка,
На дыбы они ступай-ко—
Въ книгу къ нимъ глаза уставь,
Ифьюплисъ, сейчасъ поправь.
Я присѣла къ ихъ обѣду,
Съ ними завела бесѣду
О вояжахъ, объ *Рюси*.

Ну, ужъ Боже упаси!
Такъ имъ это полюбилось,
Что и солнце закатилось,
И давно всѣмъ спать пора,
А они *гипъ, гипъ,* ура!
Такъ и пьютъ мое здоровье.
А такое тамъ условье,
Чтобъ за-то благодарить,
Надо *спичь* проговорить.
Я по-англійски училась
Очень плохо, но рѣшилась,
Молвила, поднявъ *ле веръ*:
Эй вилль кисъ ю форъ эверъ!
Тутъ захлопали всѣ вилкой
Объ тарелку,—и съ бутылкой
Новой подошли ко мнѣ.
Дамы бѣдныя однѣ
И тянулись, и зѣвали,
Наконецъ и всѣ мы встали,
Разошлися по домамъ.
Но я, бѣдная мадамъ,
Непривыкшая къ пирушкѣ,
Провозилась на подушкѣ,
Не могла заснуть никакъ,—
Заболѣлъ мой *эстомакъ!*
И ознобъ, и потягота,
И ужасная икота.
Къ счастью тутъ случился чанъ...
Буду помнить Англичанъ!

Поутру, какъ пробудилась,
Я не мало удивилась:
Мнѣ записку подаютъ,
Дежене меня зовутъ
Къ дамѣ Русской; за Саксонцемъ
Замужемъ она;—червонцемъ
Точно я подарена,
И весьма одолжена•
За такую деликатность.
Нахожу всегда пріятность
Я въ компаніи *де Рюсъ,*
А въ чужбинѣ *д'отанъ плюсъ!*
Вотъ искать ее пустилась
По адресу, и добилась—
Ле каре де М. Д. С.
Улицы здѣсь, *комъ онъ се,*
Алгеброй лишь означаютъ,
А имянъ имъ и не знаютъ.
Хочешь ты куда *алле,*
Логариѳмы *де Кале*
Ужъ всегда бери подъ мышку.
Вотъ читаю я афишку,
Нынче будетъ Оберонъ.—
Съ дамой Русской *нуз-иронъ!*
Вотъ къ ней въ дверь я постучалась,
Позвонила, дожидалась
Съ нетерпѣньемъ, въ попыхахъ,
Въ шлафоркѣ *мусье* въ усахъ
Вышелъ въ дверь, и отвернулся
Въ ту жъ минуту,—запахнулся,

И сказалъ мнѣ: *пардоне*,
А самъ побѣжалъ къ женѣ.
Вотъ жена его явилась
Кто же? Н***! Училась
Съ ней я, помню, танцовать
Бросилась, чтобъ обнимать,
Но она взяла лорнету:
Знаю ль, дескать, гостью эту?
А потомъ: *бонжуръ, бонжуръ!*
Коминъ ва, и *туръ а туръ!*
То вопросъ,—то восклицанье,
То отвѣтъ,—то вспоминанье
Съ ней весь день я провела,
И какъ *ла журне* прошла,
Я совсѣмъ и не видала,
Толковала, угощала
На убой. Потомъ пошли
Мы въ театръ. *Се тре жоли!*
Хоть пискуньи *лезъ*-актрисы,
Но за то, что за кулисы!
Мѣсяцъ, звѣзды, облака,
Замки, корабли, рѣка,
Право страхъ какъ натурально!
Но актеры ужъ формально
Просто куклы; *пуръ ла саль*
Ну туда, сюда, *па маль*.
Не дождались мы финала.
Н*** меня умчала
На балъ, *шез-энъ сертенъ контъ*.
Говорила я: *же гонтъ*,

По-дорожному одѣта.
Ничего, и *маль де тета*
Даже не взяла въ *резонъ*
Ла метресъ де ла мезонъ
Повезла съ собой, и баста!
Точно будто для контраста,
Потому что *са туалетъ*,
Ну, нельзя сказать, *парфетъ!*
Къ намъ на встрѣчу три *контесы*
Вышли, ради *политесы*,
А *ле контъ* далъ руку мнѣ,
И подвелъ къ своей женѣ.
Я ей кучу словъ сказала,
А она все присѣдала,
Дочерей мнѣ *анъ репонсъ*,
Представляла, *дизъ* иль *онзъ*.
Ужъ такой здѣсь городочекъ:
Страшный урожай на дочекъ,
Куча здѣсь невѣстъ всегда.
Жениховъ-то нѣтъ, бѣда!
Ужъ за то, какъ разодѣты:
Розы, ленты, петинеты,
Что въ Парижѣ не найдешь.
Кавалеры жъ, молодежь,
Гейдельбергскіе студенты,
Адвокаты, президенты,
И *месье лезъ-офисье*
Де Бадъ-Баденъ *ле лансье;*
Въ свѣтло-голубыхъ рейтузахъ,
Въ курточкахъ, весьма кургузыхъ,

Въ длинныхъ шпорахъ и въ усахъ,
Всѣ стоятъ, какъ на часахъ;
Шевельнуться не дерзаютъ,
Но какъ только заиграютъ,
Особливо *ле гало*.
Всѣ они: *ало*, *ало*,
Такъ распрыгаются черти,
Что смѣшно на нихъ до смерти,
А потомъ опять стоятъ,
И на потолокъ глядятъ,
Пока снова заиграютъ.

Тутъ на ужинъ приглашаютъ;
Но садятся за *супе*,
Только что *ле плю гюпе*,
А другіе аматеры—
Точно наши мародеры:
Что захватятъ, то съѣдятъ,
А на это не глядятъ,
Что толкнутъ, или зацѣпятъ,
Иль тебѣ на платье влѣпятъ
Рыбу, масло, *майонезъ*.
И сама мадамъ *контесъ*—
Съ ними вольно практикуетъ.
Какъ о томъ кто ни толкуетъ—
А по мнѣ не хорошо:
Серве бъенъ, и серве шо!
И сидѣли бы не тѣсно,
Ужинать тогда прелестно!
А гдѣ шумъ и бѣготня,

И задоръ и толкотня,
Только и глядишь *гераусъ*,
Что бы не попасть подъ соусъ,
Иль подъ чашку *де бульонъ*.

Начали *ле* котильонъ,
Парами вездѣ посѣли,
Кавалеры и мамзели,
Точно въ пѣсенькѣ кружкомъ:
Каждая съ своимъ дружкомъ
То въ полголоса толкуютъ,
То обнявшись вальсируютъ,
Часа три, четыре, пять;
Въ уголку тамъ дремлетъ мать,
Мужъ за вистомъ, за бостономъ,
И амуры котильономъ
Управляютъ *а леръ эзъ*.
Я бъ скорѣй пустила въ лѣсъ
Дочку, женку молодую,
Чѣмъ въ *ла* западню такую.

Но пора мнѣ знать и честь;
Завтра рано нужно сѣсть
На *ваперъ*, и отправляться
До Бадъ-Бадена. Признаться,
Надоѣлъ мнѣ *ле вояжъ;*
Но не конченъ,—*се домажъ!*

XI.

Бадъ-Баденъ.

—

Мнѣ осталось отъ Бадъ-Бада
Въ памяти одна досада.
Вовсе не было квартиръ;
Тутъ собрался цѣлый міръ
Изо всѣхъ концевъ Европы:
Адонисы и Езопы,
Богачи и *пролетеръ*,
Омъ д'эта и милитеръ,
Адвокаты, депутаты,
Отставные дипломаты,
Отставные *мажесте*,
Наши Русскіе *боте*,
Весь *гранъ жанръ* нашъ Петербургской,
Даже и помѣщикъ Курской
Притащился *сюръ ле лонъ*.
Сетъ енъ раутъ, сетъ енъ салонъ:
Де Франсе лежитимисты,
Де Франсе бонапартисты,
Де Франсе жюсте мильe;
Юнь толпа *де рефюжье*,
Особливо Итальянцевъ
И вотъ этихъ *дезъ* Испанцевъ,
И карлистъ, и кристиносъ,
Кучей, право, набралось!
А ужъ англійскихъ фамилій,

У которыхъ столько *филій*,
И *гарсоновъ*, и *парти*,
Пропасть, Господи прости!
Гонорабель мистрисъ Голи,
Котинкотъ, сиръ Францисъ Ноли
Коксъ, и Джонсъ, и Бирлингонъ
Задаютъ ужасный тонъ,
Носъ высоко поднимаютъ;
Всѣхъ ихъ лордами считаютъ,
А быть можетъ, что иной
Просто въ Лондонѣ портной
Иль сапожникъ; одна дама—
Это все отродье хама
Назвала *анъ бадинанъ*
Ле милордъ дю континанъ.
Не узнать ихъ здѣсь по справкамъ;
Тамъ опять они по лавкамъ,
За иголкой, съ утюгомъ,
И какъ будто бы ни въ чемъ.
По ихъ милости, постели
Не нашла нигдѣ въ *отели*.
И рѣшилась въ ту же ночь,
Изъ Бадъ-Бадена я прочь.
Но взглянуть бы на Бадъ-Баденъ!
Неужель *нуръ ди маладенъ*
Наполняютъ такъ его?
Нѣтъ!... у многихъ ничего
Никогда и не болѣло,
Но имъ дома надоѣло,
Захотѣли погулять,

Межъ людьми пощеголять,
Покормитъ *мадамъ* рулетку,
Или модную кокетку
Проводить сюда къ водамъ,
Какъ законную *мадамъ*,
Дальше отъ супружьихъ взоровъ.
А у многихъ *матадоровъ*
И иное въ головѣ:
Потранжирить *же м'анве;*
Дескать будто бъ не отставленъ,
Будто мной *комплотъ* составленъ
Вновь войти *данъ лезъ аферъ*,
Портефейль и министеръ.
Точно, сколько ни гуляла,
Я больнаго не встрѣчала;
Всякой въ струночку одѣтъ,
Шпоры, хлыстикъ и лорнетъ
Кавалеровъ украшаютъ;
Дамы съ перьями гуляютъ,
Въ блондахъ, въ локонахъ, *де* шаль,
И вотъ этого мораль,
Что ни доктора, ни воды,
Но одно влеченье моды
Всѣмъ въ Бадъ-Баденъ кажетъ путь:
Хоть бы лопнуть да блеснуть!

Садъ чудесный, и музыка,
И рулетъ, и политика,
И кокетство; всѣмъ сестрамъ
Здѣсь найдется по серьгамъ.

Но больному тутъ нѣтъ мѣста,
Часть заквашеннаго тѣста
Не возможно отдѣлить;
Вмѣстѣ все должно бродить,
А какъ если не подъ силу,
Просимъ милости въ могилу.

Я взяла *энъ воатюрье.*
Это родъ *авантюрье,*
Изъ Итальи, изъ Лозанна,
Въ родѣ Рижскаго фурмана,
Пять имѣетъ лошадей,
И берется въ столько дней,
Въ тѣ и тѣ мѣста доставить,
Но ужъ всѣмъ онъ долженъ править.
Ты съ нимъ больше не толкуй;
Гдѣ захочетъ онъ, ночуй,
Завтракай, хоть не голодной,
Отложи весь духъ свободной,
Повинуйся и сиди,
Въ обѣ стороны гляди—
Если хочешь, но хоть лисью
Корчь ты рожицу, онъ рысью—
Не поѣдетъ тамъ и тамъ,
Если не захочетъ самъ.
Я контрактъ весьма дешевый
Заключила до Женевы,
Мы подъ вечеръ уплелись,
А Бадъ-Баденъ провались!

Познакомилась покуда
Съ дамой Русскою, о чудо!
Эта дама *юнъ пренсесъ*,
Такъ мила, *же ле конфесъ*,
Что сама влюбилась страстно
Я въ нее, но безопасно:
Моя дамская любовь
Тщетно мнѣ волнуетъ кровь;
Тщетно ею я плѣняюсь.
И чего я добиваюсь?—
Дамской страсти отвѣчать,
Ей, скажите, что за стать?
Но неловкой я бываю,
Полъ мой вѣчно забываю,
Когда вижу красоту
Нашу Русскую.... мечту
Карамзинскую, съ косою
Темнорусою, съ ногою,
Какъ ихъ Пушкинъ воспѣвалъ,
Ногъ китайскихъ идеалъ,
Нѣги полную небрежность,
И такую свѣжесть, нѣжность,
Какъ у прочихъ не найдешь.
Полно, Курдюкова, врешь,
Поуйми задоръ мечтаній,
А то скажутъ, что въ компаньи
Д'энъ мусье твой *мемуаръ*
Пишешь ты, *онъ пё ле круаръ*,
И испортится все дѣло.
Ужъ многимъ надоѣло

Слушать длинный твой разсказъ,
Дамѣ только *лонъ фе грасъ*,
А мужчину какъ завидятъ,
Тотчасъ свистомъ разобидятъ.
И не станутъ *экуте*,
Хоть *маманъ наве шанте*.

XII.

Шварцвальдъ.

Чуть совсѣмъ я не ряхнулась;
По Шварцвальдену тянулась
Ночь и день, и день и ночь;
Становилось мнѣ не въ мочь:
Бѣдность, неопрятность, стужа.
То корова проситъ мужа;
То кричатъ: куда, куда,
Курицъ цѣлыя стада;
Ме! баранъ кричитъ и бродитъ,
Споръ съ собакой котъ заводитъ,
Воръ идетъ, или монахъ;
Надоѣли, такъ что страхъ,
Эти сцены жизни сельской,
Высшій идеалъ мамзельской.
Европейская *мадамъ*,
Я привыкла къ городамъ;
Мнѣ несносны деревушки,

Пастухи, стада, пастушки.
Се тре бонъ пуръ лез-идиллъ,
А *пуръ монъ юзажъ, ихъ вилъ*
На ночлегахъ, чтобъ *отели*
Англійской конфортъ имѣли,
И въ прислугѣ и въ бѣльѣ;
Чтобъ *гарсонъ, біенъ абилье,*
По звонку всегда бъ являлся,
По французски бъ изъяснялся,
Говорилъ бы: *са сюфи.*
А здѣсь что находимъ, *фи!*
Служатъ дѣвки или бабы,
Да и то еще, когда бы
Одѣвались *анъ субретъ,*
Какъ въ театрахъ, слова нѣтъ;
Но одѣты, какъ крестьянки,
Безъ *турнюра,* безъ осанки,
Иногда и босикомъ;
Не знакомы съ языкомъ
Нынѣ общимъ по трактатамъ,
Вояжерамъ, дипломатамъ,
Коимъ мы лепечемъ всѣ,
Словомъ: *ле лангажъ франсе.*
Здѣсь нельзя другимъ манеромъ
Говорить, какъ съ *диксьонеромъ,*
Хорошо, какъ попадешь,
А какъ на бѣду наврешь!
Есть слова, гдѣ два значенья,
А иныя, изъ почтенья,
Въ *диксьонеръ* не помѣстятъ,

А ихъ нужно; радъ не радъ,
А сойдешь на пантомины.
Мебель, зеркала, камины
Не опрятны, а кровать
Мудрено и описать:
Пребольшущая, какъ фура,
Влѣзть въ нее, уже фигура,
А когда вошла, такъ тутъ
На тебя еще кладутъ
Ситцемъ крытую перину.
Ты подъ эту пуховину
Такъ войдешь, *комъ данъ дю бёръ.*
Странно, *ма пароль д'онёръ!*
Кушай ложкой оловьянной
Изъ посуды деревянной.
Кромѣ молока, яицъ,
Масла и домашнихъ птицъ,
Не проси, а то исторьи.
Даже кофе изъ цикорьи,
Здѣсь на рѣдкость, а винъ
Уксусомъ не названо
Изъ учтивости, а право—
Полное имѣетъ право!
Виды здѣсь туда, сюда,
А ужъ *кантъ* о города,
То не стоятъ и названья:
Старыя, плохія зданья;
Строены всѣ кое-какъ,
Не по плану,—это знакъ,
Что *фламбо* цивилизацьи

Не сіялъ для этой нацьи.
Магазейновъ вовсе нѣтъ;
Кирка только древнихъ лѣтъ
Въ Фрейбергѣ весьма замѣтна,
Но стоитъ ужъ такъ секретно,
Что проѣдешь *санъ савуаръ,*
Что есть что нибудь *а вуаръ.*
Въ Гидѣ я объ ней читала,
И насилу отыскала
Въ уголку,—но *манификъ,*
Преклассической, *готикъ.*
Стѣны, башни, какъ сквозныя,
Разграненныя, рѣзныя,
Острыхъ множество шпилей,
Какъ собранье королей
Въ ратномъ станѣ Палестины.
Окна, точно какъ картины,
Яркій и блестящій цвѣтъ!
Все прекрасно; но Анетъ
Въ переулкахъ заблудилась—
Не нашла, и не рѣшилась
И теперь повѣрить мнѣ,
Что есть кирка въ сторонѣ.
Но мы Рейнъ опять встрѣчаемъ;
Здѣсь Германью покидаемъ,
Чтобы въѣхать *данъ ла Свисъ:*
Иль э танъ ке са финисъ!

***

Швейцарія.

I.

Введеніе.

—

Дюпъ тотъ вояжеръ бываетъ,
Кто на время отлагаетъ
Свой журналъ.... *танъ д'отръ шозъ*
Набѣжитъ, что какъ хаосъ
Въ головѣ и въ *сувенирѣ;*—
Ничего нѣтъ хуже въ мірѣ!
Куй покуда горячо,
Чтобъ не вывихнуть плечо.
Се ла мемъ шозъ, что амуры:
Кавалеръ намъ строитъ куры—
И покудова влюбленъ,
Онъ намъ кажется уменъ
И прекрасенъ. Тотъ же самый
Занялся другою дамой:
Поглядишь, *са не плю са!*
Гдѣ любезность, гдѣ краса?
Все исчезло, миновалось;
На повѣрку что осталось?
Кавалеръ, какъ кавалеръ!
Спросятъ: гдѣ была, *ма шеръ?*
Кого встрѣтила?—Забыла,
Даже съ кѣмъ и говорила.
У меня была хандра
Или сплинъ, *комъ онъ вудра;*

Зубы что-то заболѣли!
И за днями дни летѣли,
Не писала ничего;
Протащили *ле шево*
По Итальи и Швейцарьи:
А тамъ *мольте козе варіе*,
Если только замѣчать,
Можно истинно сказать:
Есть озера, пейзажи,
Фермы, яблони, *виляжи*,
Де прери, *де* города,
Де пастушки, *де* стада,
Горы въ родѣ монументовъ,
Сотворенія моментовъ!
Юнгфрау льдяной и сѣдой,
Межъ природы молодой,
Точно дѣдушка угрюмый!
Монтъ Пилатъ, какъ будто думой,
Облаками окружась;
Шамуни, *ла меръ де гласъ*,
Ла Писъ-вашъ; но это стыдно,
Что такъ назвали обидно
Безподобный водопадъ!
Но гдѣ люди не шалятъ!
Въ Фрибургѣ есть мостъ висящій
И органъ одинъ, гремящій
Такъ прекрасно, что слеза
Навернется на глаза,
И морозъ пойдетъ по кожѣ,
Какъ послушаешь;—ну что же?

Ла патри де Гильіонъ Тель,
Точно вытертой *пастель*,
Въ памяти моей осталась;
Тинта съ тинтою смѣшалась,
И все вмѣстѣ *эфасе*,
Что тутъ ни было *трасе*,
Онъ дире: рѣка забвенья
Хлынула на впечатлѣнья;
Плохо помню;—*с'етъ эгаль!*
Опишу, *танъ біенъ ке маль*,
Все, что въ памяти осталось;
Но не сряду, какъ случалось;
Не по плану, *санъ методъ*,
А какъ въ голову придетъ.
Какъ наскучитъ мнѣ въ Швейцарьи,
Санъ префасъ, безъ *коментарій*,
Въ *л'Итали* перескачу;
Однимъ словомъ, я хочу,
Такъ какъ птичка на свободѣ,
По капризу, по погодѣ,
Пѣть, что будетъ пѣться мнѣ!—
При сіяющей лунѣ,
Въ поднебесье подыматься;
Гдѣ смѣшно, тутъ посмѣяться;
Гдѣ печально, тутъ вздохнуть:
А гдѣ скучно,—отдохнуть.
Передать своимъ желаю,
Какъ сама я понимаю,
Все, что видѣла и цѣль
Не моя—быть *иммортель!*

Нравится—пускай читаютъ;
Пусть цыганятъ, осуждаютъ,
Пусть грызутся *ле журно*,
Мнѣ, ей Богу, все равно!
Москвитянинъ особливо—
Разбираетъ несчастливо
И долгонько!—какъ прочтутъ,
Чего добраго—заснутъ:
И обоихъ насъ забудутъ!
Вотъ *ле свитъ*, какія будутъ!
Такъ что жъ?—Это не бѣда;
Съ гуся, *са с'апель*, вода!...

II.

Базель.

—

Сколько я ни разсуждаю,
А ни какъ не понимаю,
Отъ чего, *паръ кель газаръ*,
Называется швейцаръ,
Доместикъ тотъ осторожный,
К'онъ пуре назвать таможней
У дверей большихъ господъ,
Чтобъ сортировать народъ.—
Кто оборванъ, кто пьянюжка,
Воръ, буянъ, шалунъ, вертушка,
Вагабонъ, *мове сюжетъ*,

У него тѣмъ хода нѣтъ!
Очень бѣднымъ неповадно,
Гонитъ палкой безпощадно!
А напротивъ: *данъ ла Свисъ*
Всѣмъ мошенникамъ *госписъ!*
Ихъ тѣснитъ домашній Кади;
А Швейцарцы гостю рады,
И назадъ ужъ не проси!
Э с'ете тужуръ энси!
Но вотъ, кажется, причина:
Деревянный есть мужчина
Въ Базелѣ, на воротахъ;
Рожа точно на часахъ,
Все языкъ прохожимъ кажетъ;
Даже дамы не уважитъ;
С'э ла мемъ шозъ что *ле Свисъ!*
Передъ нимъ какъ ни вертись,
Подличай, давай монету,
Затвердилъ онъ: дома нѣту!
Приказанье получа,
Такъ и рѣжетъ все съ плеча.
Только въ книгу васъ заноситъ;
А объ этомъ и не спроситъ,
Что бываетъ иногда,
Даже кровная нужда!
Думаешь должокъ доправить;
Надо карточку оставить,
Завернуть *юнъ отръ фуа.*
Отъ того *визажъ де буа*
Поговоркой сохранилось.

Если бъ въ Базель не случилось
Завернуть, я бъ не могла
Никогда узнать *села*.

Городъ Базель возлѣ Рейна,
И тутъ родина Голбейна.
Множество его картинъ
Есть, *сюрту десейнъ* одинъ
Томасъ Морюса семейства.
Царствовалъ, примѣръ злодѣйства,
Въ Англіи Король Ганри,
Славный мужъ, *мове мари*;
Женъ мѣнялъ онъ, какъ рубаху;
Не понравятся—на плаху
Отправлялъ ихъ;—*туръ а туръ*
Анна Буленъ, Жанъ Сеймуръ,
Катерина Арагона,
Всѣ погибли безъ пардона!
Томасъ Морюсъ попыталъ
Отстоять;—не отстоялъ,
Но и самъ на смерть отправленъ
И въ примѣръ другимъ поставленъ!
Удержать Ганри *ле* Папъ
Даже оказался слабъ!
Онъ отъ власти Ватиканской,
Съ цѣлой киркой Англиканской,
Отложился навсегда.
Но не въ томъ теперь бѣда;
А объ чемъ, бишь, говорили?
Да! другъ друга такъ любили

Голбейнъ и Томасъ Морюсъ,
(Комъ онъ ди ше ну ан Рюсъ),
Какъ крестовые два брата;
Но не то опять:
Богата
Здѣсь коллекцья *де* Голбейнъ,
Смерть уводитъ *паръ ля менъ*
То того, а то другаго;
Смерть проказница, ни слова,
И охотница шутить;
Но зачѣмъ ее дразнить?
Этимъ дѣлу не поможешь;
Ты живи, покуда можешь;
А все въ руки къ ней попасть!

Но ея разрушилъ власть,
Смерть земную принимая,
Нашъ Спаситель,—отворяя
Двери вѣчности для насъ!
Этой мыслью озарясь,
Голбейнъ, точно въ заключенье
Прежнихъ сценъ, изображенье
Сдѣлалъ Господа, какъ онъ
Въ гробъ трехдневный положенъ.
И картина тутъ не даромъ!

Точно, съ той поры швейцаромъ
Только смерть передъ дверьми
Вѣчности, *с'иль э перми*
Такъ сказать; и не по волѣ
Истребляетъ, какъ дотолѣ;

Ея дѣло принимать,
Двери въ вѣчность отворять
Всякому, кто безъ роптанья,
Всѣ извѣдавъ испытанья
Нашей жизни, въ смертный часъ,
Отъ земныхъ освободясь
Рубищъ и хламиды мрачной,
Явится въ одеждѣ брачной
Въ тотъ украшенный чертогъ,
Гдѣ сіяетъ въ славѣ Богъ!
Есть локальность въ аллегорьи.

Тѣ же самыя исторьи
Часто намъ лицетворитъ
Нашъ гвардейскій инвалидъ!
Молодцемъ бывалъ въ походѣ,
Въ перестрѣлкахъ, на разводѣ;
Точно солнышко сіялъ,
Какъ въ рядахъ маршировалъ;
Но пришла его минута
Онъ швейцаромъ института,
Департамента; бѣднякъ,
Не узнать его никакъ!
Да какое и начальство
Замѣняетъ генеральство!
Экзекуторъ, казначей,
Человѣчекъ, отъ свѣчей
Домъ нажившій въ Нарвской части;
И его покорный власти,
Инвалидъ согнутъ дугой
Надъ дубиной съ булавой.

Но пора взглянуть на Базель.
Буду ль *мекон танть*, въ *экстазъль*
Отъ него, *же не се па;*
Отравляюсь *де се па.*
Непріятное начало;
Фьякровъ даже не бывало,
Надобно итти пѣшкомъ.
Городъ собранъ весь комкомъ!
Незавидныя прогулки,
Все кривые переулки,
Грязные, *дезъ иммондисъ;*
Ты куда ни обернись,
Все торгуютъ овощами;
И народъ-то, между нами,
Неопрятенъ, не хорошъ,
Совершенно не похожъ
На Швейцарцевъ изъ кипсековъ;
Можетъ быть и древнихъ Грековъ
Былъ костюмъ совсѣмъ не тотъ,
Какъ представилъ Эродотъ;
Я отъ сердца пріуныла,
И повѣся носъ ходила,
Убѣдясь, что все обманъ,
И фантазья, и романъ!
Я смотрѣла безъ вниманья
На три сѣренькія зданья
И на палевый соборъ,
Что на площади; *анкоръ*
Если бъ были монументы
Древности, иль *орнаменты;*

А то просто *де* пустырь,
Гдѣ сова и нетопырь,
Гнѣзда кое-гдѣ повили!

Здѣсь *ле Рюсъ* переходили
Рейнъ въ тринадцатомъ году;
Я земной поклонъ кладу
На томъ мѣстѣ *эбенъ, эбенъ*,
Отслуженъ гдѣ былъ молебенъ;
Какъ свершался переходъ
Конной гвардьи, первый взводъ
Съ презнакомымъ мнѣ корнетомъ,
Какъ онъ сказывалъ, предметомъ
Былъ всеобщихъ здѣсь похвалъ!
Какъ на память онъ попалъ,
Ну сама не понимаю!

Я прогулку продолжаю:
Переулковъ до шести,
Право, Господи прости,
Я прошла, и заблудилась,
И насилу очутилась
Передъ Ратушей; *ле стилъ*
Страненъ *де л'отель де вилъ*,
По стѣнамъ и на фасадѣ,
Сверху, спереди и сзади,
И по лѣстницѣ *де фрескъ*;
И довольно *романескъ*:
Вся исторія Швейцарьи—
Это будутъ *коментарьи*.
Меморандумъ дю вояжъ,

Ке же фе; и мнѣ нельзя жъ
Все припомнить до иголки!
Разные бывали толки,
Какъ училась, и съ тѣхъ поръ
Не одинъ былъ разговоръ;
И въ поэмахъ и въ романахъ
Слышу я объ Гельвецьянахъ;
Даже ужъ теперь *ле Свисъ*
И на сцену взобрались!
Мусье Шиллеръ и Россини
Ихъ вручили Мнемозинѣ.

Знаютъ всѣ, что *Гиліомъ Тель*
Подстрѣлилъ *мусье энъ тель;*
Но кого? тутъ разнорѣчье!
Малодушье человѣчье:
Кто Швейцарцевъ партизанъ!
Кто Австрійцамъ куртизанъ!
Такъ почти въ Германьи цѣлой
Геслеръ сдѣлался Карлъ смѣлый,
Гиліомъ Тель—Мусье Артюръ,
Какова гдѣ *ля сансюръ.*
Но прекрасно разодѣты
Тутъ Швейцарцы; туалеты
Особливо *де лёръ* дамъ
Могутъ быть примѣромъ намъ!
Я здѣсь выкройку срисую,
И съ Анетой потолкую;
Хочется *юнъ робъ уверть,*
Какъ у Королевы Бертъ.

Сдѣлаю въ такой обновѣ
Я большой эфектъ въ Тамбовѣ,
Какъ явлюся въ ней *о балъ*
Дю губе́рнскій *марешалъ*.

Базель былъ родъ маркизата.
Сколько видно, здѣсь когда-то
Былъ и дворъ, и соколы,
И чудесно удалы
Лезъ охоты противъ *вольфа*.
Замокъ видѣнъ здѣсь Рудольфа
Габсбургскаго, небольшой;
И Рудольфъ самъ молодой,
Незначительный владѣлецъ,
Только что не земледѣлецъ,
На охоту разъѣзжалъ,
Веселился, пировалъ,
Сколько могъ; но былъ въ упадкѣ
За̀мокъ, въ сильномъ непорядкѣ.
Дядя, Базельскій Эвекъ,
Пожилой ужъ человѣкъ,
И съ хорошимъ капиталомъ,
Надъ племянникомъ удалымъ
Сжалился, и денегъ далъ,
Чтобъ онъ за̀мокъ поубралъ
И по прежнему исправилъ;
И племянника оставилъ
Съ деньгами.—Какъ годъ истекъ,
Снова Базельскій Эвекъ
Пріѣзжаетъ; но оставленъ

За̀мокъ, вовсе неисправленъ.
Разсердился старичекъ:
„Эхъ, племянничекъ дружокъ!
„Ты по прежнему боярилъ!
„Деньги ты поразмытарилъ,
„Сколько видѣть я могу!“
Онъ на это: ни гу-гу,
Дядѣ далъ попроповѣдать,
И позвалъ его обѣдать,
Да и вывелъ на балконъ.
Тутъ стоитъ со всѣхъ сторонъ
Войско чудное, на диво;
Развѣваются красиво
Знамена, и на броняхъ
Солнце въ пламенныхъ лучахъ
Разгорается, играетъ.
Дядюшка не понимаетъ!
Тутъ Рудольфъ заговорилъ:
„Деньги ваши получилъ
„Точно я, и ихъ удвоилъ;
„За̀мка, правда, я не строилъ;
„Войско я за то набралъ!
„Это вѣрный капиталъ.
„Только насъ благословите,
„И такихъ ужъ за̀мковъ ждите,
„Что въ Гиспаньи не видать“.
Что Эвеку тутъ сказать?
Денегъ онъ ему прибавилъ,
И племянника оставилъ
Еще разъ.—Какъ стукнулъ годъ,

Собрался Рудольфъ въ походъ;
Парень былъ весьма не промахъ;
Множество имѣлъ знакомыхъ,
И другихъ навербовалъ;
И какъ разъ завоевалъ
Всю Гельвецію, Швейцарью,
И Франконью, и Баварью,
И на Австрію пошелъ!
Тутъ онъ получилъ престолъ;
Избранъ Герцогомъ Австрійскимъ;
Тамъ по одолженьямъ близкимъ
Электерамъ тѣхъ временъ,
Онъ въ порфиру облеченъ
Всей Имперіи Германьи,
И попалъ ужъ въ Шарлеманьи!
Дядя умеръ между тѣмъ,
А Австрійскій *діадемъ*,
Какъ на каменной твердынѣ,
Въ домѣ Габсбургскомъ донынѣ!
А кто дѣло основалъ?
Все Эвека капиталъ!

Ну не такъ ли Рейнъ глубокій,
Столь разливисто широкій,
Точно царь Нѣмецкихъ рѣкъ,
Здѣсь въ Швейцаріи истекъ
Изъ горы, ручьемъ невиднымъ,
Даже курамъ необиднымъ,
Потому, что перейдутъ
И онѣ; а дальше тутъ

Вдругъ въ потокъ онъ превращенный,
Бурный, шумный, изступленный,
До Шафгаузена бѣжитъ
По каменьямъ, какъ Алкидъ,
Все коверкая, ломая
И деревья вырывая!
Тутъ средь каменныхъ громадъ,
Необъятный водопадъ;
Онъ порывисто стремится,
И отъ солнца золотится
Пыль, поднятая столбомъ
Отъ воды; и все кругомъ
Какъ брильянтами сверкаетъ;
Тутъ онъ ярость укрощаетъ,
И бѣжавъ изъ далека,
Какъ роскошная рѣка,
Точно отдохнуть ложится.
Не бурлитъ онъ, не стремится;
Но течетъ, какъ властелинъ,
Посреди своихъ долинъ!
Францью кое-гдѣ задѣнетъ,
Но не сердится, не пѣнитъ;
Только хочетъ подразнить;
Вамъ меня не получить,
Дескать; и Германья вторитъ
Тѣ жъ слова; да кто жъ и споритъ?
Тутъ пышнѣй и все пышнѣй
По Германіи своей
Встрѣченъ онъ вездѣ горами,
Виноградомъ, городами,

А по немъ вездѣ народъ!
Величаво пароходъ
Пышетъ дымъ, и на просторѣ
Машетъ крыльями, и въ море
Устремляется по немъ!
Отъ того мы и зовемъ
Рейнъ Швейцарскимъ уроженцомъ.
Чуднымъ онъ какимъ колѣнцомъ,
Здѣсь проходитъ; *кель таблё!*
Нашъ трактиръ стоитъ *сюръ лё:*
Такъ я имъ налюбовалась
Въ волюшку....
Но заболталась;
Еще нужно досказать:
По мосту пошла гулять,
На воротахъ, родъ *орложа,*
Деревянная есть рожа,
Кажетъ всякому языкъ;
Признаюсь, *сели ме пикъ!*
Лонъ лакей хотѣлъ обидѣть,
Далъ мнѣ все здѣсь поувидѣть;
Какъ насытилась сполна,
„Такъ вотъ, дескать, тебѣ на!“
Что досталась я за дура!

Въ воротахъ камеръ-обскура
Есть еще; *с'етъ амюзанъ*
Видѣть, какъ *ле пеизанъ*
Черезъ мостъ переѣзжаютъ,

Какъ молочницы гуляютъ,
Какъ пройдетъ иной солдатъ.

Пресмѣшной былъ результатъ
Здѣсь послѣдняго раздора;
Ну, не революцьи—вздора!
Въ Базелѣ всѣ мужики
Большей частью простаки.
Но охота подражанья!
Разъярилась *бель* компанья
Противъ Базеля *ля виль;*
И народъ кричитъ: *„ихъ виль*
„Становыхъ, а не квартальныхъ!
„Вмѣсто будочниковъ сальныхъ
„Нужно намъ *де гардъ шампетръ!“*
Что жъ такое? Климъ будь Петръ,
Петръ, пожалуй, будь Егоромъ;
И все кончилось тутъ вздоромъ.
Сталъ квартальный—становымъ,
Бургомистръ—городовымъ,
А другой какимъ-то *меромъ;*
А велось все *секретеромъ,*
Комъ аванъ; са во ла пень
Такъ шумѣть! *Де ла Фонтенъ*
Я припомнила *ла фабль:*
Какъ *ле ра де виль, а табль*
Звалъ къ себѣ *ле ра де шанъ;*
Только *с'етъ энъ пе мешанъ.*

Но пора мнѣ расквитаться,
И въ дорогу отправляться.

Ужъ глядитъ *д'енъ эль сурнуа*
Воатюрье мусье Бонуа:
Вѣрно не захочетъ *вартенъ*.
Въ Базелѣ еще есть *гартенъ*,
Гдѣ камельи, *э де* розъ,
Дезъ арбузы, *э отръ шозъ*,
И чудесно разукрашенъ!
Грота три и пара башенъ,
Де вольеръ, э энъ этанъ:
Только *же н'е па ле танъ!*

Любопытство поумаля,
Доѣзжаю до Бальсталя.
Славный видъ тутъ по горамъ!
Хорошо, что я мадамъ;
Если бъ *омъ*, была бы въ петлѣ.
Настоящая здѣсь Кетли
Юнъ сервантъ де кабаре;
Про нее, *а с'к'иль паре,*
Написалъ свой водевилецъ
Мусье Скрибъ! О, мой кормилецъ!
Какъ ты часто насъ смѣшилъ,
И растрогивалъ! Какъ милъ
Твой талантъ! и для театра
Ты король—родъ *Ганри катра!*

Здѣсь я вижу въ первый разъ,
Этотъ *діадемъ де гласъ*,
Эти горы снѣговыя,
Командиры вѣковые

Всей Швейцарьи! *Кель вояжъ!*
Ну, сказать, ужъ *пейзажъ!*

III.

Бернъ.

—

Я доѣхала до Берна.
На дворѣ ужасно скверно!
Дождикъ, вѣтеръ, *де ля нежъ,*
Такъ, что даже не въ терпежъ!
Харитону любо стало:
Русь ему напоминало!
Снѣгъ и слякоть! фанатизмъ!
Этакой патріотизмъ
Есть патріотизмъ холопа!
Не завидуетъ Европа
Нашимъ вьюгамъ и снѣгамъ,
Ни курнымъ у насъ избамъ,
Ни мятелямъ, ни ухабамъ,
Ни крестьянскимъ нашимъ бабамъ,
Что одѣты *а пе пре*
Комъ де сакъ; и ни икрѣ,
Ни сосулькамъ, ни баранкамъ,
Ни ботвиньѣ, ни цыганкамъ;
А завидуетъ она,
Что Россія такъ сильна;
Что народъ такой чудесный;

Духомъ, твердостью извѣстный;
Молодецъ все къ молодцу;
Преданъ такъ Царю отцу,
Что скажи онъ только слово,—
Все стремится, все готово,
Все кипитъ, и захоти,
Рады всѣ на смерть итти;
Мановеньемъ только брови
До послѣдней капли крови
Онъ потребуй,—отдадутъ!
Вотъ и говорятъ: *нихтъ гутъ*—
Иностранцы. Имъ досадно,
Что у насъ въ Россіи ладно.
Точно какъ семья одна!
И какъ моськи на слона,
Издали на насъ ярятся!
Пусть ихъ лаютъ: утомятся,
Какъ увидятъ, что ихъ крикъ
Ни почемъ; нашъ Богъ великъ,
Велика у насъ и вѣра!
Вотъ успѣховъ нашихъ мѣра:
Осѣнясь пока крестомъ,
Смѣло мы на все идемъ,
И Царя священно слово,—
Будетъ все у насъ здорово!
Пусть *готсъ, химмель, сакрементъ*
Говорятъ: какъ монументъ
У Исакья, Петръ Великій,
Надъ всеміриой политикой
Мы стоимъ гора горой!

Осѣнивъ ее рукой,
Никого не задѣваемъ!
Всѣмъ имъ здравствовать желаемъ!
Но не тронь они и насъ,
Иль не сыщется *ля пляцъ*,
Гдѣ когда-то ихъ видали.
Просто: поминай какъ звали!
Вотъ чѣмъ Русскій патріотъ
Долженъ дорожить, и вотъ
Что такъ бѣситъ иностранцевъ,
Нѣмцевъ, Англичанъ, Испанцевъ
И Французовъ, *э ле Свисъ!*
Какъ ни силься, ни ярись,
Какъ волна она морская,
Съ ревомъ, съ пѣной прибѣгая,
Объ Кронштадтскій нашъ гранитъ
Рухнется и отбѣжитъ,
А гранитъ не замѣчаетъ
Этихъ брызговъ, и сіяетъ
Еще болѣе отъ нихъ,
Когда солнце, какъ женихъ,
Изъ морскихъ зыбей воспрянетъ,
На Кронштадтъ любовно взглянетъ,
Какъ привѣтствіе утра
Славной памяти Петра!

Но про нашихъ патріотовъ
Множество есть анекдотовъ.
Патріотъ иной у насъ
Закричитъ: „*дю* квасъ, *дю* квасъ,

„*Дю* разсольчикъ огуречный!“
Пьетъ и морщится сердечный;
Кисло, солоно, *мове,*
Ме се Рюсъ, э ву саве:
Надобно любить родное,
Дескать, даже и такое.
Что не стоитъ ни гроша!
Же не ди па, ла каша
Манная, *авекъ де* пѣнки;
Ла марошка, *лез'* апёнки,
Поросенокъ *су ле* хрѣнъ,
Ле кисель, *э ле* студень
Очень вкусны; но не въ этомъ
Ле патріотизмъ! замѣтимъ,
Что онъ долженъ быть въ душѣ!
Въ кушаньѣ *с'етъ енъ пеше!*
Са с'апель служитъ мамону!
Вотъ я про свою персону
Растолкую просто такъ:
Постою за свой буракъ,
И за свой горшокъ со щами,
Какъ другая;... но межъ нами:
Если поваръ мнѣ подастъ
Иногда, *пуръ ле контрастъ,*
Де фуа гра-пате Страсбурга,
Или *бефъ сале* Гамбурга,
Иль Французскій *дендъ трюфе,*
Что жъ такое? *ке-с'-ке са фе?*
Отъ того не измѣнюся,
Что наѣмся, иль напьюся

Коместиблей чуждыхъ странъ;
Же не сви па басурманъ,
Но по мнѣ Лафитъ, нѣтъ слова,
Лучше пѣннаго простаго,
И Шампанское подъ часъ
Я вливаю *данъ монъ* квасъ:
Квасъ отъ этого вкуснѣе.
Чтобъ растолковать яснѣе
Мысль мою, *же ву дире*.
Что по мнѣ *о фигюре*,
Эта смѣсь родъ аллегорьи
Нашей собственной Исторьи!
Ужъ кто какъ ни говори,
Наши славные Цари
Русскій бытъ всегда любили;
Какъ святыню сохранили
Всѣ обычьи старины;
Но все ими жъ введены
Къ намъ науки и искусства
Чуждыхъ странъ, и наши чувства
Деликатнѣе, нѣжнѣй
Еще сдѣлались, сильнѣй
Къ нашей родинѣ, и ею
Мы гордимся всей душею!
До нашествія Татаръ
Къ намъ втирались *ле боз аръ*
Черезъ выходцевъ изъ Грецьи:
Архитекторы Венецьи
Строили въ Москвѣ Соборъ;
Англичанинъ Шанселоръ

Ввелъ торговыя сношенья;
Петръ не разъ, для обученья,
Многихъ Русскихъ посылалъ
Въ тѣ мѣста, гдѣ самъ набралъ
Государственное знанье!
Ну не то ли, что вливанье
Дю шампанъ данъ нотръ квасъ;
Русскій и теперь у насъ
За моремъ, иной, гуляетъ,
Смотритъ, видитъ, примѣчаетъ
То *сеси*, а то *села;*
Но какъ добрая пчела,
Дю полезнаго набравшись,
По цвѣтамъ понагулявшись,
Весь свой сборъ домой несетъ,
Чтобъ составить Русскій медъ!
Отъ того чертогъ пчелиный
Былъ эмблемъ Екатерины!
Но иной, сказать и то,
Погулялъ, привезъ пальто
И прическу кучерскую!
Я его не критикую,
Только бѣднаго мнѣ жаль!
Впрочемъ, *иль н'і-а-па гранъ маль*, —
И у Русскаго народа,
Какъ въ семьѣ, не безъ урода!

Съѣвъ кусочекъ колбасы,
Я пошла смотрѣть часы,
Что здѣсь въ Бернѣ на воротахъ.

Вѣрно былъ въ большихъ заботахъ,
Кто часы тѣ свороживилъ:
Ужъ чего не приложилъ!
С'етъ энъ хаосъ веритаблъ!
И пѣтухъ тутъ, и *ле дьяблъ,*
И старикъ, король Немвродъ,
И медвѣдей хороводъ!
Только стрѣлка часовая
Обойдетъ, вдругъ, подымая
Крылья, прокричитъ пѣтухъ;
А за нимъ *ле дьябелъ,* бухъ,
Палкой бьетъ объ колокольчикъ,
А старикъ, *сюръ сонъ* престольчикъ,
Ротъ разинетъ, и кивнетъ
Головой, и повернетъ
Ле клепсидеръ; тутъ медвѣди,
Вылитые всѣ изъ мѣди,
Подъ командою *д'енъ шефъ,*
Какъ двѣнадцать спящихъ дѣвъ,
Въ часъ урочный выступаютъ,
И вокругъ *орложъ* гуляютъ!
С'э временъ сантиманталъ!

Тутъ пошла я въ катедраль.
Хоть Готики наглядѣлась
Черезъ чуръ, и мнѣ пріѣлось
Ужъ *енъ пе сетъ модъ юникъ!*
Гдѣ ни сунься, все Готикъ:
И бесѣдки, и *боскеты,*
Спальныя, и кабинеты,

И салонъ, и *будуаръ*,
И конюшни, и амбаръ,
И кандитерскія лавки,
И браслетки, и булавки!
Ты куда ни повернись,
Все какъ будто *дез-эглизъ!*
И кровати, и диваны,
Этажерки, и экраны,
Даже стулъ *(ву саве кель)*,
И тотъ примутъ за *шапель!*
Про барановъ намъ толкуютъ,
Что другъ друга имитуютъ;
Гдѣ прыгнетъ изъ нихъ одинъ,
Тутъ и всѣ; *ме ж'имажинъ*,
Что мы то же, что бараны—
Пребольшія обезьяны!
Вотъ и въ Питерѣ у насъ
Я видала сколько разъ:
Что затѣется бывало,—
Заводи, во что бъ ни стало!
Засухи, неурожай,
Нужды нѣтъ, ты подражай!
Ле бонъ тонъ къ тому принудитъ,—
Иль житья тебѣ не будетъ
Отъ жены и отъ родныхъ,
Да и даже отъ чужихъ!
Назовутъ *ретардатеромъ*,
Гарпагономъ и *Серберомъ!*
Рококо и *ренесансъ*
Сколько стоили *депансъ!*

Да, я помню, разъ зимою,
Что случилось здѣсь со мною:
Чтобы соблюсти *бонъ тонъ*,
Же пудре монъ Харитонъ;
Въ шелковыхъ чулкахъ, у козелъ,
Обѣ икры отморозилъ;
Мнѣ жъ пришлось его лечить;
А другихъ не научить!
Пусть забота будетъ эта
Опекунскаго Совѣта!
Этотъ общій *коферъ форъ*,—
Табакерка *де Пиндоръ*,—
Всѣмъ затѣямъ помогаетъ;
Но *сале* подъ часъ бываетъ!
Только позабудешь срокъ,
И глядишь—подъ молотокъ!

Но здѣсь разныя потѣхи!
Не одинъ Готикъ,—доспѣхи
И трофеи *де ла геръ*
Противъ *Шарль ле Темереръ*,
Славная его палатка
Анъ готъ-лисъ, и три десятка
Разныхъ шпагъ, *манто, боне*,
Что носилъ онъ на войнѣ;
Это все мнѣ показали;
А *готъ-лисы* представляли
Сюръ энъ фонъ, довольно *саль*,
Ла баталью *де Фарсаль*.

Тутъ я вышла на террасу,
Посмотрѣть всю эту массу,
Этотъ рядъ Швейцарскихъ горъ,
Что у нихъ, *комъ энъ* заборъ,
Отъ всѣхъ прочихъ отдѣляетъ,
Какъ въ Китаѣ, сохраняетъ
Прежній ихъ *эндепандансъ!*
С'этъ энъ пуа данъ ля балансъ,
Говоритъ Симонъ Сизмонди,
Энъ рефюжъ де вагабонди;
Только имъ и *профите*
Здѣшняя *нейтралите.*
Но прекрасныя картины
Эти снѣжныя вершины,
Въ часъ полудня солнца лучъ
Какъ проглянетъ изъ-за тучъ,
Живописно ихъ рисуетъ!
Всю Швейцарью коронуетъ
Этотъ славный Оберландъ,
Какъ Бореева гирландъ,
Кинутая въ поднебесной
Среди зелени прелестной!

Мнѣ осталось посмотрѣть
Мѣсто, гдѣ мусье медвѣдь
Дни спокойные проводитъ,
И анахоретомъ бродитъ
Съ косолапою женой.
Берна гербъ они живой!
Долго съ ними я возилась,

И ужасно простудилась,
Вся я сдѣлалась *малядъ*:
Монъ визажъ этъ экарлатъ,
Голова болитъ, и тошно.
Но спасибо, какъ нарочно,
Я все видѣла уже.
Лонъ лакею дамъ *конже*,
И за докторомъ скорѣе!
Нѣтъ ли съ крестикомъ на шеѣ,
Какъ у насъ, *энъ алеманъ?*
Са сере плю расюранъ!
Но молоденькій явился;
Щеголь въ пухъ принарядился:
Колье Грекъ, бадинъ, лорнетъ,
Стянутъ такъ, что мочи нѣтъ,
Я подумала: танцмейстеръ!
Вышло: докторъ мусье Шлейстеръ,
Философьи кандидатъ,
А теперь Гомеопатъ.
Пульсъ пощупалъ мнѣ съ брегетомъ,
И, вооружась лорнетомъ,
Высунуть велѣлъ языкъ!
Комъ всегда, *са се пратикъ!*
Хоть и новая метода,
Но одна, какъ видно, мода.
Первая его пароль:
„*Юнъ эпесъ де рубіоль*
„Въ васъ гнѣздится, сколько вижу;
„Мы обязаны Парижу
„Этимъ терминомъ *де л'аръ*.“

—У меня ужасный жаръ,
Пить хочу!—„Ну, воду пейте!
„*Ме сюрту*, вы не имѣйте
„Ни *парфеновъ*, ни духовъ,
„А особенно цвѣтовъ.“
—Какъ же быть? Я, между нами,
Убираюсь все цвѣтами,
Съ той поры, какъ мадамъ Споль
Мнѣ достала *ореоль;*
Ужъ вошло въ привычку даже;
А *фелеристокъ*, нѣтъ въ вояжѣ,
Я беру для красоты
Натуральные цвѣты;
Тотъ же *ореоль* сплетаю,
И какъ въ осень разъѣзжаю.
Розановъ со мной горшокъ...
„Но я дамъ вамъ порошокъ:
„Дѣйствіе онъ потеряетъ,
„Если что гдѣ завоняетъ.“
Докторъ мнѣ сказалъ: „законъ
„Нашъ такой, *сине ква нонъ*,
„Основанье, и смотрите,
„Пахитосокъ не курите.“
—Мнѣ курить? что за манеръ?
Да я развѣ кавалеръ?
„Да теперь всѣ дамы курятъ,
„И отъ дыма глазки щурятъ.
„Это модный *жантильесъ!*“
—Не дошла я, *же конфесъ*,
До такой *цивилизацьи!*

„А! у васъ есть *пальпитацьи?*
—Есть; что жъ, пустите мнѣ кровь?
Онъ въ отвѣтъ, нахмуря бровь:
„Нѣтъ, мы крови не пускаемъ;
„*Экилибръ* не нарушаемъ
„Мы натуры: такъ *же санъ.*"
—Вѣрно, *келькъ афеблисанъ?*
„Нѣтъ, и этого не нужно;
„Мы живемъ съ натурой дружно;
„Ей мы дѣйствовать даемъ.
„На одну мы точку бьемъ,
„Виноватую въ разстройствѣ;
„И въ одномъ мы безпокойствѣ,
„Какъ ее бы отъискать,
„Чтобъ примѣръ вамъ показать:
„Всѣ народныя крамолы,
„Шалости большія школы,
„Можно тотчасъ прекратить,
„Какъ зачинщиковъ схватить,
„Лишь бы ихъ узнать успѣли!
„Порошокъ для этой цѣли
„Мы даемъ; онъ микроскопъ
„Розысканій, какъ въ галопъ,
„Отъ него болѣзнь поскачетъ!
„Насъ она не озадачитъ;
„Легче узнаемъ недугъ,
„И его захватимъ вдругъ!"
—Ну, теперь я разумѣю;
Но вотъ эту мнѣ идею
Растолкуйте: отъ чего

Отказаться отъ всего
Вы велите,—отъ *одеровъ*,
Отъ цвѣтовъ?—Для аматеровъ
Пренакладно!—Вотъ отвѣтъ:
„Создалъ Богъ, сомнѣнья нѣтъ,
„Міръ на службу человѣку,
„Какъ большущую аптеку.
„Доли медицинскихъ силъ
„Всѣмъ растеньямъ надѣлилъ;
„Ихъ распознавать печемся,
„И отъ дѣйствій бережемся
„Нашимъ порошкамъ *контреръ*.
„Вотъ вамъ ясно, *тутъ л'аферъ!*"
—Но мнѣ мудрено повѣрить,
Какъ вашъ порошокъ измѣрить,
Канареечной глотокъ,
Чтобъ онъ одолѣть возмогъ
Жаръ пресильный, колоссальный,
И эффектъ имѣлъ формальный?
„*Белла донна!*"—*Біенъ де грасъ*,
Ужъ оно не въ бровь, а въ глазъ!
Комплиментовъ мнѣ не надо;
А узнать была бъ я рада
Вашъ *системъ!*—„*Ну, аконитъ*,
„*Арника;*"—*ке-с-ке ву дитъ?*
„И *нуксъ вомика.*"—Не знаю.—
„Я теперь вамъ исчисляю
„Наши средства; а за тѣмъ
„Растолкую и *системъ:*

„Неужель вы не видали,
„Какъ и оспу прививали?
—Да, и даже въ старину,
Капельку возьмутъ одну
Отъ больной, плохой коровы,—
Въ полчаса всѣ нездоровы!
„А амуръ, злодѣй амуръ,
„Сколько жертвъ онъ, *туръ а туръ*,
„То убьетъ, то воскрешаетъ
„Взглядомъ только! Это знаетъ
„Даже каждый, да и вы
„Вѣрно знаете?“—Увы!
Помню тамъ близъ Петергофа,
Какъ была я нездорова,
И чуть-чуть,—ну, такъ и быть,
Дамъ ему себя лечить!
Что-то будетъ?
Въ самомъ дѣлѣ
Пролежала я въ постелѣ
Только день. Оставлю Бернъ,
И отправлюся въ Паіернъ,
А оттудова въ Лозанну,
Если только не устану.

IV.

Бернскій Оберландъ.

—

Утро ясно, *иль фе бо;*
Дня свѣтило, *ле фламбо,*
Солнце по небу гуляетъ,
И роскошно освѣщаетъ
Энъ Швейцарскій пеизажъ,—
То есть: фермы, *де вилажъ,*
Горы вѣчно снѣговыя,
И озера голубыя,
На которыхъ, *ж'имажинъ,*
Пироскафъ, и не одинъ,—
И пастушечки, *бержеры;*
Кель туалетъ! что за манеры!
Что за складки *а ля шалъ!*
Маленькій *шапо де пайль,*
По колѣна только юбки—
Театральныя голубки;
Однимъ словомъ, *с'э шарманъ!*
Но не знаю я, *команъ*
Путь умнѣе бы направить,
Чтобы *де ля Свисъ* составить
Юнъ иде почти *комплетъ.*
Всю объѣхать, слова нѣтъ,
Не достанетъ и терпѣнья,
А напишешь, такъ для чтенья,
Тяжело—и надоѣстъ.

Вѣроятно, много мѣстъ
Есть похожихъ межъ собою.

Вотъ я дѣло какъ устрою:
Я поѣду въ городъ Тунъ,
Въ Интерлакенъ, въ Лаутербрунъ.
Эту изберу дорожку.
Тутъ всего есть по-немножку,
Иль я ту се к'онъ демандъ;
Се ле, Бернскій Оберландъ.
И вояжъ мой будетъ скромный.
Я въ колясочкѣ наемной,
Туте сель, авекъ Анетъ
Помѣщусь; мнѣ нужды нѣтъ
Брать съ собою Харитона;
Здѣсь, въ Швейцарьи, родъ *бонъ тона*,
Дамамъ ѣздить *анъ гарсонъ*,
Обращаться *санъ фасонъ*,
Пить и ѣсть за *табель д'отомъ*,
Не смущаться анекдотомъ,
Иногда *энъ пе сале*.
Надобно, *комъ ву вуле*,
Благородной Русской дамѣ
Здѣсь по-волчьи выть съ волками.

Я отправилась *д'аборъ*
Цѣпью непрерывныхъ горъ,
Все увѣнчанныхъ снѣгами;
Любовалась и лугами,
И обширностью полей,
Ѣхавъ все среди аллей.

Безподобнѣйшіе виды!
Все скирды, какъ пирамиды,
Хлѣба разнаго;—*де вашъ*,
Де козлы, *де* пеизажъ
Вувермана и Полпотра
Здѣсь разставлены для смотра;
И прекрасно, хорошо,
Се виванъ, се бо, се шо!
И такъ ясно, свѣтло было!

Вдругъ все небо обложило
Облаками,—дождь и громъ!
Молнія сверкнетъ, кругомъ
Все какъ бы въ огнѣ пылаетъ,—
И вдругъ темно; завываетъ
Вѣтръ, и свищетъ, и реветъ.
И съ коляски фартухъ рветъ!
Молнія за молньей блещетъ,
Дождикъ такъ въ глаза и хлещетъ,
Ливмя льетъ, льетъ какъ изъ ведра;
Фурмана манто *де дра*
Сдѣлался какъ родъ клеенки;
Тащатъ вяло лошаденки;
Скучно, страшно, мочи нѣтъ!

Но за то ужъ, что за *фетъ*,
Въ Тунъ когда я дотащилась!
Передъ дачей очутилась,
Гдѣ весь Англійскій *комфортъ*.
Самъ хозяинъ *а ля портъ*

Насъ встрѣчаетъ, разодѣтый
Щегольски, и вдругъ съ Анетой —
Съ первой, началъ разговоръ
По Французски; тутъ *анкоръ*
Прибѣжало три *гарсона*
Удивительнаго тона,
И съ шандалами въ рукахъ:
Всѣ въ смятеньи, въ попыхахъ;
Точно будто Королева
Появилась! Справа, слѣва
Подхватили и ведутъ;
Сзади мой *багажъ* несутъ
Люди средняго разряда.
Я пріему очень рада;
Но куда попала я?
Можетъ быть, судьба моя
Къ лорду въ замокъ затащила?
Я бъ охотно погостила
У него, *ме же пари*,
Ночью—*ту ле ша сонъ гри!*
Лордъ навѣрно далъ *энъ* промахъ,
И насъ принялъ за знакомыхъ;
Отъ того такая честь.
Но какъ хорошо разсчесть:
Англичанъ крутеньки нравы;
Какъ дойдетъ тутъ до расправы,
Такъ, пожалуй, по шеямъ!
Вуле ву дю те мадамъ?
Онъ спросилъ, и по сигналу
Двери растворились въ залу.

Тутъ предсталъ *а ме регаръ*:
Столъ накрытый, самоваръ,
Ветчина, кофейникъ, чашки,
Блюда, сахарница, фляжки,
Сыръ и яица и медъ;
Ужъ чего не достаетъ?
Совершенно пиръ горою.
И съ начала, я не скрою,
Не смотря на *апети*,
Было совѣстно войти.
Я однако же рѣшилась,
И вошла, но удивилась:
Вкругъ всего стола народъ
Пьетъ и ѣсть, и что за сбродъ,
Что за люди, что за рожи!
Ну ужъ гости для вельможи!
Толстый съ бородой Французъ,
Тутъ сидитъ *энъ омъ анъ блузъ*,
Весь обросшій волосами;
Тутъ *энъ калико* съ усами,
Тутъ въ пальто и шляпѣ лордъ;
Онъ собакѣ *„пиль апортъ“*
Говоритъ и ей булетки
Все кидаетъ; а сосѣдки,
Вѣрно тоже *дезъ-англезъ*,
Такъ ужъ прямо *сюръ леръ шезъ*,
Въ пестрыхъ полосатыхъ шаляхъ,
Въ шляпкахъ *гри де ленъ*, въ вуаляхъ,
На рукѣ торчитъ *каба;*
А тамъ далѣе, *ла ба*,

Въ длинномъ сюртукѣ, съ очками,
Вѣрно Нѣмецъ. Между нами,
Нѣмца трудно не узнать;
И у Нѣмцевъ, такъ сказать,
Отпечатокъ есть особый.
Не съ надменностью, не съ злобой
Нѣмецъ звѣрски такъ глядитъ;
Нѣтъ, свой собственный *меритъ*
Этимъ взглядомъ охраняетъ,
И ни какъ не позволяетъ,
Чтобы въ немъ ошибся кто;
Говоритъ про сё, про то
Все съ разсчетомъ, съ разстановкой,
И знакомиться неловкій;
Скажетъ слово—*тутъ о плюсъ.*
То ли дѣло—наши *Рюсъ:*
Тѣ знакомятся со всѣми,
И оно у нихъ въ системѣ!
Имъ ужъ всякій камарадъ
И пріятель; радъ не радъ,
Отвѣчай на ихъ разспросы:
„Бабы отчего курносы?
„Отчего звонятъ, когда
„Отправляются суда?“
Право, иногда досадно!

Но я здѣсь въ трактирѣ,—ладно!
Я ужъ больше не боюсь;
Чаю я теперь напьюсь,
Да и спать себѣ залягу.

Ну, какую же отвагу
Наша мысль подъ часъ беретъ!
Такъ далеко занесетъ,
Что и не поспѣть за нею.
Вотъ какую ахинею
Я взвела! нашла же дурь;
Право, хоть и глазъ не жмурь,
На яву приходятъ грезы.
Вотъ еще бѣда: всѣ *шезы*
Заняты, намъ негдѣ сѣсть;
Но какъ видно, знаютъ честь
Се месіе; они стѣснились,
И мы обѣ помѣстились.

Тотчасъ, приподнявъ картузъ,
Съ нами рѣчь завелъ французъ:
„Вояжерки вы, конечно,
„Изъ далека; я сердечно
„Вамъ служить готовъ *ме дамъ!*
„Вояжеръ я здѣсь и самъ,
„Но, однако же, бывалый!“
Я подумала: пожалуй,
Мы съ Анетой здѣсь однѣ:
Завтра руку дастъ онъ мнѣ,
Доведетъ до парохода:
А какъ будетъ непогода,
Такъ и зонтикъ мнѣ ссудитъ:
—„Точно такъ, *комъ ву ле дитъ*,
„*Жюстеманъ*, и справедливо,“
Отвѣчала я учтиво.

„Мы туристки, держимъ путь,
„*Анъ пасанъ*, чтобы взглянуть
„На всѣ прелести природы,—
„На цѣлительныя воды,
„На другія *рарете*,
„*Э сюръ лез-антиките*.
„Предложенью очень ради!“
Онъ насъ спереди и сзади
Оглядѣлъ. „*Вуз этъ де Рюсъ?*“
Закричалъ онъ: „*д'отанъ плюсъ*
„*Ме рекоманде* я смѣю;
„Я давно проектъ имѣю
„Получить *энъ привилежъ*
„*Анъ Руси*, чтобъ *де ла нежъ*
„Съ сажей, *э де ла* солома,
„Тамъ составить родъ позема,
„Къ разведенью свекловицъ;
„А у васъ, чай, безъ теплицъ
„Не растутъ онѣ?—Напрасно,—
„И въ лѣсу взойдутъ прекрасно
„По методѣ по моей.
„Нужно нѣсколько печей;
„Но вѣдь не за этимъ дѣло.
„И правительство хотѣло
„Мой проектъ купить у насъ;
„Но я берегу для васъ
„Эту важную идею;
„И я васъ увѣрить смѣю:
„Былъ бы только капиталъ,
„За успѣхъ я бъ отвѣчалъ.

„Много у меня секретовъ
„Для распашки, для *пудретовъ*
„И для фабрикъ: *де л'анфансъ*
„Агрономья, *сетъ сіянсъ*,
„Мнѣ подругой неизмѣнной.
„Я искусникъ совершенный,
„И могу, не больше въ годъ,
„Удесятерить доходъ.
„Напримѣръ: у васъ коровы
„Тощи, хилы, нездоровы:
„Ленту привяжу къ хвосту
„Узелкомъ, *э воля ту!*
„Напримѣръ: у васъ на горкѣ
„Дубъ ростетъ,—сейчасъ изъ корки
„Я натру такой табакъ,
„Что узнать нельзя никакъ,—
„Точно нашъ *ла фермъ* Французскій!
„Вашъ зѣваетъ только Русскій,
„А у васъ есть *де трезоръ!*
Я въ него вперила взоръ
И подумала: вотъ мастеръ!
—„Изъ капусты сдѣлать *кнастеръ*
„Такъ же мнѣ не мудрено,"
Продолжалъ онъ.—Рѣшено!
Я Француза завербую,
Съ нимъ объ этомъ потолкую
Отъ него мнѣ будетъ прокъ:
Вотъ ужъ пятый годъ, оброкъ
Дурно платитъ Курдюковка:
Что тутъ надобно?—Сноровка!

Онъ хозяйство заведетъ
По-Французски, и пойдетъ
Дѣло такъ, какъ я желаю!
Разговоръ съ нимъ начинаю:
„Вотъ *мусье, моа же юнъ теръ;*
„Много снѣгу тамъ *л'иверъ,*
„А весной такъ хлѣба мало!
„Иногда не доставало
„Даже просто *пуръ ме жанъ!*
„И тогда *де монъ аржанъ*
„Покупала и кормила."
—„*Ме, мадамъ!* не въ этомъ сила.
„Какъ раздѣлены поля?
„Вотъ вся штука въ чемъ,—*воля!*"
Я на это отвѣчаю:
—„Нашъ порядокъ соблюдаю:
„*Же* три поля *са сюфи!*"
Онъ взмахнулъ руками:—„*Фи!*
„Заведемъ полей мы восемь;
„Первое мы поле скосимъ;
„На второмъ посѣемъ макъ;
„Тамъ картофель, тамъ табакъ;
„Тамъ горохъ, тамъ свекловицу;
„А потомъ уже пшеницу,
„Рожь, овесъ, *ту се к'онъ вё!*
„Нашете *авекъ де бё,*
„Лошадьми, я въ томъ увѣренъ!"
—„Да!"—Ну, нѣтъ! а я намѣренъ
„Тутъ коровъ приспособить;
„Какъ съ начала подоить,

„То покуда бы пахали,
„Бабы масло бы сбивали;
„Вмѣстѣ шелъ бы весь *увражъ!*
„Тѣмъ грѣшитъ порядокъ вашъ,
„Что работаютъ разлучно
„Мужъ съ женою: имъ и скучно!
„А какъ скучно, такъ бѣда!
„Дѣло не пойдетъ тогда.
„Дѣти крынки бъ полоскали,
„Мужики бъ у васъ гуляли
„*Анъ фамиль сюръ ту во шанъ;*
„И смотрѣть, такъ *се тушанъ!*"
Какъ умно, какъ справедливо!—
Я подумала,—вотъ диво!
Мнѣ и въ умъ бы не пришлось.
Ну достать мнѣ довелось
Управителя!
Но время
Спать итти; большое бремя:
Завтра рано мнѣ вставать!
А не будетъ ожидать
Пароходъ; уходитъ въ восемь.
Такъ *адье* жъ, прощенья просимъ!

Тутъ съ шандалами въ рукахъ
Два *гарсона*, въ попыхахъ
Прибѣжали, подхватили
Подъ руки, и потащили
Прямо *данъ ле бель этажъ.*
Что за спальня! *се домажъ,*

Увезти нельзя съ собою!
Надъ богатою софою
Что за зеркало! комодъ,
Занавѣски *а ля модъ*,
Стулья, креслы! а постели
Каковы! И багатели,
Что назвать нельзя, и тѣ
Безподобной *пропретѣ!*
Долго ими любовалась,
И тихонько раздѣвалась,
Наконецъ я спать легла.

Но заснуть я не могла:
Все въ умѣ перебирала,
Что съ Французомъ толковала.
Ужъ не вздоръ ли онъ мололъ?
Тутъ еще на мысль пришелъ
Анекдотъ мнѣ про сосѣда,
Презатѣйщика: отъ дѣда
Онъ досталъ *юнь жоли теръ*,
И доходную; но *Тейръ*
И *Домбаль* его смутили,
Голову ему вскружили,
Какъ вдолбилъ себѣ въ башку
Эти книги, *тутъ а ку*
У себя все переправилъ,
Такъ сказать, вверхъ дномъ поставилъ.
Сталъ озимое весной
Засѣвать, а яровой
Хлѣбъ онъ осенью посѣялъ;

Не навозилъ, и не вѣялъ,
Какъ у насъ; къ себѣ въ овинъ
Кучу натащилъ машинъ
Иностранныхъ; что жъ случилось?
Ничего не уродилось!..
Онъ туда, сюда,—никакъ
Ужъ не ладится. И такъ
Нашъ сосѣдикъ безъ дохода!
Новая явилась мода
По журналу: онъ, злодѣй,
Окургузилъ лошадей
У крестьянъ; и были слухи,
Что коней заѣли мухи,—
Не чѣмъ было отгонять.
И немудрено понять:
Ле клима, температуру,
Нашу Русскую натуру
Онъ не принималъ въ резонъ,
Ну, во Франціи, *се бонъ;*
А у насъ совсѣмъ другое.
Мнѣніе мое такое:
Прежде бы, чѣмъ заводить,
Надо въ полѣ походить,
Изучить свою природу,
И обычаи, и моду;
Разсмотрѣть, *анъ ква фотифъ*
Нашъ порядокъ *примитифъ;*
И тогда уже исправить,
А что хорошо, оставить,
Потому что польза есть.

А какъ на-обумъ завесть
Иностранное, то броду
Не спросясь, полѣзешь въ воду,
И не выбрести ужъ вонъ.

Наконецъ явился сонъ.
Я до утра прохрапѣла;
Но одѣться я успѣла,
Къ завтраку въ салонъ пришла;
Тутъ Француза я нашла
Ужъ готоваго къ отправкѣ.
И держалъ онъ двѣ булавки,
Чтобъ мой запахнуть бурнусъ.
Ужъ на что мастакъ Французъ
Это съ дамами возиться!
Точно, мастеръ прислужиться;
А оно не безъ заботъ.
Знаетъ онъ на перечетъ
Наши прихоти и нужды;
Даже для него не чужды
Ле деталь де но туалетъ.
И всегда онъ на предметъ
Попадетъ—для насъ пріятный
Въ разговорѣ, и понятный;
Развѣ это не *таланъ,*
Чтобы быть всегда *галанъ?*

На машинѣ зазвонили;
Мы всѣ гуртомъ повалили
Изъ трактира, *веръ ле лакъ.*
Захватилъ Французъ мой сакъ,

Мой манто, и далъ мнѣ руку,
Но Анета что за штуку
Выкинула!—*Де ла сортъ*
Разжеманилась, что лордъ,
Позабывъ свою собаку,
На нее повелъ атаку;
Отъ нее не отставалъ,
То ей руку подавалъ,
То поддерживать старался,
Такъ за ней и увивался.

Запыхтѣлъ нашъ пароходъ
И пустился быстро въ ходъ,
Музыка вдругъ загремѣла;
Энъ оркестръ! Какъ ни глядѣла,
Музыкантовъ не видать...
Мы пустились ихъ искать.
Что же вышло? Передъ нами
Сундучокъ одинъ съ трубами
Тутъ стоитъ, *сюръ ле бато;*
Дунулъ вѣтръ, и *оси-то*
Трубы шумно загремѣли.
Ухитрились же, съумѣли
Обратить и вѣтеръ въ прокъ!

Лакъ здѣсь долженъ быть глубокъ.
Волны синія какія,
Точно будто бы морскія.
И какъ живописенъ онъ!
Какъ прелестно окруженъ
Съ этой стороны горами,

Искажаютъ видно лѣта,
Или сходства у портрета
Вовсе нѣтъ: явилась намъ
Бѣлокурая *вьель фамъ*,
Всѣхъ насъ попросила въ гости,
И намъ предложили *трости*.
Лордъ, большой оригиналъ,
Все таки поцѣловалъ
Ее, въ память прежней славы.
Тутъ нашли мы, для забавы,
Вещи разныя *анъ буа*,
Очень милыя: *же круа*,
Оберланда рукодѣлья;
И купили, отъ бездѣлья,
Ларчикъ, книжку, *энъ куто*,
Рюмку, *бильбоке*, *плато*
Съ видомъ Штаубваха и Туна
И Юнгфрау и Лаутербруна.
Тутъ мы въ Англійскій пансьонъ
Заглянули; *ну пасьонъ*,
Такъ сказать, изъ дачи къ дачѣ.
Англичанки наипаче
Тутъ живутъ,—и все сидятъ
У дверей, и все ѣдятъ;
Это главное занятье.
Тотъ же вкусъ, и то же платье,
Полосатый вѣчно шаль,
Шляпка крошечная, вуаль,
Брошъ каре, гдѣ родъ картинки,
И сафьянные ботинки;

Съ умиленіемъ глядятъ
На полдюжину ребятъ.
Вѣдь народъ преплодовитый,
Даже тѣмъ и знаменитый.

Но еще намъ въ Лаутербрунъ
Надо ѣхать. Говорунъ,
Нашъ Французъ, не умолкаетъ.
Вотъ коляска подъѣзжаетъ,
Мы садимся, и пора.
Тутъ деревня, тутъ гора.
Какъ достигли до долины,
Новыя опять картины:
Здѣсь нашъ поражаетъ взоръ
Клодъ Лоренъ и Сальваторъ.
Все угрюмо здѣсь и дико,
Живописно и велико.
Тутъ потокъ шумитъ; бревно
Поперегъ положено,
И коза по немъ проходитъ:
Тутъ скалы,—и стадо бродитъ
По скаламъ, и пастушокъ;
Тутъ опять бурлитъ потокъ,
Тутъ съ горы бѣжитъ каскада;
Грота, какъ отверзтье ада,
Тутъ проникнута лучемъ
Солнечнымъ, а тутъ ключемъ
Бьетъ вода изъ-подъ утеса;
Тутъ стоитъ въ середкѣ лѣса
Юнъ кабанъ, крестьянскій домъ,

И распахано кругомъ;
Тутъ опять гора крутая,
И дорожка небольшая
До вершины, какъ змѣя
Увивается; семья
Тутъ Швейцарцевъ; тутъ телѣга;
Отражаяся отъ снѣга,
Всѣ пригорки золотитъ
Солнца лучъ;—чудесный видъ
Эти разные оттѣнки!
Мы доѣхали до стѣнки:
На дворѣ опять *отель*,
Комъ а Тунъ.—Де Гиліомъ Тель
Ла патри полна *контрастовъ.*
Я браню *иконокластовъ:*
Какъ бы были *манификъ*
Крестъ, часовня здѣсь, и ликъ
Благодатной чистой Дѣвы!
Сколько кажется, посѣвы
Не богаты.—По горамъ
Распахали здѣсь и тамъ;
И работать даже трудно;
По неволѣ будетъ скудно!

Анъ кюлотъ и въ башмакахъ,
Л'обержистъ веръ ле Штаубблахъ
Намъ совѣтовалъ добраться,
Чтобы имъ полюбоваться,
Прежде нежели зайдетъ
Солнышко.—Ужъ водометъ!

Точно будто пыль какая
Вся брильянтами сверкая,
Съ несказанной высоты
Падаетъ,—и красоты
Нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ!
Точно радуга въ эѳирѣ,
Сновидѣніе, мечта,
И всѣ радуги цвѣта!
Долго имъ мы любовались
И до вечера остались,
Чтобы видѣть *сонъ ефе*,
Когда солнце *туть и фе*
Ляжетъ. Я вообразила,
Будто нимфа тутъ сложила
Свой серебряный *эшарпъ*,
Или струны *де ла гарпъ*
Псалмопѣвца тутъ бряцаютъ
Вдохновенно, и бросаютъ
Точно искры отъ себя.
Все суровое любя,
На каскаду я глядѣла,
Какъ клубясь она кипѣла,
Разбиваясь о скалу.

Но пора намъ и къ столу.
Чтобъ не дожидались втуне
Насъ обѣдать въ Лаутербрунѣ.
Какъ пришли мы—на столѣ
Супъ стоялъ: *Комъ ву вуле*,
Есть минуты, есть и *журы*,

Гдѣ всѣ прелести натуры
Промѣняешь на кусокъ
Бужинины, на задокъ
Жареной простой пулярдки.
Инспирацьи какъ ни жарки,
А желудокъ не свой братъ!
Мы поѣли, и назадъ
Къ пароходу поспѣшили;
И спасибо, — ужъ звонили.
Какъ достигли мы *ле портъ*,
Высадилъ Анету лордъ,
Мнѣ французъ помогъ взобраться
На *бато*. Чтобъ отправляться,
Только дожидали насъ,
И отправились какъ разъ.

По небу луна гуляла,
Вдохновенная, сіяла
И серебряный отливъ,
Обдавалъ, *ту ле массифъ*,
Горы всѣ, и надъ волною
Длинной, свѣтлой полосою
Онъ задумчиво лежалъ,
И къ мечтанью призывалъ.
Кое-гдѣ огни сверкали,
И такъ радостно сіяли
Звѣзды въ небѣ голубомъ,
Такъ дышало все кругомъ
Нѣгой, тихимъ упоеньемъ,
Что неслась воображеньемъ

Умиленной я мечтой
Въ безконечный тотъ покой,
Что Создатель предоставилъ
Тѣмъ, которыхъ Онъ избавилъ
Отъ паденья въ жизни сей,
И отъ козней, отъ сѣтей
Свѣта шумнаго; молилась
Отъ души, и прослезилась,
Но опять Французъ болтунъ
Помѣшалъ.

Вотъ городъ Тунъ.
Я сейчасъ опять въ дорогу,
Хоть и подыму тревогу
Данъ л'отель; но мнѣ пора.
Завтра я хочу съ утра
Ужъ за Берномъ очутиться:
Мнѣ осталось расплатиться.
Только здѣсь, *с'етъ энъ пе шеръ;*
Дѣлать нечего! *Ке феръ!*

V.

Лозанна.

Я изъ Берна на разсвѣтѣ
Въ собственной моей каретѣ,
Что мнѣ сдѣлали въ Москвѣ,

Выбралась: *ме комъ же ве!*
Я ползу какъ черепаха!
Хоть бичемъ и бьетъ съ размаха
Лошадей *ле вуатюрье,*
Но идетъ всегда *а пье,*
Самъ, гдѣ только есть пригорки:
Знать не въ моготу четверкѣ,
Хоть припрягъ онъ къ ней *анкоръ*
Лошадей трехъ *де ранфоръ.*

Доползли мы до Мората,
Гдѣ Француза супостата,
Темерера, де ля Свисъ
Разщелкала *ля милисъ,*—
Какъ за родину святую,
Мы, въ годину роковую,
У Французскаго орла
Перья всѣ, *паръ си, паръ ля*
Общипавъ, поразметали
По степямъ. И къ намъ едвали
Кто въ другой заглянетъ разъ:
Не расчетъ тревожить насъ.
Духа нашего и вѣры
Побоятся *темереры.*
Липа тутъ еще стоитъ,
Гдѣ сражался Винкельридъ.
Свисы тутъ соорудили
Юнъ колонъ, и помѣстили
Годъ и мѣсяцъ *дю комба.*
Но что вижу? ба, ба, ба!

Тутъ шлагбаумъ и караульня!
Говорили: такъ разгульна
Жизнь въ Швейцарьи,—ты ступай
Куда хочешь, и гуляй
Безъ бумаги, безъ паспорта,
Тамъ полиціи—ни чорта
Не найдешь—нѣтъ никого!
Ме данъ ле пеи де во
Насъ таки остановили.
И паспорты попросили;
Но взглянули,—*с'етъ асе,*
Дискать: *ву пуве пасе!*
Осторожность непомѣрна!

Вотъ достигли мы Паіерна
Въ киркѣ *пре дю метръ-отель,*
Показали намъ *ла сель*
Славной королевы Берты.
Всѣ бока сѣдла истерты:
Много ѣздила она.
Мѣсто для веретена
Сдѣлано; она въ вояжѣ
Пряжей занималась даже,
Объѣзжая *сезъ эта;*
Благородная черта!
Карлусъ пятый такъ въ Испаньи,
Хоть и дѣлалъ *де* кампаньи
И держалъ судебъ вѣсы,
Все-таки чинилъ часы.
Здѣсь мы лошадей кормили

И немножко закусили.
Но другихъ тутъ *рарете*
Вовсе нѣтъ, и *аншанте*.—
Нужно дальше отправляться.
Если всюду восхищаться,
Не доѣдешь никогда.
Да и рѣдкости – бѣда,
Вояжерамъ и туристамъ:
Попадешься журналистамъ,
Какъ наврешь.
Но вотъ *Лозаннъ!*
Передъ нами, *сюръ дезъ анъ,*
Англичанки три гуляютъ.
Видно ихъ вездѣ встрѣчаютъ!
Надоѣли ужъ онѣ!
Ночевать здѣсь нужно мнѣ.
Все увидѣть я успѣю;
Но скажу я лонъ лакею,
Чтобъ водилъ онъ лишь туда,
Гдѣ бы стоило труда.
И повелъ меня гористой
Онъ дорогою, нечистой,
И по лѣстницѣ крутой
Къ *Катедрали;* но у той
Катедрали дожидалась
Два часа, и любовалась
Я подробно, между тѣмъ,
Видомъ озера. Системъ
У меня такой въ вояжѣ:
Не терять минутки даже.

Предо мной, *а вю д'уазо*,
Вся Лозанна, *э сезъ о*
Свѣтло-сѣро-синеваты,
Какъ рейтузы, что солдаты
Носятъ на Руси у насъ.
Вотъ мой поражаетъ глазъ
Ле Монтъ Бланъ, гигантъ суровый;
Какъ орелъ нашъ двухъ-головый,
Онъ могучъ, неизмѣримъ
И отваженъ; передъ нимъ
Всѣ смирятся и робѣютъ.
Дальше, предо мной синѣютъ
Ле роше де Миллери.
Посудите, *же ву при*,
Какъ я нѣжно замечтала:
Элоизу я читала
Разъ по крайней мѣрѣ шесть,
И готова бы прочесть
Восемь разъ еще, пожалуй,
И *симпатьею* бывалой
Снова сердце загоритъ.
Ме воля се ки меритъ
Здѣсь вниманья и поклона:
Это замокъ Шиліона.
О, Жуковскій! *монъ ами!*
Если бъ было мнѣ *перми*,
Я бъ тебя поцѣловала!
Какъ душа твоя пылала,
Какъ ты славно описалъ,
Комъ энъ узникъ здѣсь страдалъ!

Кто твоихъ стиховъ не знаетъ!
Кто тебя не уважаетъ!

Воротился лонъ лакей
Съ бабой старою, и съ ней
Мы вошли и съ часъ гуляли
По обширной *катедрали.*
Мнѣ понравился *фронтонъ,*
Весь изъ маленькихъ колоннъ;
Метръ-отель большой, три *нефы,*
По стѣнамъ все барельефы,
Монументы; *и ля портъ,*
Памятникъ *леди* Страфортъ.
Точно, образецъ искусства,
И поэзіи, и чувства.
Бертолини *ле скюлтёръ,*
Говорятъ, *анъ э л'отёръ.*
Памятникъ увѣнчанъ урной.
Нѣтъ тутъ роскоши мишурной,
Орнаментовъ вовсе нѣтъ;
Медальонъ и въ немъ портретъ;
Геній жизни отлетаетъ,
И цвѣтами посыпаетъ
Слѣдъ усопшей въ жизни сей,
Въ памяти ея друзей!
Тутъ еще два монумента,
Но совсѣмъ безъ *агремента.*
А тутъ мавзолей *д'энъ Папъ;*
Онъ бы былъ хорошъ, когда бъ
Не отшибли ему носа.

А тутъ дальше, изъ разспроса
Лонъ лакея узнаю,
Что при гробѣ я стою
Нашей Русской здѣсь Княгини,
Нѣкогда, увы! богини,
Грацьи дивной красоты;
Но изглажены черты
Даже на доскѣ могильной.
Пресурьезный и пресильный
Этотъ памятникъ урокъ,
Что одно намъ только въ прокъ,
Что мы можемъ взять съ собою,
Къ вѣчному когда покою
Отойдемъ мы навсегда,
Неумытнаго суда
Съ сокрушеньемъ ожидая.
Славная рѣзьба какая
На вратахъ *де се коте;*
Кажется, *анъ верите*,
Родъ узора кружевнаго,
Полотенца дароваго
Ярославскихъ нашихъ бабъ.
Но, мнѣ кажется, пора бъ....
Какъ пора?... Здѣсь рядомъ зданье,
Гдѣ коллекція, собранье,
Натуральный кабинетъ.
Противъ Питерскаго, нѣтъ,
Я нигдѣ ужъ не увижу.
Не уступитъ и Парижу!
Нузъ авонъ танъ де паукъ,

Въ Академіи Наукъ,
Де козявки, *де* букашки,
Де молюскъ, *де* таракашки,
Э энъ оставъ де мамутъ.
Здѣсь, въ Лозаннѣ, какъ ни *гутъ*,
Этого мнѣ не покажутъ.
Но однако же, что скажутъ
Если здѣсь мнѣ не зайти;
Какъ бы это отвести?
Я скажу, что время нѣту.
Жаль, что не взяла Анету
Я съ собой; она бъ могла
Мнѣ уладить *ту селя*.
Но я и сама рѣшилась,
И по городу пустилась.
Городъ такъ бугристъ, что страхъ;
Весь построенъ на горахъ;
А дома, сказать—палаты!
Да и лавки здѣсь богаты:
Карты, виды *де ля Свисъ*,
Де кристо, э де сосисъ.

Два отвѣсила поклона
Дому, бывшему Гиббона.
Онъ чудесно написалъ,
Комъ л'ампиръ Роменъ упалъ,
Послѣ древняго величья.
Не могу я изъ приличья
Разсказать *юнъ анекдотъ*,
Съ нимъ случившійся; но вотъ

Объясню обинякими:
Онъ одной явился дамѣ,
Очень умной, но слѣпой,
Литераторовъ толпой
Окруженной. Ее звали
Дюдефанъ. Когда сказали
Про Гиббона,—„чтобъ узнать,
„Я привыкла осязать",
Говоритъ она: „позвольте
„Ваше мнѣ лице".—„Извольте".
—„*Ме с'етъ энъ жиго д'анфанъ!*"
Крикнула *ля* Дюдефанъ:
„Я никакъ не ожидала
„Въ васъ, найти, сударь, нахала,
„*Ифъ ю плисъ, але вузъ анъ!*"
И отправился пузанъ,
При насмѣшкахъ всѣхъ холопей.

По предмету филантропьи
Славится Лозанна. Тутъ
Болѣе всего живутъ
Отставные гувернеры,
Гувернантки и актеры.
Имъ нужна *активите!*
Такъ они *де комите*,
Общества здѣсь составляютъ,
И усердно пособляютъ:
Размѣщать *ле* доместикъ,
Обучать *л'ариттметикъ*,
Разводиться разнымъ школамъ,

Разбирать больныхъ по поламъ,
По натурѣ, по сортамъ;
Ихъ тюрьма, примѣръ тюрьмамъ.
Есть и домъ ума лишенныхъ,
На *пренсипахъ* препочтенныхъ;
Есть кормилицъ комитетъ,
И за то ужъ, *комъ иль тетъ!*
Всѣ Лозаннскія ребята—
Точно Русскія телята!

Но бываетъ иногда,
Впрочемъ—общая бѣда
И въ другихъ частяхъ Европы!
Согласятся филантропы,
Наберутъ *энъ капиталь*,
И сейчасъ наймутъ *локаль*.
Дѣлъ правителя, швейцара,
Трехъ писцовъ и коммиссара;
Станутъ залы украшать,
Чтобы видъ приличный дать;
Надпись крупными словами
На стѣнѣ и надъ дверями;
Люстры, сторы и часы;
А какъ взвѣсятъ на вѣсы,
Весь расходъ со всѣмъ итогомъ,
Деньги всѣ ушли, и съ Богомъ....
Запираютъ *ле локаль*,
И составятъ *энъ журналь:*
Что ужъ комитетъ не можетъ
Продолжать, а Богъ поможетъ

Тѣмъ несчастнымъ, что хотѣлъ
Онъ пригрѣть, но не пригрѣлъ.
Иногда предоставляетъ
Ле локаль, и нанимаетъ
Городъ самъ;—но бель-этажъ
Президентъ займетъ.... нельзя жъ
И ему быть безъ квартеры!
Въ тѣ этажи *секретеры*
Э ле члены *сонъ пляce*
Непремѣнно;... въ *редиюсе*
Комитетъ и канцелярья,
Э юнъ картъ де ля Швейцарья;
А больныхъ уже въ подвалъ;
Некуда,—и конченъ балъ!

Иногда и такъ случится:
Городъ самъ распорядится,
И назначитъ комитетъ
На какой нибудь предметъ;
Но тутъ членъ одинъ сварливый,
Тотъ упрямъ, тотъ щекотливый;
Споръ, побранка—и впередъ
Дѣло на волосъ нейдетъ!
Между тѣмъ *ле* дѣлъ правитель,
Аферистъ, распорядитель,
Всѣмъ поставитъ имъ очки,
Прибираетъ *де* крючки,—
И идетъ тутъ *шахеръ-махеръ!*

Иногда такой ужъ сахаръ
Въ самомъ комитетѣ членъ

Попадется, Демосѳенъ
Домаросшій, не устанетъ,
Цѣлый день одинъ горланитъ;
Отъ потопа заведетъ
Рѣчь свою; тамъ перейдетъ
Онъ къ крестовому походу;
Тамъ опишетъ онъ природу;
Тамъ коммерческій уставъ;
Тамъ политику и нравъ
Разберетъ Наполеона;
Тамъ климата, небосклона
Обозначитъ *л'энфлюансъ*,
Скажетъ, гдѣ растетъ *гарансъ*,
Гдѣ арбузъ растетъ, гдѣ дыня;
А другіе, ротъ разиня,
Слушаютъ, и свой предметъ
Забываетъ комитетъ!...
Это быль годовъ прошедшихъ.

Лучше въ домъ я сумасшедшихъ
Заверну. Ихъ навѣщать
Я люблю—и познавать,
Отъ чего и какъ кто спятитъ!
Мысль какую кто захватитъ,
Точно свѣчку *папильонъ;*
Вкругъ нее вертится онъ.
И порхаетъ, и кружится,
Пока крыльевъ не лишится,
Или просто,—не умретъ.
Я люблю ихъ слышать бредъ,

Лепетъ ихъ разнообразный,
Разговоръ всегда несвязный.
Да не такъ ли и поэтъ,—
Натолкнувшись на предметъ
Фантастическаго вздора,
Полный страннаго задора,
Забываетъ цѣлый міръ,
И лелѣетъ, какъ кумиръ,
Одну мысль, одну идею,
Забывая, что жена
Дома ждетъ, и голодна,
И что ребятишки плачутъ!
Здѣсь гуляютъ, ходютъ, скачутъ
Сумасшедшіе въ саду;
Ихъ *гувернеманъ, тре ду*,
Стерегутъ ихъ непримѣтно;
Взбѣсится одинъ,—секретно
Отъ другихъ его запрутъ,
Кое-что другимъ наврутъ;
Они вѣрятъ, и гуляютъ,
Бѣдняка позабываютъ.

Мнѣ понравился одинъ
Здѣсь курьезный господинъ.
Онъ на томъ съ ума рядхнулся,
Будто въ бабу обернулся;
И во снѣ, не зная самъ,
Вдругъ онъ сдѣлался *юнъ дамъ!*
Благородною, и даже
Побывавшею въ вояжѣ!

Ужъ разсказывать удалъ:
Гдѣ скитался, гдѣ бывалъ,
Гдѣ что видѣлъ, гдѣ что слышалъ,
Анекдотъ какой гдѣ вышелъ,
И хвастнуть—какъ трынь трава!
И все Русскія слова
Въ свой разсказъ Французскій суетъ,
И безъ умолку толкуетъ!
Скажутъ замолчать: куды!
Спроситъ онъ графинъ воды,
Облокотится, болтаетъ,
И водою запиваетъ
Свой разсказъ, и *кутъ ки кутъ*,
Хоть зѣваютъ, хоть заснутъ.
Онъ ужъ до конца доскажетъ,
И распишетъ и размажетъ!
Право жалко мнѣ его,
Особливо отъ того,
Что онъ человѣкъ женатый,
И фамиліи богатой,
И, быть можетъ, дѣловой
Былъ бы онъ, коль головой
Не свихнулся бы бѣдняжка!
Странная его замашка:
Все ерошитъ свой хохолъ,
И все дергаетъ комзолъ;
Впрочемъ, человѣкъ онъ смирный,
И довольно даже жирный!

Но пора мнѣ. Вотъ и ночь,
И гулять почти не въ мочь,

Доберусь въ трактиръ *Фокона*,
И бутылкою макона
Жиръ залью пяти котлетъ;
Да и преклоню *ма тетъ*
На подушечку съ фестономъ,
И покроюсь *эдердономъ*,
И до утра буду спать;
Завтра лишь не опоздать.
Къ вечеру, *имажинс ву!*
Мы пріѣдемъ ужъ въ Женеву!

VI.

Женева.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Такъ какъ не берутъ каретъ,
Харитонъ *авекъ Анетъ*
Къ пароходу не явились,
А горою потащились,
Я поѣхала одна;
Но ужасно голодна!
Чаю не дали напиться,
Такъ всѣ стали торопиться,
Чтобъ поспѣть на пароходъ.
Правда, до него *юнъ тротъ*
Отъ трактира, и пѣшечкомъ
Кто съ картонкой, кто съ мѣшечкомъ,

Кто два зонтика несетъ,
Кто корзинку, и впередъ
Всѣ другъ друга обгоняютъ,
И безъ милости толкаютъ;
И бѣда, какъ *энъ фо па*—
Упадешь ты, и толпа
Вся черезъ тебя промчится,
Пробѣжитъ, не извинится
И задавитъ; такъ и быть.
Но къ чему такая прыть?
Всѣ мы во время собрались,
Но однакожъ дожидались
Три часа *ла постъ даборъ;*
А тамъ цѣлый часъ *анкоръ*
Поджидали мы дѣвицу,
И пренебольшую птицу;
Сетъ мамзель лишь тѣмъ важна,
Что *Сендика* здѣсь жена
Ей троюродная тетка.
Расходился, какъ трещотка,
Энъ Французскій *депюте,*
О такой *иниките;*
А другіе всѣ молчали,
Не сердились; видно знали,
Что протекцья есть *парту!*
Съ длинной трубкою во рту
Офицеръ одинъ Швейцарскій,
Ни уланскій, ни гусарскій,
Ме пуртанъ кавалеристъ
Съ шпорами, *а юнъ модистъ*

Преусердно строитъ куры;
Тамъ другіе балагуры
Говорятъ про сё, про то;
Англичанинъ, *анъ* пальто,
Длинный телескопъ наводитъ
На Монтъ Бланъ; а дальше ходитъ
Тоже пара Англичанъ,
Очень толстый *джентельманъ*
И предлинная *Миледи.*
Нѣсколько копѣекъ мѣди
Въ кошелькѣ ея стучатъ,
А на поясѣ торчатъ
Шесть ключей, часы въ эмальи.
Два артиста изъ Итальи,
Только просто *де* мужикъ,
Носятъ *юнъ лантернъ мажикъ*
Съ Катериною шарманской,
И толкуя съ Англичанкой,
Кажутъ ей, *команъ иль жу*.
Это чтó за *сапажу*
Въ черной бородѣ съ очками,
Въ казакинѣ со шнурками,
Худощавый, *тре пети?*
Вѣрно, Господи прости,
Нашъ *компатріотъ* пустился
Странствовать; принарядился,
Да и думаетъ, держись
Только, *ла мамзель, ла мисъ!*
Какъ взгляну, за мной побѣда!
Тутъ сурьезная бесѣда

Двухъ пасторовъ, про *реформъ;*
Тутъ сидитъ *юнъ масъ энформъ*—
Пивоваръ или профессоръ,
Иль какой нибудь *ландмессеръ;*
Тутъ большая *просессіонъ*
Дѣвочекъ,—*с'етъ юнъ пансіонъ*:
Ихъ *мадамъ* сопровождаетъ.
Тутъ съ салфеткою гуляетъ
Между всѣми, *санъ фасонъ,*
Въ курткѣ, съ фартухомъ, *гарсонъ:*
На фигурѣ человѣка:
„Не угодно ли бивстека“,
Можно, кажется, прочесть;
Но теперь не время ѣсть.
Пароходъ нашъ задымился,
Пошатнулся и пустился
Точно изъ лука стрѣла.
Онъ прозваніе „Орла“
Видно оправдать хлопочетъ,
И волна, клубясь, клокочетъ
Подъ колесами его.

Не видала ничего
Я подобнаго донынѣ,
Той торжественной картинѣ,
Что насъ здѣсь со всѣхъ сторонъ
Окружаетъ; небосклонъ
Такъ лазуренъ, все такъ живо,
Такъ пестро и такъ красиво,
И такъ весело; вода

Точно зеркало; суда,
Сѣти, рыбаки, селенья,
Города, сады, строенья;
Заднiй отдаленный планъ
Занимаетъ *ле* Монтъ Бланъ,
Всю окрестность осѣняя,
И до неба достигая
Горделивой головой,
Ризой вѣчно снѣговой,
Точно саваномъ одѣтый.
Мнится мнѣ: въ громадѣ этой
Видишь главную ступень,
Собранную здѣсь въ тотъ день,
Какъ Титаны возмечтали
Небомъ овладѣть; едвали
Это правда; старина
Аллегорьями полна,
Но въ нихъ смыслъ есть сокровенный.
Разумъ, тотъ Титанъ надменный,
О которомъ говоритъ
Аллегорья—норовитъ,
Необузданный и смѣлый,
Онъ завѣтные предѣлы
Разорвать, и перейти
Провидѣнiя пути,
Для понятья человѣка
Сокровенныя отъ вѣка;
Изыскать, опредѣлить,
На софизмахъ намостить
Новую свою систему,

И предвѣчную проблему
Міроздания чудесъ
Разрѣшить; но до небесъ
Воспаривъ, онъ дерзновенный,
Славой вѣчной ослѣпленный,
Низпадаетъ съ высоты
Въ бездну мрака, суеты,
И плоды высокомѣрья—
Всѣ расколы, всѣ повѣрья,
Мистицизма странный бредъ,
Отъ которыхъ столько бѣдъ,
А полезнаго ни тѣни.
Точно нижнія ступени
Примыкаютъ къ той горѣ:
Э ле Моль, *э ле* Вуаре,
Ль Салефъ,—еще другія
Горы, только не большія.
Пресуровый, но хорошъ
Озера *ле коте гошъ;*
Хоть не столько величавый,
Но красивъ и берегъ правый
При началѣ, въ головѣ
Озера, Шильонъ, Веве,
Гдѣ вошло въ обыкновенье
Виноградное леченье.
Тамъ Верне, Лозанна, Роль,
Моржъ, Ніонъ, *э комъ се дроль:*
Только городъ—остановка,
И изъ каждаго преловко,
Въ разныхъ лодочкахъ, народъ

Обступаетъ пароходъ;
Кто выходитъ, кто садится,
Всякъ хлопочетъ, суетится
О поклажѣ; что за шумъ!..,
Мать, сестра, племянникъ, кумъ,
Иль служанка провожаетъ;
А на палубѣ встрѣчаетъ
Всѣхъ съ улыбкою *гарсонъ;*
О своемъ бивстекѣ онъ
Знать сердечный все хлопочетъ,
И во чтобъ ни стало, хочетъ
Помѣстить его; но скупъ
Здѣсь народъ; домашній супъ
Какъ поѣлъ, то до Женевы
Ничего не просятъ чревы;
Да и мнѣ, *юнъ жюли фамъ,*
Не прилично бы и срамъ,
Если бъ я бивстекъ спросила;
Всѣхъ бы этимъ разсмѣшила.

Здѣсь мнѣ сердце веселитъ
Колокольчикъ; онъ звонитъ,
Какъ у насъ, въ странѣ родимой,
Средь степи неизмѣримой,
Подъ почтовою дугой;
Только смыслъ его другой,
И вотъ разница какая:
Пассажировъ созывая,
Онъ звонитъ, пока стоимъ,
Замолчитъ, какъ полетимъ;

Нашъ, напротивъ, понукаетъ,
Намъ дорогу устилаетъ,
И уноситъ насъ стрѣлой
Колокольчикъ удалой.

Вотъ *Копе* съ квадратной башней!
Спутницей моей всегдашней
Ла Коринъ де мадамъ Сталь;
Какъ сердечную печаль
Безподобно выражаетъ,
Какъ восторженно летаетъ
Въ міръ фантазіи мечтой
За завѣтной стариной!
И я буду въ капитолѣ,
И я вызову по волѣ
Изъ могильной глубины
Всѣхъ героевъ старины:
Поклонюся ихъ дѣяньямъ;
Можетъ—и моимъ сказаньямъ
Будетъ нѣкогда внимать
Наша Русь Святая, Мать!
Тѣ же Римляне! и чувства
Также жарки, и искуства
Не безмолвны и для насъ!
Предъ Мадоной сколько разъ
Русскій нашъ творилъ молитву!
Видя трехъ Горацьевъ битву,
Кто бъ изъ Русскихъ не сказалъ:
И я также бъ постоялъ
За отчизну, палъ бы мертвый,

И душой ликуя, жертвой
Голову бъ мою принесъ!
Рѣдкій Русскій нашъ безъ слезъ
Видѣлъ *группъ* Лаокоона!
На вершинахъ Геликона
Пушкинъ нашъ когда возсѣлъ,
Кто изъ Русскихъ не хотѣлъ
Забросать его вѣнками!
Мѣстомъ разнствуемъ, вѣками;
Но, мнѣ кажется, душой
Мы оживлены одной;
Тѣ жъ порывы въ нашей жизни!
Та же преданность отчизнѣ!

Здѣсь жила *мадамъ де* Сталь.
Мнѣ Наполеона жаль;
Онъ здѣсь уронилъ свой геній!
И что вышло отъ гоненій,
Отъ тиранства, отъ угрозъ?
Только больше разошлось
Сочиненій мадамъ Стали!
Гдѣ ихъ прежде бъ и не знали,
Тутъ читаютъ ихъ съ тѣхъ поръ!
Ея голосъ, какъ укоръ,
Посреди рукоплесканій,
И похвалъ, и восклицаній,
Бонапарта поражалъ,
Гдѣ онъ только ни бывалъ.
Много я сама читала:
Революцьи Духъ сначала,

Тамъ Дельфину, тамъ *анкоръ*
Всей Германіи обзоръ;
Что жъ Германья?—Встрепенулась,
Богатырски оглянулась,
И пустилась воевать!
Двинулась Россія мать,
И могучаго не стало!...
И, мнѣ кажется, начало
А Копе положено!
Тамъ раскинулось оно,
Какъ пожаръ, по всей Европѣ!

Вотъ видна ужъ въ телескопѣ
Намъ Женева, *э бъенто*
Къ ней пристанетъ *ле бато.*
Чѣмъ мы ближе, тѣмъ красивѣй
Берега; живѣй, игривѣй
Дачи, рощицы, сады,
Де генгетъ; и близъ воды
Все прогулки справа, слѣва,
Наконецъ вотъ и Женева!
Видъ чудесный, щегольской!
Городъ долженъ быть большой
И вниманія достоинъ!
Онъ весь по горѣ построенъ,
И по берегу *дю лякъ.*
Подалъ капитанъ *энъ* знакъ,
Трапъ съ перильцами спустили:
Изъ досочекъ сколотили,
Узкій, что пройти едва!

Тутъ стоятъ жандарма два,
Всѣ паспорты отбираютъ,
А другихъ—такъ пропускаютъ.
Мы всѣ вышли *сюръ ле ке;*
Тутъ стоятъ *де лонъ лаке,*
Кличутъ въ разные *герберги;*
Я такъ выбрала *ле берги,*
Говорятъ, *се ле мельеръ;*
И наружностью, *д'альеръ,*
Онъ ужъ обѣщаетъ много.
Не могу судить я строго:
Я ужасно голодна,
Да притомъ же и одна,
Разбирать мнѣ время нѣту;
Отъищу скорѣй Анету,
Какъ пристану гдѣ нибудь;
Да не скрою я ни чуть,
Совѣстно итти пѣшечкомъ
Мнѣ одной съ моимъ мѣшечкомъ.
Съ зонтикомъ, *э монъ увражъ;*
Благо, захватилъ багажъ
Лонъ лакей; я согласилась,
И съ нимъ по мосту пустилась.

По середкѣ островокъ.
Мостикъ изъ шести досокъ
Этотъ островъ съединяетъ
Съ главнымъ мѣстомъ.—Тутъ гуляетъ
Тьма дѣтей, *де гувернантъ,*
Э де дамъ трезъ элегантъ;

Такъ и я войти рѣшилась,
Анъ пасганъ, и восхитилась:
Садикъ безподобный тутъ,
Все съ дорожками; растутъ
И деревья пребольшія;
Есть скамейки, и цвѣтныя
Клумбы, *э дезъ арбрисо;*
А въ середкѣ, *де* Руссо
Ля статю на пьедесталѣ.
Въ зыбкомъ озера зерцалѣ
Отражается она;
И межъ листьями луна
Чудно обдаетъ контуру
Этой бронзовой фигуры;
И, теряясь межъ кустовъ,
Мнѣ *л'еспри дю философъ*—
Духъ его напоминаетъ!
Такъ и онъ, не объясняетъ
Никогда предметъ вполнѣ,
Но какъ ночью, при лунѣ,
Неожиданнымъ налётомъ
Вдругъ обдастъ какимъ-то свѣтомъ
Неземнымъ, и въ высоту
Понесетъ о немъ мечту!
Право, я люблю Жанъ Жака,
Знаю, былъ онъ забіяка,
Эгоистъ и нелюдимъ;
Знаю, какъ возился съ нимъ
Жирарденъ въ Эрменонвилѣ;
Но я говорю о стилѣ,

О твореньяхъ *де сетъ омъ.*
Пылкою душой влекомъ,
Онъ всегда слѣдилъ природу;
Въ *ле Контра сосьялъ* народу
Вздоръ большой нагородилъ,
Но истины включилъ
Преглубокія; систему
Изобрѣлъ; и далъ проблему:
Пусть трудится голова
И другихъ, *с'етъ энъ канва!*
Разные его *дискуры*—
Образцы литературы,
Философьи; а Эмиль?
Ну, кончено, *антре миль*
Юношей, что поплетутся
За Эмилемъ, удадутся
Пять иль шесть; но все равно:
Не вполнѣ объяснено
Имъ и это воспитанье;
Точно какъ луны мерцанье,
Указалъ онъ на предметъ;
На него излилъ свой свѣтъ,
И исчезъ въ туманной дали!
Элоизу вы читали?
Какова?... Одна любовь
Всю уже взволнуетъ кровь!
А картины? разсужденье
Объ убійствѣ? Объѣденье!
И душа—вездѣ душа!
Правда, что не хороша

Въ немъ замашка скептицизма,
Зависти и фатализма;
И она большой порокъ,
Ме са тьентъ а сонъ эпокъ!
Я его съ луной сравнила...

Здѣсь, въ Женевѣ, два свѣтила
Философьи и наукъ
Вмѣстѣ появились вдругъ.
Кто не знаетъ о Вольтерѣ!
Но его въ планетной сферѣ
Съ чѣмъ сравнить бы? Онъ блисталъ
Пламенемъ и ослѣплялъ,
Точно метеоръ воздушный,
Но безчувственный, бездушный;
Цѣль одна была его:
Не оставить ничего
Человѣку въ утѣшенье,
Злобу, ненависть, сомнѣнье
Въ души людямъ заронить,
И изъ нихъ искоренить
Всѣ завѣтныя преданья,
Всѣ святыя упованья!
Какъ разбойникъ, какъ злодѣй
Надъ Святынями людей
Безпрестанно онъ лукавилъ;
А на мѣсто что представилъ?
Шуточки, *дезъ эпиграмъ!*
Много сочинилъ онъ драмъ
И трагедій превосходныхъ,

И посланій пресвободныхъ
О предметахъ о такихъ,
Что нельзя бъ касаться ихъ!
Но поэтъ былъ совершенный!
Сильный, звучный, вдохновенный!
Какъ была еще мамзель,
Мнѣ попалась *ла Пюсель!*
У меня ее отняли,
И мнѣ Ганріаду дали;
Она лучше, но скучнѣй.
Но Вольтера быть умнѣй
Можно ли въ романахъ, въ сказкахъ?
Подъѣзжаетъ на салазкахъ!
Какъ забавно *сатирикъ*
Ле Кандитъ его, Задигъ
И Принцесса Вавилона!
Философьи Лексикона
Не читала, признаюсь,
И читать его боюсь.
Онъ смутитъ мои повѣрья;
Слишкомъ важная матерья.
Но какъ объяснилъ онъ намъ
Вѣрно, *се ки плетъ о дамъ!*

Я однако жъ, заболталась
Черезъ-чуръ; но вотъ добралась
До *отеля. Дье мерси!*
Должны быть *ме жансъ иси,*
Мнѣ о нихъ теперь забота;
Пропустить и *табель д'ота*

Не хотѣлось бы; *с'э л'ёръ.*
Зазвонили—*кель бонёръ!*
За столомъ народа бездна;
Можетъ быть, мнѣ преполезна
Здѣсь бесѣда, чтобъ узнать,
Что мнѣ надо замѣчать
Здѣсь, народа вкусъ, и нравы,
И обычья, и забавы.

Мой сосѣдъ *а табель д'отъ,*
Энъ коми де мусье Ботъ,
Ювелиръ онъ здѣсь извѣстный,
Да и часовщикъ чудесный,
Ювелиръ и часовщикъ,—
Здѣсь всегда *са се комплинкъ.*
Но у нихъ одни подряды.
А работники и рады:
По домамъ они живутъ,
Имъ работу принесутъ;
Только деньги получаютъ,
Сами ничего не знаютъ.

Мой другой сосѣдъ пастòръ.
Съ нимъ заводитъ разговоръ
Энъ мусье въ зеленомъ фракѣ.
Рѣчь идетъ о Телемакѣ;
Не по вкусу Фенелонъ,
И его ругаетъ онъ;
А пастòръ стоитъ гòрою
За него, и я не скрою,
Телемакъ у Калипсо

Неучтивъ былъ, *э тре со*,
Какъ, амурясь съ дамой этой,
Связь завелъ съ ея Анетой.
Если бъ сдѣлалъ такъ со мной.
Онъ навѣрно бъ, милый мой.
Не смотря на всѣ уловки,
Выгнанъ былъ изъ Курдюковки.

Тутъ банкиры всѣ сидятъ,
И прежарко говорятъ
О какомъ то оборотѣ,
Но не сходятся въ разсчетѣ.
Сколько я схватить могла,
То изъ словъ ихъ поняла,
Что предметъ ихъ главный пренья,
Операцья погашенья.
Точно: трудно согласить
Слово жечь *авекъ* гасить!
Гасятъ долгъ, но сожигаютъ.
Только то, что выкупаютъ.
Онъ брюль, то есть, *ле* билетъ!
Въ коемъ значится *ла детъ!*
Занимать, оно прекрасно
А с'килъ дизъ, но преопасно,
Точно, облегченъ бюджетъ,
Если сдѣлали *юнъ детъ*,
Да и ей распорядились,
Всѣ на это согласились;
Но проценты наростутъ
Непремѣнно; нужно тутъ

Суммы новыя представить,
Чтобъ и ту бѣду исправить;
И опять бюджетъ тяжелъ!
Чтобъ кредитъ все тотъ же шелъ,
Не платить ужъ невозможно;
А какъ вдругъ неосторожно
Ле проценты *де ла детъ*
На другой какой предметъ
Перейдутъ, опредѣлятся;
Ле рантье зашевелятся,
За расплатой прибѣгутъ,
Такъ и жди себѣ банкрутъ!
Тутъ они объ ассигнацьяхъ
Толковали въ разныхъ нацьяхъ.
Ассигнацья, не *валёръ*
Представитель; *паръ малёръ*,
Ихъ за цѣнность принимаютъ
Многіе, и полагаютъ,
Только больше выпускать,
То народу благодать!
Попадутъ въ ошибку эту:
Ассигнаціи монету
Вытѣснятъ, и сами тутъ
Непремѣнно упадутъ,
Потому что расплодились,
А монеты всѣ сокрылись!
Основаніе металлъ
Долженъ быть; чтобъ содержалъ
Неоспоримую цѣну;
И имѣть его на смѣну

Хотя третью только часть;
И тогда въ просакъ не впасть!
Къ ассигнацьямъ будетъ вѣра,
А металлъ пусть будетъ мѣра,
Цѣну ты ему назначь,
Но ужъ только безъ задачъ,
Безъ дробей, какъ можно внятно,
Кругло, всякому понятно.
Ла система *десималь*
Въ этомъ случаѣ *не па маль*,
Вотъ они какъ разсуждали,
И что, кажется сказали.

Тутъ толкуютъ *де доктёръ*.
Спорятъ *мемъ, авекъ гюмёръ*,
Лучше что?—Гомеопатья,
Аллопатья, Гидропатья,
Или, просто, *ла діетъ?*
Подаетъ одинъ совѣтъ,
А другіе отвергаютъ
Непремѣнно, и ругаютъ;
Тотъ стоитъ *пуръ ле сансю*,
А другой *вудре к'онъ сю*;
Тотъ совѣтуетъ движенье,
А тотъ просто испраженье;
Чудеса они творятъ
На словахъ; но говорятъ,
Что здѣсь валятся какъ мухи,
И отъ самой золотухи;
А у насъ простой мужикъ

Это лечитъ, и привыкъ;
Только травки прибираетъ
И пакетцы составляетъ;
Да, вы слышали, я чай,
Про Аверина *ле* чай.
Впрочемъ, я у насъ видала
Консультацьи, и страдала
За больнаго, какъ одинъ
Подойдетъ, больному блинъ
Изъ горчицы вдругъ пропишетъ;
А другой когда услышитъ,
Закричитъ, что докторъ вретъ,
Что больной сейчасъ умретъ,
Если не дадутъ пилюли;
А тотъ смотритъ у *пандюли*,
Комъ ле маятникъ стучитъ;
Тотъ задумался, молчитъ,
Тотъ газеты разбираетъ,
А тотъ просто засыпаетъ.
Раздадутъ имъ *де дюка*,
А больной умретъ пока.

Тутъ ученые собрались,
Разшумѣлись, разболтались.—
Говоритъ одинъ: луна
Какъ подавитъ, то волна
Производитъ наводненья;
А другой такого мнѣнья,
Что изъ береговъ вода
Выступаетъ лишь тогда,

Какъ землетрясенье снизу;
Тотъ въ отцы даетъ Анхизу
Брата *дю* Лаокоонъ;
Тотъ твердитъ, что *ле паонъ*,
Какъ Юнонѣ данъ въ лакеи,
Тѣ жъ глаза имѣлъ на шеѣ,
Что имѣетъ на хвостѣ;
Только что про очи тѣ
Умолчалъ *Овидъ* нарочно;
Тотъ толкуетъ, что не прочно
Зданья строить при рѣкахъ,
Потому что раки страхъ
Берега какъ выѣдаютъ;
И ученые считаютъ,
Что въ два вѣка, ракъ одинъ
Съѣстъ кубическій аршинъ;
„Почему жъ такъ полагаютъ?"
Всѣ другіе возражаютъ;
Потому что пойманъ ракъ—
И землей набитъ *энъ сакъ;*
Рака тутъ же посадили,
И печатями скрѣпили;
Сакъ былъ тотчасъ отнесенъ
Въ домъ извѣстный, и врученъ,
Подъ росписку, для храненья
На четыре поколѣнья.
И хранился онъ ужъ такъ;
Но вотъ, съ полгода никакъ,
Этого мѣшка хватились,
Отыскали и добились;

Только былъ онъ безъ земли,
Да и рака не нашли,
А мѣшокъ одинъ съ дырою,
Только очень небольшою;
Ракъ всю землю проглотилъ,
И сквозь дырку проскочилъ,
И домой къ себѣ поплелся,
Отъ того и не нашелся.
Но недавно здѣсь въ рѣкѣ
Ракъ большой, не вдалекѣ,
Пойманъ былъ какой-то дамой,
И навѣрно тотъ же самый.

Тутъ сидятъ все *де Сендикъ*,
Говорятъ про *политикъ;*
Хорохорятся ужасно,
И всѣ думаютъ согласно—
Францьи объявить войну;
Нашихъ знай, *конесе ну!*
Хвалятъ всѣ *дискуръ* Бонара.
Говорятъ, что здѣсь ихъ пара,
Есть еще мусье Риго;
Что вашъ даже Араго!
Всѣ при нихъ языкъ прикусятъ.
Да и кабинеты струсятъ
Тронуть нашъ *ендепандансъ*;
С'этъ энъ пуа данъ ла балансъ;
Мы *Луи* Наполеона
Отстоимъ, вѣдь онъ Кантона
Нашего же *ситуаенъ*.

Францью возмущалъ? *э біенъ!*
Что жъ такое? Его дѣло:
А намъ, право, надоѣло
Отъ Французовъ получать
Повелѣнья, и молчать:
Мы свободная Гельвецья,
Ну, ни дать, ни взять, что Грецья.
Такъ сказали,—*ле трете*
Должны быть *экзекюте!*
Но и тутъ опять же споры:
Дать ли хлыстикъ или шпоры
Кавалерьи? *л'энфантри*
Строить ли въ шеренги три,
Иль четыре? а у пушекъ
Не прибавить ли хлопушекъ,
Чтобы шумъ произвести?
Если ужъ войну вести,
Такъ робѣть намъ *иль не фо па*;
Пусть же крикнетъ вся Европа
Ай Швейцарья! Знать сильна,
Что воюетъ и она!

А вотъ тамъ, компанья та-та,
Бургомистры магистрата
Всей Женевы; вручено
Имъ начальство, и дано
Право дѣлать измѣненья
Формы, и нововведенья.
Только набраны изъ лицъ
Больше жителей столицъ;
Быта сельскаго не знаютъ,

Отъ того и попадаютъ
Иногда въ такой просакъ,
Что понять нельзя никакъ!
Напримѣръ, пришлося къ рѣчи,
Здѣсь есть промыселъ овечій,
Преогромныя стада.
И козлы идутъ всегда
Впереди, какъ бы въ парадѣ,
А собаки ходятъ сзади,
Составляютъ арьергардъ.
Кажется, *са ле регардъ!*
Нѣтъ, *ле* магистратъ Женева
Тутъ нашелъ причину гнѣва,
Даже поводъ и ко злу.
Неприлично-де козлу
Шагъ имѣть передъ собакой,
Даже шагъ и одинакій;
Отъ него, отъ дурака,
Шерсти нѣтъ, ни молока;
Хоть кого, такъ забодаетъ,
И хозяина не знаетъ!
А собака такъ умна,
Такъ учтива, и она
На чужаго только лаетъ,
А своихъ такъ уважаетъ.
Быть собакамъ впереди,
А козламъ, нѣтъ, погоди!
Мы имъ спѣси поубавимъ,
Сзади ихъ ходить заставимъ,
Какъ себѣ ни хлопочи;

Се месье бородачи,
Щегольства модель въ Парижѣ,
Мы поставимъ ихъ пониже!
Пастуху, какъ и ни жаль,
Но не смѣетъ, *с'этъ эгаль*,
Прекословить командиру.
Вотъ, по новому ранжиру,
Выступилъ овечій полкъ,
И идетъ; но сѣрый волкъ
По опушкѣ лѣса крался,
Онъ собакъ остерегался,
Видитъ, впереди идутъ!
„Ладно же“, подумалъ плутъ:
„Пропущу я вражью силу,
Притаюсь, нагряну съ тылу;
Имъ и въ разумъ не придетъ,
Что я здѣсь, и попадетъ
Шкурка не одна овечья.
Вотъ догадка человѣчья
Мнѣ же обратилась въ прокъ!“
Притаился онъ, прилегъ,
Бросился, перепугались
Всѣ козлы и разбѣжались.
Тутъ на стадо онъ напалъ,
Штукъ ихъ съ двадцать ободралъ,
А собаки и не знаютъ,
Только что хвостомъ виляютъ,
Маршируя впереди.
Огорчился, *а ск'онъ ди*,
Магистратъ; чтобы поправить,

Всѣхъ козловъ велѣлъ отставить,
А собакъ поколотить!
Но овецъ не воротить,
Когда ихъ поѣли волки!
Но за то тутъ были толки,
Разсужденіе и споръ;
А на нихъ большой задоръ
А Женевѣ: неугомонность—
Натуральная наклонность.
Ужъ за то и секты есть—
Столько, что нельзя и счесть.
Кальвинисты, Жансенисты,
Методисты, Менонисты,
Кіетисты, Піетисты,
Да еще Анабаптисты.
И всѣ ужасть какъ рѣчисты;
И за то такъ скучно здѣсь!
А притомъ какая спѣсь!
На горѣ кто обитаетъ,
Бариномъ себя считаетъ;
А внизу—такъ *пролетеръ*,
Хоть умомъ онъ будь Вольтеръ,
И какъ Крезъ себѣ богатый,
Все равно—плебей проклятый.

Какъ Женеву ни смотри,
Улица *ла* Коратри
Только стоитъ здѣсь вниманья:
Чистыя, большія зданья,
Магазиновъ цѣлый рядъ,

Даже фонари горятъ,
И такіе тротуары,
Какъ Парижскіе бульвары;
Ле мюзе де мусье Ратъ,
А въ концѣ театръ и садъ,
Гдѣ гуляютъ пансьонерки.

Здѣсь, по справкамъ и повѣркѣ,
Я узнала, что служилъ
И богатство получилъ
Мусье Ратъ у насъ на службѣ.
По достоинству ль, по дружбѣ,
Только былъ онъ генералъ
Съ орденомъ; но захворалъ
И къ себѣ въ отставку вышелъ.
Даже Харитонъ мой слышалъ,
Что какой-то Русскій графъ,
Какъ-то здѣсь его узнавъ,
Къ сыну принялъ въ гувернёры;
Но взманили, знать, *гонёры*,
Сталъ служить нашъ молодецъ,
И добился, наконецъ,
Въ число Русскихъ генераловъ.
Сколько нашихъ капиталовъ
Такъ ушло, какъ поглядишь!
У него музей *тре ришъ;*
Пейзажи есть, портреты,
Изъ Исторіи сюжеты,
Де статю, де барельефъ.

Все подробно осмотрѣвъ,
На *террасъ* пошла я въ гору;
Моему явился взору
Чудной тутъ *панорама;*
Я не вѣрила сама.
До Тонена, до Копея,
Озеро, какъ эпопея,
Развернулось предо мной;
Умиленною душой,
Какъ на озеро взглянула,
Я отъ скуки отдохнула.

У природы есть секретъ
Утѣшать меня средь бѣдъ,
Средь тоски, средь огорченья.
Точно гимнъ благодаренья,
Вѣковѣчный гимнъ, святой,
Всей природы красотой
Изливается предъ Богомъ!
Благости его залогомъ
Солнце свѣтитъ въ небесахъ,
И поетъ его въ лучахъ;
Моря бурное волненье
Вторитъ то же пѣснопѣнье;
Тихоструйная рѣка,
Дуновенье вѣтерка,
Громъ, и молнія, и вьюга,
Все, наперерывъ другъ друга,
Хвалитъ дивнаго Творца!
Славословью нѣсть конца!

Горъ коснется и дымятся!
Воды быстрыя стремятся!
Звѣздъ блестящихъ милліонъ
По небу разсѣялъ онъ!
Все его поетъ и славитъ!
И птенца онъ не оставитъ
Безъ призора!—Какъ душой
Уношусь къ нему мольбой,
Я земное забываю,
Умиляюсь, уповаю.
Его славою одной
Весь исполненъ шаръ земной!

Въ ратушу я заглянула
Анъ пасанъ, рукой махнула!
И не стоило труда
Даже заходить туда.
Только лѣстница покатомъ.
Лонъ лакеемъ провожатымъ
Тутъ я въ кирку введена,
Гдѣ гробница есть одна
Знаменитаго Рогана,
Кальвиниста, басурмана.
Онъ, тому уже давно,
Шефомъ былъ *де* Гюгено
Противу *Луи Катюрзи*,
И сражался очень борзо.
Тутъ вошла я въ *ла Ротондъ*:
Эта кирка *дю бо мондъ*.
А тамъ по горѣ спустилась,

И на рынкѣ очутилась.
Точно, *бадинажъ а паръ,*
Сельскій. Русскій нашъ базаръ;
Деревянныя лавчёнки;
Продаютъ тутъ *де* пеленки.
Де чулки, товаръ панской—
И совсѣмъ не щегольской!
Тутъ прошла я чрезъ ворота,
Прямо къ лавкѣ *мусье* Бота.

Ужъ сказать, что магазинъ!
Я бъ могла *пуръ ме кузинъ*
Тутъ купить два, три браслета,
Для племенника корнета
Портъ-сигаръ, э де часы,
Гребень, расправлять усы,
И лорнеточку складную;
Тетушку мою родную
Я потѣшила бъ и тѣмъ,
Что купила бъ діадемъ;
Хоть носить его не будетъ,
А меня все не осудитъ,
Она любитъ *ле кадо*;
Хоть бутылку *де* Бордо!
Мнѣ заказано старушкой,
Ей купить часы съ кукушкой,
Но не знаю, гдѣ достать,
Здѣсь ихъ что-то не видать;
Есть стоячіе, стѣнные
Здѣсь часы, но золотые,

И конечно ужъ *тре шеръ*;
Даже съ бюстомъ *де* Вольтеръ,
Такъ и тѣ рублей, чай, триста;
Хоть сработаны и чисто,
Но *пуръ де кадо*, онѣ
Что-то не по деньгамъ мнѣ.
Никакого нѣтъ разсчета
Покупать у *мусье* Бота
Де кадо пуръ сезъ ами;
Право, прахъ его возьми!
Все по твоему уладитъ,
Но за то въ кошель посадитъ.

Но довольно мнѣ *курирь*,
Ворочусь къ себѣ въ трактиръ,
Закушу, и понемногу
Поплетуся въ путь дорогу
Только думаю, вѣрнѣй
Съѣздить мнѣ *даборъ* въ Ферне;
Если я теперь поѣду,
Вѣрно возвращусь къ обѣду.
Я взяла *шаръ де коте.*
Пресмѣшно, *анъ верите*,
Видѣть насъ вдвоемъ съ Анетой,
Въ странной колымагѣ этой.
Лошаденка—дрянь, одна
Въ этотъ *шаръ* запряжена;
Кучеръ старый, толстопузый
Тутъ сидитъ, одѣтый блузой,
Закричитъ: *аллонъ кокотъ!*

И закашляетъ; но вотъ,
Наконецъ, мы дотащились.

Предъ усадьбой очутились,
Гдѣ жилъ нѣкогда Вольтеръ.
Дѣлать нечего, *ке феръ!*
Надо будетъ восхищаться,
Чтобъ ученой показаться,
Хоть и не чему.—Тутъ домъ
Очень маленькій; кругомъ
Все въ ужасномъ запущеньи,
Въ ветхости и небреженьи.
Въ сѣрой курткѣ старичекъ
Выбѣгаетъ на порогъ.
Двери настежъ отворяетъ
И въ покои приглашаетъ.

Старичекъ когда-то былъ
Мальчикомъ, и все ходилъ
Съ портефелемъ за Вольтеромъ,
И такимъ-то-де манеромъ
Онъ всю суть его узналъ,
И потомству бъ передалъ,
Если бъ грамотѣ учился,
Но ее-то не добился;
А вѣдь при Вольтерѣ, чай,
Только слушай, примѣчай;
Какъ не сдѣлаться писакой,
Совершенною собакой
Въ дѣлѣ письменномъ? но онъ
Все остался неучёнъ.—

Помню, разъ мнѣ говорили:
Гдѣ-то въ лоттереѣ были
Два ребенка сорокъ лѣтъ;
Нужно вынимать билетъ,
Ихъ обоихъ и приносятъ.
Удивляюсь, какъ не спросятъ:
Почему же не ростутъ?
Нѣтъ ли, молъ, подмѣна тутъ?
Здѣсь старикъ все тотъ же мальчикъ,
И ему, кажись мнѣ, пальчикъ
Въ ротъ не надобно бы класть;
Подбираютъ ихъ подъ масть:
Старичокъ одинъ свалится,
Тотчасъ новый очутится,
И такой же говорунъ,
Вольтерьянецъ и хвастунъ.

Вотъ привелъ онъ насъ въ покои.
Что жъ? Истертые обои,
На сто, кажется, рублей
Не набрать тутъ мебелей;
Есть эстампы и картины;
Матушки Екатерины
Нашей по канвѣ портретъ;
Данъ ле роль де Магометъ,
Тутъ Лекенъ актеръ; Фредерикъ!
Превеликій фанаберикъ
Былъ Вольтеръ; *де сезъ ами*,
Онъ, составя *энъ сальми*,
У себя развѣсилъ въ спальной;

Лезъ Англе, народъ нахальный,
Настоящіе *бадо,*
Оборвали *ле ридо*
Всей Вольтеровской постели,
Сувениръ имѣть хотѣли;—
Всякій клалъ себѣ въ альбомъ
Энъ моpсо де се грандъ омъ!

Тутъ и садъ намъ показали;
Мы въ аллеѣ той гуляли,
Гдѣ *мусье* Вольтеръ гулялъ;
Гдѣ, быть можетъ, сочинялъ
Онъ въ минуты вдохновенья
Лучшія свои творенья:
Разговоръ *авекъ* Зопиръ
Магомета, иль Заиръ.
Встрѣча тутъ его съ Гиббономъ
Старичишкомъ чичерономъ
Намъ разсказана; кажись,
Къ ней онъ собственныхъ *бетизъ*
Намъ подбавилъ половину;
Тутъ онъ показалъ осину,
Что рукой своей Вольтеръ
Самъ-де, посадилъ *анъ теръ;*
Но тутъ Англичане были
И осину облупили,
И осина, безъ коры,
Вся посохла съ той поры;
Тутъ же, посреди аллеи,
Видъ Монтъ Блана и *валеи*

Онъ намъ показалъ *анкоръ*,
Да и вывелъ насъ на дворъ.

Возлѣ кухни и подвала
Вдругъ я кирку увидала;
Выстроилъ ее Вольтеръ
На готическій манеръ,
И довольно некрасивый.
Надписью прегорделивой
Кирку Богу посвятилъ;
Можетъ быть и тутъ шутилъ
Этотъ грѣховодникъ старый,
Сухощавый и поджарый.

Тутъ зазвалъ къ себѣ старикъ,
И намъ предложилъ парикъ,
Паръ Вольтеръ всегда носимый,
И колпакъ его любимый,
Трость, перчатки и перо.
Я сказала: *о! се тро*,
Такъ ужъ нагло издѣваться;
Ужъ не дали бъ залежаться
Англичане, *ж'анъ сви сюръ*,
Рѣдкостямъ *де сетъ натюръ;*
Все давно бъ уже забрали,
Да, я чай, и покупали
Ихъ не разъ; но плутъ старикъ!
Трость, перо, колпакъ, парикъ
Никогда не истощатся;
Сами отъ себя родятся,
Такъ сказать, *комъ ле фениксъ;*

Ихъ всегда *энъ номбре фиксъ*
Есть готовыхъ на подмѣну;
Тотчасъ явятся на сцену,
Если олухъ новичекъ
Ихъ захочетъ. Старичекъ
Только тѣмъ и промышляетъ;
Всѣхъ же больше поддѣваетъ
Англичанъ, и ништо имъ;—
Всюду по пятамъ моимъ
Такъ и тянется ихъ свита.
Въ память здѣшняго визита
Я купила изъ *Теръ-квита*
Бюстъ Вольтера.—Старичекъ
Завернулъ его въ платокъ,
И провелъ насъ за рѣшетку.
Я дала ему на водку,
И опять *же сви монте*
Въ *шаръ*, съ Анетой *де коте.*

VII.

Женева.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Мы въ Женеву воротились,
И вотъ какъ распорядились:
Ѣдетъ пусть *ле* Харитонъ
Потихоньку, *сюръ ле лонъ*,

Вплоть до Мартиньи съ каретой;
А я, *тетъ а тетъ* съ Анетой,
Заверну *а* Шамуни;
Вѣрно тамъ *юнъ колони*
Англичанъ найдемъ туристовъ,
Аматеровъ и артистовъ,
И осмотримъ мы какъ разъ,
Монтъ Анверъ, *ла* Меръ *де* Гласъ,
Ле Бреванъ, *гласье* Босона
И всѣ *сурсы* Арверона,
А потомъ *паръ ла* Тетъ Нуаръ
Мы на третій можемъ *суаръ*
Очутиться у Писваша,
Гдѣ насъ ждетъ карета наша.

И поѣхалъ Харитонъ.—
Мы съ Анетой *а* Шильонъ
Доплыли на пароходѣ,
При хорошенькой погодѣ;
Вышли,—ѣдетъ дилижансъ;
Препроворно *же м'авансъ,*
Къ верху палецъ подымаю,
Въ знакъ, что ѣхать я желаю;
Соскочилъ *ле кондюктёръ*
И сказалъ намъ: *же л'онёръ!*
Вотъ сажаетъ насъ сь собою—
Гдѣ жъ! На козлы!... я не скрою,
Совѣстно: *энъ омъ анъ блузъ,*
Въ формѣ писанный Французъ;
Очи свѣтло-голубыя,

Бакенбарды прегустыя,
Краснощекій, длинный носъ;
Ну, наслушаться пришлось
Де гро мо; оно бъ обидно,
Но ему въ привычку, видно,
Какъ для насъ простой *бонъ журъ;*
Даже, *пуръ ну феръ ла куръ*
И ловчѣй намъ показаться,
Онъ крупнѣе сталъ ругаться.
Но у всякаго, *ке феръ*,
Щеголять есть свой манеръ!
Черезъ Вильневъ ему дорога,
Такъ и взялъ онъ съ насъ немного.
Довезти, за деньги тѣ жъ,
Онъ достать намъ *юнъ калешъ*
До Саланша обѣщался.
Путь коротокъ показался:
Онъ все время проболталъ,
Пѣлъ куплетцы и свисталъ;
Мы въ Вильневѣ распростились,
И въ коляскѣ потащились.

Какъ проѣхали мы *клюзъ*,
Пушечку намъ, *юнъ обюзъ*,
Кажетъ въ сторонѣ мальчишка;
Уголекъ поднесъ—и вспышка:
Залпъ раздался восемь разъ,
Между горъ какъ бы несясь.
Свѣтъ излилъ по всей наукѣ,
Этотъ опытъ намъ о звукѣ;

Такъ какъ звукъ, *ле* галванизмъ,
Электричество, сквозь призмъ
Де лучей *ле* преломленье,
Одинакое стремленье
Получили; размышлять
Станешь, —нечего сказать!
Видно ясно, что Создатель
Подъ одинъ все знаменатель
Приводилъ, когда создалъ
Бѣлый свѣтъ, и доказалъ,
Что всему одно начало
Есть и будетъ и бывало!
Точно, всюду мысль одна,
И гармонія видна!
Онъ рече—и бысть! и слова
Одного довольно, снова
Все въ ничтожность обратить,
Все смѣшать, все сокрушить!

Вотъ мы въ городѣ Саланшѣ.
Еслибъ намъ пріѣхать раньше,
То увидѣли бы весь
Мы Монтъ Бланъ, и точно: здѣсь
Онъ гостей своихъ встрѣчаетъ;
Въ первый разъ себя являетъ
Взорамъ онъ людей вполнѣ!
При сіяющей лунѣ
И при солнечномъ восходѣ
Нѣтъ подобнаго въ природѣ
Зрѣлища; когда жъ туманъ

Или ночь, то *ле* Монтъ Бланъ,
Исполинъ сѣдой и лысый,
Каратыгинъ за кулисой!
Чувствуетъ, что онъ ужъ тутъ,
Скоро явится и ждутъ,
И сердца въ оцѣпенѣньи,
И вся кровь уже въ волненьи!

На зарѣ, прервавъ мой сонъ,
Я спѣшила на балконъ
Выйти, то есть, на террасу,
Чтобъ увидѣть эту массу
Снѣговую; какъ красивъ
Яркій, розовый отливъ,
Что торжественно наводитъ
Солнце тутъ, когда восходитъ
Изъ зыбей, теши свой путь!
Душно! Вся тѣснится грудь,
Хочется душѣ простора;
Алчетъ, какъ орелъ, отъ взора
Человѣковъ улетѣть,
Поднебесьемъ овладѣть,
Въ безпредѣльность погрузиться,
И съ Творцомъ соединиться!!!...

Подошла къ намъ *ла сервантъ*
Де л'оберъжъ, трезъ элегантъ,
Съ пышно вздутыми щеками,
И съ претолстыми губами;
Съ робостью сказала мнѣ,
Что готовъ мой *дежене;*

Я ее поцѣловала
Бѣдненькую, обласкала;
Ужъ давно бурчалъ животъ.
Какъ подумаешь ты, вотъ
Человѣчество—что значитъ!
Мысль паритъ, несется, скачетъ
Въ безпредѣльность, высоту;
А почуешь пустоту
Ты въ желудкѣ, вдохновенье,
И восторгъ, и упоенье,
И поэзья *де коте!*
Чашку подавай *де те*,
Иль съ картофелемъ котлету!
Часто, я дивлюсь поэту:—
Я не понимаю, какъ
Пишутъ люди на тощакъ?

Ле Сардинское Правленье,
Здѣсь имѣетъ заведенье
Собственныхъ *шаръ де коте;*
Ту се шаръ, нюмероте,
Въ двѣ лошадки запрягаютъ,
По билетамъ отпускаютъ;—
Въ синей курткѣ, въ галунахъ,
Въ кирасирскихъ сапогахъ,
Почтальонъ сидитъ и правитъ;
Ничего ужъ не оставитъ,
Чтобы вамъ не объяснить;
А что надобно платить,
Таксою опредѣлили.—

Мы *шаръ де коте* спросили;
Я поѣла,—*э же ве*
Прямо въ бани Сентъ-Жерве.

Тутъ цѣлительныя воды,
Горы, чудеса природы.
Безподобный водопадъ,
А вокругъ дорожки, садъ,
Видно для больныхъ устроенъ;
Но однако жъ безпокоенъ,
Все скользишь, гуляя тутъ.
Есть хорошенькій *редутъ*,
Табель д'отъ, для танцевъ залы,
Клавикорды и журналы;
Все прекрасно, кромѣ бань;
А онѣ, такъ просто—дрянь,
Подъ землей и неопрятны.

Почтальона голосъ внятный
Насъ торопитъ и зоветъ.
Это *ла каскадъ де* Шедъ,
Вся уступами стремится,
И отъ солнца серебрится
Межъ деревьевъ, какъ хрусталь;
Но далеко только,—жаль!

Тутъ поѣхали горою
Мы, тропинкою такою,
Что козѣ пройти едва;
Закружится голова!
Все утесы тутъ надъ нами,

И утесы подъ ногами;
Груды необъятныхъ горъ
Здѣсь нашъ поражаютъ взоръ,
Видъ являя намъ хаоса.

Вотъ достигли мы Сервоса;
Тутъ мы кормимъ лошадей.
А чтобъ накормить людей,
И не думай; только хаты,
Храмикъ Божій небогатый,
Одинокій между горъ;
Магазинчикъ есть *анкоръ*—
Чучелъ и роговъ оленьихъ,
И кристаловъ и каменьевъ.—
Черенки *пуръ ле куто,*
Запонки, печать, *плато*
Для себя я отложила;
Изъ роговъ еще купила
Два крючка, *пуръ монъ мари*;
Удивится, *же пари,*
Онъ подарку!—Но готово:
Запрягли, въ дорогу снова
Мы пустились по горамъ.

Водопады здѣсь и тамъ,
И потоки, и долины,
И селенья—все картины,
Что и въ сказкахъ не сказать,
И перомъ не описать!
И Монтъ Бланъ вездѣ суровый,
Какъ орелъ нашъ двухголовый;

Какъ Россія, выше тучъ;
Гордъ, отваженъ и могучъ
Раздался средь небосклона!

Вотъ и *ле гласье* Босона;
Захотѣлось мнѣ *а пье*
Перейти черезъ *гласьс.*
Подъ руки меня схватили
Гида два, и потащили.—
Жарко, душно, высоко,
И довольно далеко;
Наконецъ, вотъ я взобралась;
Поминутно спотыкалась,
И кружилась голова.
Кабаны *сюръ ля* Нева
Точно, собраны тутъ льдины,
Только острыя вершины.
Но откудова взялись?—
Я все падаю, *же глисъ;*
Очень проходить опасно,
Но за то ужъ и прекрасно!
Мы стоимъ надъ твердымъ льдомъ,
А все зелено кругомъ,
Все цвѣтетъ, благоухаетъ,
Солнце паритъ и пылаетъ,—
И понять *же де ла пенъ,*
Этотъ странный феноменъ!
Кто не прилагалъ заботы,
Объяснить перевороты
Глобуса и всѣхъ планетъ!

Написалъ и Ласепедъ,
И Кювье довольно внятно;
Но однако жъ не понятно,
Отъ чего одинъ потокъ
Только одолѣть не могъ
Здѣсь мороза?—Эта чара,
Знать заслуженная кара;
Можетъ быть, что здѣсь потокъ
Сдѣлалъ множество тревогъ!
Разъяренною волною
Уносилъ стада съ собою;
Зданій кучу истребилъ,
И народа погубилъ.
Богъ людей услышалъ слёзы,
Сжалился, наслалъ морозы!
Какъ бурлилъ потокъ, кипѣлъ,
Такъ онъ вдругъ оледенѣлъ!
Все кругомъ весною дышетъ,
Листія зефиръ колышетъ,
Все развилось, все цвѣтетъ,
А тутъ лёдъ—и вѣчно лёдъ!
Такъ въ пирахъ, Варвикъ угрюмый,
Роковой терзаясь думой,
Средь веселья одинокъ!
Грозный совѣсти упрекъ
Шумъ оркестровъ заглушаетъ,
Онъ забавамъ не внимаетъ;
Тщетно льетъ въ бокалъ вино,
И питье—отравлено!

Проскакавъ версты четыре,
Очутилась я въ трактирѣ,
Въ Шамуни; *пуръ ле дине*,
Удалось пріѣхать мнѣ;
Гатчинскія намъ форели
Поданы.—Какъ ихъ мы съѣли,
Подали намъ *де* котлетъ,
Мотонъ шопъ, юнъ винигретъ
Изъ картофеля съ бобами,
Лося (только передъ нами
Застрѣлилъ его пастухъ).
Но несносно здѣсь отъ мухъ!
На носъ все онѣ садятся.
Тутъ съ трактирщикомъ бранятся
Де Франсе пуръ ле сигаръ.
Но билетъ есть, *де феръ паръ*,
Чтобъ въ столовой не курили;
Даже въ рамочку вложили;
Такъ о чемъ же тутъ и споръ?
Ну, конечно, это вздоръ.
Но мнѣ тѣмъ Французы гадки,
Что все любятъ безпорядки.
А на противъ, *лезъ Англе*,
Не ловки, *си ву вуле*,
Но ведутъ себя ужъ чинно;
Скажутъ *го га га* невинно,
Какъ прочтутъ; но ужъ они
Не отступятъ ни, ни, ни!
Здѣсь ихъ стаи налетѣли,
Дѣти, старики, мамзели,

Нѣмцевъ пять, Французовъ шесть;
Итальянцы тоже есть,
Но немного.
Къ намъ подсѣла
Дама,—на себѣ имѣла
Платье *де демикотонъ*
Черное. Ужъ *паръ ле тонъ*
Вижу я, что изъ *Женева*
Эта дама или дѣва;
А послѣднее вѣрнѣй,
Что-то женскаго-то въ ней
Очень, очень мало видно;
Говоритъ она солидно,
Съ разстановкой, *юнъ савантъ*,
Точно наши *гувернантъ!*
Эти замужъ не выходятъ,
Молодость свою проводятъ
Въ рукодѣльи, въ чтеньи книгъ;
А подъ старость слабость ихъ
Въ разсужденія пускаться,
И учеными казаться,
Особливо *паръ ле стиль*;
Имя этой Данжевиль.
Она только что спустилась
Съ *ле* Монтъ Бланъ, куда встащилась
Съ преужаснѣйшимъ трудомъ,
Но воткнула *сюръ ле домъ*
Эта героиня-дѣва,
Знамя города *Женева.*
Труденъ, тяжекъ былъ ей путь,

Хоть минутку отдохнуть
И присѣсть ей все желалось,
Но не смѣла, ей казалось,
Тянетъ *л'атмосферъ* назадъ,
Такъ иди ужъ, радъ не радъ,
И не отставай отъ *гида*,
Не спускай его изъ вида
И изъ рукъ; а то какъ разъ
Попадешь *данзъ юнъ кревасъ*.
Отъ Мюле къ концу дороги,
Все подкашивались ноги;
Точно какъ пилили ихъ;
Духъ въ ней сперся и затихъ,
Совершенно умирала;
Силы всѣ свои собрала,
Взлѣзла лишь—и все прошло;
Сердце будто разцвѣло!
Горизонтъ неизмѣримый!
Но ужъ воздухъ не стерпимый,
Кровь изъ носа, изъ ушей
Потекла ручьемъ у ней!
Я туда не поплетуся;
Нѣкогда, да и боюся:
Загуляетъ Харитонъ....

Я всю ночь *сюръ монъ* балконъ
Вплоть до утра просидѣла
На Монтъ Бланъ я все смотрѣла:
Какъ по снѣжной пеленѣ,
Разсыпались, при лунѣ,

Точно перлы и алмазы;
Какъ его мѣнялись фазы;
Какъ *ту ле соме* въ тѣни,
Тамъ сіяютъ вдругъ они,
И луною серебрятся.
Тамъ гигантами ложатся
Тѣни ихъ *сюръ ле* бока;—
Всѣ исчезли облака,
Небо совершенно ясно,
И на синевѣ прекрасно
Отдѣлился исполинъ!
И во снѣ такихъ картинъ
Не видать!—Хоть жаль разстаться,
Но вѣдь надо жъ раздѣваться,
Хоть минутку отдохнуть.
Мнѣ еще далекій путь!

На Анету мнѣ досадно:
Улеглась она и ладно!
Антузьязмъ во мнѣ кипитъ,
А она себѣ храпитъ,
И всю ночь такъ прохрапѣла!
Я сама себя раздѣла,
Прилегла на правый бокъ,
И вся съежилась въ комокъ.

Только что глаза открыла,
Тотчасъ *гида* я спросила,
И пришелъ *мусье* Бальма,
Человѣкъ не безъ ума.—

Здѣсь имъ очередь ведется,
И кому кто попадется,
Напередъ нельзя узнать.
Надобно жъ къ тому сказать:
Цѣлая артель здѣсь *гидовъ*.
Не позволено безъ видовъ
Провожать *ле вояжеръ*.
Долженъ знать *ле гидъ паръ кёръ*,
Всѣ тропинки, переходы,
Измѣненья всѣ погоды,
Всѣ опасности пути.

Не мѣшало бъ завести
Нѣсколько такихъ артелей
И въ Россіи, для мятелей.—
Тотъ же *ле* Монтъ Бланъ *ше ну;*
Но растянутый въ длину;
Меръ де гласъ у насъ *ла* Волга;
И на ней пропасть не долго:
Хватишь въ полынью какъ разъ,
Та же самая *кревасъ*.
А мятелица лихая,
Свирѣпѣя, завывая
По степямъ Святой Руси,
(Только, Боже упаси!)
Хуже твоего Монтъ Блана,
И *кревасовъ*, и тумана!
Ты вчера оставилъ домъ,
Нынче только за гумномъ
За своимъ же очутился,

Какъ ни силился, ни бился,
Какъ всю ночь ни колесилъ.

Гидъ Бальма меня просилъ,
Чтобъ я ѣхала на мулѣ.
„Преспокойно, какъ на стулѣ,
„Будете на немъ сидѣть,
„Дискать, только не робѣть“.
Что жъ мнѣ дѣлать? согласилась;
Но какъ взлѣзла, какъ встащилась,
И теперь я не пойму.
Въ помощь *гиду* моему
Шесть гарсоновъ прибѣжало:
Подняли меня сначала;
Кто мнѣ платье подбиралъ.
Кто вертѣлъ, а кто сажалъ;
И толкали, и тянули,
Наконецъ, вотъ я на мулѣ!
Но неловко, мочи нѣтъ!
Тряская такая *бетъ*.
Пренесносная походка,—
Прыгъ и скокъ,—какъ разъ чахотка.
Ну, того гляди слетѣть.
Да и тѣсно такъ сидѣть:
Сѣдла дамскія премерзки.
А Анетъ по-кавалерски,
А *калифуршонъ;* бичемъ
Машетъ, бьетъ и, какъ ни въ чемъ,
Рысью ѣдетъ и хохочетъ;
И мой мулъ туда же хочетъ

Вслѣдъ за ней,—не удержу!
Ну, прогулка же, скажу!

Вотъ мы потащились въ гору;
И чѣмъ выше, то и взору
Лучше все являлся видъ.
Бурный тутъ потокъ шумитъ,
Тутъ каскады, тутъ овины,
Тутъ селенья, тутъ долины
Безпредѣльныя межъ горъ;
Тутъ какъ будто коридоръ
Между скалъ, лощинка, стадо,
Кирка сельская, громада
Накатившихся камней,
И деревъ, и старыхъ пней,
Послѣ страшнаго обвала;
Ужъ чего тутъ не встрѣчала!
А Монтъ Бланъ, *комъ энъ фантомъ*
Всюду видѣнъ.—Вотъ и домъ:
Мы на Монтъ Анверъ взобрались;
Пять часовъ все подымались;
Тутъ мой остается мулъ,
Гидъ подвинулъ мнѣ *энъ* стулъ;
Лишь собралъ мои онъ платья—
Вдругъ я, прыгъ къ нему въ объятья,
Бросилась, какъ *аваланшъ;*
Пошатнулся онъ, *иль паншъ*,
Но за стѣнку удержался,
И самъ громко засмѣялся.
Мы взошли, чтобы купить

Де шесты и закусить.
Тутъ на Меръ *де гласъ* спустилась.
Крикнула я, удивилась!
Точно, чудо изъ чудесъ!
Все кругомъ трава да лѣсъ
И цвѣты, а тутъ подъ нами
Ледъ, собравшійся вѣками,
Только гладкій, *э санъ нежъ*.
Море цѣлое,—и гдѣ жъ?
На горѣ,—и какъ пространно,
Какъ обширно! Это странно!
Видно, какъ сердитый валъ
Тутъ ярился, бушевалъ;
Море бурное кипѣло,
Только вдругъ оледенѣло.
Какъ случилось и когда,
Нѣтъ ни слуха, ни слѣда.
Это хоть привелъ доводомъ
Лесепедъ, но днемъ и годомъ
Не означилъ феноменъ;
Даже разсказалъ *а пенъ*
И подробности открытья,
По недавности событья.
Масса волнъ когда сперлась,
Все подѣлались *кревасъ*.
Гиды наизустъ ихъ знаютъ,
И преловко избѣгаютъ,
Даже ночью и въ туманъ,
Ме пуртанъ с'етъ эфреянъ:
Тутъ кругомъ все скользко, чисто,

Глубина аршинъ на триста,
Ширина аршина два;
Смотришь стоя, голова
Непремѣнно закружится,
И для вѣрности ложится
Испытатель-*вояжеръ*,
И тогда *иль н'а па перъ*.

Величавый и красивый,
И, по мнѣ, краснорѣчивый
И глубокой мысли полнъ,
Этотъ видъ сердитыхъ волнъ.
Навсегда оледенѣлыхъ,
Неподвижныхъ, помертвѣлыхъ.

И не такъ ли, испытавъ
Жизни суету, узнавъ,
Какъ земное измѣняетъ,
Человѣкъ охладѣваетъ,
Равнодушенъ ко всему!
Тщетно ластятся къ нему
Всѣ земныя обольщенья;
Нѣтъ любви, нѣтъ вдохновенья:
Призракъ счастья отлетѣлъ,
Онъ душой оледенѣлъ!

И не такъ ли, утомленный,
На скалѣ Святой Елены,
Руки на крестъ положивъ,
Мрачное чело склонивъ,
Баловень побѣдъ любимый,

Въ океанъ неизмѣримый
Взоры томные вперялъ,
И, безмолвный,—вспоминалъ
О своей минувшей славѣ,
Объ утраченной лержавѣ!
Плѣнъ и смерть его удѣлъ:
Онъ навѣкъ оледенѣлъ!

А быть можетъ, и кто знаетъ!
Сокровенное вѣщаетъ,
Тайное, намъ этотъ лёдъ!
Всѣхъ насъ судъ за гробомъ ждетъ,
Неумытный и грозящій!
Не огонь одинъ палящій,
Можетъ быть, сужденъ для всѣхъ:
Но иной накажетъ грѣхъ
Вѣчный ледъ и замерзанье,
Какъ прямое наказанье
Всѣхъ холодныхъ въ жизни сей
Къ скорбямъ, къ горестямъ людей;
Кѣми лишь корысть водила,
Чья душа здѣсь не любила,
Кто здѣсь жалости не зналъ,
Сирыхъ слезъ не отиралъ;
Невлекомый убѣжденьемъ,
Кто срамилъ себя гоненьемъ
Неповинныхъ, и чей вѣкъ
Только Промыслу упрекъ!

Но вдалась я въ размышленья
Философскія; мгновенья

Надо здѣсь ловить всегда:
Какъ туманъ найдетъ, бѣда!
И гулять здѣсь невозможно:
Попадешь неосторожно,
Чего Боже сохрани,
Ты въ *кревасъ, э се фини!*
Я за *гида* ухватилась,
И съ нимъ по морю пустилась,
То есть *сюръ ла меръ де гласъ.*
Горы окружаютъ насъ;
Въ именахъ не вижу толка;
Тутъ Зеленая иголка,
Тутъ Шапо гора, потомъ
Ле Пасажъ; тутъ *дю* Бонъ омъ,
Дю Жеанъ. Пока гуляли,
Мы кристалы подбирали,
Разноцвѣтные, на льду.
Я не знала, что найду
Здѣсь я рѣдкости такія.
Ручеечки небольшіе
Кое-гдѣ по льду журчатъ,
Точно *комъ де* водопадъ,
Черезъ ледяныя массы,
Устремляяся въ *кревасы.*

Взоры въ небо устремилъ
Гидъ, и вдругъ меня схватилъ,
Да и тащитъ за собою,
Весь испуганный. Не скрою,
Думала: съ ума сошелъ,

Иль такой кристалъ нашелъ,
Что не хочетъ подѣлиться;
Но велитъ онъ торопиться,
Говоритъ: настигнетъ насъ
Здѣсь такой туманъ какъ разъ,
Что и не найдемъ дороги;
Поскорѣй давай Богъ ноги,
Побѣжала во всю мочь;
И какъ онъ сказалъ,—точъ въ точъ,
Прегустой туманъ за мною
Подвигается стѣною,
Ничего ужъ не видать!

Мы успѣли добѣжать,
И достигли *Монтъ Анвера*.
Незавидная квартера;
Но насъ ждалъ *энъ дежене*,
А онъ очень нуженъ мнѣ.
Я устала, запыхалась,
Да и такъ проголодалась,
Что три съѣла колбасы.

Посмотрѣла на часы,—
Часъ восьмой ужъ на исходѣ.
О возвратномъ я походѣ
Ничего вамъ не скажу:
Нынче вспомню, такъ дрожу!
Прекрутой и преопасный!
Дождикъ вдругъ пошелъ ужасный,
Я мокрехонька въ трактиръ
Воротилась, *с'этъ а диръ*.

Платія мои Анета
Все сушила до разсвѣта.

Тутъ спросили мы *дю те*,
И сейчасъ *ну сомъ монте*
Сюръ но мюль, и понемногу
Потащились въ путь-дорогу,
Чтобъ достигнуть *ла* Тетъ Нуаръ.
Ничего нельзя *вуаръ*,
Хоть ножемъ рѣжь атмосферу;
Поклониться Монтъ-Анверу
Не могла, и Шамуни
Тоже скрылся,—*се фини*.
А дорога-то какая!
Каменистая, крутая,
Сломишь голову какъ разъ!
Дождь опять настигнулъ насъ,
Да и провожалъ все время.
Жизнь мнѣ становилась въ бремя,
И укрыться негдѣ тутъ;
Даже люди не живутъ,
Совершенная пустыня!
Какъ баллады героиня,
Я, нахохлившись, сижу
Сюръ ма мюль и вся дрожу.
Очень жалкая фигура!
И зачѣмъ пустилась, дура,
Я въ дорогу, не спросясь!
Чортъ ли мнѣ *ла меръ де гласъ!*
Если бъ знала, не рѣшилась!

Но вотъ крыша появилась
Межъ деревьевъ и корчма.
Соскочила я сама,
И ноги чуть не сломила,
Такъ войти я поспѣшила!
Восхитилась такъ тому,
Что увидѣла корчму!

Обсушились мы, поѣли,
И опять на муловъ сѣли.
Прояснились небеса.—
Ужъ сказать, что чудеса,
Виды здѣсь, какъ нѣтъ тумана!
Я обширнѣйшаго плана
Не видала.—Пеленой
Разстилались предо мной
Весь Валей и Валтелина;
Гдѣ потоки, гдѣ долина,
Гдѣ гора, гдѣ мрачный лѣсъ;
Всѣхъ мнѣ описать чудесъ
Невозможно, и молиться
Такъ и тянетъ,—и дивиться!
Какъ ничтоженъ и какъ малъ
Человѣкъ! и какъ создалъ
Богъ его, чтобъ быть владыкой
Всей природы, столь великой,
Столь могучей! и какъ онъ
Дерзновенно свой законъ
Налагаетъ на природу!

Мы хорошую погоду
Въ остальной имѣли путь,
И успѣли мы взглянуть
На Писвашъ, еще до ночи,
Какъ бѣжитъ изо всей мочи,
Среди каменныхъ громадъ,
Этотъ пышный водопадъ,
Брызги далеко бросая,
И брильянтами сверкая
Весь отъ солнечныхъ лучей!
Только выдумкою чьей
Нареченъ онъ былъ Писвашемъ?
Лучше бы, въ понятьи нашемъ,
Назывался онъ густой
Аарона бородой.

Харитонъ насъ дожидался
Очень трезвый, и признался,
Что соскучился безъ насъ.

Но пора, десятый часъ,
Ужинать и спать ложиться,
Чтобы ранѣе пуститься
Завтра намъ черезъ Симплонъ.
Извините, *се бьенъ лонъ.*

VIII.

Симплонъ.

—

Въ Мартиньи ужъ начинаемъ
Подыматься; доѣзжаемъ
Все горой *жюскъ а Сіонъ.*
Сдѣлалъ здѣсь Наполеонъ,
Общей пользой вдохновенный,
Подвигъ самый незабвенный.
Онъ природу одолѣлъ,
Покориться ей велѣлъ
Всѣмъ нуждамъ цивилизацьи;
Чтобъ могли другъ другу нацьи
Руку помощи давать,
Сообщаться, торговать,
Чтобъ туристы, вояжеры
Разъѣзжали, чтобъ рессоры
Не ломались бы всегда,
Чтобъ *а шаке па* бѣда
Не грозила,—онъ дорогу
Проложилъ, и слава Богу!
Монументъ воздвигнулъ онъ
Для себя *паръ ле* Симплонъ!

Мостъ въ Сіонѣ и руины,
Безподобныя картины!
Городъ весь Сіонъ стоитъ
На горѣ; прекрасный видъ!

Но весьма плохія зданья,
Недостойны и вниманья.

Близъ Сіона Бонапартъ
Перешелъ *ле* Сентъ-Бернандъ,
И нагрянулъ на Италью!
Кто не помнитъ про баталью,
И Маренго, и Арколь?
Кто не помнитъ, что оттоль,
Начался полетъ орлиный;
Злобной занесясь судьбиной,
Въ наши степи онъ упалъ!
Дерзновенный! возмечталъ
Въ нашу залетѣть твердыню,
Тронуть русскую святыню!
Крылья опалилъ молвѣ
Онъ въ пылающей Москвѣ!
До Парижа проводили
Мы незваннаго, сложили
Съ головы его вѣнецъ,
И надменному конецъ!

Но уже въ горахъ Альпійскихъ
Онъ узналъ Орловъ Россійскихъ;
Удивился Бонапартъ,
Какъ прошли чрезъ Сентъ-Готардъ
Наши славныя дружины!
Скалы, крутизны, стремнины,
Все сравнялось;—Русскій Богъ
Здѣсь Орламъ своимъ помогъ!
И Суворова, и Нови

Вспомнятъ, и наморщатъ брови!
Даже не дали вздохнуть!
„Гдѣ лишь вѣтеръ можетъ дуть,
„Тутъ пройдутъ полки Орлины *)!“
И какіе исполины,
Молодцы!—Въ одинъ провалъ
Князь Мещерскій вдругъ упалъ;
Только крикнулъ: вспомяните,
И въ реляцьи напишите
Обо мнѣ!—И нашъ форпостъ
Взобрался на Чортовъ мостъ,
Надъ пучинами висячій,
Проскакалъ отрядъ казачій,
Войско, какъ-то, снѣгъ и дождь
Мигъ поколебали; вождь
Подошелъ, сказалъ: „постойте,
„Не хотите?— яму ройте,
„Положите тутъ меня!“
Войско, устыдясь, стеня,
Точно вьюга устремилось,
И на Альпахъ очутилось!
Притащило на рукахъ
Артилерью въ Андернахъ,
И опять оно въ Швейцарьи!
Тутъ не нужны комментарьи,
Призадумался Французъ,
Мира проситъ; но союзъ
Оплошалъ,—засуетились,

---

*) Державинъ.

И въ Россію воротились
Наши войска, какъ гроза
Слѣдъ оставя.—И слеза
Навернется умиленья,
Какъ ихъ вспомнишь похожденья!
Почему же Русскій Бардъ
Не опишетъ Сентъ-Готардъ?—
Я никакъ не понимаю.

Я по замку заключаю,
Что и въ старину народъ
Множество давалъ хлопотъ
Здѣсь Швейцарскому начальству,
По нескромности, нахальству,
И по множеству интригъ.

Все горою, въ городъ Бригъ
Мы подъ вечеръ дотащились.
И тутъ ночевать рѣшились,
Чтобъ при солнцѣ весь Симплонъ
Переѣхать, и поклонъ
Намъ Швейцаріи отвѣсить,
И Наполеона взвѣсить
Подвигъ весь, и всѣ труды,
Генія его слѣды
Находя на всякомъ шагѣ,
И не то, чтобъ на бумагѣ,
А на дѣлѣ, *анъ натюръ*.

Бригъ, Швейцаріи *клотюръ*.
И трактиръ весьма опрятный;

Даже даръ тутъ непонятный,
Грѣлкой согрѣвать постель;
И другія *багатель*,
И перины, и подушки,
Чай, и сливки, и галушки,
Кофе, чашки, самоваръ,
Точно *кельке шозъ а паръ*.
И премилая служанка,
Вояжерамъ всѣмъ приманка,
Чрезъ Симплонъ держащимъ путь,
Здѣсь въ трактирѣ отдохнуть.—
Бригъ же самъ не живописенъ,
Ничего въ немъ нѣтъ, *зи висенъ*,
Что могло бы *экските*
Хоть *энъ пе курьёзите*.

Начинаются боренья
Человѣческаго генья
Здѣсь съ природой; и она
Геніемъ побѣждена.
Всѣ усилья безполезны:
Горы, водопады, бездны,
Рвы, пучины, груды скалъ,
Все торжественно попралъ,
Мощный геній человѣка!
И промчалось четверть вѣка,
Какъ дорогу чрезъ Симплонъ
Проложилъ Наполеонъ.
Тщетно водопадъ стремится,
Пѣнится, бурлитъ, клубится

И бушуетъ; чрезъ него
Мостъ накинутъ, ничего
Онъ ужъ болѣе не можетъ,
И безсильный, скалы гложетъ,
И какъ бѣшеный, реветъ,—
Тщетно каменный хребетъ,
Какъ препону поставляетъ,
И гора,—овладѣваетъ
Ей могучая рука:
Продолбивъ ея бока,
Въ ней проводитъ галлерею,
И идетъ дорога ею.
Тщетно грудью сталъ утесъ,—
Порохъ и его разнесъ!
Крутизна, провалъ, зыбучій,
Удержать руки могучей
Не властны;—возведена
Ей по берегу стѣна
И идетъ дорога мимо,
Безопасно, невредимо.—
Вся природа не могла
Помѣшать,—она легла
Точно лента, межъ горами,
Надъ стремниной, межъ скалами,
И торжественно лежитъ,
Какъ царица! чудный видъ!—
Такъ удавъ, со львомъ сражаясь,
И владычно увиваясь
Вокругъ звѣря, лютый гнѣвъ
Одолѣлъ, и дикій ревъ,

Всю окрестность оглушая,
И прохожихъ изумляя,
Безопасенъ, тщетенъ онъ,
Левъ удавомъ побѣжденъ!—
Здѣсь всѣ ужасы природы,
Съ горъ стремящіяся воды;
Достигающій небесъ,
И нависнувшій утесъ,—
Рвы, и скалы, и пучины,
Только дивныя картины!
Изумляютъ точно взглядъ,
Съ ужасомъ на нихъ глядятъ
Люди, но сигарки курятъ,
Веселятся, балагурятъ,
Точно будто бы ни въ чемъ.
И съ Анетой мы идемъ,
Преспокойно съ ней гуляемъ,
И цыпленка уплетаемъ.

Наконецъ вотъ и *госпись*.
И отсюда уже внизъ
Начинаемъ мы спускаться.
Стоило труда взобраться!
Муловъ съ десять запрягли,
И они едва взвезли
Грузный мой рыдванъ московскій.
Онъ, признаться, нетаковскій,
Чтобъ по Альпамъ разъѣзжать;
Но я не могла же знать,
Что здѣсь встрѣчу эти горы:

Хлопотала, чтобъ рессоры
Были крѣпки, чтобъ лежать
Можно было мнѣ и спать,
И багажъ бы въ немъ вмѣщала,
О другомъ и не мечтала.

Здѣсь *госписъ* устроенъ былъ,
Чтобъ прохожій находилъ
Въ немъ пріютъ отъ непогоды,
И чтобъ собирать доходы
Съ экипажей. Домъ большой,
Но совсѣмъ не щегольской.

На горѣ пока гуляла,
Снѣгъ Анета собирала;
И съ собою повезла:
Но растаялъ онъ въ каретѣ,
И сгрустнулося Анетѣ;
Вздумалось ей: я-де такъ
Здѣсь исчезну, какъ землякъ!

Нашъ рыдванъ подтормозили
Постильоны, *эмбесили*,
Но во всю пустились прыть.
Не могу теперь забыть,
Какъ мнѣ страшно показалось:
Поминутно намъ являлось
Чудо новое,—гора
Передъ нами—въ ней дыра;
Издали продѣть иголки
Невозможно, одноколкѣ

Не проѣхать; *па дю ту:*
Подъѣзжаемъ,—гору ту
Галлерея просѣкаетъ,
И карета проѣзжаетъ,
Какъ по Невскому, по ней.
Тутъ бѣжитъ изъ мочи всей
Водопадъ, реветъ и вопитъ,
Ну, того гляди, утопитъ!
Па дю ту:—онъ обойденъ,
Мостомъ дивнымъ обведенъ,
И проходитъ подъ дорогой,
Точно какъ ручей пологій.
Тутъ утесъ, тутъ крутизна;
Думаешь: вотъ тебѣ на!
Какъ зацѣпимъ,—мы пропали!
Но мы славно проскакали
Всѣ опасности пути;
Даже удалось найти,
Среди дебри той суровой,
А Симплонъ, обѣдъ готовый.
Деревушка *ле* Симплонъ,
Но свое далъ имя онъ
Всей дорогѣ той чудесной,
И тѣмъ сдѣлался извѣстный.
Почему его избралъ
Бонапартъ? никто не зналъ,
И не знаетъ и донынѣ.—
Онъ стоитъ не въ серединѣ,
Не въ концѣ, *ме с'етъ энъ соръ!*
Безъ сомнѣнья это вздоръ;

Но кончается Швейцарья,
И нельзя жъ безъ *комментарья!*

Италія.

I.

Введеніе.

—

Только выбрались изъ горъ,
Изъ опасностей, нашъ взоръ
Вдругъ Италью открываетъ;
И она себя являетъ,
Въ полномъ блескѣ, красотѣ.
Какъ волшебница,—какъ тѣ
Баснословныя видѣнья,
Неземныя сновидѣнья,
Что поэту суждены
Въ дни святой его весны:
Все тутъ ароматомъ дышетъ!
Листія едва колышетъ
Упоительный зефиръ;
Тутъ природы дивный пиръ;
А притомъ,—воспоминанья,
Всѣ разсказы, всѣ преданья
Незабвенной старины,
Вдохновенія полны,
Такъ ко мнѣ и вѣютъ съ дола!—
Наконецъ въ Домо д'Осола

Мы пріѣхали:—гора
Тутъ кончается,—ура!
Мы въ Италье̂, чудо, просто!
Тассо, Данте, Аріосто!
Мнится мнѣ, я слышу васъ,
И въ душѣ такой *экстасъ*,
Что сама бы я запѣла!

Здѣсь порядкомъ я успѣла
И поѣсть, и отдохнуть,
И пускаюсь снова въ путь.
Открывается картина
Безподобная: долина
Вся цвѣтущая, ручей
Изливается по ней;
Все луга, сады и розы;
Виноградныя тутъ лозы
Межъ деревьями висятъ,
Какъ гирлянды; и нарядъ
Тутъ гуляющихъ крестьянокъ,
Живописныхъ Итальянокъ;
Звуки музыки, дома,
Хоть кого сведутъ съ ума!
Здѣсь ужъ все Италье̂й дышитъ!
И душа какъ будто слышитъ,
Что въ классической странѣ
И въ завѣтной старинѣ
Свѣтлою мечтой гуляетъ.
Чрезъ долину пролегаетъ
Мостъ великолѣпный тутъ:
Креволо его зовутъ.

Все въ Италье, какъ извѣстно,
Живописно, интересно;
Надобно похлопотать,
Чтобъ и это описать.—

II.

Боромейскіе острова и Комо.

—

Вотъ достигли мы Бавены.
Тутъ роскошнѣйшія сцены,
Новыя, встрѣчаетъ взоръ,
Близъ дороги, между горъ,
Озеро лежитъ большое,
Совершенно голубое;
Какъ лазурь, его вода;
И по немъ—вездѣ суда
Разъѣзжаютъ—и какіе
Острова тутъ щегольскіе!
Всѣ другіе острова
Передъ ними трынь-трава:
Калипсо, Пафосъ, Цирцеи
Всѣхъ заткнули Боромеи
За поясъ.—Межъ островковъ
Главный—островъ рыбаковъ,
Гдѣ развѣшены все сѣти,
И бѣлье полощутъ дѣти.
Островокъ другой—скала
Съ башенькой: она была

Въ родѣ какъ бы кордегарда
Пяти братіевъ Мадцарда.
Промыселъ ихъ былъ разбой;
Навели здѣсь страхъ такой,
Что и ѣздить не рѣшались.
И ходить здѣсь всѣ боялись,
И весь край былъ *аларме*.
Но какой-то *Бороме*,
Знатный баринъ изъ Милана,
Захватилъ ихъ атамана,
Брата старшаго, и въ мигъ
Всѣхъ переловилъ другихъ;
Все ихъ прежнее владѣнье,
Обративъ въ свое имѣнье,
Онъ построилъ тутъ дворецъ
Безподобный; но конецъ
Тѣмъ разбою не положенъ,
И разбой не уничтоженъ,—
Здѣсь онъ новый принялъ видъ:
Грабитъ васъ трактирщикъ жидъ,
Особливо *а* Бавена.—
Въ формѣ только перемѣна;
А кто въ руки попадетъ,
Ужъ того онъ обдеретъ!
Счетъ такой ему представитъ,
Что копѣйки не оставитъ;
И суда ты не проси,
Не найдешь его *иси*.
У него въ рукахъ полицья,
И на хлѣбахъ вся юстицья.

Только въѣхали, сейчасъ
Массой окружили насъ:
И гарсоны, и мамзели,
Здѣсь служащіе въ отели,
И откудова взялись?
Тьфу ты пропасть! провались!
Точно воровская шайка!
А хозяинъ и хозяйка,
Появились у дверей:
Такъ глядятъ, что *л'онъ дире*,
Будто оцѣнять насъ стали:
Миледи сперва назвали,
Тамъ *контесъ*, а тамъ *пренсесъ*.
Тутъ хозяинъ мнѣ поднесъ
Книгу, чтобъ я расписалась;
И я долго любовалась
Этой книгой: *кель юзажъ!*
Всѣ исписаны *ле пажъ*.
Имя, званье и примѣты,
Жительство, и цѣль, и лѣта,—
И какъ много тутъ имянъ,
Особливо Англичанъ!
Они точно наводняютъ
Л'Итали; но разъѣзжаютъ,
Впрочемъ, нынче уже всѣ,
Э ле Рюсъ, э ле Франсе,
Для моціона, для движенья.
Посмотрите прибавленья
Хоть вѣдомостей столицъ;
Вѣрно нѣсколько страницъ:

Господа, артисты, дамы,
И купцы, и даже хамы,
Капельмейстера жена.
А любимая страна
Всё Италья;—и понятно:
Какъ тамъ весело, пріятно!
А притомъ какая честь:
Въ генеральши произвесть
Всякъ готовъ за восемь гривенъ!
Даже тотъ примѣръ не дивенъ,
Что трактирный вдругъ поэтъ
Поднесетъ тебѣ сонетъ,
Гдѣ сравнитъ тебя съ Венерой;
И твоихъ достоинствъ мѣрой
Здѣсь одинъ твой кошелекъ.
Кто копѣйку приберегъ,
Тотъ ступай въ Италью смѣло.
Деньги есть, такъ въ шляпѣ дѣло!

Вотъ *рефлексіи* сюжетъ:
Дамамъ всѣмъ здѣсь тридцать лѣтъ,
Сорокъ два всѣмъ кавалерамъ;
А ужъ титламъ и *гонёрамъ*
Просто даже нѣтъ конца!
Именитаго лица
Титулъ каждому достался;
Напримѣръ: здѣсь записался
Нашъ какой-то вояжеръ,
Ліетенанъ де л'Амперёръ.
Какъ, я чай, за нимъ ходили,

Величали и честили
Здѣсь его за должность ту!
Онъ поручикъ, *воала ту;*
Англичане всѣ милорды;
А какъ поглядѣть на морды,
Пивоваромъ назовешь
Хоть кого, такъ не соврешь.
А Французы съ бородами,
Всѣ ужъ графы, и словами
Закидаютъ; а я чай,
Какъ себя ни величай,
Дома просто парикмахеръ;
Но такой ужъ *шахеръ махеръ*
Есть у нихъ, что я сама
Отъ Французовъ безъ ума!
Нѣмецъ, поглядишь, профессоръ,
Иль гофратъ, или ассессоръ,
И навѣрное ужъ *фонъ!*
Этой книги *се ле тонъ!*
Пишутъ тутъ же о трактирѣ,
Что его нѣтъ хуже въ мірѣ;
Что хозяинъ ободралъ;
И что кушанье онъ далъ
Нехорошое, гнилое;
Или что нибудь другое.
Тутъ найдете и стихи,
И какія чепухи...
Мятлева я отыскала...
Кстати жъ, про стихи, сказала:
Онъ на нихъ собаку съѣлъ;

Даже многимъ надоѣлъ!
Ба! Иванъ Иванычъ тоже,
Нотръ ами; что вижу, Боже!
И прелестная *пренсесъ*,
О которой, *же конфесъ*,
Отъ Бадъ-Бадена доселѣ
Я мечтала.—Въ самомъ дѣлѣ,
Весело здѣсь разбирать
Эти книги; отыскать
Трафится подъ часъ иную
Иллюстрацію такую,
О которой слѣдъ простылъ;
Но регистръ здѣсь сохранилъ
Прежній титулъ невредимо,
Хоть прошла фортуна мимо.

Записала здѣсь и я,
И записка вотъ моя:
„Акулина Курдюкова,
„*Рюсь*, изъ города Тамбова,
„Барыня, *пропріетеръ;*
„Разъѣзжаю *пуръ аферъ;*
„Третій съ небольшимъ десятокъ;“
Тутъ отъ головы до пятокъ
Расписала мой портретъ;
Изъ учтивости, Анетъ
Компаньёнкою назвала;
Харитона жъ величала
Я курьеромъ. *Л'обержистъ*,
Какъ увидѣлъ этотъ листъ,

Съ Харитономъ подружился;
Но онъ сколько съ нимъ ни бился,
Тотъ ему не отвѣчалъ,
Только головой качалъ.

Впрочемъ, я не самозванка,
Я Россійская дворянка.
У меня въ гербѣ курдюкъ,
Прадѣдъ нашъ *с'ететъ-энъ дюкъ*,
Энъ начальникъ надъ стадами,
Что съ большими курдюками,
Тамъ, *ла ба, ше ле* Киргизъ;
А нашъ дѣдушка, *сонъ фисъ*,
Перешелъ къ намъ волонтеромъ,
И записанъ офицеромъ
У линейныхъ казаковъ,
По фамильѣ Курдюковъ.

Чай и ужинъ я спросила;
Острова же положила
Осмотрѣть я поутру.
Пуръ Бавена, *с'етъ энъ тру;*
Но трактиръ довольно чистый,
А хозяинъ прерѣчистый:
Онъ подробно разсказалъ
Мнѣ Бавены весь журналъ;
Говорилъ о Бонапартѣ;
Но и помѣстилъ на картѣ
Всѣ учтивости свои
И отвѣты всѣ мои.

Я порядкомъ поплатилась,
И на острова пустилась.

Къ намъ причалилъ *энъ бато*,
И мы сѣли *осито*.
Хоть съ холстинною палаткой,
Но *бато* довольно гадкій;
Даже и подушекъ нѣтъ,
Хоть стоялъ онъ и *анъ тетъ*,
Главнымъ, въ лодочной эскадрѣ.

Въ Изола *д'аборъ* мы *мадре*
Приплываемъ.—Славный паркъ
Англійскій, *э же ремаркъ*,
Что растеній тутъ коллекцья
Всѣхъ земель; оно какъ лекцья
Намъ; *комъ, ки дире, пратикъ*
Анъ пасанъ де ботаникъ.
Чая, камфоры, корицы
Тутъ деревья, и теплицы,
Гдѣ большой наборъ цвѣтовъ;
Ели разныхъ тутъ сортовъ
И чудесныя аллеи
Развели тутъ Боромеи,
И куртины.—*Се плезанъ*,
Какъ спокойно *ле фазанъ*
По аллеямъ здѣсь гуляютъ:
Никогда въ нихъ не стрѣляютъ.
Есть большой старинный домъ
Въ запущеніи большомъ;
Въ немъ хозяинъ не бываетъ,

Никогда не обитаетъ:
Видно всякій Боромей,
Какъ нашъ Русскій Еремѣй,
Про себя лишь разумѣетъ,
И какъ знаетъ, такъ владѣетъ.
Я бы, право, предпочла
Этотъ островъ: тутъ нашла
Я природы всей приволье,
Настоящее раздолье.
А въ томъ островѣ она
Вся искусствомъ стѣснена,
Анъ аби де куръ, Феналла.
Но пора въ Изола-Белла:
Главный островъ такъ зовутъ;
Много прелестей и тутъ.

Ужъ покуда приплывала,
Отъ восторга я кричала:
Богатѣйшій, чудный видъ!
Точно *комъ юнъ пирамидъ*.
Форма собранной тутъ массы
Зелени, и все террасы
Другъ на другѣ, *дизъ* иль *онзъ*;
На верху жъ стоитъ, *анъ бронзъ*,
Пребольшущая Ликорна!
Каково? прошу покорно,
Какъ взвезли туда ее!

Но вниманіе мое
Я сначала обратила
На дворецъ, куда входила

Съ нами *тутъ юнъ просесьонъ.*
Признаюсь, *се ма пасьонъ*—
Слѣдовать за крестнымъ ходомъ.
Посреди толпы, съ народомъ,
Я и шла; но вдругъ *кустодъ*
Знать замѣтилъ насъ, и вотъ
Поклонился намъ учтиво,
И просилъ велерѣчиво,
Чтобъ мы съ нимъ вошли въ *салонъ;*
И намъ двери отперъ онъ.
Согласясь, я улыбнулась,
А процесья потянулась
По саду.
Ле бель-этажъ
Осмотрѣли мы; какъ пажъ,
Ле кустодъ ходилъ за мною;
Богатѣйшею рукою
Точно убранъ *се пале;*
Рококо, са ву вуле,
Но вся мебель золотая,
Бархатная, и какая
Рѣдкостей коллекцья здѣсь,
Люксъ старинный точно весь;
Прероскошные покои,
Штофные вездѣ обои,
И парадная кровать,
А при ней, какъ бы сказать,
Бенитье съ святой водою,
Весь изъ золота, съ рѣзьбою
И съ каменьями; топазъ,

Изумруды и алмазъ
Размѣстилъ, какъ видно, *тутто*
Въ немъ Челлини Бенвенуто.—
Зеркала есть, *де* каминъ,
И штукъ съ семьдесятъ картинъ;
Даже мало имъ и мѣста;
Написалъ ихъ всѣхъ Темпеста.

Про него есть анекдотъ:
Былъ женатъ Темпесто тотъ,
Но въ другую такъ влюбился,
Что съ ней вмѣстѣ согласился
Онъ жену свою убить;
И интриги этой нить
Довела до преступленья.
Возродились подозрѣнья,
Начали его искать;
Оставалось убѣжать,
Или гдѣ нибудь укрыться.
Надобно же такъ случиться,
Что о томъ былъ *энформе*
Здѣшній баринъ *Бороме.*
Онъ и пріютилъ Темпесту,
А съ нимъ также и невѣсту
Соучастницу къ тому жъ;
Здѣсь Темпеста сталъ ей мужъ;
Но укрыть отъ угрызенья,
Отъ душевнаго мученья,
Се пале его не могъ.
Онъ, бѣдняжка, занемогъ.

Боромей, для излеченья,
Родъ придумалъ развлеченья.
Кисти, холстъ ему купилъ,
За палитру усадилъ,
И Темпесто Боромею
Написалъ всю галлерею,
Семьдесятъ почти картинъ.
И во всѣхъ сюжетъ одинъ:
Завыванье непогоды,
Бури, ужасы природы;
Но артистъ, что ни пиши,
Положеніе души
Изливается невольно;
А Темпестѣ было больно
Грѣхъ свой тяжкій вспоминать;
И должна была страдать
Здѣсь душа его, и горе
Бушевало въ ней какъ море.
Тутъ второй жены портретъ:
Хороша, въ томъ слова нѣтъ,
Только ненависть и злоба
Такъ у ней и смотрятъ въ оба.

Въ нижній мы сошли этажъ;
Стѣны всѣ, *анъ кокильяжъ*,
Преузорно тутъ обиты;
Кажетъ за̀мокъ Амфитриты
Иль Нептуна, средь морей,
Подъ волнами; *л'онъ дире*
Тотчасъ явятся Тритоны

И Наяды;—всѣ колонны
Мраморныя; *ле корнишъ*,
Рамы, плинтусы, *тре ришъ*;
Плещутъ кое-гдѣ фонтаны;
Кресла, стулья и диваны
Стиль имѣютъ какъ-то свой;
Кабинетъ тутъ восковой
Разныхъ фруктъ, цвѣтовъ; Монгола
Куклы двѣ; и изъ *Скаіола*
Всѣ полы; и наконецъ
И Кановы тутъ рѣзецъ
Отличался, и въ пещеру
Здѣшнюю онъ ввелъ Венеру.—

Тутъ на лонѣ спитъ она:
Въ нѣгѣ томной, среди сна,
Такъ раскинулась прекрасно;
Такъ мечтаетъ сладострастно;
Грудь колеблется; краса
Вся наружи; волоса
Будто вѣтерки разносятъ;
Будто поцѣлуя просятъ
Только дивныя уста,
Чтобъ открыться, и мечта
Упоительно объемлетъ
Всякаго; и онъ не внемлетъ
Ничему; одна любовь
Всю его волнуетъ кровь!
Но мнѣ этого не нужно,
Я мадамъ—и недосужно;

Дамъ на водку, и пойду
Погулять *энъ пё* въ саду.

Садъ прекрасно разрисованъ.
И на сводахъ весь основанъ,
И обдѣланъ каждый сводъ
Въ натуральный будто гротъ;
А поляны всѣ въ куртины;
Безподобныя картины!
И деревья тамъ и тутъ,
Симетрически растутъ,
И особеннаго класса
Каждая въ саду терраса;
Тутъ простыхъ деревьевъ рядъ,
А повыше ужъ висятъ
На деревьяхъ апельсины,
Померанцы; тутъ малины
И смородины кусты;
Тутъ фонтаны, тутъ цвѣты;
Тутъ роскошная магнолья;
Ну, такого ужъ раздолья
Нѣтъ нигдѣ!—Вотъ, *антре ну*,
Говорили въ старину
Про сады Семирамиды;
Кажется мнѣ, безъ обиды
Можно ихъ не уронить,
Если съ этими сравнить.
Вотъ на самый верхъ взобралась;
Тутъ ликорной любовалась;
Боромеевъ гербъ она.

Дорожила старина
Этимъ зàмкомъ феодальнымъ,
Чтобъ въ колѣнѣ самомъ дальнемъ
Доблесть помнили отцовъ,
И не прятали концовъ,
Какъ теперь, подъ складки блузы,
Какъ ихъ спрятали Французы,
Съ умысломъ, сомнѣнья нѣтъ,
И какъ нынче наши *бетъ*,
Ихъ примѣру подражая,
Приняли, не замѣчая,
Роль весьма не *седюизанъ*,
Безтолковыхъ обезьянъ!

Сверху видъ весьма пространный;
Но эффектъ его престранный.
Тутъ вдали встрѣчаетъ взоръ
Цѣпь Альпійскихъ дикихъ горъ;
Тутъ любуется дорогой
Онъ обдѣланной, пологой;
А тутъ въ зеркалѣ воды
Отражаются сады
И роскошныя палаты
Боромеевъ; и объяты
Пламенемъ высокихъ чувствъ,
Мы поэзію искусствъ
И природы ублажаемъ,
Ихъ душою понимаемъ,
И привѣтствуемъ ихъ міръ.—
Воротилась я въ трактиръ,

Отдохнула и поѣла,
И въ Арону полетѣла.

Есть въ Аронѣ *юнъ статю,*
Въ память, видно, *де вертю*
Карла Боромея, дѣда
Нынѣшнихъ; его побѣда
Знаменита надъ чумой.
Мнѣ не вѣрилось самой,
Что не башня, а статуя
На горѣ; и я, толкуя
Съ почтальономъ, *ле коше,*
Говорила: *се клоше!*
И онъ сталъ тому смѣяться,
И сказалъ мнѣ: помѣщаться
Могутъ въ ней персонъ хоть шесть;
Если кушанье принесть
Въ Боромееву статую,
Лѣстницу найдешь крутую,
И ступай хоть *данъ ле не,*
Если хочешь *дежене.*
И я очень удивилась,
По войти я не рѣшилась,
Потому что я толста;
Же не сви пазъ-анъ эта
Даже и пролѣзть въ статую;
Сцену сдѣлаю такую,
Что смѣяться будутъ мнѣ:—
Чего *Дье на па доне.*
Тутъ найдутъ предметъ *легенды!*—

И достичь *Сесто Календы*
Мнѣ пора бы, *же л'аву;*
Озеро переплыву,
Въѣду наконецъ въ Ломбардью,
И таможенную гвардью
Тамъ найду; *эль э северъ;*
Трудно съ ней имѣть *аферъ.*

Здѣсь курьезнаго не встрѣтишь
Ничего; одно замѣтишь:
Черезъ озеро паромъ,
Переправилась на немъ,
И таможни достигаю;
Поразшарятъ, ужъ я знаю,
Думала; но на паспортъ
Посмотрѣлъ какой-то чортъ
Старый, въ старомъ сюртучишкѣ,
Расписаться на афишкѣ
Приказалъ, и отпустилъ;
Только книжку захватилъ
Пѣсенъ Беранже и сказки
Де Бальзакъ, что безъ развязки.
Харитонъ на водку далъ,
И рыдванъ мой поскакалъ
По дорогѣ *де* Варезе.

Ужъ скажу *ке бель паэзе!*
Безподобный пеизажъ:
Все сады тутъ, *де виллажъ,*
Виллы, рощицы, ограды;
Межъ деревьевъ винограды

Составляютъ *комъ юнъ вутъ.*
Весело и ѣхать тутъ;
Сердцу, кажется, знакомо.

Только ночью въ городъ Комо
Мы пріѣхали; *де л'анжъ*
Тутъ трактиръ, *э л'онъ и манжъ*
Хорошо, какъ мнѣ сказали,
Да и тутъ же доказали:
Ужинъ дали щегольской!
Изъ трактира видъ какой!
Гавань, полная народомъ,
Съ лодками и пароходомъ;
Озеро *д'энъ тре бо стиль,*
А тутъ площадь *э ла виль.*

Только что я встать успѣла,
Тотчасъ городъ осмотрѣла:
Онъ хорошъ, *иль н'е па маль.*
Есть большая катедраль,
И лицей, и академья:
Юнъ статю, какъ будто премья
Вольту, *пуръ ле галванизмъ*
Здѣсь стоитъ; патріотизмъ
Комо этимъ отличился;
И скульпторъ распорядился,
Чтобъ тутъ Вольтовъ столбъ стоялъ
Изъ рублевиковъ; убралъ
Самого жъ шинелью, фракомъ,
Надѣлилъ надменнымъ зракомъ;
Точно будто *конкеранъ.*

И по мнѣ, *иль а се ранъ!*
Онъ завоевалъ науку:
Выкинулъ такую штуку,
Съ мѣдью цинкъ когда случилъ,
Что возможность получилъ
Съ электричествомъ равняться,
Даже съ нимъ и состязаться.

Пироскафъ ушелъ *тро то;*
Такъ взяла я *энъ бато,*
То есть собственную лодку.
Болѣе гребцамъ на водку
Я конечно заплачу;
Но за то, куда хочу
Я поѣду невозбранно,
И свободно и пространно
Осмотрю, что только есть—
И скажу, здѣсь лодкамъ въ честь,
Что прекрасное устройство
И *конфортъ,* и все спокойство.
По середкѣ столъ стоитъ,
И матерьею обитъ
Зонтикъ, и подушки тоже;—
На бесѣдочку похоже.
Очень ловко было мнѣ;
Я взяла *энъ дежене,*
И отправилась съ Анетой.

Точно щеголь разодѣтый,
Межъ озерами *маркизъ,*
Это озеро кажись.

Что-то барское, бонтонно,
Живописно, благовонно,—
Всё прекрасные сады,
Зáмки, дачи, всѣ слѣды
Утонченности и вкуса.
Миѳологіи боюся,
А хотѣлось бы сказать,
Что изъ озера играть
Вышли на берегъ русалки,
Эти *виллы*, *Одескалки*,
Женно, *Пиццо*, *вилла д'Эстъ*;
И не то, чтобы *модестъ*,
Королевскія палаты!
Такъ роскошны, такъ богаты!
Всё цвѣты *сюръ ле террассъ*,
И вездѣ *конфорта трасъ*;
А кругомъ скалы.—Сначала
Прямо въ *виллю д'Эстъ* пристала;
Тутъ богатый, славный домъ,
И террасы все кругомъ,
Рѣдкостей же нѣтъ ни сколько;
Залы, садъ большой, и только.
Въ ней жила *Пренсесъ де Галь*.
Вензель только *данъ ла саль*
И театръ здѣсь сохранили:
Но ее здѣсь не любили,
И не помнятъ ужъ о ней.

Къ лодкѣ воротясь моей,
Къ Франку, доктору, на дачу

Завернула, на удачу.
Здѣсь близехонько она;
Но такая сторона,
Что нѣтъ докторамъ и дѣла,
Я жъ съ нимъ видѣться хотѣла,
Чтобъ узнать, что ѣсть могу,
Чтобы было *а монъ гу*
И въ Итальѣ не опасно.—
Принялъ онъ меня прекрасно;
И любезенъ, и уменъ;
Русскихъ очень любитъ онъ;
Знаетъ Русскую натуру.
Здѣсь онъ дѣлаетъ фигуру;
Часто ходятъ на совѣтъ:
И Наслѣдника портретъ
У него виситъ въ гостиной.
Но вояжъ еще мнѣ длинный
Озеромъ,—*э же ле китъ.*
Продолжался мой визитъ
Полчаса.—Я съ нимъ простилась,
И плыть далѣе пустилась.

Разбѣгается мой взоръ,
Эти *виллы* между горъ,
Эти рощи, водопады,
Померанцы, винограды
И оливы тутъ и тамъ,
По роскошнымъ берегамъ,
Пышные дворцы, селенья,
И эффекты отраженья

Этого всего въ водѣ,—
Я подобнаго нигдѣ
Не увижу; какъ красиво!

Вотъ и *вилла* Самарива!
На горѣ стоитъ дворецъ,
Но близь озера конецъ
Парка чуднаго и сада.
Перистиль и колоннада
Безподобны, а внутри
Дивно, гдѣ ни посмотри,
Вкусомъ, выборомъ, манерой.
Межъ картинъ, Амуръ съ Венерой
Здѣсь *Апьани; юнъ Жокондъ*
Очень цѣнитъ *ту ле мондъ,*
Потому-что рѣдки нынче
Всюду Леонарды Винчи.—
Между статуй, Паломедъ
Де Канова; видѣнъ слѣдъ
Вкуса, генья отпечатокъ;
Вплоть, отъ головы до пятокъ,
Вся статуя говоритъ;—
Въ томъ Канова и *меритъ*:
Жизни духъ какъ бы запаянъ
Въ мраморъ, если имъ изваянъ.
Но искусства образецъ
И Торвальдсена рѣзецъ
Здѣсь являетъ—похожденья
Александра;--выраженья
Не найду, чтобъ передать,

Что за прелесть! Ну сказать,
Словомъ, торжество скульптуры!
Разныя еще фигуры
Де псише, де кюпидонъ
Тутъ найдешь; *мезъ алонъ донъ*—
Ихъ описывать не стоитъ.
Но меня то безпокоитъ,
Что еще далекій путь:
Хорошо бъ на все взглянуть,
Хотя мелькомъ; а *домани*
Быть ужъ надобно въ Миланѣ,

Къ лодкѣ воротясь бѣгомъ,
Я поѣхала: кругомъ
Дивные все пеизажи;
Горы, рощицы, *вилажи!*
Лекко, гдѣ Манзони взялъ
Спозовъ, милый идеалъ,
Ищетъ мысль моя здѣсь бабья.—
Вотъ достигли Коденабья;
Рыбаковъ тутъ *ранде-ву*.
Я теперь переплыву
На ту сторону; *вилажьо*
Тутъ по имени Беллажьо,
И трактиръ хорошій тутъ,
Виллу жъ на горѣ зовутъ,
Помнится мнѣ, Сербеллони,
Видъ тамъ чудный на балконѣ!

Но пора ужъ мнѣ назадъ,
Этихъ дачъ здѣсь цѣлый рядъ.

Болѣе другихъ примѣтна
Вилла Мельдзи: прекокетна!
Много статуй и картинъ;
Роскошь мебелей; одинъ
Тамъ портретъ Наполеона
Стоитъ истинно поклона.
Паръ Апьани;—получилъ
Его Мельдзи самъ, какъ былъ
Предсѣдателемъ Милана.

Наконецъ вотъ и Плипьяна!
Въ ней роскошный водопадъ,
И бѣжитъ онъ прямо въ садъ
Здѣсь съ утеса прекрутаго,
Близъ квадратнаго большаго
Дома, коего стѣна
У горы возведена.
А отъ дома мостъ проходитъ
Черезъ водопадъ, наводитъ
Страхъ на всѣхъ, кто поглядитъ,
Какъ вода клубясь бѣжитъ!
Но вотъ чудо, кромѣ шутки,
Истощается онъ въ сутки
Раза съ два, и нѣтъ воды.
Дива этого слѣды
И причину ужъ искали
Оба Плинья,—написали
Каждый свой о томъ трактатъ;
И вѣковъ тому назадъ
Ужъ осьмнадцать, это странно,

Какъ природа постоянно
Чередой своей идетъ;
А что смертный создаетъ,
Рушится и истлѣваетъ.
Здѣсь хозяинъ не бываетъ,
Даже не живетъ никто.

Дальше ѣдетъ *ле бато;*
Скоро доплывемъ, и баста!
Но вотъ *вилла* мадамъ Паста,
Между скалъ и лѣсомъ тутъ.
Я любуюсь на пріютъ
Той пѣвицы вдохновенной,
Слава чья, по всей вселенной,
Такъ молвой разнесена.
Но вотъ и сама она
На балконъ свой выступаетъ,
Артишоки покупаетъ,
И торгуется за грошъ.
Какъ нарядъ ея хорошъ!
Чепчикъ старый, душегрѣйка;
А, я чай, вѣдь есть копѣйка
У бѣдняжки, про запасъ.

Вотъ по сторонамъ у насъ
Торно, Вико и какъ разъ
Въ гавань въѣдемъ. Слава Богу!
Завтра раньше въ путь-дорогу;
Нынче поздно, *э же фенъ.*
До свиданья жъ, *а деменъ!*

III.

Миланъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Вотъ я въ городѣ Миланѣ!
Точно въ радужномъ туманѣ
Погрузясь, мечта моя
Расходилась, вижу я:—
Все минувшее очнулось,
Оживилось, встрепенулось,
Да и стало предо мной,
Такъ какъ листъ передъ травой!
Вижу: Лонгобардовъ нацью;
Шарлеманья коронацью;
Старика *Піеръ л'Ермитъ*,
Какъ онъ за собой манитъ
Православныхъ въ Палестину;
И принцесу Валентину
Вижу бѣдную въ слезахъ;
Вижу, какъ наводятъ страхъ
Тутъ *Висконти*, а тутъ *Сфорца;*
Шарлекена ратоборца
Вижу съ Королемъ *Франсуа;*
И, престранно *пуръ муа*,
Вижу Папу Гильдебрандта,
Настоящаго гиганта
Самовластья *де л'эглизъ!*
Передъ нимъ, что *Леонъ Дисъ*,
Сиксте Кенъ? ну, просто пѣшки!..

Каковы его насмѣшки
Съ *Гаǹри Катромъ ̀л'Ампереръ?*
Страшны—*ма пароль д'онеръ!*
Вотъ желѣзная корона
На главѣ Наполеона,
И при немъ побѣды сынъ,
Принцъ Евгеній, исполинъ,
Витязей остатокъ вѣка!
Безъ боязни, безъ упрека,
Честь и вѣрность на щитѣ,
И въ могучей красотѣ!

Такъ въ пылу моихъ мечтаній,
Зазѣвалась я въ компаньи
Знаменитыхъ этихъ лицъ;
Какъ вдругъ подошелъ Австрицъ,
Полицейскій *беобахтеръ*,
Спрашивать про мой характеръ!
А какая нужда чай
До меня? Нѣтъ! отвѣчай
Или въ городъ не пускаетъ,
И шлахбаумъ не подымаетъ!
Мой характеръ: тихъ и добръ,
Я сказала: *же сви собръ*,
Не кокетка, не жеманка,
И не сплетница;—дворянка,—
Какъ дворянкѣ быть должно!
Ха, ха, ха! ему смѣшно
Показалось объясненье.
Точно, недоразумѣнье

Вышло: нуженъ былъ паспортъ.
Ну, спросилъ бы старый чортъ!
Вотъ онъ взялъ паспортъ, читаетъ,
И съ натурою свѣряетъ
Мой портретъ, *синьяллеманъ*,
Писанный *анъ аллеманъ*.
„Кругловатая фигура;
„Волосами бѣлокура;
„Щеки вздутыя; а носъ
„Плосковатый и курносъ;
„Ротъ съ претолстыми губами;
„Ростъ аршина два съ вершками...
„А особенныхъ примѣтъ,
„Кромѣ бородавки, нѣтъ!"
Все исчисливъ по портрету,
Харитона и Анету
Онъ не сталъ ревизовать;
Да какая бы и стать?
Это люди крѣпостные,
Ужъ не могутъ быть иные
Какъ въ ревизскихъ внесены!
Вотъ въ Миланъ мы впущены.

Городъ, Питера не хуже,
Только улицы поуже.
Кирка есть *е де пале*,
Даже есть, *си ву вуле*,
И *бо мондъ*, и экипажи;
Только разница въ *атлажѣ*.
Не четверкой на уносъ,

Какъ у насъ;—по мнѣ, вопросъ:
Не они ли въ этомъ правы?
Хоть разсмотримъ для забавы
Нашъ Россійскій *ателажъ!*
Этотъ дикій *ассамблажъ*
Разношерстныхъ и усталыхъ
Лошадей, большихъ и малыхъ,
Скачущихъ во весь опоръ;
Хомуты, на мѣсто шоръ,
Связанные ремешками;
Надъ передними конями
Властелинъ *пети гарсонъ,*
Деревенскій *полисонъ;—*
Онъ задорливый и смѣлый,
Раскричась какъ угорѣлый,
Барабанитъ лошадей
Плетью, свитой изъ ремней;
А на козлахъ, для *контраста,*
Рожа старая брадаста,
Русскій нашъ *Автомедонъ;*
И его не жди *пардонъ!*
Лошадь справа—коренная;
Знать судьба ея такая,—
Она прямо подъ кнутомъ;
Такъ и бьетъ ее *сетъ омъ,*
Безъ разбора, безъ отлички,
Только просто по привычкѣ!
Отъ переднихъ лошадей,
Нѣсколько аршинъ ремней,
Анъ гирландъ, висятъ до дышелъ!—

Ну нельзя, чтобъ тутъ не вышелъ
Аксиданъ, и *Діе се келъ!*
Совершенный *пеле мель*
Данъ ле съѣздъ, на поворотахъ,
Въ перекресткахъ и въ воротахъ,
Только кучеръ заглядись;
И какъ терпитъ *ла полисъ!*

Вотъ извѣстный *аркъ Симплона;*
Строенъ въ честь Наполеона;
Какъ сломили *сонъ эпе,*
Онъ сталъ аркомъ *де ла пе;*
И стоитъ ужъ въ честь Франциска!
Нечего сказать, пресклизка
Почестей стезя, *временъ!*
Даже пуръ ле монюманъ
Новые явились шефы.
Измѣнились барельефы,
И опять онъ *апропо*
Всѣхъ преданностей депо!
Не такая ли карьера
И инаго Каммергера?
Былъ *ройомъ*, тутъ сталъ *импиръ;*
Онъ перемѣнилъ мундиръ,
И по прежнему дежуритъ,
Шаркаетъ и балагуритъ,
По пословицѣ, *не с'па:*
Кто ни попъ, тотъ и папа!

Вотъ тутъ *сиркусъ олемпикусъ!*
Ну, будь сказано не въ пику-съ

Вамъ, честные господа,
Де Миланъ не тѣ года,
Да не тѣ уже и вѣки;
Да и сами вы не Греки!
Миновалась *сетъ эпокъ*,
Гдѣ лавровый былъ вѣнокъ
Общей цѣлью состязанья!
И другаго воздаянья
Не хотѣлъ, кто побѣдитъ,
А ла курсъ перебѣжитъ,
Иль въ нарядной колесницѣ
Пролетитъ подобно птицѣ,
Иль поборетъ *сонъ риваль*,
Иль сразитъ *энъ анималь:*
Тигра, льва, пантеру, барса!
Даже и такого фарса,
Чтобы жизнь за то отдать,—
Никому и не съиграть!
И народъ теперь толпою,
Какъ волна въ слѣдъ за волною,
Не нахлынетъ *данъ л'аренъ!*
Наберутъ,*а пенъ, а пенъ*,
Для торжественныхъ спектаклей,
Да и то не безъ *обстаклей*,
Сотни двѣ, иль три зѣвакъ,
И не въ тогахъ, *данъ ле фракъ;*
Хлопаютъ они въ ладоши,
Но уже гораздо плоше!—
И къ чему—не *гладьятёръ*,
Не боецъ,—простой актеръ,

Иль фигляры, родъ Турньера
Представляютъ; а *пантера*
Безъ зубовъ и безъ когтей;
И боецъ бойца не смѣй
Побороть, ударить больно;
Одного *самбланъ* довольно;
Да теперь, гдѣ леопардъ,
Тигръ и левъ,—тутъ *коръ де гардъ*;
И будь звѣрь чуть-чуть нахальный.
А л'енстанъ: мусье квартальный,
Слѣдствіе, *просе вербаль*,
Даже *пуръ энъ анималь*,
Если задушилъ барана,
Иль свинью;—тотчасъ буяна
Въ клѣтку, на цѣпь, и прощай!
А хозяинъ отвѣчай
За него, въ случай протеста!
Такъ ужъ *сиркъ* тутъ не у мѣста;
Онъ красивъ, *элеганъ*.
Ме се не к'энъ балаганъ!

Тутъ я *паръ ле рю* пустилась,
Любовалась и дивилась
Колоссальной красотѣ
Всѣхъ домовъ. *Анъ верите*,
Точно царскія палаты.
Но какъ будто сномъ объяты
Жители; *се ле романъ*
Де ла бель о буа дорманъ!
Никогда нѣтъ у окошекъ,

У дверей,—ни даже кошекъ!
Правда *данъ ле ре д'шосе*,
Магазиновъ есть *ассе!*
Даже слишкомъ, я считаю,
И никакъ не понимаю,
Покупатели-то кто?
Вояжеры, иль *плюто*,
Другъ у друга аферисты?
Но, однако жъ, есть модисты,
И имъ нужны *де шаланъ!*
Мнѣ все кажется: Миланъ,
Родъ трагической актрисы;
Безъ румянъ, изъ-за кулисы
Смотритъ; только *ла куронъ*.
И нарядъ, и медальонъ,
И ту мантью, что имѣла,
Еще скинуть не успѣла!
Или старая *боте!*
Прежняя вся *ваните*
И всѣ прежніе наряды;
Но улыбка та, тѣ взгляды,
И та свѣжесть, пышный цвѣтъ
(Принадлежность юныхъ лѣтъ)
Всѣ изгладились, пропали,
И любовники отстали!
Но еще *паръ абитюдъ*,
Прекокетный *атитюдъ*;—
И подъ часъ еще мечтаетъ,
Что сердцамъ повелѣваетъ!
Есть кофейные дома;

Но Австрицъ не безъ ума:
Чтобы только кофей пили,
Тутъ гуляютъ *алгвазилы;*
Э же трувъ, ке се тре сажъ!

Вотъ въѣзжаетъ экипажъ
Подъ какую-то аркаду.
Расположены тутъ сряду
Лезъ аршивъ, ле трибюно;
Но мнѣ это все равно.
Путь я дальше продолжаю,
И вотъ наконецъ въѣзжаю
На главнѣйшій здѣшній *пласъ.*

Не могу свести я глазъ,
Съ *катедрали* превосходной;
Монументъ преблагородный!
Что за пышность, *кель ришесъ,*—
И поэзья и *ноблесъ!*
Какъ изъ мрамора молитвы
Всѣ шпили!—Во время битвы,
Гдѣ Италья вся дралась,
Дюкъ Висконти Галеасъ
Посулилъ ее построить,
Чтобы совѣсть успокоить,
Отягченную грѣхомъ.
Онъ былъ *энъ тре мешантъ омъ,*—
Интригантъ, хитрецъ ужасный,
И роднѣ весьма опасный;
Дядю, брата онъ убилъ,—
Весь свой родъ перегубилъ;

А Миланъ ставъ властелиномъ,
Вздумалъ подвигомъ единымъ
Искупить *ту се пеше;*
Съ небомъ заключить *марше;*
И постройкой катедральной,
Отъ расправы, дискать, дальной,
Данъ л'анферъ ше сатанасъ,
Отбояриться за разъ!
Можетъ быть такъ и случилось!
Онъ-се па; но полюбилось
Это зданье мнѣ весьма!
Какъ узорная тесьма,
Весь карнизъ его изваянъ;
Позабудутъ, что былъ Каинъ
Этотъ *дюкъ;—постерите*
Будетъ все жъ его *ванте*
За прелестное строенье.
Въ синемъ небѣ отраженье
Этихъ мраморныхъ шпилей
Мысль раждаетъ:—тѣхъ аллей,
Что въ садахъ Семирамиды!
Разные узоры, виды,
Де се флешъ;—ну л'онъ дире:
Это рядъ богатырей,
Или греческихъ героевъ!
Въ родѣ мраморныхъ обоевъ
На стѣнахъ, *де ту ле сенъ*
Ле статю, э ле десенъ!
Мнѣ никакъ не утерпѣлось,
Внутрь увидѣть захотѣлось,

Я вошла *пуръ энъ моманъ,*
Ну, ей Богу! *се шарманъ!*
Пышно, мрачно, величаво!
Какъ войдешь, сейчасъ направо
Преузорная купѣль!
Во всѣхъ *нишахъ де шапель,*
Все *оживами* аркады,
Арабески, колоннады,
Все готикъ, де бо витро
Живописны, даже *тро,*
Потому, что слишкомъ темно
Данъ л'эглизъ; но такъ огромно,
И такой *аспе северъ,*
Что тебя *а ла пріеръ*
Нехотя располагаетъ,
И душа воспоминаетъ
Мрачную святую даль,
Гдѣ ни скорби, ни печаль,
Ни болѣзнь, ни воздыханья;
Но гдѣ жизнь безъ окончанья,
Послѣ бури жизни сей,
Ожидаетъ всѣхъ людей.
И помыслишь объ отвѣтѣ
Нехотя; на бѣломъ свѣтѣ,
Страсти ослабляютъ насъ;
Но ихъ нѣтъ, въ тотъ грозный часъ,
Гдѣ предстанешь предъ Судьею
Съ обнаженною душею!

Ме лесонъ лезъ иде нуаръ!
Остается мнѣ *и вуаръ*

Здѣшней кирки монументы,
Всѣ статуи, *орнаменты;*
Вотъ тутъ *Сентъ Бартелеми!*
Ну, ужъ этотъ *тре маль ми:*
Даже кожу съ него сняли,
Облупили, ободрали,
Потому, что Богомъ силъ
Многобожникамъ грозилъ!
Фанатизмъ его измучилъ.
А онъ кожу нахлобучилъ
На себя, какъ *пелеринъ;*
И опять, что Богъ единъ,
Сталъ повѣствовать народу!
Отпустили на свободу;
Но уже *тутъ экорше!*
Что за гадость, *кель пеше!*

Но вотъ здѣсь, за *метръ отелемъ,*
Что-то схоже съ подземельемъ;
Всё лампады *алюме!*
Се Сантъ Карло Бароме!
Благодѣтель былъ Милана!
Онъ былъ въ родѣ талисмана.
Здѣсь во времена чумы.
Всѣ встревожились умы,
Злоба, страхъ, оцѣпенѣнье,
Шумъ, народное волненье;
Какъ чудовище, недугъ
Устремляется, и вдругъ
Гибнетъ все, краса и младость,

Мужество, веселье, радость,
Все туманомъ облекло;
Все на землю полегло,
Какъ пшеница послѣ бури;
Помертвѣло все въ натурѣ;
Самый воздухъ, какъ свинецъ
Тяготитъ; супругъ, отецъ,
Мать семьи своей дичится;
Всякій за себя боится,
Леденѣетъ въ жилахъ кровь,
Милосердіе, любовь,—
Ужаснувшись, отлетѣла,
Точно какъ душа изъ тѣла;
Дружба, *фрейндшафтъ*, *л'амитье*,
Точно будто бы въ мытьѣ
Полинявшая матерья,
Какъ на шляпкахъ нашихъ перья
Марабу *пандангъ л'оражъ*;
Самобытность, *ле куражъ*,
Опустились и повисли;
Ни одной высокой мысли,
Ни порыва не блеснетъ!
Вотъ тутъ къ алтарю ведетъ
Дѣву юноша влюбленный
Совершить обрядъ священный,
Цѣль, награду жизни всей;
Но взглянулъ, и что же? въ ней
Видитъ признаки недуга,
И бѣжитъ, оставя друга,
Чтобы жизнь свою спасать!....

Тутъ, съ груднымъ ребенкомъ мать;
Тутъ два старца умираютъ;
А тутъ грабятъ обдираютъ,
Стражи пьяные больныхъ;
Омерзенье, робость въ нихъ
Умолкаютъ для стяжанья;
Но средь воплей и стенанья,
Вдругъ одинъ, спокоенъ, тихъ,
Какъ святой Архистратигъ,
Ангелъ жизни, исцѣленья,
Въ полномъ блескѣ облаченья
Архипастыря идетъ
Баромей, въ рукахъ несетъ
Для больныхъ дары святые;
Его взоры неземные
Небо видятъ между тучъ;
Вѣры свѣтлый, дивный лучъ
Въ нихъ безоблачно сіяетъ,
И надежду поселяетъ
Въ душу страждущихъ, и вдругъ
Удаляется недугъ.
Все воскресло, оживилось!
Вотъ какъ чудно совершилось!
Вотъ какъ имъ спасенъ Миланъ!
Презатѣйливый романъ
Написалъ про то Манзони.
Ле кустоде, Чичероне,
Показалъ мнѣ *тутъ аку,*
Богатѣйшую раку;
Я дала ему на водку,

И просилась за рѣшетку;
Но онъ пропустить не могъ:
Заперта, и на замокъ!

Тутъ я наняла мальчишку,
И полѣзла съ нимъ на крышку.
Я читала *данъ ле гидъ*,
Что тутъ безподобный видъ.
Точно видъ весьма пространный:
Но сблизи эффектъ престранный
Этихъ всѣхъ шпилей *анъ пьеръ!*
Точно будто *симетьеръ*
Между небомъ и землею!
А внизу передо мною
Городъ, *комъ сюръ ла* ладонь;
Только шумъ его и вонь
Не доходятъ такъ высоко:
А его объемлетъ око,
Какъ картину, въ одинъ разъ;
И здѣсь изумляетъ глазъ
До Павіи панорама!

Но престранная я дама:
Я забыла *постильонъ*
Ждетъ внизу, и Харитонъ
И Анета чай дивятся,
Гдѣ дѣвалась я,—боятся;
Деми постъ я заплачу
Постильону; по плечу
Потреплю я Харитона;

Дамъ Анетѣ два *бонъ бона,*
И все будетъ хорошо.
Но устала я; *же шо,*
И *ла фенъ* тревожитъ нервы;
Но здѣсь *сюръ ле курсъ дей серви*
Есть трактиръ, *де тре бонъ стиль*—
И зовутъ его *ла Виль.*
Вотъ въ трактиръ я дотащилась;
Только что расположилась
Руки вымыть, чепчикъ снять,
Распустить корсетъ,—какъ глядь,
Самъ хозяинъ мнѣ приноситъ
Кушанье, и тотчасъ проситъ
Мой паспортъ *пуръ ля полисъ.*
Тьфу ты пропасть, провались!
Да я развѣ *карбонарка,*
Или бѣглая кухарка!
Что меня такъ стерегутъ?
Все равно, *дасъ истъ зеръ гутъ:*
Карауль,—такъ будетъ тише!

Вотъ читаю я въ афишѣ
Нынче „Норма“ и балетъ.
Поскорѣе, взявъ билетъ,
Съ лонъ-лакеемъ поскакала
Я къ театру *де ла Скала,*
И спасибо, что *си витъ*
Я отправилась: гудитъ
Ужъ оркестръ, что въ немъ есть мочи;
Вотъ я выпялила очи,

И гляжу: приходитъ жрецъ
Съ цѣлымъ причтомъ; молодецъ!
Затянулъ онъ панихиду!
Я не подавала виду,
Что растрогана, сижу,
И украдкою гляжу,
Что-то будетъ? Вотъ двѣ жрицы,
А за ними все дѣвицы
Въ бѣлыхъ саванахъ идутъ
Парочками, и поютъ,
Кажется мнѣ, *Каста дива*.
Но что вижу я?—вотъ диво!
Иль мерещится такъ мнѣ?
Эту Норму, я во снѣ
Или на яву видала;
Гдѣ-то съ нею я бывала;
Но зовутъ ее, какъ бишь?
Посмотрѣть бы *данъ л'афишъ*,
Вѣрно въ ней ее назвали:
Шоберлехнеръ!..... ужъ не та ли
Шоберлехнеръ, дайте срокъ,—
Что была мамзель Даллокъ!
Лѣтъ двѣнадцати не больше,
Въ Питерѣ у насъ и въ Польшѣ
Отличалась сколько разъ!
Дядя, *сюръ ля контрабасъ*
Все разъигрывалъ дуэты,
И навязывалъ билеты!
Точно, помню, и сама
Въ ложу точно безъ ума

Она смотритъ; вотъ спустилась
Занавѣсъ; она явилась,
Въ платьѣ Нормы, *данъ ма ложъ;*
Мы раскланялись, и что жъ?
Тутъ другъ друга мы узнали,
Съ нею цѣловаться стали!

Но вотъ начался балетъ!
А какой его сюжетъ,
Правду молвить, я не знаю;
Только вижу, примѣчаю,
Что какой-то тутъ король
Далъ другому *са пароль,*
Что на дочкѣ сына женитъ,
И никакъ ужъ не измѣнитъ
Слову царскому; и вотъ
Аплодируетъ народъ!
Только сынъ влюбленъ въ другую;
Я невѣсту-де бракую,
Не женюсь на ней,—и вотъ
Удивляется народъ!
Какъ, бракуешь?..... Для сосѣдства
Ты женись, не то наслѣдства
Я лишу тебя;—и вотъ,
Огорчается народъ!
Что жъ? не нужно мнѣ короны,
Мнѣ народные поклоны
Ни по чемъ, сударь! и вотъ,
Обижается народъ!
Но невѣста вдругъ явилась,

Заплясала, закружилась,
Вкругъ себя ведетъ ногой,
И согнулася дугой,
И три раза повернулась,
И умильно улыбнулась....
Восхитился молодой
Королевичъ, и стрѣлой
Къ милой дѣвушкѣ стремится,
Пляшетъ, вертится, кружится,
То прыжокъ, то антраша;
Какъ она-де хороша!
Болѣе всего ногами,
Точно будто бы щипцами,
Что-то съ пола достаетъ;
Руку на сердце кладетъ
И протягиваетъ ногу,
Изъявить души тревогу;
Вдругъ ребеночекъ—любовь,
Вмѣстѣ сводитъ ихъ, и вновь
Па де дё и полетѣли,
И другъ друга завертѣли,
И ногой переплелись!
Иль э танъ ке са финисъ,
Онъ приличіе забудетъ!
Ну довольно; будетъ, будетъ!
Свадьба рѣшена! и вотъ,
Восхищается народъ,
Славитъ торжество невѣсты!
И на всё свои есть жесты,
И для всѣхъ ужъ жестъ одинъ;

Точно будто рядъ машинъ!
Размахнуть руками вправо!
Это значитъ: славно! браво!
Руки влѣво, вздернувъ носъ,
Это значитъ: вотъ вопросъ!
Рукъ обѣихъ опущенье,
Это значитъ огорченье!
Топъ ногой и вверхъ кулакъ,
Это ужъ обиды знакъ?
А кружатся, и танцуютъ,
Это значитъ: торжествуютъ!
Ноги подняты *анъ л'еръ*,
Это значитъ: ахъ *ке феръ!*
Ежели *л'амуръ* захочетъ,
Ужъ кого не обморочитъ!
Ноги вправо: *же вузъ эмъ!*
Ноги влѣво: *фетъ де мемъ!*
Но довольно, я устала,
И не нужно мнѣ финала:
Дома ужинъ бы застать;
Я поѣмъ, и лягу спать!

VI.

Миланъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Проспала я какъ колода!
Вмѣсто чая (какъ здѣсь мода)

Выпила я шеколадъ,
И пошла *су лезъ аркадъ*
Посмотрѣть: на магазины,
На фарфоры, на картины,
Э сюръ ле литографи,
Эти *кеск елъ синифи*,
Ядра, колесо и гадкій,
Весь согнутый надъ лопаткой,
Въ рубищахъ, солдатъ старикъ!
И написано тутъ: *сикъ*...
Я ужъ дальше не читала;
Догадалась изъ начала,
Вѣрно вздоръ; тутъ *де фромажъ*
Пребольшущій *эталажъ;*
Тутъ очки, *люнеты*, чашки,
Тутъ игрушки, тутъ фуражки,
Точно нашъ гостинный дворъ!
Но не слышенъ этотъ хоръ
Неотвязный, какъ жужжанье
Пчелъ, шмелей или пищанье
Комара, въ тиши ночей,
Сонъ когда бѣжитъ очей;
Только къ намъ въ ряды явися
Ужъ откуда ни возьмися:
„Баринъ, барыня, для васъ
„Что угодно есть у насъ:
„Брюки, шляпы, панталоны,
„Сукна, ситцы, балахоны,
„Ленты, сахаръ, кофе, чай!“—
Ты иди, не отвѣчай,

Все равно, ужъ не отстанутъ,
Пока въ лавку не затянутъ;
Но что это за *коммерсъ?*
А томбе, а ла ранверсъ,
Комъ онъ ди, всему же мѣра!

Въ академью *де ла Брера*
Отправляюсь: говорятъ,
Что въ ней собраны подъ рядъ
Всѣ *шедёвры*.... И на зданье
Стоитъ обратить вниманье.
Пышное! широкій дворъ,
Все вокругъ *де* корридоръ,
Перистиль; ну все въ порядкѣ;
А на лѣстничной площадкѣ,
Беккарія *ла статю.*
Съ цѣлью истинной *вертю,*
Весь вдался онъ въ преступленья,
И въ начала, и влеченья
Человѣческихъ натуръ;
А за тѣмъ онъ, *а лёръ туръ*,
Разобралъ и наказанья;
Доказалъ, что истязанья
Безполезны въ *пюнисьонъ;*
Положилъ онъ *градасьонъ*,
Сообразныя пороку;
Всякое онъ лыко въ строку
Не велѣлъ постановлять,
Чтобъ возможность оставлять
Иногда для исправленья,

Словомъ молвить,—взоромъ генья,
Онъ проникъ *данъ се хаосъ;*
Весь ли разрѣшилъ вопросъ?
Все ль удобоисполнимо?
Это мы, покамѣсть, мимо!
Ме боку д'юманите,
И какой *сигасите*
Въ каждой мысли, въ каждой фразѣ!

Я, какъ Русская, въ наказѣ
Искру, брошенную имъ,
Вспомнила, и вмѣстѣ съ симъ
Вспомнила Екатерину!
Всю великую картину,
Славныхъ подвиговъ ея
Обняла душа моя!
Искры генья раздувая
И роскошно разсѣвая
Просвѣщенья сѣмена,
Знаменитая жена
Разбирать мечты умѣла
Философьи, и для дѣла
То изъ нихъ рѣшилась взять,
Что могла согласовать
Съ духомъ вѣры, православья
Нравовъ, и самодержавья!
И не общій *волонте*
Былъ *пренсипъ* а *шарите,*
Вѣковѣчное начало,

Основанье составляло
Всѣхъ ея трудовъ для насъ!

Но въ *рефлекцьи* я вдалась,
А пора мнѣ въ галлерею:
Отдаю я лонъ-лакею
Параплюй, и вотъ вхожу:
Что жъ *д'аборъ* я нахожу?
Тутъ жандармы и полицья.
Говорятъ мнѣ: экспозицья,
Выставка здѣсь *де бозъ аръ;*
А по-Русски, такъ базаръ
Живописной разной дряни.
О *синьори Итальяни!*
Видно и для васъ прошелъ
Этотъ вѣкъ безсмертныхъ школъ
Рафаэля, Гвидо Рени!
Не найдешь теперь и тѣни
Ихъ талантовъ *позитифъ*
И для васъ *эмператифъ!*
Надобно, чтобъ покупали!
Ужъ за то писать вы стали
Поскорѣй и кой-*команъ!*
Съ рукъ сошло бы *сѐлеманъ!*
Болѣе всего портреты,
Или на заказъ сюжеты;
И ужъ Боже сохрани,
Чтобъ мелькнулъ въ нихъ *ле жени!*
Не поймутъ и забракуютъ,
Да еще раскритикуютъ.

Здѣсь портретовъ цѣлый фрунтъ:
Съ книгой, съ розой, *митъ эйнъ гунтъ*,
Съ крестикомъ, и что за хари!
И къ чему всѣ эти твари,
Написали свой портретъ?
Никому въ нихъ нужды нѣтъ!
А все хочется въ потомство!
Чтобы съ нимъ свести знакомство,
Цѣлый вѣкъ иной кряхтитъ!
Тотъ Европу возмутитъ,
Тотъ ночей не досыпаетъ,
А иной стихи кропаетъ;
А какъ взять, такъ суета,
Сновидѣніе, мечта!
Но досадно вояжеру!
Все *шедёвры*, въ эту пору,
Для потребности такой,
Позавѣшаны тафтой.
Вотъ уже седьмая зала,
Ничего я не видала,
Кромѣ этихъ *багатель!*

Наконецъ вотъ Рафаэль!
Превосходное творенье;
И Маріи обрученье
Съ Іосифомъ! Его сюжетъ:
Какъ пророкъ, и какъ поэтъ,
Рафаэль, имъ вдохновенный,
Выразилъ обрядъ священный
Такъ таинственно, что съ нимъ

Мы, одушевясь, летимъ
За предѣлъ земныхъ понятій,
Вырываясь изъ объятій
Свѣтской нѣги, суеты,
На крылахъ святой мечты—
Въ тѣ превыспреннія сферы
Мы уносимся, гдѣ вѣры
Намъ сіяетъ дивный свѣтъ
И гдѣ праведнаго ждетъ
Беззакатная денница!
Какъ всѣ выражены лица!
Съ сокрушеніемъ какимъ
Анна тутъ и Іоакимъ
Дочь на бракъ благословляютъ!
Съ нѣжностью какой ввѣряютъ
Іосифу ее, какъ кладъ!
Іосифъ какъ спокоенъ, радъ!
Какъ Марія благодатна!
Какъ вся святость ей понятна
Обрученья, и она
Какъ послушна, какъ скромна!
Волоса—струи златыя
По плечамъ; а неземные
Взоры, долу опустясь,
Безотвѣтно покорясь
Гласу Высшаго велѣнья,
Ожидаютъ исполненья
Всѣхъ пророченныхъ чудесъ:
Сочетанія небесъ
Съ прегрѣшившею землею!

Такъ, искусною рукою,
Живописцы старины,
Вдохновеніемъ полны,
Или мысль передавали,
Иль молитву изливали!
Вотъ что живопись была!
Ныньче *се не плю села.*

Тутъ еще одна картина
Знаменитаго Гверчина:
Авраамъ *авекъ* Агарь;
Повинуясь *а въельъаръ,*
Прочь Агару отсылаетъ,
И на путь благословляетъ;
Но ему ужасно жаль!
Такъ невольная печаль
Сердце всякій разъ туманитъ,
Какъ оно проситься станетъ
Въ безпредѣльность, въ высоту;
Здѣшней жизни суету
Знать жалѣетъ, и стѣснится,
Въ небеса когда стремится!—
Авраамъ намъ путь открылъ
Къ откровенью:—отпустилъ
Онъ Агарь, любовь земную,
И взялъ Сарру, ту святую
Небожителей любовь,
Безпредѣльную; и вновь
Тутъ встрѣчается идея,
Псалмопѣнье, эпопея!

Но какъ хороша Агарь!
Выражаетъ *сонъ регаръ*
Столько истинной печали,
Столько грусти, что едва ли
Я бъ разсталась съ ней; слеза
Навернулась на глаза,
И жемчужиной скатилась
На щеку; не удивилась
Я, когда мнѣ разсказалъ
Кто-то, что ее считалъ
Фавориткою своею
Бонапартъ;—и только ею
Во всю жизнь былъ восхищенъ
Знаменитый лордъ Бейронъ!
Точно, схоже съ ихъ натурой,
Любоваться той фигурой,
Пламенной любви земной,
Что завидуетъ съ слезой
Выспренной любви небесной,
И ихъ генію извѣстной
Цѣли ихъ высокихъ думъ,—
Но къ которой гордый умъ
Имъ постановлялъ преграду,
Точно обреченный аду
Духъ отпавшій, ангелъ тьмы!

Вотъ теперь доходимъ мы
До Албаньевой картины,
Похищенья Прозерпины.
Эта ужъ *д'енъ отре стилъ:*

Тутъ эклога, тутъ *идиль*,
Праздникъ, торжество натуры.
Вокругъ дерева амуры
Составляютъ хороводъ.
Какъ лазуренъ неба сводъ!
Какъ все дышетъ тутъ весною,
Нѣгой, рѣзвостью, игрою,
Тутъ любви, веселья пиръ;
Даже кажется зефиръ
Межъ листами будто дышетъ,
Ихъ едва, едва колышетъ;
Какъ амуры хороши!
Ну, другой такъ напиши
Кто нибудь и въ наши годы!

Но мнѣ не даютъ свободы
Любоваться *а монъ эзъ;*
Увлекла меня *ля прессъ*
Въ этотъ залъ, гдѣ Тинтореты,
Веронезы;... а сюжеты:
Больше Соломоновъ судъ!
Удивительно, какъ тутъ
Рѣжутъ бѣднаго ребенка,
Точно будто поросенка,
На двѣ части, чтобъ узнать,
Настоящая кто мать!
Это критика процессовъ;
При разборѣ интересовъ
Такъ обрѣжутъ здѣсь и тамъ,
Что иной готовъ бы самъ

От̀ имѣнья отказаться,—
Чтобы только не тягаться!
Чтобъ тутъ Соломонъ узналъ?
Или здѣсь, его *риваль*
Межевая экспедицья?
Только что страшна юстицья!

Но вотъ здѣсь уже и дверь,
А не рано, чай, теперь;
Же вудре еще бы нынче
Видѣть Леонарда Винчи:
Ла сентъ сенъ,—извѣстный *фрескъ*,
Хочется узнать мнѣ *ceскъ*,
Много я о ней слыхала,
Даже что-то и читала;
Ме пуръ вуаръ ле Леонардъ,
Мнѣ въ Гусарскій *кордегардъ*
Иль казарму, нужно лично
Показаться. Неприлично.
И не кстати межъ гусаръ
Дамѣ быть;—*ме пуръ лез'аръ*,
Я на *эндесансъ* рѣшилась.
И, перекрестясь, пустилась.
Что-то будетъ? но смѣшно,
Даже я скажу, грѣшно,
Что повѣрили солдатамъ,
Сорванцамъ и Эростратамъ
Этакой святой *табло!*
И какъ въ голову пришло?
Ихъ, кажись, довольно знаютъ;

Иногда употребляютъ
Прескоромныя слова;
Имъ вѣдь это трынь трава!
Тутъ должны бы быть монахи;
А то на шестахъ рубахи,
Шаровары, *кель скандаль!*
Ну что дѣлать, *с'етъ эгаль!*
Вотъ тутъ лѣсенка и двери;—
Какъ сказали—*форестьери:*
Дверь намъ тотчасъ отперта;
Я, не разѣвая рта,
И не начиная рѣчи,
Только подымаю плечи
Отъ восторга; предо мной
Точно Вечери Святой
Чудное изображенье;
И какое выраженье
Тутъ Спасителю дано!
Какъ божественно оно!
Какъ сіяетъ всепознанье,
Милосердье, состраданье!
Въ мірѣ Богочеловѣкъ
Жертвою Себя обрекъ,
Чтобы міръ спасти Собою!
„Пасху нынѣ вы со мною
„Вкусите въ послѣдній разъ".
Говоритъ Онъ: „среди васъ
„Есть предатель".—Удивленье,
Скорбь, забота, оскорбленье
На лицѣ учениковъ!

Леонарда смыслъ таковъ
Вѣрно былъ: *контрастъ* представить,
И Спасителю оставить
Одному спокойный видъ,
Между тѣмъ какъ всѣхъ мутитъ
Это страшное открытье;
Но великое событье
Вечери Святой не то!
И напрасно имъ взято
Временное уличенье;
Нѣтъ,—Святое всесожженье,
Жертва вѣчная, завѣтъ,
Вотъ что должно быть сюжетъ,
Хлѣбъ когда благословляетъ
Нашъ Господь, и возглашаетъ:
Вотъ моя и плоть, и кровь!
Но тогда бъ одна любовь
Выражалась, и *контраста*
Не могло бы быть. Но баста,
Что ужъ толковать! но мнѣ
Жаль картины: на стѣнѣ
Писана она, и видно,
Что съ ней часто преобидно
Поступали; прежде дверь
Проломали, а теперь
Холодъ, жаръ ее коробятъ,
Пыль садится, не пособятъ.
Удивляюсь, *cé домажъ!*
А чудеснѣйшій *увражъ!*

Но пора мнѣ въ Амброзьяну:
Смерть боюсь, что не застану,
Опоздаю, *а дезъ еръ:*
Говорятъ, *консерватеръ*
Всякій день за столъ садится.
Въ это время пусть стучится
Ле курье; какъ не стучи,
Принесутъ пока ключи,
Дожидайся на площадкѣ;
И по мнѣ, оно въ порядкѣ.
Хорошо бы и у насъ,
Если бъ былъ всему свой часъ;
Но у насъ оно не въ модѣ!
Я поспѣла: *ле кустоде*
Только что сбирался вонъ,
Какъ я постучалась; онъ,
Позднимъ оскорбясь визитомъ,
Принялъ съ видомъ пресердитымъ;
Книги, рѣдкости, *табло*
Показалъ мнѣ *о гало;*
Я все видѣла, но только
Не понравилась ни сколько
Мнѣ коллекція *де фрескъ*
И картонъ *тре жигантескъ*
Школы мудрецовъ—Аѳины!
Говорятъ—проектъ картины;
Хоть рисунокъ и хорошъ,
Правиленъ весьма; но что жъ?
Нѣтъ эффекта никакого;
Драгоцѣнность онъ, ни слова:

Рафаэлевой руки;
Но однако жъ пустяки
Все разсматривать подробно!
Жалости, по мнѣ, подобно,
Видѣть бѣдныхъ Англичанъ
Въ галлереяхъ; *поверъ жанъ*
Не пропустятъ даже фигу,
Вѣчно повѣряютъ книгу
Рейнгарта и мадамъ Старкъ;
Въ чемъ же состоитъ *ремаркъ?*
Сами иногда не знаютъ,
Но въ обязанность вмѣняютъ,
Какъ укажетъ что слуга,
Закричавъ: го, го, га, га,
И сыскавъ *данъ леръ либрето*
Жанбеллини, Тинторето,
Молвить *си*, *лукъ гиръ*, *итъ изъ*,
Хоть пожалуй и случись,
Что перемѣнили нумеръ.
Все равно, хоть тутъ бы умеръ,
Не увѣритъ ихъ *кустодъ*,
Что *табло* уже не тотъ!

Тутъ межъ рѣдкостей Египта,
Три, четыре манускрипта,
Писанные не при мнѣ,
Да исторія *д'Ене*,
Энеида, и *ремарка*
Собственной руки Петрарка;
Тутъ *Овидіусъ Назонъ*,

Но все подъ стекломъ,—резонъ,
Чтобы не было интриги;
Двѣ молитвенныя книги
На Славянскомъ языкѣ.

Но *кустоде* въ колпакѣ
Сдѣлался ужасно скученъ;
Вѣрно голодомъ замученъ;
Ужъ не дать же умереть,—
Поскорѣе доглядѣть
И уйти;—но вотъ распятье
Гвидо Рени:—все понятье
О Спасителѣ Христѣ
Отразилось на холстѣ!
Долъ, весь сумракомъ объятый!
Тотъ великій часъ девятый,
Гдѣ, распнувъ земную плоть,
Смерть за насъ пріялъ Господь;
Всѣ извѣдавъ посрамленья,
Оплеванье и біенья,
Оцетъ съ желчью Онъ вкусилъ,
И торжественно почилъ!

Всѣ страданья прекратились
А уста еще молились,
Духъ когда Онъ издаде!
Злу простилъ Онъ враждѣ!
Онъ проститъ и прегрѣшенью!
Къ сокрушенному моленью!
Милостивъ, доступенъ Онъ!

Дай мнѣ вѣдать Твой законъ;
Укроти земныя страсти;
Жизни бури, и напасти
Дай мнѣ съ вѣрой перейти;
Умъ и сердце просвѣти
И очисти помышленья;
Цѣломудрія, терпѣнья,
И любви даруй мнѣ духъ;
Исцѣли души недугъ;
И завѣтъ, Твоею кровью
Намъ оставленный, съ любовью
Дай и съ вѣрой мнѣ вкусить;
Дай мнѣ здѣсь въ смиреньи жить;
Путь мой на землѣ устроя,
Дай достигнуть и покоя,
Что Ты уготовилъ намъ;
Не судя насъ по грѣхамъ
Плоти, нами здѣсь носимой;
Но любви неизмѣримой,
Благости Твоей воньмя,
Господи, помилуй мя!...

V.

Венеція.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Для меня готова барка,
Отправляюсь.... Льву Сантъ-Марка
Надо же отдать поклонъ.
Этотъ Левъ, *де са колонъ*,
На весь міръ металъ перуны;
Покрывалися лагуны
Кораблями разныхъ странъ:
И коммерція *анъ гранъ*,
И военные успѣхи,
И искусства, и утѣхи
Процвѣтали *а Венизъ*.
Правилъ ей *Консель де Дисъ*,
Книги бархатной вельможи;
Королями были дожи,
Былъ у нихъ *ле бусанторъ*,
Энъ плашкотецъ, тесь *анъ оръ;*
И на воду опускался
Съ моремъ дожъ когда вѣнчался:
Какъ подумаешь, *геласъ!*
Отъ чего не родилась
Я во время этихъ свадебъ:
Вотъ какъ разсуждаю: я-де бъ
Тутъ вошла въ *ривалите*
Съ моремъ,—*э де монъ коте*

Нарядилась бы сиреной;
Газомъ *инъ аржинъ*, какъ пѣной,
Окружилась бы; и что жъ?
Можетъ быть, *мусье ле дожъ*.
Видя и меня, и море,
Предпочелъ бы, въ этомъ спорѣ,
Дамы бѣлокурый ликъ
А ла меръ Адріатикъ!
Это дѣло *сантимента!*

По каналу *де ла* Брента,
Что межъ дачъ и какъ въ саду
Тянется *депюи Паду,*
Подвигаюсь понемногу;
И вдругъ крикнула, ей Богу,
Удивилась:
Предо мной
Море синее, волной
Мнѣ привѣтствуетъ играя,
И роскошно догарая
Солнце, небо золотитъ,
Запоздалая, летитъ
Въ дальней влагѣ небосклона,
Исчезая, Галціона!
Какъ мечта о прежнихъ дняхъ,
Не возвратныхъ, въ небесахъ
Иногда намъ засіяетъ,
И въ туманѣ исчезаетъ!
Но вотъ вдругъ среди валовъ,
Средь зыбей, ряды домовъ,

Точно лебеди всплываютъ;
Въ золотѣ, въ огнѣ сіяютъ
Тамъ и сямъ главы церквей!
Помнится, *данъ л'Одисей*
Говоритъ Гомеръ: изъ пѣны
Выплывали такъ сирены,
И плескалися въ волнахъ,
И рѣзвились при лучахъ
Догорающей денницы!

Вотъ Гомеровы страницы
Развернула: мнѣ *Венизъ*
Изъ воды, *комъ юнъ сюрпризъ*
Вынырнулъ передо мною!
И я мыслей, и душою
Унеслась въ тѣ времена,
Гдѣ такъ славилась она!
И весь бытъ ея, крамолы,
Маскарады, баркаролы,
Пѣсни, ревность и любовь,
Инквизиція и кровь,
Всё такъ живо мнѣ явилось,
Будто бы вчера случилось,
Будто бы при нихъ была
Я сама.
Вотъ тутъ цвѣла
Красотою Десдемона;
На челѣ ея корона
Счастья, нѣги и любви;—
Вдругъ кинжалъ въ ея крови

Омываетъ изступленный
Мавръ, отчаянный, влюбленный,
Довѣряясь клеветѣ.
Тутъ въ безмолвьи, въ темнотѣ,
Засѣдала Иинквизицья;
Преужасная полицья!
Десять *аргусовъ* такихъ,
Что не скроешься отъ нихъ.
Тутъ иль понте дей сюспири,
Гдѣ въ туманѣ и въ эфирѣ
Исчезали вздохи тѣхъ
Жертвъ несчастныхъ, что на грѣхъ
Инквизицьи попадались,
И въ мѣшки ей зашивались,
И бросалися въ каналъ.
Вотъ здѣсь былъ тотъ карнавалъ
Знаменитый, незабвенный,
Гдѣ со всѣхъ концовъ вселенной
Отставные *мажесте*,
Философы и *боте*
Собирались и гуляли,
И другъ съ другомъ толковали
Объ утратѣ ихъ коронъ.
Вотъ, быть можетъ, тотъ балконъ,
Гдѣ красавица внимала
Серенадѣ, и давала
Знакъ условный, при лунѣ,
О желаньи *промене*,—
И красавица на волѣ;
И красавица въ гондолѣ

Съ милымъ другомъ; но супругъ
Догадался..... для услугъ
У него всегда есть *бравы;*
Тасса между тѣмъ октавы,
При плесканіи волны,
Раздаются; и полны
Страсти, нѣги, упоенья,
Безъ заботы, безъ сомнѣнья
Ѣдутъ *нозъ герезъ аманъ,*
По каналу *Малеманъ;*
До Пьяцеты доплываетъ
Ихъ *гондола;* тутъ гуляетъ
Незнакомый домино;
Подошелъ, и рѣшено:
Трупъ любовника въ каналѣ,
Да и поминай какъ звали!...

Вотъ тутъ *дандоло* плыветъ;
Дожъ сокровища везетъ,
Похищенныя у Турокъ;
Много золотыхъ фигурокъ,
И четверку лошадей,
Что стояли, какъ трофей,
А Пари у Бонапарта!
Девятнадцатаго Марта
Русскій нашъ побѣдный штыкъ
Выручилъ *э сетъ антикъ,*
И опять онъ на *Сантъ-Маркѣ!*
Тутъ свиданіе на баркѣ
Л'Амперера Шарле Кенъ

Съ Папою; *тутъ се кокенъ,*
Какъ бишь ихъ, *ле Кондотіери;*
Тутъ *Марино де Фальери*
Дожъ за то что накутилъ,
Головою заплатилъ
За свою неосторожность;
Но едва ли есть возможность
Все припомнить; не берусь
Я за это.—Барберусъ
Былъ, Фредерикъ былъ, Отелло
И мамзель Біанка, Капелло.
Фоскари, Мусье Тисьенъ
Также былъ *энъ Венисьенъ,*
Поживемъ и погуляемъ,
Такъ подробнѣе узнаемъ;
Но теперь мы *а л'отель*
Пристаемъ. *Мусье* Даньель
Вѣрно приготовилъ ужинъ.
Этотъ пунктъ довольно нуженъ!
А деменъ ле рарете,
Если Богъ дастъ *ла санте.*

Прехорошее начало;
Ужъ дорогой закачало,
Пока ѣхала сюда;
Здѣсь по улицамъ вода!
Нѣтъ извощиковъ шумящихъ,
Этихъ ванекъ дребезжащихъ
По избитой мостовой,
Какъ у насъ;—иной порой,

Съ ними право не до шутки,
Не дадутъ заснуть минутки.
Здѣсь все по водѣ скользитъ,
Такъ ничто и не шумитъ;
Всѣ извощики—*гондолы!*
Вмѣсто криковъ—баркаролы!
Даже въ нихъ я узнаю
Наше: „баюшки баю!“
Ужъ за то, лишь лечь успѣла,
Въ ту жъ минуту захрапѣла,
И проспала, *а ске ди*
Харитонъ, *жюскъ а мuди!*

Тутъ спросила я котлету,
И пустилась на *Пьяцету*
И на *пьяцу де Сантъ-Маркъ*,
Чтобы сдѣлать *ме ремаркъ*,
Прямо *ривой де Скiявони*,
Я *а пье*, дошла къ колоннѣ,
Гдѣ извѣстный левъ стоитъ
Де Сантъ-Маркъ; престранный видъ:
Левъ поджарый и крылатый,
И работы небогатой;
Бронзовый, съ большимъ хвостомъ;
Бѣдный и его *с'этъ омъ*,
Что глоталъ имперьи, троны,
Приказалъ стащить съ колонны
И увезъ къ себѣ въ Парижъ.
Тамъ онъ проторчалъ, какъ шишъ,
Для какихъ-то странныхъ видовъ,

Передъ домомъ инвалидовъ:
Но при мирѣ возвращенъ,
И опять *сюръ ла колоннъ*
Онъ постановленъ въ Венецьи;
Какъ палладьюмъ древней Грецьи,
Здѣсь красуется теперь
Этотъ баснословный звѣрь.
Но колонны двѣ,—*сюръ л'отръ*
Теодоръ стоитъ *л'апотръ*,
Также очень нехорошъ.

Но *л'ансіенъ пале де дожъ*
Здѣсь вниманія достоинъ;
Онъ готически построенъ,
Богатѣйшею рукой;
Точно видъ его такой,
Что задуматься заставитъ,
И Венецію представитъ,
Какъ владычицу морей,
Во всей славѣ прежнихъ дней.
Эти дни давно минули;
Но вы точно заглянули,
Такъ сказать, *комъ ву вуле*,
Въ старину, *паръ се пале!*

Вотъ и *пьяца де Сантъ-Марко*.
Какъ блистательна, какъ ярко,
Смѣло поражаетъ взоръ
Эта кирка, вся *анъ оръ!*
Родъ *аламбры*, иль мечети;

Вдохновенье Каналети
Здѣсь понятно, и оно
Славно какъ передано
Его кистью несравненной;
И почти во всей вселенной
Вы найдете *се. табло.*
Отраженіе *данъ л'о*
И эффекты перспективы
Въ нихъ особенно красивы.
Но *Сантъ-Маркъ* и самъ собой
Безподобенъ,—золотой,
Весь почти изъ мозаика;
Вкругъ чудеснаго портика
Много греческихъ иконъ;
Это знакъ, что нашъ законъ,
Всюду царствовалъ бывало;
Но меня что восхищало—
Это *сюръ ле метръ отель*
Энъ табло времанъ тель кель,
Какъ Успенскаго собора!
Не могла свести я взора
Умиленнаго съ него,
И для сердца моего
Такъ повѣяло отчизной,
Что дохнула новой жизней;
Изъ чужбины я душой
Вдругъ перенеслась домой;
Такъ понравилась картина,
Что *шедёвры* Сансовина
Проскользнули, будто ихъ

Не бывало;—цѣлый стихъ
Здѣсь по-гречески написанъ;
Но по-гречески, *эн висинъ*,
Я не знаю; лонъ-лакей
Также мой не грамотѣй,
Такъ осталось непонятно;
Но однако же пріятно
Видѣть *прёвъ*, что въ старину
Здѣсь молились *комъ ше ну*,
И я тоже помолилась!

Тутъ, на площадь воротилась;
Площадь чудная, кругомъ:
Будто бы одинъ лишь домъ,
Такъ похожи всѣ фасады;
Неразрывныя аркады,
Какъ старинный коридоръ
Дёнъ куванъ, прельщаютъ взоръ,
И всю площадь окружаютъ;
Венецьянскіе гуляютъ
Денди тутъ *э ле боте*;
И находятъ *д'ёнъ коте*
Лавки, то есть, магазины;
Богатѣйшія *витрины*
А де л'отре де кафе
Щегольскія *тут'а фе;*
Удивительно красивы
Здѣшніе *прекуративы*,
Такъ зовутъ *се батиманъ;*
Въ старину, *пробаблеманъ*,

Весь казной онъ занимался,
А теперь купцамъ достался
Большей частью; *с'этъ эгаль,*
И казеннаго не жаль,
Иностранцамъ особливо!
Развѣвались горделиво
Здѣсь на трехъ большихъ шестахъ,
Въ честь республики и въ страхъ
Всѣмъ врагамъ ея, бывало,
Знамя три; но ихъ не стало,
А торчатъ одни шесты,
И особой красоты
Пьедесталь ихъ префигурный.

Рѣдкостью архитектурной
Я считаю этотъ родъ,
Какъ бы вамъ сказать, воротъ,
Что къ аркадамъ примыкаютъ
Веръ Сантъ-Маркъ, и составляютъ
Отъ *Пьяцеты* перспективъ.
Хоть они *энъ пе массифъ,*
Но довольно благородны;
Два Арапа превосходны,
А надъ ними *де* часы,
Гдѣ фигурки, для красы,
Представляются, но скверно,
Что идутъ они невѣрно,
Безпрестанно отстаютъ—
Говорятъ, или бѣгутъ;
Знать давно ихъ не чинили.

Виз' а ви тутъ Кампаниле,
Колокольня *де л'еглизъ*;
Какъ взойдешь на верхъ: *Венизъ*
Вся видна передъ тобою,
Окруженная водою,
Всѣ каналы, *ту ле ке*,
Острова и вдалекѣ
Даже горы Апеннины
Или Альпы, и картины
Лучше нѣтъ, когда она,
Паръ ли люнь освѣщена!
Или, утренней зарею,
Какъ за дальнею горою,
Разогнавъ туманъ и паръ,
Солнце, точно какъ пожаръ,
Вдругъ покажется и рдѣетъ!
Вся окрестность пламенѣетъ,
И всѣ куполы церквей
Золотятся отъ лучей!
Чтобъ удобнѣе всходили
Вплоть до верха Кампаниле,
Вмѣсто лѣстницы, покатъ
Здѣсь устроенъ, и *ганцъ глатъ!*
Хоть верхомъ ступай, пожалуй,
Нѣтъ опасности и малой;
И съ начала, *се тре ге*;
Но ужасно *фатиге*
Я была, когда взобралась,
И насилу отдышалась.
Что за множество шпилей,

Куполъ, кирокъ, *де палей!*
Что за множество каналовъ,
Острововъ, мостовъ, кварталовъ!
Городъ, хоть куда, *табло!*
И сидитъ себѣ *данъ л'о*,
Среди волнъ, и мало горя!
Точно какъ владыкѣ моря
Покорилася вода!
Но что стоило труда
Овладѣть стихіей влажной?
Это подвигъ очень важный!

Я спустилась *сюръ ла пласъ*,
И пошла *пуръ прандръ юнъ гласъ*
И оржата два стакана,
Подъ аркады у Флорьяна.
Знаменитъ кафе Флорьянъ.
Всѣ народы *де л'Орьянъ*,
Турки, Греки, Персіяне,
Его гости, и крестьяне
Платятъ просто *редевансъ*.
Здѣсь въ Венецьи *л'элегансъ*
У Флорьянъ сидѣть и кушать
Шеколадъ, *де гласъ*, и слушать
Музыку, что всякій разъ
Здѣсь играетъ *сюръ ла пласъ*,
Зорю бьютъ когда австрицы.
Дамы, *дезъ абе*, дѣвицы
Тутъ сидятъ,—немудрено!
Это общій казино!

И разубранъ онъ прекрасно
И внутри; по мнѣ, напрасно,
Потому, что всѣ сидятъ
У дверей, и не глядятъ
Въ комнаты; но Англичане
Тутъ всегда на первомъ планѣ;
Ужъ *воля де гранзъ уазо!*
Я видала ихъ *озъ о.*
Развѣ лучше, чѣмъ другіе?
Даже хуже; и иные
Такъ торгуются, что страхъ!
Но объ этихъ пустякахъ
Что и говорить! Флорьяна
Не узнаешь безъ изъяна!

Но онъ былъ *ами де керъ*
Де Канова *ле скульптеръ;*
Былъ Флорьянъ подагрой боленъ,
И всегда страхъ недоволенъ,
Какъ сапожникъ приходилъ,
Мѣрку снять съ ноги просилъ;
А безъ мѣрки шить—такого
Нѣтъ и мастера. Канова,
Чтобы положить конецъ
Горю друга, взялъ рѣзецъ,—
Изваялъ его онъ ногу
И тѣмъ прекратилъ тревогу.
Ту ле де давно ужъ *моръ,*
И кандитеръ и скульпторъ;
Но нога цѣла донынѣ!

И, быть можетъ, въ честь святынѣ
Такъ Флорьянъ и *визите*.

Вотъ еще *кюръозите*:
Вся покрыта голубями
Площадь здѣсь, и надъ шпилями,
Сюръ ле домъ, сюръ ле корнишъ,
Ты куда ни поглядишь,
Голуби сидятъ; сначала
Видѣла, не понимала
Я, откудова взялись
Эти массы *а Венизъ!*
Но мнѣ это объяснили.
Какъ *паръ ту*, въ Итальи были
Въ старину *боку дюзижъ*,
Что исчезли; и нельзя жъ
Иначе; здѣсь въ Воскресенье
Вербное обыкновенье
Было кучу голубей
Выпускать изъ всѣхъ церквей,
Привязавъ сперва бѣдняжкѣ
Къ каждой лапкѣ по бумажкѣ;
Полетятъ *д'аборъ*, и вдругъ
Всѣ попадаютъ;—вокругъ
Тьма народу ожидаетъ
И упадшихъ собираетъ,
И несетъ къ себѣ домой
Какъ раздачу; но порой
Голуби освобождались
Отъ бумажекъ, разлетались

И почти всѣ *сюръ ле домъ*
Де Сантъ-Маркъ, махнувъ крыломъ,
Собирались и сидѣли.
Тутъ ужъ тронуть ихъ не смѣли;
Мѣсто свято. И народъ
Къ нимъ разнѣжился; и вотъ
Разъ на сходѣ положили,
Чтобы ихъ на счетъ кормили
Де ла виль э де л'эта;
Благородная черта!
Но хвалена свыше мѣры,
Потому что пансьонеры
Голуби, *депюи се журъ*
Расплодились черезъ чуръ;
И бывало прилетаютъ,
Куда только пожелаютъ,
Кушая, *комъ де шануанъ*,
Здѣсь казенный *авуанъ*.
Сядутъ иногда коломбы
Пресвободно, на тѣ пломбы,
Подъ которыми *дезъ омъ*.
Сокрушаясь *Дье се комъ*,
Лѣтъ десятка два и болѣ,
Угнетаются въ неволѣ!
Справедливо ли оно?
Прекратилося давно
Здѣсь народное правленье,
И въ обычьяхъ измѣненье
И въ коммерціи *д'алоръ;*
И Венеціи, съ тѣхъ поръ,

Туръ а туръ, д'аборъ Французы,
Тамъ Австрицы дали узы;
Ле патріотизмъ слабѣй;
А все кормятъ голубей!
И однимъ имъ, можетъ статься,
Нѣтъ причины сокрушаться,
Что не та уже Венизъ,
Что была *о танъ жадисъ*.

VI.

Венеція.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Я порядкомъ отдохнула
У Флорьяна, и взглянула,
Анъ пасанъ, на все; такъ что жъ?
Я теперь *пале де дожъ*
Разсмотрѣть могу подробно.
Говорятъ, что безподобно
Все внутри; и слова нѣтъ!
Ужъ судя *паръ ла ложетъ*,
То есть, по сѣнямъ швейцара,
Не жалѣли здѣсь товара
И искуства; *са паре*
Еще больше на дворѣ.
Барельефы тутъ и группы
Де статю; но только глупы:
Всѣ почти *де пюдите;*

И смотрѣть, *анъ верите,*
При людяхъ, такъ даже стыдно!
Все такъ натурально видно!
Не хотя опустишь взоръ.
Двѣ *ситерны* есть *анкоръ*
Пребогатыя; —писали,
Что когда ихъ запирали,
Безъ воды была *Венизъ.*
Это просто *де бетизъ!*
Въ каждомъ домѣ есть и краны,
И колодцы;—но романы
Данъ л'Истуаръ,—и не грѣша,
Какъ *ле беръ данъ ла* каша,
Прибавляются для вкуса;
И я доказать беруся,
Что иной бы не читалъ
Въ вѣкъ исторьи, если бъ зналъ,
Что въ ней нѣту аллегорьи.
Но вотъ памятникъ исторьи
Настоящей на лицо:
Здѣсь парадное крыльцо;
Эта лѣстница гигантовъ,
Тутъ стоитъ она; на ней
Сколько сгинуло людей
Разскажу безъ коментарій:
Архитекторъ Календарій
Ее строилъ, и дворецъ
Имъ же начатъ; но хитрецъ,
Сколько видно, былъ замѣшанъ
Въ революцьи, и повѣшенъ.

И Фальери, самъ *ле Дожъ*,
Основатель, на вельможъ
Напустилъ народъ:—схватили
Бѣдняка и отрубили
Голову ему за то;
По ступенямъ *осито*
Обезглавленное тѣло
Кубаремъ здѣсь полетѣло!
Мусье Бейронъ, *ле* поэтъ,
Тутъ трагедіи сюжетъ
Отыскалъ; любовь прибавилъ
И событіе прославилъ,
И приплелъ тутъ свой романъ.
На крыльцѣ *лезъ орнеманъ,*
Всѣ работы Санцовина;
Другъ Тицьяна, Аретина
Этотъ славный былъ скульптуръ.

Тутъ, пройдя *энъ* корридоръ,
Очутилась я въ салонахъ.
На стѣнахъ и на *плафонахъ*,
Ты куда ни обернись,
Анъ персонъ мадамъ Венизъ,
Въ видѣ Греческой богини,
Или древней героини!
Юнъ эспесъ д'апотеозъ:
Говоритъ она: *эль козъ*
Со святыми и съ богами.
Въ родѣ свиты этой дамѣ
Ле вертю, э ле грѣхи,

Стулья *де се трибюналь*,
Гдѣ сенаторы садились:
Еслибъ и теперь явились,
Хоть сейчасъ опять садись.
Это: *ле салонъ де дисъ*,
Гдѣ тираны засѣдали;
Съ трепетомъ здѣсь отворяли
Въ старину, чай, эту дверь;
Здѣсь гостиная теперь.

Это зала: *де* Буссола,
Гдѣ извѣстная *ла гола*
Дель Леоне; де се тру
Выбирались поутру
И записки и доносы;
И тогда ужъ шли допросы,
Истязанья и тюрьма.
Пребольшая кутерьма!
Эта зала еще *Педжіо*,
И зовутъ *Анти Коллежіо;*
Посмотрю теперь *ле пюи*—
Тутъ чуланы *ожурдви*,
Прежде были казаматы.
Но тюрьмами здѣсь богаты;
По всей крышѣ, *ту дю лонъ*,
Расположены *ле плонъ*.
Пелико и Казанова
Тутъ сидѣли; но я снова
Говорю, что *де бетизъ*
Написали про Венизъ,

Что ужъ тюрьмы такъ ужасны,
Для здоровья такъ опасны,
И сидѣть нельзя ни какъ;
Это просто *де* чердакъ!

Но пора домой обѣдать,
Кухни здѣшней поотвѣдать;
А потомъ, не худо мнѣ,
Прогуляться при лунѣ;
Мысль осуществить поэта:
Ла Біондин' инъ Гондолета.

Мой обѣдъ былъ не богатъ:
Только съѣла *а ла гатъ*,
Вермишели двѣ тарелки,
Да еще двѣ, три бездѣлки,
Энъ каплунъ, авекъ дю ри,
Штучекъ шесть *де пуасонъ фри*,
И полъ-блюда макароновъ,
И десятка два мароновъ.
Тутъ съ Анетою сошла,
И гондолу наняла:
За весь вечеръ, *тре дукати.*
Описать ее ужъ кстати:
Лодка очень недурна;
Домикъ чернаго сукна;
Дверцы, окна и *розеты*,
Кузовъ траурной кареты.
По середкѣ *дю бато*,
Спереди большой *куто*,
Иль топоръ, или сѣкира,

Для красы и для *плезира,*
Потому что никакой
Нужды нѣтъ въ немъ; надъ водой
Онъ торчитъ, не прикасаясь;
Но межъ барокъ пробираясь,
Онъ опасностью грозитъ;
Для того, знать, и прибитъ,
Чтобы барки сторонились.
Въ домикѣ мы помѣстились;
Спереди стоитъ одинъ
Гондольеръ; но господинъ
Заднiй *гондольеръ,* въ *гондолѣ,*
И въ его единой волѣ
Амбаркацья: се ле шефъ.

Только Тассовскiй напѣвъ
Позабыли *гондольеры;*
Это жалко. Я той вѣры,
Что ихъ пѣснь была чудна
Здѣсь въ то время, какъ луна
Блескомъ дивнаго сiянья
Обдавала эти зданья,
Что такъ дышатъ стариной,
И заснувшею волной
Отражаются въ каналѣ,
Какъ мечта, въ туманной дали,
О счастливыхъ жизни дняхъ.
Непрiятности, и страхъ,
И заботы миновались;
Только чувства тѣ остались,

Что запали въ глубину
Нашихъ душъ, и старину
Такъ всегда для насъ чаруютъ,
Живописно такъ рисуютъ,
Что и нынѣшней бѣды,
Затираются слѣды.
А здѣсь Тассовы октавы
Отголоски были славы,
И любви, и всѣхъ затѣй,
И забавъ минувшихъ дней;
Смерть Клоринды *инь таль форма:*
Пасса, пасса э паръ ке дорма!
И Армида, и Танкредъ,
Весь волшебный этотъ бредъ,
И интриги, и *батальи*
Все богатырей Итальи.
И какъ часто, подъ шумокъ
Этихъ пѣсней, въ уголокъ
Прятался иной пріятель,
Венецьянки обожатель,
И давалъ условный знакъ
О свиданьи; такъ иль сякъ,
Только друга ожидая,
Венецьянка молодая
Вдругъ являлась на балконъ;
Между тѣмъ *сюръ ле мемъ тонъ*
Гондольеры продолжали,
И октавой усыпляли
Стражей, нянекъ, *ле мари!*
Право, какъ ни говори,

Я бъ сама была готова
Здѣсь забыть про Курдюкова;
И Француза съ бородой,
Будь онъ только молодой
И наружностью пріятенъ,
Полюбить; по мнѣ понятенъ
Межъ *гондолей* и октавъ
Маленькій *фотъ д'ортографъ*.

По каналу все *палаци*
Дей гримани, дей дураци
Монрениго, Дандоло
Отражаются *данъ л'о*,
Точно отклики былаго!
Правда, видишь у инаго,
Вмѣсто оконъ, *де* лубки;
Отслужили старики,
И не то, что прежде были,
Но однако жъ сохранили
Отпечатокъ старины.
Краснорѣчія полны
Ихъ затѣйные фасады,
Арабески, колоннады;
И когда на нихъ глядишь,
Далеко мечтой летишь;
Тутъ мелькаютъ куртезанки,
Ихъ ужимки, ихъ приманки;
Тутъ сидитъ надменный дожъ;
Тутъ вострexternal въ потемкахъ ножъ
Мужъ ревнивый, изступленный;

А тутъ крадется влюбленный
Непримѣтно отъ него,
И свиданья своего
Достигаетъ невредимо!

Но что невообразимо,
Это роскошь *дезъ эглизъ*.
Всякій разъ, когда *Венизъ*
Карой неба угнетались,
И надъ нею разряжалась
Неожиданно напасть,
И чума, разинувъ пасть,
Городъ весь опустошала,
И свирѣпая гуляла
Межъ испуганныхъ людей,
Вѣра пробуждалась въ ней!
Храмы ею воздвигались!
И какъ памятникъ остались
Для потомства и поднесь.
Мы любуемся имъ здѣсь.
Кіези такъ *делла салуте*,
Гдѣ расписаны на *вутѣ*
Язвы всѣ—Такъ Реданторъ,
Пышностью плѣняютъ взоръ.

Далѣе плыветъ гондола,
Тутъ Армянъ и домъ, и школа;
А тутъ Лидо, и каналъ
Заключаетъ арсеналъ,
Гдѣ готовились оковы
Отъ Венеціи суровой

Всѣмъ сосѣднимъ племенамъ;
И откуда по морямъ
Флотъ могучій и крылатый
За добычею богатой
Отправлялся въ старину;
И сердитую волну
Съ пѣной мутной и зеленой
Разсѣкалъ стрѣлой каленой.

Тутъ хранится *бусанторъ*,
Но не пышный, *тутъ анъ оръ*,
Какъ онъ древле красовался,
Остовъ лишь одинъ остался,
То есть руль, бока, и киль.
Этотъ остовъ—*де ла виль*
Мнѣ судьбу напоминаетъ,
И исторью представляетъ:
Какъ Венецья, *бусанторъ*
Испыталъ *ле ку дю соръ!*

Тутъ коллекцья, родъ собранья
Инструментовъ истязанья,
Выдумки Итальи злой;
Ключъ съ отравленной иглой,
Вѣрности замокъ ревнивый,
Ну наборъ пренекрасивый.

Я однако же *Венизъ*
Осмотрѣла, *куа к'онъ дизъ*,
Вдоль и поперегъ.—Къ обѣду
Нынче въ Местеръ я пріѣду—

И пущусь вояжъ опять
Сухопутно продолжать.
Но навѣрно, гдѣ ни буду,
Я Венецьи не забуду!
Нѣтъ.... въ душѣ впечатлѣна,
Какъ любовница она.

VII.

Флоренція.

часть первая.

Вотъ Флоренцья; Ветюрине
Показалъ ужъ мнѣ *кашине*,
Лунго л'Арно, *катедраль*
И *палаццо грандъ дюкаль*.
Славный городъ!—Въ немъ искусства
Изощряютъ наши чувства.
Мостовая, какъ паркетъ;
Но въ трактирахъ мѣста нѣтъ;
Заняли все Англичане.
Видно въ Лондонскомъ туманѣ
Не сидится имъ, и сплошь,
У кого есть только грошъ,
Всѣ переплываютъ море,
И ну ѣздить!—Право, горе
Вояжерамъ прочихъ странъ
Отъ проклятыхъ Англичанъ!

Вотъ въѣзжаемъ: передъ нами
Тріумфальный аркъ съ орлами,
А подальше *коръ де гардъ*
И таможня;—*прене гардъ,*
Господа контрабандисты,
Щеголихи и модисты!
Все разшарятъ *а ла портъ.*
Нѣтъ, взглянули на паспортъ
И пустили въ путь-дорогу;
И признаться, слава Богу,
Я устала, *э же фенъ;*
Черезъ эти *Апененъ*
Ѣдешь, ѣдешь и устанешь;
И кусочка не достанешь,
Червяка чтобъ заморить.

Если по *антре* судить,
То въ Флоренцьи некрасиво,
Пустыри одни; на диво
Домъ, другой кой-гдѣ стоитъ,
Но и то прежалкій видъ;
А ужъ далѣе, такъ чудо!
Все *палацы*, и какъ блюдо
Мостовая, фонари:
Что твой даже *ле Пари!*

Цѣлый вечеръ провозилась,
И едва, едва добилась
Въ третьемъ *пьянѣ* у Гомберъ;
Энъ картье довольно *шеръ,*
И ужасно какъ высоко;

Мнѣ оно *женанъ ун-поко:*
Часто я должна *сортиръ;*
Всѣ музеи *паркуриръ*
Мой проектъ, моя идея.
Я спросила лонъ-лакея,—
Мнѣ явился Рафаэль,
Лонъ-лакеевъ *ле модель,*
Энъ жени, энъ иммортель!
Наизустъ поэтовъ знаетъ:
Про картину разсуждаетъ,
Какъ первѣйшій *конесёръ,*
Словомъ, сущій *профессёръ!*
И всегда на комплиментахъ;
А шеваль на *сантиментахъ*
Деликатства;—паричекъ
И премодный сюртучекъ.
Мы съ нимъ тотчасъ положили
Чѣмъ начать; и разсудили
Всего лучше, *ква к'онъ дизъ,*
Комансе паръ лезъ эглизъ.
И пустились, что есть мочи,
Вплоть до кирки *Санта Кроче,*
Потому что *л'онъ м'а ди,*
Что ихъ ровно *а миди*
Всякій день здѣсь затворяютъ,
И ужъ больше не пускаютъ
Опоздавшихъ въ Божій домъ!
Подыми они содомъ,
Разкричися, *инфеличи;*
Все равно,—такой обычай!

Мы поспѣли; я вошла,
Но съ наружи я почла
Кирку ту большимъ анбаромъ;
И подумала, что даромъ
Такъ спѣшили мы поспѣть;
Вѣрно нечего глядѣть.
Но напрасно такъ судила;
Эта кирка восхитила
Мои чувства! и не разъ!
Всей Флоренціи *префасъ*
Въ этой киркѣ; всѣ *грандъ омы*,
Что въ исторіи знакомы
Особливо *де Флорансъ*,
Пуръ лезъ аръ и *ле сіянсъ*,
Собраны тутъ въ монументахъ;
И въ раздумія моментахъ
Ты летишь душою въ даль.
Всей исторіи скрижаль
Будто бъ предъ тобой развита!
Этихъ монументовъ свита,
Точно отзывъ старины!

Вотъ здѣсь съ правой стороны
Мишель Анджъ—великій геній!
Я готова на колѣни
Передъ нимъ. *Аршитектюръ*,
Живопись *э ла скюльптуръ*,
Все ему далося въ руки;
И искусства, и науки

Увѣнчали молодца,
И онъ носитъ три вѣнца.
Это все изобразили
Въ монументѣ; посадили
Три статуи грустныхъ бабъ:
У одной въ рукѣ масштабъ;
Эта первая фигура
Должно быть Архитектура;
У другой въ рукѣ рѣзецъ,—
То скульптура; наконецъ,
Живопись сидитъ въ вуалѣ,
Погруженная въ печали,
Пріунывъ и говоря:
„То была моя заря!“
Мишель Анджъ, Андрей *дель Сарто;*
Рафаэль родъ Бонапарта
На холстинѣ для Мадоннъ;—
Всѣ исчезли, *ту с'анъ вонъ.*

Рядомъ тутъ великій Данте.
Много о его талантѣ
Написали; онъ Поэтъ
И Философъ, слова нѣтъ;
Его плохо понимаютъ,
Но за то какъ уважаютъ!
На *пліянтѣ* онъ сидитъ
И съ отвагой говоритъ:
„Онорате иль поэта!“
И тутъ—вырѣзано это.

Тутъ Алфьери *ле Тражикъ!*
Монументъ его великъ
И украшенъ медальономъ!

Но я подошла съ поклономъ
Къ Макьявелю. *Кель гранд' омъ*
По Исторіи, и *комъ*
Сочинитель и писатель!
Медицисовъ былъ пріятель,
Дѣломъ правилъ, и писалъ.
Подноготную всю зналъ
Государей и народа;
А въ семьѣ не безъ урода!
Былъ пронырливъ и хитёръ,
И ужасно какъ остёръ.
Прежде просто имъ бранились;
Наконецъ всѣ согласились,
Что *сонъ пренсъ* и *се декадъ*—
Ключъ политики и кладъ!

Три, четыре мавзолея
Я прошла *де* Галилея.
Математикъ, Астрономъ:
А кому онъ незнакомъ?
Кто во времена ученья
Не отдалъ ему почтенья,
Какъ начальнику планетъ?
Тутъ виситъ его портретъ;
Я колѣна преклоняю,
Какъ душою вспоминаю:
Эта борода, *се не*

Молвили землѣ: *„турне*
„На себя и вокругъ солнца;
„Вкругъ тебя же родъ червонца
„Вертится пускай луна,
„Звѣздами окружена.
„Ты же, солнце, ты ни съ мѣста,
„Ни на шагъ изъ-подъ ареста,
„Средоточье будь міровъ."
Вотъ тутъ вся, въ десяткѣ словъ,
Галилеева система.
Для меня оно проблема,
Какъ онъ это отыскалъ?
И чѣмъ это доказалъ,
Мнѣ бъ спросить его хотѣлось.
Впрочемъ, что бы ни вертѣлось—
Солнце, мѣсяцъ иль *ла теръ*,
Се не сонъ па нозъ аферъ.

Кирка Кроче небогата
Анъ табло, а простовата.
Одна только есть *шапель*
Де Сибиль довольно *бель*.
Вся *Лаворо* Тинторето,
Но она, какъ родъ секрета,
Заперта *пуръ ту ле жанъ*,
У кого *не па д'аржанъ*;
Я вошла, и за три поля
Предоставлена мнѣ воля
Любоваться по угламъ
Этихъ четырехъ *віель фамъ*

Лицезрѣньемъ и *плафономъ;*
И *кустоде* мнѣ съ поклономъ
За такую *багатель*
Настежъ отворилъ *шапель;*
Точно изъ стѣны выходятъ
Ле Сибиль и страхъ наводятъ:
Упадутъ того гляди;
А *плафонъ ле паради*
Очень живо представляетъ;
Книгу Моисей читаетъ,
И нога его торчитъ.

Но пора! хочу *плю витъ*
Добѣжать до Анонсьяты!
Орнаменты въ ней богаты:
Есть картины *э де фрескъ,*
Одинъ очень *романескъ,*—
Это *ла Мадонна Сака.*
Былъ ужасный забіяка,
Волокита и нахалъ
Андрей Сарто;—бушевалъ,
И на съѣзжу попадалъ
Очень часто; иль скрывался
Отъ квартальныхъ здѣсь и тамъ,
Больше жъ по монастырямъ.
Потому что не входили
Никогда въ нихъ *алгвазилы.*
Разъ онъ какъ-то накутилъ;
Аннонсьяты пріютилъ
Монастырь его на время;

Но чтобъ былъ онъ тутъ не въ бремя,
Братья положили такъ,
Что дадутъ ему *энъ сакъ*
Де пшеницы за Мадонну,
Отъ полицьи оборону,
И квартиру, и *дине*,
Чтобъ ее имъ на стѣнѣ
Написалъ, съ большимъ искусствомъ,
И съ экспресьею, и съ чувствомъ.
Онъ исполнилъ договоръ.
И теперь *иль фрапъ анкоръ!*
Этотъ *фрескъ*, какъ бы живая,
Чтенью Іосифа внимая,
Ла Мадонна такъ глядитъ,
Будто съ небомъ говоритъ;
Благодать и вдохновенье
Въ ея взорахъ;—откровенье
Отражается на ней;
Смыслу горнему рѣчей
Она вѣритъ съ удивленьемъ;
Это все съ большимъ умѣньемъ
Начерталъ онъ, *пре д'енъ сакъ*,
Чтобъ оставить людямъ знакъ,
За какую, дискать, цѣну
Расписалъ онъ эту стѣну.

Фрески есть еще его
Тре фаме; и для того,
Чтобъ дожди ихъ не стирали,
Ихъ окошками забрали.

Тутъ представленъ *Сентъ* Филиппъ.
Громъ разбойниковъ зашибъ,
А онъ, ну скорѣй въ монахи,
И стоитъ тутъ безъ рубахи!
Тутъ творитъ онъ чудеса:
Но чтобъ описать *ту са*,
Книги бъ цѣлой не достало.
А хорошаго не мало
Въ Аннонцьятѣ есть *анкоръ;*
Право, разбѣжится взоръ,
Какъ начнешь смотрѣть картины,
Арабески, *пурпурины*,
Лаписъ-лаззули, *колоннъ*.

Болѣе всего *плафонъ*
Мнѣ въ куполѣ показался;
Тинторето постарался
Въ немъ представить, *л'онъ м'а ди*,
Весь *дю Данте паради*;
Всѣ тѣ круги, гдѣ внимая
Беатричѣ и гуляя
Мыслью творческой за ней,
Добродѣтельныхъ людей
Онъ нашелъ на первомъ планѣ;
А повыше и въ туманѣ
Лезъ угодникъ, *ле мартиръ*,
О которыхъ знаетъ міръ;
А повыше, неизвѣстныхъ
Тамъ пророковъ тѣхъ чудесныхъ,
Тамъ все воинство небесъ,

И ужъ выше не долѣзъ,—
Дымъ *розе*;—но мнѣ досада:
Рай его не стоитъ ада!
Адъ чудесенъ; *пургаторъ*
Ужъ совсѣмъ *не плю си форъ;*
А въ раю, такъ просто скука!
Мезъ онъ ди, что въ томъ и штука.

Въ Мишель Анджа *ла мезонъ*,
И *(времанъ, авекъ резонъ,)*
Я пошла изъ Анонсіята.
Я считаю, что два брата—
Религіонъ э ле жени,
И Господь насъ сохрани,
Чтобъ ихъ люди раздѣляли;
Мы бъ тогда сейчасъ пропали.
Мальчикъ рыжій, босикомъ,
Въ курткѣ, отворилъ мнѣ домъ,
И сейчасъ повелъ въ *салоны*.
Тамъ всѣ стѣны и плафоны
Представляютъ рядъ картинъ,
И во всѣхъ сюжетъ одинъ:
Мишель Анджа похожденья.
Вплоть отъ самаго рожденья
Какъ его журила мать,
Какъ учился рисовать,
Какъ докладывалъ Браманте
Папѣ о его талантѣ,
Какъ *ле Папъ* его призвалъ
И ему работу далъ;

Однимъ словомъ, всю исторью.
Какъ представилъ онъ *меморью*
О постройкѣ *де Сентъ Пьеръ*;
Какъ вдругъ сталъ онъ *милитеръ*,
Началъ строить *фортересы;*
Какъ Посломъ, онъ интересы
Медициссовъ защитилъ.
Мальчикъ тутъ меня впустилъ
Въ Мишель Анжело покои.
Всѣ поэты, всѣ герои
Омъ д'эта и *де сіянсъ*,
Коими славна *Флорансъ*,
Тутъ разставлены рядами,
И назначено словами,
Кто такой и чей портретъ.
Мишель Анджа кабинетъ
Тотчасъ прямо изъ столовой;
Ни одной нѣтъ вещи новой;
Все, что онъ употреблялъ:
Кисть, которою писалъ,
Съ красками его палитра,
И рѣзецъ, и два пюльпитра,
Се десенъ, э се табло,
Се статью, сонъ потъ а л'о,
И лохань, и полотенцо.

Тутъ пошла я въ *Сентъ Лоренцо.*
Это Храмъ *де Медисисъ*
Козмъ, Лоранъ и *Леонъ Дисъ!*
Тутъ вамъ монументъ воздвигнутъ,

И вашъ геній тутъ постигнутъ!
Онъ роскошенъ и великъ,
Флорентинскій мозаикъ.
Изразцы изъ *піетра дура;*
Его стѣны *э* фигура
Точно Римскій Пантеонъ,
Съ дюжиной большихъ колоннъ;
Пышность, щегольство, богатство!
Постигаю святотатство
Въ этой киркѣ; *се си ришъ*,
Что охотно сохранишь!
Но еще работы бездна,
И попытка безполезна,
Когда будетъ ашеве.

Поглядѣла,—*э же ве*
Въ катедраль и къ Батистеру;
Этимъ *дезъ эглизовъ* мѣру
Я исполню, *э плю таръ*
Погружусь *данъ ле боз аръ*.
Катедраль, большое зданье,
Можетъ обратить вниманье
Комъ энъ монюманъ готикъ,
И еще какъ мозаикъ
Разныхъ мраморовъ; замѣтимъ,
Что оно должно ужъ этимъ
Быть Флоренцьи катедраль;
Ибо главный здѣсь *траваль*
Мозаикъ, изъ *піетра дура*.
Недурна архитектура;

Но по мнѣ, для красоты
Слишкомъ много пестроты;
Этимъ только недовольна.
Кампаниле, колокольня
Хороша, *ме л'ентерьеръ*
Могъ бы быть *энъ пе мельеръ*;
Здѣсь безвкусье изумляетъ!
Любопытный тутъ гуляетъ,
И не видитъ ничего!
Де геро сюръ де шево,
Въ барельефахъ, въ стѣны вбиты.
Но они чѣмъ знамениты,
Кто они?—*же не се па!*
Но не я одна глупа;
И кустоде ихъ не знаетъ,
Хотя надписи читаетъ
Онъ отъ скуки иногда.

Но что стоитъ здѣсь труда
И вниманья аматера,
Это двери Батистера.
Тутъ анъ бронзъ, и *кель десенъ!*
Говорятъ: ихъ *Константенъ*
Заказалъ и самъ поставилъ
А Бизансъ; сюда жъ доставилъ
Ихъ какой-то *Медисисъ*
Труа, Катръ, у Сенкъ, у Сисъ
Я всегда преданьямъ вѣрю,
Вресамбланса ихъ не мѣрю.
Говорятъ, *а Сентъ Софи*
Двери были,—*са сюфи.*

Батистеръ, какъ *риги*, круглый,
И въ стѣнахъ такой же смуглый,
Какъ онѣ; двѣ, три *шапель*,
По середкѣ *юнь купьль*
Де порфиръ, рѣзьбы прелестной;
И изъ мрамора чудесный
Энъ Сентъ Жанъ, такъ бѣлъ, такъ чистъ,
Что зовутъ его батистъ.

Ну, вотъ съ кирками я квита
Послѣ этого визита!
„Нѣтъ, сказалъ мнѣ Рафаэль:
„Есть еще *Мари Нувель*,
„Хоть ее вы поглядите;
„Я спѣшу въ *Палацо Питти*,
„Но ее какъ миновать?
„Будутъ люди толковать,
„Что вашъ проводникъ зѣвака;
„Осуждать народъ—собака,
„Потеряю всю *пратикъ*.“
Согласилась я; и въ мигъ
Лишь вошла, духъ лодлаванда,
Флеръ д'оранжа, патъ д'аманда
Насъ совсѣмъ ошеломилъ;
Тутъ въ углу монахъ цѣдилъ
Изъ-подъ крана что-то въ стклянку;
Тотъ съ помадой держитъ банку,
Тотъ воронку, тотъ пузырь!
Это что за монастырь,
Больше въ родѣ магазина!

Я бъ дала имъ Жанъ Фарина
Иль *мусье* Корбе Пероль
Въ командиры, *ма пароль!*

Такъ какъ были мы *Вичини*,
То отправились въ *кашини*,
Гдѣ сбирается *бо мондъ*.
Я во фьякрѣ, *э же гонтъ*
Въ щегольскомъ такомъ хаосѣ.

Дама въ розовомъ *бурносѣ*
Анъ купе; за ней *шасёръ*
А при дверцахъ аматеръ,
Старичекъ щеголеватый,
И, какъ видно, пребогатый,
На лошадкѣ, въ парикѣ,
И съ лорнеткою въ рукѣ.

Тутъ другая дама въ шали:
Иль въ раздумьи, иль въ печали,
Такъ мила, такъ хороша,
Какъ видѣнье, какъ душа!
Вся воздушная, сквозная,
Интересная, больная;
Но высокій стройный станъ;
Онъ дире ке се Діанъ;
И у ней за экипажемъ
Энъ шасёръ съ большимъ плюмажемъ.
Видно, здѣсь *юзажъ* такой,
И довольно щегольской.

Вотъ еще *шасёръ* въ колясиѣ;
Дама, въ бархатной повязкѣ,
Хороша, какъ майскій день;
И сама я стала въ пень,
И въ нее какъ будто въѣлась.
Очень, очень приглядѣлась!
Щеки—какъ огонь горятъ,
Взоры точно говорятъ—
Но за все, про все смѣется,
И жеманится, и жмется;
Кажется, *энъ пѐ кокетъ.*
Молчаливъ ея сосѣдъ,
Но собой весьма не дуренъ;
Только нѣсколько нахмуренъ,
Особливо, *кантъ эль ри;*
Должно быть *се ле мари.*

Вотъ еще *шасёръ.* бурносомъ
Драпируясь, съ длиннымъ носомъ;
Бѣлокурая мадамъ
Тутъ сидитъ; а по бокамъ
Кавалеровъ скачутъ группы.
Пыль столбомъ отъ нихъ,—какъ глупы!

Вотъ еще *шасёръ,*—о нѣтъ!
Этотъ иначе одѣтъ:
Это просто родъ лакея.
Свѣтлобурая ливрея,
Эполеты, аксельбантъ,
Какъ нашъ Русскій адъютантъ;
Катре дамъ, и всѣ фигуры

Какъ одна, всѣ бѣлокуры;
Тирбушонами висятъ
Волоса; онѣ сидятъ
Улыбаясь, и толпами
Вкругъ лондо ихъ съ бородами
И съ бадинькой *де Франсе*
Дѣлаютъ *лезъ ампресе.*

Тутъ несется, какъ бригада,
Англичанокъ кавалькада;
А за ними *а шеваль*
Ихъ супруги; очень жаль,
Что мнѣ не далась *питтура;*
Славная бъ каррикатура!

Вотъ летитъ кабріолетъ;
Въ немъ по-Англійски одѣтъ
Длинный денди, сухощавый,
Юнъ барбишъ и усъ кудрявый;
Шляпа *а ла Боливаръ.*
И во рту торчитъ сигаръ.

Вотъ лондо—ковчегъ потопа—
Изъ трактира *де л'Европа;*
Англичанъ въ немъ *юнъ фамиль:*
Мать, отецъ, *де фисъ*, *де филь;*
Какъ они въ немъ помѣстились,
Жен' се па, но такъ стѣснились,
Какъ боченокъ *де* сельдей.
А на козлахъ: лонъ-лакей!

Вотъ еще ландо не уже,
Только старѣе и хуже:
И сидитъ, прижавшись тутъ,
Дама—точно *Лиллипутъ;*
Краснощекая, глазами
Такъ и вертитъ; между нами,
Хороша, но *тре мешантъ;*
Впрочемъ очень *элегантъ.*
Мужъ бѣднякъ пѣшкомъ гуляетъ;
Дама просто не пускаетъ
Съ ней сидѣть *данъ л'экипажъ,*
Дискать, *се не па л'юзажъ*

Англичанинъ превысокій
Разъѣзжаетъ, одинокій,
На большомъ аргамакѣ,
Въ свѣтлосѣромъ сюртукѣ;
То поклоны посылаетъ,
То къ каретамъ подъѣзжаетъ,
То сигналы подаетъ,
То прохожимъ руки жметъ;
Всѣмъ знакомъ онъ, всѣмъ пріятель,
И всѣхъ барынь обожатель.

Множество *орижино*
Повстрѣчались съ нами; но
Вотъ достигли середины,
Гдѣ построены *кашины;*
Въ этомъ мѣстѣ, *се л'юзажъ,*
Дамы *данъ лезъ экипажъ,*

Кавалеры пѣшеходы,
Всѣ жрецы богини моды
Массой, группами стоятъ,
Межъ собою говорятъ,
Точно будто бы въ гостиной;
А нашъ Англичанинъ длинный
Такъ и рыскаетъ; то къ той
Подъѣзжаетъ, то къ другой
Иль коляскѣ, иль каретѣ;
У него одно въ предметѣ,
Чтобъ сказалъ о немъ народъ,
Что *воля л'омъ а ла модъ!*

Но пора, ужъ часъ обѣда;
Продолжится здѣсь бесѣда
Тре лонтанъ, а должно мнѣ
Шезъ энъ Рюсъ еще *дине*.
Его ласки, хлѣбосольство,
Замѣняютъ намъ посольство,
Что недавно *сюприме*.
Всѣми здѣсь онъ *эстиме*.
Родинѣ, Царю и Богу
Онъ принесъ на жертву ногу
Среди ратныхъ непогодъ,
Намъ же руку подаетъ
На чужбинѣ, и какъ дома
Мы у этого *бравъ ома*.
Добрая его жена
И любезна и умна.
Поступь точно королевы,

И улыбка милой дѣвы.
Мастерица угощать,
Знаетъ каждому сказать
Слово именно родное;
Все семейство золотое;
Дочка юностью цвѣтетъ,
Точно пѣночка поетъ.
И танцуетъ, какъ Харита!
Послѣ долгаго *ихъ битта*,
Я прочла имъ *монъ журналь*,
И нашла, что *па тро маль*.

Тутъ въ театръ меня позвали
Данъ л'орложъ, а тамъ давали
Люкресъ Боржья,—с'етъ юнъ фамъ
Пренадменная, *санзъ амъ*;
Яровитая, какъ львица,
И большая баловница
И безстыдница; *тужуръ*
Дезъ энтригъ, э дезъ амуръ;
Мужъ ея какой-то *дука*.
Но вотъ матерямъ наука:
Ею сынъ *абандоне*
Былъ въ далекой сторонѣ;
Тамъ и выросъ, и явился
А Венизъ, и полюбился
Страшно *а мадамъ са меръ*,
И чуть чуть....*ме сетъ аферъ*
Вдругъ иначе обратилась;
Цѣлая толпа вломилась

Данъ ла саль, и ну ругать
Слишкомъ влюбчивую мать;
Сынъ ее возненавидѣлъ.
Дука это все увидѣлъ;
Ревность овладѣла имъ,
И затѣялъ онъ *энъ кримъ;*
Сына мать спасти успѣла
Въ первый разъ, но закипѣла
Гнѣвомъ, местью *а сонъ туръ,*
Потому что балагуръ
Кто-то, *де сонъ нонъ*, съ отвагой
Б сорвалъ своею шпагой;
Распознать *онъ не пю па*
Ле Фотифъ данъ ла толпа;
Все равно: *фотифъ* и правый,
Пусть погибнутъ! и отравой
Растворивъ вино и супъ,
Созвала она всю *труппъ,*
Всю толпу на пиръ, въ надеждѣ,
Что *сонъ фисъ* уѣхалъ прежде,
И что тутъ его ужъ нѣтъ;
Но онъ бѣдный на обѣдъ
Вмѣстѣ съ прочими явился,
Понаѣлся, понапился
Во всю волюшку, и вотъ
Заболѣлъ его животъ;
Рѣзь и судорги и крики;
Прибѣжали *доместики,*
А за ними и она,
Адской радостью полна;

Входитъ, и кого же зритъ? роднаго
Сына, при смерти больнаго!
Ну терзаться, ну рыдать!
Сердце говоритъ: что мать—
И свое сгубила чадо!....
Ништо, ништо, такъ и надо!
Не жалѣла о чужомъ,—
Пусть же плачетъ,—по дѣломъ!
А пропѣли такъ, что чудо!
Но и спать мнѣ лечь не худо.
Я боюсь, что будетъ мнѣ
Борджья грезиться во снѣ
И проклятый этотъ *дука*,—
Точно ребятишкамъ бука.
Если бъ я была Король,
Я бъ велѣла, *ма пароль*,
Для здоровья, для морали,
Чтобы по утрамъ давали
На театрахъ эту блажь:
Оно было бы *плю сажъ!*

VIII.

Флоренція.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Сонъ мой былъ весьма спокойный,
И звонили ужъ къ достойной,
Лорске же ме сви леве,

Витъ одѣлась, *э же ве*,
По совѣту лонъ-лакея,
Въ *лезъ офисъ*, гдѣ галлерея
Медицисовъ; цѣлый часъ
Лѣзу, лѣзу!—добралась!
Отворяются мнѣ двери,
И все бронзовые звѣри.
Въ *вестибюлѣ*, (родъ сѣней),
Пара бронзовыхъ свиней,
Лошадь, волкъ, олень, собака,
Бюсты старые, родъ брака
Разныхъ древностей, *гранз омъ:*
Медицисъ, Лоранъ и Комъ.

Но, по мнѣ, весьма недурно
Этотъ бронзовый Сатурно
Тутъ представленъ; онъ злодѣй!
Собственныхъ своихъ дѣтей
Ѣстъ, какъ будто бы жаркое;
А Сатурно что такое?
Время—просто; *се ле танъ,*
Ки деворе сезъ анфанъ!
Время, точно, все раждаетъ,
И оно жъ все поглощаетъ:
Политику, *лезъ амуръ,*
Славу, знатность *туръ а туръ.*
Появилось, засіяло,
И какъ будто не бывало.
Время, какъ обжора, ѣстъ
Что найдетъ, *э кескъ иль рестъ?*

Эту притчу я считаю
Презатѣйной.

Вотъ вступаю
Въ галлерею. *Саркофажъ*,
Кажется, *дю моенъ ажъ:*
Гробъ барона или Папы,
Трости, зонтики и шляпы
Вкругъ его *комъ юнъ гирляндъ*
И при нихъ стоитъ *драбантъ*
Анъ ботфортъ, въ плюмажѣ, съ шпагой;
Посѣтителямъ съ отвагой
Раздаетъ онъ нумера;
Но растолковать пора,
Что такое галлерея!
Вкругъ она всего музея
Какъ снурокъ обведена
Де табло цѣны не важной
И работы невальяжной;
Конёсеры ихъ зовутъ,
Сколько помнится, *де крутъ*.
Де статю—на колоннетахъ;
Ме ле бо все—въ кабинетахъ.

Надо обойти кругомъ,
И начать въ концѣ другомъ,
Гдѣ Морфей, ребенокъ жирный,
Изъ базальта, тихій, смирный
Спитъ на пребольшомъ крылѣ.
Антре ну, са не па ле!

Сонъ представленъ натурально;
Но оно не капитально,
И душѣ не говоритъ.

Мезъ энъ Бахусъ тутъ стоитъ:
Ужъ совсѣмъ другое дѣло;
Ноги, взглядъ, улыбка, тѣло,
Все пьяно... *Ме сетъ ивресъ*
Преисполнена *ноблесъ.*
Такъ, по мнѣ, бываетъ пьяный
Тотъ, кто при зарѣ румяной,
Видя море, небеса,
Горы, водопадъ, лѣса,
Въ часъ волшебный пробужденья,
Богу гимнъ всего творенья
Въ нихъ читаетъ, и душой
Повторяетъ гимнъ святой,
Отъ земнаго отдѣляясь,
Свѣтлой вѣрой озаряясь,
И летя въ надзвѣздный міръ,
Гдѣ души его кумиръ!!..
Такъ бываетъ пьянъ влюбленный;
Тотъ, кто думѣ сокровенной,
Всѣмъ надеждамъ, что питалъ,
Въ первый разъ свободу далъ,
Въ первый разъ изрекъ признанье,
И находитъ: состраданье,
Всѣмъ мечтамъ души—отвѣтъ!
Такъ бываетъ пьянъ—поэтъ!
Увлекаясь вдохновеньемъ,

Проникая съ дерзновеньемъ
Будущихъ временъ туманъ!
Такъ, Кристофъ Коломбъ былъ пьянъ,
Новый свѣтъ искать пустившись,
И мечты своей добившись,
Какъ увидѣлъ *Америкъ!*
Пьянство, *данъ ле танзъ антикъ,*
Было то, что вдохновенье,
Что суетъ земныхъ забвенье,
Что надежда, что любовь!..
Волновалась сильно кровь,
Цѣпи жизни всѣ слагались,
Двери неба отворялись!
Бахусъ богъ, *же ле консуа,*
Былъ тогда въ чести.

Пуркуа

Нынче пьяницы такъ глупы!
Посмотрите эти группы,
Что при кабакахъ у насъ!
У иныхъ подбитый глазъ,
Тотъ кричитъ, какъ угорѣлый,
Того рветъ, а тотъ не смѣлый,
Пробираясь по стѣнѣ,
Спотыкается. Однѣ
Отвратительныя сцены!
А всей этой перемѣны,
Между нами, кто *фотифъ?*
Вѣкъ нашъ—слишкомъ *позитифъ.*

Но вотъ публику впускаютъ
Въ кабинеты;—ожидаютъ,
Что увидятъ *энъ трезоръ*,
А находятъ: въ первомъ, вздоръ—
Вазы, ковшики, и блюда
(Все непрочная посуда).
Анъ теръ кюитъ ле вазъ этрюскъ
Были рѣдки только *жюскъ*
Не узнали мы фарфора
И фаянса, и для вздора
Для такого,—кабинетъ!..
Глупо такъ, что мочи нѣтъ!..

Кабинетъ *де бронзъ* за этимъ
Интереснѣе; замѣтимъ,
Что *ле бронзъ* былъ въ старину,
То же, что чугунъ *ше ну*.
Лились изъ него кастрюльки,
Вазы, дѣтскія бирюльки,
Стулья, каски, *ле кирасъ*,
Монументы, какъ у насъ,
И статуи полководцевъ,
Даже краны для колодцевъ;
Сверхъ того, старинный міръ
Олицетворялъ кумиръ
Всѣхъ страстей, всѣхъ упованій,
Наслажденій и желаній,
Гнѣвъ, обжорство, красоту;
Иль и аве де дье пуръ ту!—
И фантазьи той затѣйной,

Былъ всегда заводъ литейный,
Сколько видно,*отре фуа*
Фурнисеръ,—воля пуркуа
Столько бронзовъ.—Тутъ Венера,
Тутъ доспѣхи кавалера,
Тутъ жаровня, тутъ *эркюль;*
Тутъ котелъ, тутъ *шезъ кюрюль;*
Здѣсь двѣ группы на колоннахъ,
Здѣсь престранный, въ панталонахъ,
Въ круглой шапкѣ, *анъ сабо*
Энъ Эркюль, к'онъ ди тре бо,
Я не вижу;—но прелестный
И весьма, весьма извѣстный
Жанболонья здѣсь *Меркюръ*:
Точно мысль, *же вузъ асюръ,*
Творческая мысль поэта,
Въ мигъ волшебнаго излета
Изъ души, какъ дивный звукъ!
Выпалъ *сакъ увражъ* изъ рукъ
У меня отъ удивленья;
Столько жизни въ немъ, движенья!
Такъ онъ легокъ, *эланже!*

Ну *де ла же сви пасе*
Въ кабинетъ *де ла* Ніобе.
Интереснѣйшія обѣ:
Мать и дочка. *Л'онъ дире,*
Что *ле* мраморъ *ва плере!*
Нѣтъ поэзьи, нѣтъ искусства
Передать такія чувства,

Какъ ихъ выразилъ скульпторъ!
И нельзя не дать *ле торъ*
Аполлону и съ Діянной,
Въ ихъ жестокости поганой,—
Такъ всѣ жертвы хороши!
Понимаешь отъ души
Бѣдной матери страданье,
Дезеспуаръ ея, воззванье
Къ непреклоннымъ небесамъ!
Слава Богу! чудесамъ
Нынче время миновалось:
А что въ старину случалось,
Ма пароль, с'етъ энкроябль!
Боги не были *бонъ дьябль;*
О контреръ, всегда сердиты.
Страшны были ихъ визиты!
Какъ немножко не по нихъ,
Ужъ того гляди, что въ мигъ
Въ гуся, въ дерево, въ лягушку
Обратятъ, или въ кукушку;
А пожалуй, и иной
Не уйдетъ отъ нихъ живой.

Тутъ мы въ залу *де* Барочи
Перешли;—прельщаютъ очи
Все картины *манификъ*,
И *энъ* столъ *де* мозаикъ;
Всѣхъ виднѣе: *ла* Мадонна!
По середкѣ небосклона
Удивительный *боте;*

А подъ нею *шарите!*
Въ разныхъ видахъ, тутъ мальчишка,
Тутъ паскудный старичишка,
Тутъ съ собакою слѣпецъ,
Тутъ больной; а тутъ купецъ,
Принеся для этихъ бѣдныхъ,
Нѣсколько копѣекъ мѣдныхъ,
Раздаетъ ихъ; *дезъ анфанъ*
На колѣнахъ; *леръ маманъ*
Заставляетъ ихъ молиться,
А имъ хочется рѣзвиться,
Поиграть *авекъ ле шьенъ*
Де л'авегль; се тре бьенъ,
Натурально такъ, что чудо!..

Тутъ еще весьма не худо:
Пастырей, волхвовъ визитъ.
Данъ ла нюи, фонарь горитъ
И лампадочка въ кивотѣ;
С'е Жерардо делла Нотте.

Тутъ, Корреджева *Мадленъ.*
Право, *эль ме фе д'ля пенъ*
По причинѣ туалета:
Даже слишкомъ разодѣта;
Для Святой, *са не во па*
Выставлять такъ *сезъ апа.*

Славный Вандикъ, въ шубѣ волчьей;
Сентъ Сесиль де Карло Долче,
Мантья, ваза и тюрбанъ.

Но всѣхъ лучше *де л'*Альбанъ
Здѣсь *табло;* молиться тянетъ
Всякаго, кто только взглянетъ,
Отъ всей сердца теплоты.
Отрокъ дивной красоты,
Нашъ Спаситель, среди сада.
Я божественнѣе взгляда
Не видала: къ небесамъ
Руки поднялъ Онъ,—и Самъ,
Кажется, творитъ моленье!
И святое вдохновенье,
И любовь въ его чертахъ,
И молитва на устахъ!
Херувимчики витаютъ
По деревьямъ,—и внимаютъ
Благовѣстью ихъ Царя!
Это точно, какъ заря
Дня всемiрнаго спасенья,—
Дня на вѣкъ безъ захожденья!

Тутъ двѣ залы *де портре.*
Ну ужъ, *ву ме перметре,*
Это *круты* большей частью.
Да и рожи-то, къ несчастью,
Незавидны. Албертъ Дюръ
Препасквильная *фигюръ;*
Голбейнъ, также некрасивый;
Рембрантъ, видно былъ плѣшивый,
Въ шляпѣ сдѣлалъ свой портретъ;
Караваджьо, Тинторетъ.

Ле Жоржоне, *ле* Басано,
Сальваторъ, Лука Жордано,
На одинъ почти фасонъ;
Рюбенсъ *тре жоли гарсонъ;*
Рафаэль хорошъ, недуренъ
Мишель Анжо, но нахмуренъ;
*Мé пуръ л'*Аннибалъ Карашь,
Право, *лонъ дире к'иль крашъ,*
Какъ живой; Лука Кимбіязый
Черезъ-чуръ ужъ лупоглазый;
Жанъ Беллини старъ, смѣшенъ
Здѣсь, горбунъ и пресмышленъ,
Межъ цвѣтовъ себя представилъ,
Горбъ свой скрылъ, одну оставилъ
Рожу только, *воаля ту;*
Могъ бы спрятать онъ и ту,
Не бѣда бы; но *экстаза*
Здѣсь весьма достойна ваза
Медицисъ, *ке л'онъ аппель;*
Велика, *са формъ э бель,*
И изваяны фигуры.
Торжество, *временъ,* скульптуры!—
Ты куда ни поверни,
Сакрифисъ д'Ифижени
Все ты видишь.—Въ другомъ залѣ
Также на піедесталѣ.
Ла Венера *акрупи;*
Говорятъ, *сетъ юнъ копи,*
Но довольно миловидно;
Маловата, тѣмъ обидно;

Для статуи же *суатре*
Поплотнѣе *лезъ атре*.
А легка для переноски!

Но что зрю! *Мусье* Бріоски,
Русскій нашъ *ресторатеръ*;
Академикъ, аматеръ
Удостоенъ здѣсь портрета;
И каковъ же? Съ Тинторетомъ
На одной виситъ стѣнѣ:
Чай, не грезилъ и во снѣ!

Тутъ старинныя скульптуры.
Эти первыя фигуры—
Три Венеры: *ла пюдикъ*,
Женитриче и *мистикъ*,
Схожы всѣ, довольно голы,
И одной, какъ видно, школы.
Тутъ Меркурій *анъ репо*,
Съ крыльями его *шапо*.
А онъ голъ, имѣетъ грацью;
Онъ мнѣ произвелъ *сенсацью*,
Признаюсь. А тутъ лежитъ,
Говорятъ: *л'Эрмофродитъ*—
Что такое, я не знаю:
Омъ и *фамъ*, не понимаю;
Знать эмблема, но чудна!
Говорятъ мнѣ *к'иль й ан а*.
А у насъ на бѣломъ свѣтѣ—
Толковать про вещи эти

Дамѣ не весьма *перми.*
Тутъ въ чуланѣ *де моми*
И Египетскія рожи
На игрушки тѣ похожи,
Что въ Ростовѣ продаютъ.
Для чего ихъ берегутъ,
Жен се па.—Еще фигура
Д'энъ Эркюль; что за натура!
Въ колыбели онъ, дитя,
Задушилъ змѣю шутя!
Тутъ два *Путта*, два амура,
А тутъ маска,—ужъ фигура!
Только что пугать дѣтей.
Старина полна затѣй.

Здѣсь *ла скуола* Венецьяна,
И *шедёвры* все Тицьяна.
Первый обращаетъ взоръ
Его чудная *ла* Флоръ;
У нея въ рукахъ цвѣточки,
А на ней, опричь сорочки,
Ничего; *ме кель детайль!*
Какъ рисуется *са тайль!*
Точно будто бы живая,
Вся весной благоухая.
Все въ ней нѣга, все краса,
Шея, плечи, волоса,
Се бо бра, регардъ, улыбка;
Только есть одна ошибка,
Энъ Англе мнѣ говорилъ,

Что сорочку не спустилъ
Онъ пониже; я согласна.
Сантъ фамиль еще прекрасна
Дю Тицьянъ; *кель бель имажъ*
Поля Воронецъ *ле Мажъ!*
И еще два, три портрета,
Да *Сантъ сцена* Тинторета,—
И конецъ *де се коте*.

Виз а ви, ла рарете,
Кабинетъ галантерейный,
Пребогатый, презатѣйный!
Ле бижу старинныхъ дамъ:
Дезъ оазо анъ филограмъ;
Да въ оправахъ блюда, стклянки;—
Но толпой тутъ Англичанки
Съ ихъ мужьями, *а тутъ`еръ*,
Точно будто *а демеръ*,
И не могутъ оторваться;
Даже мудрено пробраться
Между ними въ кабинетъ;
А тутъ, *паръ десю леръ тетъ*,
Ты гляди, коль могъ добиться,
А чтобъ имъ посторониться,
Мѣсто дать,—и не мечтай,
Хоть проси ихъ, хоть толкай!

Тутъ *ла саль эколь* Французской;
Но пріятно какъ для Русской:
Бюстъ прекрасный тутъ стоитъ

Александра; тотъ же видъ
Кроткій, добрый, незабвенный!
Александръ благословенный
Всей Европы былъ кумиръ;
Даровалъ Онъ ей тотъ миръ,
Кѣмъ искусство процвѣтаетъ.
А какъ Русскій вспоминаетъ
Это время,—на аршинъ
Выше станетъ. *Ж'имажинъ*,
Что Мемнона бюстъ извѣстный
Отъ того, что интересный
Звукъ давалъ, какъ звуки лиръ!
Звуки были *сувениръ*.
А здѣсь что за вспоминанья!
И дальнѣйшія преданья,
Внукамъ ихъ передадутъ.—
Конъ с'апрошъ э к'онъ экутъ.

Бургиньона тутъ компанья,
Тутъ Филиппа *де* Шампанья,
Кажется, Сюлли портретъ;
Тутъ Мазепа *де* Вернетъ;
А вотъ этотъ, возлѣ двери,
Фаброва портретъ Алфьери;
Тутъ Миньярдъ, а тутъ Вато:
Ну, уже совсѣмъ не то,
Что *питура дей маэстри!*
Эти всѣ *унъ поко* пестры,
То есть, яркій *колори*,
И немножко *попури*.

Клодъ Лоренова *питура*
Отрё шозъ; ему натура
Весь открыла свой секретъ.
Но за то его тутъ нѣтъ,
А виситъ въ другой онъ залѣ,
При Поль-Потрѣ и Рюйздалѣ.

Тутъ, какъ сводный эскадронъ,
Де табло мовезъ э бонъ,
Разныхъ школъ, эпохъ, манера,
Мьериса, Голбейнъ, Теньера,
Джюто, Кранахъ, Петеръ Нёвъ.
Славно какъ представленъ гнѣвъ
На щитѣ, въ лицѣ Медузы;
Парикмахеры Французы
Хитрецы, но про *куафюръ*,
Какъ у ней, *же вузъ асюръ*,
Не имѣютъ и идеи;
Вмѣсто локоновъ всё змѣи!
Что *куафюръ а ла шинуазъ*,
Папильонъ, *эпи, франбуазъ*,
Вишни, башни, винограды,
Флеши, діядемъ, торсады,
Кокелисы де Пари?
Нѣтъ,—змѣями убери
И къ лицу,—чтобы пристало,
Какъ къ Медузѣ. Толку мало
Впрочемъ: таковой парикъ
Могутъ счесть и за *критикъ*
Наши дамы; и признаться,

Есть охотницы кусаться,
Хотя змѣй ихъ не видать.
Лучше ихъ не называть;
Щекотливы эти струны.

Вотъ дошли мы до Трибуны.
Ла Трибюнъ, ке се ке се?
Я подумала, и всѣ
*Дикс*і*онеры* разобрала
Понапрасну; не сыскала.
Должно быть, *с'етъ юнъ шапель*,
Юнъ часовня, гдѣ мамзель
И дитя пустить спокойно
Можно; все благопристойно,
Все приличье, все *десансъ*,—
Говоритъ такъ *ле бонъ сансъ:*
Благочестное собранье,
Такъ святое и названье!
Съ этой мыслью я вхожу—
Изумилась, и гляжу:
Голая стоитъ Венера,
А при ней два *гладьятера*.
Также каждый безъ штановъ,
Безъ рубашки, и таковъ,
Ну.... какъ мать на свѣтъ родила!
Я бы дочку не пустила;
Не пустила бъ и жену,
Мужъ была бы; *антръ ну*,
Только такъ, изъ опасенья,
Все боялась бы сравненья!

Вѣдь не всякій *сюръ л'антикъ*
Мужъ скроенъ; иной старикъ—
Косолапъ, другой—горбатый,
Тотъ толстякъ. а тотъ косматый;
Ну, покудова одинъ,
Купидонъ онъ,—господинъ;
Взялъ жену и щеголяетъ,
Про другихъ жена не знаетъ,
Отъ супруга безъ ума;
На безлюдьи и Ѳома
Дворянинъ! Тутъ Англичанки,
Нѣмки, Русскія дворянки,—
Только слышишь: ахъ *ма сёръ!*
Какъ прекрасенъ *гладьятёръ!*
То ли мой Егоръ Матвѣичъ,
Или твой Степанъ Андрейчъ?
И въ подметки не пойдутъ!
Се сонъ дезъ уродъ! и тутъ
Брачную теряютъ вѣру.
Мужъ покудова Венеру
Разбираетъ: *кель жену!*
Что за грудь! а какъ жену
Дома вечеромъ увидитъ,—
Сталъ ровнять, и разобидитъ.
Почему же *ла* Трибюнь
Назвали? По мнѣ, *с'етъ юнъ*
Западня для брачныхъ узовъ,
Вѣрно выдумка Французовъ,
Седюктёровъ, *пуръ гате*
Нашихъ дамъ *фиделите*.

Двѣ безстыдницы, Венеры
Де Тицьянъ, ужъ свыше мѣры
Обнаженныя, висятъ
На стѣнѣ; здѣсь ищетъ взглядъ
Отъ разврата обороны,—
И находитъ двѣ Мадонны
Рафаэля; всѣ черты
Дивной неба красоты
Такъ невинны, благодатны.
Имъ какъ будто непонятны
Свѣта козни, зло, развратъ;
Обѣ такъ онѣ глядятъ,
Будто бы зовутъ съ собою
Въ небеси, и чистъ душою,
Взглянетъ только кто на нихъ,—
Пылъ страстей затухнетъ въ мигъ,
Все земное исчезаетъ,
И молитва излетаетъ
Изъ души, какъ ѳиміамъ!

Рядомъ тутъ, еще мадамъ
Рафаэля жъ: Форнарина!
Безподобная картина;
И цѣны ей кто не дастъ!...
Но съ Мадоннами—контрастъ!
Точно Нимфы и Циклопа!
С'етъ юнъ фамъ, комъ иль не фо па.
Славная тутъ *Эродьядъ*
Де Луини; говорятъ,
Копья Леонарда Винче,

А оригиналъ гдѣ нынче?
Подивитесь! *ж'имажинъ*,
Между Мятлевскихъ картинъ́!

За Трибуной еще зала,
И конецъ. Тутъ отыскала
Я знакомый мнѣ сюжетъ:
Притчу, сказку древнихъ лѣтъ!
Съ Пютифоршей сладострастной
Іосифъ борется прекрасный!
Веронезъ орижиналь;
Но гдѣ этого *мораль*,
И какой урокъ мамзели?
Я не вижу въ самомъ дѣлѣ,
А учить велятъ всегда.

Вотъ картина хоть куда:
Се ле Лембъ, рай простодушныхъ,
Добрыхъ женъ, мужей послушныхъ,
Невоспитанныхъ ребятъ,
Всѣхъ, на комъ не тяготятъ
Ни грѣхи, ни преступленья;
Но про коихъ похожденья
Не сказать добра, ни зла,
Анъ энъ мо: какъ отъ козла,
Какъ Французы переводятъ,
Ни *дю ле*, ни *де ла ленъ!*
И признаться *нонъ санъ пенъ*,
Въ свѣтѣ таковыхъ не мало
Есть, и будетъ, и бывало!

Жюль Рюменъ изобразилъ,
Какъ Господь ихъ воскресилъ.
Лица всѣ у нихъ овальны;
Очи точно какъ хрустальны,
Брови правильной дугой,
Носъ почти у всѣхъ прямой,
Подбородокъ кругловатый,
И отчасти длинноватый;
Бѣлокуры волоса;
Бѣлы, жирныя мяса,
Прерумяныя ланиты,
И уста полуоткрыты!

Но картинамъ всѣмъ вѣнецъ
Вертинелли молодецъ,
Здѣсь поставилъ родъ букета,
Какъ пришла Елисавета
Въ домъ Маріинъ, и душой
Съ вѣрой теплой и живой
Благодатную встрѣчаетъ;
Къ персямъ нѣжно прижимаетъ,
И ужъ взоромъ говоритъ,
Что звѣзда волхвовъ горитъ,
Что родится въ міръ Спаситель,
Зла и смерти побѣдитель,
Что уже взыгрался въ ней
Тотъ младенецъ, Моисей,
Илія второй, предтеча!...
Звонъ Божественнаго вѣча
Слышится въ картинѣ сей;

Откровенье дышитъ въ ней.
Благодатная, внимая
Благовѣстью, и смиряя
Духъ сомнѣнья предъ Святой
Волей Господа, съ мольбой
Точно къ небу обратилась!
Не хотя перекрестилась
На картину, и пошла
Я домой скорѣй. *Вола*
Три часа, какъ здѣсь гуляю,
Все *шедевры* разбираю,
Надобно же знать и честь!

Да и хочется поѣсть,
Въ животѣ бурчитъ; не худо
До котлеточки,—вотъ чудо!
Только вышла *сюръ ла пласъ*,
Задержалъ опять *экстазъ*
Предъ Нептуновой фонтеной.
Всѣ обрызганные пѣной
Кони борзые въ водѣ;
А при нихъ, какъ будто *де*
Палфренье, *Тритонъ* стремятся
Удержать ихъ, и боятся,
А Нептунъ, *ле дье де меръ*,
Поднялъ свой *тридань анъ меръ*.
Къ пробужденію *Тампета*,
Какъ Гомеромъ то воспѣто,
Кажется, *данъ л'Одисей*.

Но вотъ прелесть: *ле* Персей!
Что за чудное творенье,
Что за станъ, за выраженье!
Винкельманъ о немъ сказалъ:
Мужества вотъ идеалъ!
Точно, грудь его открыта
Какъ Рампаръ, и какъ сердита
Вся позицья! берегись!
Врагъ сдавайся и смирись!
Твердою какъ онъ рукою
Держитъ мечъ, и какъ другою
Кажетъ голову, что имъ
Отнята! *О же л'эстимъ!*

Но здѣсь прелести всѣ въ ложѣ.
Этотъ *раптъ* Сабинокъ тоже
Енъ шедевръ де ла скюлптюръ.
Какъ согласны *ле фигюръ,*
Композицья какъ богата,
Сила какъ видна солдата!
И *дезиръ де поседе,*
И въ ней, мысли *де седе*
Ужъ мелькаютъ средь испуга,
Поняли они другъ друга;—
Но какая въ ней краса!
Какъ віются волоса,
Какъ ѳна легка, игрива,
Какъ должна быть щекотлива,
Какъ боится, *комъ ель при!*—
А жену—се ле мари:

Бѣдный, какъ убитъ онъ духомъ!
Плеть не справится съ обухомъ,
Какъ ни силься.... Но пора
Мнѣ домой. *Комъ онъ вудра*,
Набралася я *сенсацьи*
На свой пай.

Двѣ инвитацьи
Лонъ-лакей мнѣ подаетъ:
А дине меня зоветъ
Пренсъ одинъ и *ожурдви* же,
Команъ феръ? Когда бъ въ Парижѣ,
Я достала бы *де флеръ*,
Дезъ аби, э де тальеръ,
И сейчасъ была бъ одѣта
Комъ иль фо; но какъ Анета
Здѣсь успѣетъ? *Се бьенъ таръ!*
Все равно, *а ту газаръ*,
Постараться.... А другая
Инвитацья-то какая?
Отъ кого и *пуръ кель журъ?*
А деменъ энъ баль де куръ;
Время есть распорядиться,
Но теперь поторопиться.
Хоть *ле пренсъ* и *тре бравъ омъ*,
Но онъ былъ уже посломъ
При дворѣ Наполеона,
Надобно же, для *бонъ* тона,
Мнѣ имѣть *юнъ робъ а тренъ*
Де бижу, де плюмъ; а пенъ

Же ле танъ, но *вивъ*, Анета!
Славно я опять одѣта,
Платье чудо, *де в'луръ розъ,*
И подъ цвѣтъ, какъ разъ пришлось;
Домино мое—скроили
Анъ тюникъ, и отпустили
Хвостъ, почти что на аршинъ;
А тутъ *анъ крепонъ де шинъ*
Фалбала и *гарнитуры,*
И нарочно, для фигуры,
Выбрали мы *амарантъ,*
А на головѣ гирландъ
Бѣлыхъ розъ; вокругъ шиньона
Де каме, три медальона,
Жемчуги, *э де коро*,
И большущее перо.
Аметисты, малакиты
По всей таліи нашиты;
Башмаки *кулеръ де паль,*
Де ганъ бланъ, энъ эванталь!
Ну, ужъ въ этомъ туалетѣ
Хоть куда! Но вещи эти
Видны только что у насъ!
Захотѣлось, и какъ разъ!
Что куаферы, что модисты?
Русскіе, родясь, артисты!
Русскій только что возьмись,
Иль фо ке са реюсисъ.
Кучеръ въ повара назначенъ,
И обѣдъ весьма удаченъ

Во второй иль въ третій разъ.
Да и то ль еще у насъ!
А Кулибинъ нашъ? а Власовъ?
Плотники безъ ватерпасовъ
Строятъ, просто топоромъ?
Но адье! *же везъ а Ромъ!*
Мнѣ въ Флоренцьи надоѣло,
И кому какое дѣло,—
Какъ происходилъ обѣдъ!
Эка важность! *се си бетъ*.

IX.

Римъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воатюрье! стой минутку!
Ты везешь не Алеутку;
Поклониться дай же мнѣ
Рима славной старинѣ!
Да и самъ сними-ко шляпу!
Въ Римѣ ты увидишь Папу;
Онъ грѣхи твои проститъ!

Ну, увре каросъ плю витъ!
Дамъ разгулъ *имажинацьи!*
Вы, явитесь мнѣ, Горацьи!
Ты, Катонъ! ты, Манліусъ!

Ты, Нюма Помпиліусъ!
Ты, жеманная Лукрецья!
Маскарадная Венецья,
Никогда не поняла,
Отъ чего ты умерла!
И у насъ не понимаютъ!
Тѣ же случаи бываютъ
Иногда; *ме с'етъ эгаль;*
Не хоронимъ мы *Весталь*,
Я сама.... но вотъ *куполя*
Де Сенъ Пьеръ, вотъ капитоля;
Знаменитая гора,—
Вотъ весь Римъ! ура! ура!

Какъ люблю я Римлянъ племя;
Какъ люблю все это время
Героизма, *дю куражъ!*
Миновалось,—*се домажъ!*
Римскій былъ народъ пресильный,
Славой, фактами обильный,
А теперь онъ очень слабъ;
Командиръ у нихъ *ле Папъ*,
Старичекъ, и легіоны
Капуциновъ; батальоны
Де монахи *бланшъ э нуаръ;*
Гдѣ дѣвалась *ла глуаръ?*
Цинциннаты гдѣ, Нероны?
Сохранились чичероны
Только, древности любя,
Чтобы съ толку сбить тебя;

И доказывать по справкѣ,
Гдѣ трактиры, бани, лавки
Находились у Римлянъ;
Гдѣ ихъ Преторскій былъ станъ,
Гипподромы, акедюки;
Всѣ извилины науки
Перейдутъ *пуръ ариве*,
Только, а не *рьенъ пруве*.
Напримѣръ: мусье Висконти
Тамъ, гдѣ *Тринита ди Монти*,
Говоритъ, былъ *Авантенъ*
Или *Монтъ Капитоленъ*.
Ошибаешься, *мейнъ либеръ*,
Авантенъ былъ тамъ, гдѣ *Тиберъ!*
Говоритъ наперекоръ
Мусье Бунзе, и *анкоръ*
Не доказано на-вѣрно,
Гдѣ клоакъ максимъ, ситерна.
Въ третьей книгѣ Титоливъ
Ее ставитъ межъ оливъ;
А Саллустъ и Діонъ Кацій
Полагаютъ межъ акацій.
Преученый разговоръ!...
А ты слушай этотъ вздоръ
Здѣсь про каждую *руину*
И вниманья дѣлай мину;
А то скажутъ; *кель домажъ*—
Сетъ мадамъ *этъ юнъ соважъ!*

Не допуститъ Курдюкова,
Такъ задѣть *гонеръ* Тамбова;

Я сама готова имъ,
Понаговорить про Римъ,
Все, что съ молоду узнала
И въ Миллотѣ почерпала.
У насъ каждое дитя
Перескажетъ имъ шутя,
Кто былъ Ромулъ, кто Тарквиній,
Кто Каллигула, кто Плиній;
А ужъ вѣрно про своихъ
Станетъ въ пень любой изъ нихъ!

Виновато воспитанье
Де мадамъ! Вотъ начертанье;
Наизустъ *л'истуаръ Роменъ*
Твердо *жюскъ а Константенъ;*
Всей Европы географья;
По-Французски ортографья;
Крошечку *аритметикъ,*
Рисованья и *мюзикъ.*
Съ этимъ барышня Тамбова
Хоть къ вѣнцу, совсѣмъ готова,
А ужъ больше не проси,
Особливо про *Рюси!*

Ну, теперь поѣдемъ, ладно!
Сердцу сдѣлалось отрадно;
Я готова въѣхать въ Римъ,
Точно будто бы къ своимъ.
Вотъ я *сюръ ла пласъ дю Пёпелъ;*
Но, ей, ей! совсѣмъ не тепелъ
Ле клима де л'Итали!

На мнѣ платье *де шали*,
Куцовейка, и фуфайка,
А озябла! Ну, ступай-ко!
Нѣтъ, нельзя: здѣсь *а ла портъ*
Разбираютъ мой паспортъ,
Нѣтъ ли, дискать, карбонарства!
Что за разныя мытарства
Суждено переходить,
Чтобъ Италью посѣтить!

Вотъ несется кавалькада
Дезъ Англе! Что за досада!
Видно ихъ вездѣ найдутъ;
Какъ грибы они растутъ
Во всѣхъ уголкахъ Европы;
Право, эти филантропы...
Я въ восьмой уже трактиръ
Адресуюсь,—нѣтъ квартиръ,
Заняты! Въ моей судьбинѣ,
Знать, *марке* на *бабуинѣ*,
Ночь мнѣ провести кой-какъ,
Анъ вуатюръ сюръ ле бивакъ.

Наконецъ въ четвертомъ *пьянѣ*,
Въ тѣсномъ, маленькомъ чуланѣ
Я нашла себѣ пріютъ.
Но на сутки не даютъ,
И найми на всю недѣлю.
А едва, едва постелю
Мѣсто есть постановить;

Что же дѣлать? такъ и быть!
Я легла бы и въ амбарѣ.

Утромъ рано, Пиферари,
Прославляя *ла Мадоннъ*,
Потревожили мой сонъ;
На волынкахъ загудили,
Какъ Чухонцы, разбудили
Такъ, что не могла заснуть.
Выпивъ *дю кафе*, я въ путь
Видѣть рѣдкости пустилась.

Жюскъ о Форумъ дотащилась,
Взявъ наемный экипажъ;
Тутъ антиковъ *ассамблажъ:*
Ворота Септимъ Севера,
Храмъ *Тонанто Жюпитера,*
Храмъ большой *де ла Конкордъ*,
Безъ окошекъ, *э санъ портъ;*
Храмъ Фавстины наипаче,
Славный *Темпьо делла Паче*.
Обращаетъ *ле регаръ;*
Потому что очень старъ!

Здѣсь когда Французы были,
Много рѣдкостей отрыли;
Ме—ле Папъ э санзъ аржанъ,
Какъ ни будь онъ *эндюлжанъ*,—
Ужъ теперь не покупаютъ
Ле пардонъ, а согрѣшаютъ
Христіане *пуръ леръ контъ*,

Не платя за то; *кель гонтъ!*
Тутъ еще *руинъ юнъ свита;*
А тутъ ворота *де* Тита,
Что плѣнилъ Іерусалимъ,
И Жидовъ отправилъ въ Римъ
На потребу Веспасьяна.

Волей этого тирана
Былъ построенъ Колизей;
Онъ одинъ еще во всей
Древней красотѣ остался,
И мнѣ очень показался.
Тутъ театръ былъ въ старину.
Но не вижу, *антре ну,*
Становились гдѣ кулисы.
Тутъ актеры и актрисы
Были звѣри; гладьятеръ
Съ ними дрался,—*кель оррергъ!*
Этимъ Римляне досадны,
Что ужасно кровожадны;
Болѣе всего на кровь
Обращалась ихъ любовь.
Гладьятеры умирали
Въ мукахъ; но рукоплескали
Лишь тому, кто *авекъ грасъ*
Свой встрѣчалъ послѣдній часъ!
Больше всѣхъ смѣялись дамы.
Вѣроятно мелодрамы
Здѣсь *мусье* Гюго Викторъ
Первый взяли свой *эсоръ!*

Точно, въ нихъ какъ не заколютъ
Шестерыхъ, не приневолятъ
Человѣкъ пять выпить ядъ,
То готовы освистать.

Но что это за *руина?*
Безподобная картина
Вечеромъ, когда луна,
Молчалива и блѣдна,
Въ небѣ голубомъ гуляетъ
И въ аркады проникаетъ!
Тутъ шумитъ временъ рѣка;
Дуновенье вѣтерка
О минувшемъ навѣваетъ;
И ка́къ будто отдѣляетъ
Душу отъ земныхъ оковъ!
Говоръ слышится вѣковъ!
Это зданье—жертва рока,
Точно какъ глаголъ пророка,
Говоритъ: не уповай
На величье, на случай:
Все погибнетъ, все истлѣетъ!
И душа какъ разумѣетъ
Опустѣлость этихъ мѣстъ!
И въ середкѣ этотъ Крестъ,
Побѣдитель разрушенья,
Предвѣщатель Воскресенья!
Здѣсь, въ гоненья времена,
Вся земля обагрена
Кровью мучениковъ вѣры.

Разогнались, какъ химеры,
Какъ при вѣтрѣ облака,
Тѣ минувшіе вѣка,
Блескъ диктаторовъ, ликтеры,
Консулы и гладьятеры.
Пролетѣвшій этотъ сонъ
Нѣкогда Наполеонъ
Здѣсь возобновить старался;
Но и самъ, какъ дымъ промчался!
Крестъ остался невредимъ!
И стоитъ непобѣдимъ!

Но взглянуть бы на *Сенъ-Пьера*.
Се матенъ безъ *антикера*
Мнѣ хотѣлось бы туда.
Антикеры мнѣ бѣда:
Право, хуже нѣтъ мученій
Мнѣ готовыхъ впечатлѣній!
Это точно, какъ *санъ гу*
Приготовленный *рагу;*
Какъ очки съ чужаго носа;
Какъ Корнельюса Непоса
Переводъ *данъ лезъ эколь;*
Это скучно, *ма пароль!*
Я хочу, чтобы душою
Было найдено самою,
Что прелестно, хорошо.
Чтобы крикнулось: *се шо!*
Се сюпербъ! се безподобно!
И тогда уже подробно

Кликались бы *сувениръ*.
Такъ смотрѣть, *с'этъ энъ плезиръ*.

Но вотъ монументъ гигантскій!
На подобіе Казанской,
Вкругъ его ряды колоннъ
Съ двухъ поставлены сторонъ!
Двѣ прекрасныя *фонтены*,
Плещутъ воду не безъ пѣны;
Ла фасадъ, и *ла* террассъ,
И еще украшенъ *плась*
Обелискомъ изъ Египта.
Обелискъ родъ манускрипта.
Можетъ быть—*а бефъ Аписъ*,
Тутъ написано:—молись!
Апропо бы былъ чудесный,
Но языкъ намъ неизвѣстный.
Впрочемъ, какъ войдетъ въ *Сенъ-Пьеръ*
Даже самый изувѣръ,
Тотъ падетъ главой смиренной,
Предъ Создателемъ вселенной!
Я сама мечтать хочу;
Дань восторгу заплачу;
А тамъ, понесусь душею!
Антикера нѣтъ со мною;
Я вольна.
Но вдругъ одинъ
Незнакомый господинъ
Подошелъ и поклонился,
Въ разговоръ со мной пустился,
Говоритъ мнѣ: „такъ высокъ

„Этой кирки потолокъ,
„Что гулять Казанской можно
„Здѣсь легко; лишь осторожно
„Нужно въ двери провести;
„И аршиновъ до шести
„Еще будетъ разстоянья,
„Во все время *дю* гулянья,
„Отъ креста *жюскъ а ла вутъ;*
„А алтарь, что видѣнъ тутъ,
„Гдѣ горятъ паникадила,
„Золотыя гдѣ перила,
„Отъ ступенекъ до вѣнца
„Выше Зимняго Дворца;
„*Ла куполя* отъ *фронтона,*
„Въ трое больше Пантеона;
„По карнизу, гдѣ *люнетъ,*
„Пять разъѣдутся каретъ;
„И перо Евангелиста,
„Какъ бы вамъ сказать, ну! чисто,
„Какъ Иванъ Великій нашъ!"
Я весь этотъ ералашъ
Слушаю, и уши вянутъ!
Да когда же перестанутъ
Насъ морочить? *Э пуркуа?*
Потревожимъ *ла фуа!...*
Вѣдь всего нельзя жъ измѣрить;
А на слово какъ повѣрить?
Это просто *де канканъ!*
Же м'анъ везъ о Ватиканъ.

Близъ *Сенъ-Пьера* онъ построенъ,
И вниманія достоинъ
Пуръ лезъ аръ, э ле сіянсъ,
И какъ Папскій *резидансъ.*
Аполлонъ тутъ Бельведера,
Мелеагръ, ле торсъ, Венера,
Ле фамё Лаокоонъ;
Энъ старикъ *э дё гарсонъ*
Всѣ въ змѣяхъ! Тутъ *де* Канова
Ле Лютеръ, но это ново;
А здѣсь въ Римѣ *же ме пикъ*
Де н'эме ке лезъ антикъ.
Рафаэлевскія ложи.
Но вотъ это что за рожи
Полосатыя? *ле Свисъ.*
А вотъ эти *экревисъ?*
Ле портёръ дю панъ;—унъ поко,
Они, кажется, *рококо,*
Что же дѣлать,—*се ла модъ!*

По всей лѣстницѣ народъ;
Видно поздно—всѣ выходятъ.
Караулъ ужъ *Свисы* сводятъ.
Се донкъ пуръ юнъ отръ фуа,
А теперь пора *ше муа,*
Отдохнуть и отобѣдать.
Да не худо бы провѣдать,
Какъ бы Папу повидать,
Чтобы не могли сказать:
Въ Римѣ, дискать, побывала,

Только Папы не видала!
Я хочу, чтобъ мой журналъ
Самъ Наслѣдникъ прочиталъ!

Вотъ *бонеръ!*—*гарсонъ* отеля
Говоритъ, что *де* Ноеля
Завтра здѣсь *айнвергеръ*,
Папа будетъ *а Сенъ-Піеръ*
И тутъ будетъ ходъ церковный!

Календарь у насъ неровный;
Это путаетъ меня,
Никогда не знаю дня,
И кажусь какъ будто дикій,—
А виновенъ Петръ Великій!
Просто бы сказалъ: *ихъ виль!*
И сравнялся бы нашъ *стиль*.
А теперь поди-ко, сдѣлай!
Вѣкъ понадобится цѣлый;
Да и то еще вопросъ:
Надобно, чтобъ високосъ
Сряду былъ четыре года.
Это лучшая метода!

X.

Римъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

Лишь восьмой ударилъ часъ,
Я одѣлась, прибралась,
И въ десятомъ на исходѣ,
Ужъ была въ толпѣ, въ народѣ,
Сюръ ла паперть *де Сентъ-Пьеръ.*
Преучтивый кавалеръ,
Монсиноръ аббатъ Проспери,
Дожидалъ меня у двери.
Признаюсь, *се тре галанъ:*
Онъ аббатъ и шамбеланъ,
То есть, каммеръ-юнкеръ Папы:—
Всѣ при немъ снимаютъ шляпы.
И въ большой онъ здѣсь чести.
Онъ сначала довести
До трибуны обѣщался,
Но за дамой увязался,
За какой-то, и исчезъ;
Видно, всѣмъ *иль э бьенъ эзъ*
Угодить, но не успѣетъ,
Хоть намѣренье имѣетъ,
Такъ спасибо и за то!
Шелковый на немъ пальто,
Фіолетоваго цвѣта,
Сверхъ того, еще надѣта

Пелеринъ *анъ шеншила*,
Въ знакъ того, что онъ Прела.
Кое-какъ я протолкалась
Средь толпы, сама добралась
До трибуны, *о плю витъ*
Часовой при ней стоитъ,
Изъ Швейцарцовъ полосатыхъ,
Только весь въ желѣзныхъ латахъ,
Совершенно *а л'антикъ*
„Дамъ дю коръ дипломатикъ!"
Закричала я спѣсиво.
Онъ мнѣ показалъ учтиво
Лѣстницу. Взбѣжала я:
Но вотъ тутъ бѣда моя:
Три трибуны, и три двери,
Надо бы, по крайней мѣрѣ
Обозначить ихъ, но мнѣ
Оставалось *девине*.
Въ первую войти рѣшилась,
И вошла, но удивилась,
Точно я сама сижу;
Дама толстая, *де жу*
Прераздутыя, въ добавокъ
Еще пара бородавокъ,
И такой, какъ мой же *пейнъ*.
Мнѣ сказали, *де Сардейнъ*
Отставная Королева.
Я скорѣй кругомъ на лѣво,
Въ дверь другую:—тутъ съ звѣздой,
Въ лентѣ, только съ бородой

Но въ мундирѣ, Португалецъ;
Я свой прикусила палецъ,
Какъ узнала, *к'иль с'апелль,*
По фамильѣ донъ Мигель,
Братъ извѣстнаго донъ Педро.
Онъ мнѣ предложилъ прещедро
Стулъ; но я ему поклонъ,
И скорѣй убралась вонъ.
Вѣдь мы не въ союзѣ съ ними;
Я знакомствами моими
Осторожна, *же л'аву;*
Либералкой прослыву,
Чего добраго, пожалуй,
Шумъ надѣлаю немалый,
И пойдутъ *де коммеражъ*....
Право, *са сере домажъ.*
Дверь послѣдняя осталась,
И вотъ, наконецъ, добралась
Къ нашимъ, Русскимъ, *Діе мерси!*
Сколько ихъ ни есть *иси,*
Всѣ на вытяжку, въ мундирѣ!
Ничего я больше въ мірѣ
Не боюсь, какъ этикетъ;
Только всунула *ма тетъ,*
И назадъ поворотилась.
Видѣть праздникъ я рѣшилась
Просто ужъ *энкогнито:*
И спустилась *осито,*
И пошла въ толпу, съ народомъ,
Крестнымъ любоваться ходомъ.

Вотъ идутъ *д'аборъ ле Свисъ*,
Точно древняя *милисъ:*
Въ шароварахъ полосатыхъ,
Но всѣ въ шишакахъ и въ латахъ,
Съ галебардами къ тому жъ,
А за ними, *тутъ анъ ружъ*,
И въ ботфортахъ, и въ лосинѣ,
Гвардья Нобиле: по минѣ,
Видно, это господа
Здѣшніе; въ нихъ ни слѣда
Нѣтъ военнаго, и Папы,
Въ угожденье, только шляпы
Имъ, лосину и мундиръ
Надѣваютъ; *с'етъ а диръ*,
Это аматеры просто.
Тутъ монаховъ вѣрно со сто,
Разноцвѣтныхъ, *нуаръ э бланъ;*
Тутъ *месье ле* шамбелланъ,
Монсиньоры и аббаты,
А по сторонамъ, солдаты
Городскіе, *де ла виль*,
Уже видно *паръ ле стиль*,
Болѣе мастеровые;
Фраки темноголубые,
Красные воротники,
И какіе чудаки!
На бекрень надѣли шляпу.
Наконецъ, несутъ и Папу
Скороходы на плечахъ,
Въ красныхъ курткахъ и штанахъ

Прешироких, изъ атласа,
И идутъ не безъ гримаса.
Папа, видно, не легокъ,—
Скороходъ одинъ платокъ
Безпрестанно выжимаетъ.
Царемонью заключаетъ
Ле Коллежъ де Кардино,
Наконецъ, вотъ рѣшено,
Съ Папой я теперь знакома,
И дразнить не будутъ дома,
Если бъ онъ взглянулъ, тогда бъ
Я сейчасъ, *бонжуръ, монъ Папъ!*
Отпустила бы навѣрно,
И присѣла бъ преманерно;
Онъ бы тутъ меня узналъ,
А пожалуй, и позвалъ,
Можетъ быть, къ себѣ откушать,
Ватиканскихъ пѣвчихъ слушать;
Но онъ не взглянулъ *сюръ ну*,
Предъ амвономъ, *а жену*,
Исполняя видно требу,
Обращалъ глаза онъ къ небу.
До Трибунъ весь ходъ достигъ,
Я за нимъ.
Архистратигъ,
Русскій ангелъ нашъ прелестный,
Точно будто гость небесный,
Нашъ Наслѣдникъ тутъ стоитъ;
Кроткій, благодатный видъ
Любопытство выражаетъ

И любовь, лице сіяетъ
Той терпимостью, что Богъ,
Какъ величія залогъ,
Намъ постановилъ закономъ.
Древо юное, предъ трономъ
Вѣковѣчнымъ онъ Царя,
Восхищаетъ, какъ заря
Нашей будущности славной,
Русской вѣры православной.
Торжество онъ здѣсь явилъ,
Всѣхъ онъ здѣсь обворожилъ.
Я сама молиться стала
Отъ души, и замечтала
Объ отчизнѣ, объ своихъ:
Онъ залогъ блаженства ихъ.

Вотъ и служба началася;
Но толпа тутъ такъ сперлася.
Что не стало мочи мнѣ,
И хотѣлось *дежене*,
Шибко въ животѣ бурчало.
Я отправилась сначала
Закусить, *а ла мезонъ*.
А тамъ прямо въ Пантеонъ.
Кирка странная, безъ крыши,
Вута круглая, и *ниши*,
И колонны, *се тре бо!*
Рафаэля тутъ *томбо*.

Были здѣсь, на брегѣ Тибра,
Боги разнаго калибра;

Это общій былъ ихъ храмъ.
Какъ подумать, право срамъ,
Что за сволочь эти боги!
Богъ боязни, богъ тревоги,
Богъ обжорства, мотовства,
Богъ любви, богъ воровства,
Прераспутная Киприда,
И съ повязкою Ѳемида,
А въ рукахъ ея судьба
Правосудья.... ба, ба, ба!
Да не лучше ли про эту
Промолчать, а то къ отвѣту
Какъ притянутъ за намекъ,
И мнѣ сдѣлаютъ упрекъ,—
За одну, пожалуй, фразу,
Карачунъ всему разсказу!
Да и что мнѣ до Ѳемидъ?
Напримѣръ, вотъ былъ Алкидъ
Молодецъ, о томъ ни слова....
Но я заболталась снова,
Я охотница болтать.
Точно, нечего сказать,
И транкиль, ма тантъ, бывало,
Все за это мнѣ пеняла.
Разскажу про Пантеонъ,
Перистиль и рядъ колоннъ,
Что фасаду составляютъ,
Совершенно выражаютъ
Вкусъ изящный старины.
При сіяніи луны

И при солнечномъ сіяньи
Тутъ найдешь предметъ мечтаній,
Особливо, въ потолокъ,
Въ часъ полудня, какъ потокъ
Свѣта яркаго польется,
Далеко душа несется,
Видя это торжество!
Какъ въ дни древніе, являетъ
Столпъ огня, само внимаетъ
Всесожженью, и народъ
Свѣтомъ дивнымъ обдаетъ
Въ купинѣ неопалимой,
И молитвѣ приносимой
Лучезарный стелетъ путь!
Если трафится взглянуть
Ночью вамъ на это зданье,
То и лунное сіянье
Вдохновенія полно:
Сердце обдаетъ оно
Думой тайной, неизвѣстной,
Будто бы призывъ небесный
Отъ друзей и отъ родныхъ,
Коихъ нѣтъ уже въ живыхъ!
Въ небѣ, тамъ они ликуютъ,
Но о насъ еще тоскуютъ,
Еще молятся о насъ,
Особливо въ этотъ часъ,
Какъ природа засыпаетъ,
И, побѣдная, гуляетъ
Молчалива и блѣдна,

Въ небѣ свѣтлая луна!
Духъ, откинувъ все земное,
Погружается въ покоѣ,
Что Богъ уготовилъ тѣмъ,
Кои крестъ свой, какъ яремъ,
По словамъ писанья, взяли,
Вѣрили и не роптали;
И сподобились вѣнцовъ,
Въ лонѣ праведныхъ отцовъ,
И всѣхъ почестей небесныхъ,
Зане въ ходахъ жизни тѣсныхъ
Соблюли Его законъ.

Осмотрѣвъ весь Пантеонъ,
Я отправилась, и вскорѣ—
Вотъ я *à* Мари Маджоре.
Кирка тоже, хоть куда,
Только нѣтъ въ ней ни слѣда
Древности; архитектура
Новая, изъ *пьетра дура*
Всѣ колонны и алтарь;
Итальянецъ пономарь,
Показалъ мнѣ все подробно,
И скажу, что безподобно!

Я хотѣла, *анъ рантранъ,*
Посмотрѣть *Сентъ Жанъ Латранъ;*
Но, не знаю какъ, оттолѣ
Очутилась въ Капитолѣ;
Есть и тутъ что посмотрѣть!

Посреди двора, *анъ* мѣдь,
Маркорела есть статуя
А шеваль; о ней толкуя,
Разсказалъ мнѣ лонъ-лакей,
Будто бы, любуясь ей,
Мишель Анжъ сказалъ: *камина!*
Лошади и точно мина
Жизни, бодрости дана;
Кажется пошла бъ она,
Если бы хлыснули съ форса.

Мраморная, прямо съ Корса
Лѣстница ведетъ на дворъ;
А на ней два льва, Касторъ
И Поллюксъ, примѣры дружбы,
И доспѣхи бранной службы
Марьюса, трофея два,
Каменные; но—едва
Справедливо то названье.

Есть еще одно преданье:
Тутъ Тарпейская скала.
Зазнавался кто, *де ла*
Тотъ всегда швырялся въ Тиберъ,
Чтобъ народъ остался *либеръ*:
Заросла она теперь.
Хорошенечко измѣрь,
И сама прыгни, пожалуй,
Нѣтъ опасности и малой.

Въ этомъ зданьи, говорятъ,
Римскій засѣдалъ Сенатъ
Знаменитый.—Тутъ терраса,
Гдѣ короновали Тасса.
Духъ въ немъ жизни угасалъ,
А народъ рукоплескалъ,
Раздавались клики славы,
Вторились его октавы,
Но безсмертія вѣнецъ
Лишь тогда стяжалъ пѣвецъ,
Какъ пришла его кончина.

Пѣла тутъ же и Корина,
По словамъ *мадамъ де* Сталь:
Мнѣ немножко стало жаль,
Что и я не нарядилась
Анъ шантезъ, и не явилась
Въ сарафанѣ и съ фатой,
И съ повязкой золотой,
Съ балалайкой иль съ бандурой.
Можетъ быть, меня и дурой
Назвали бы *ле роменъ*
Видя у меня *анъ менъ*
Этотъ инструментъ казачій;
А быть можетъ и удачей
Кончилась бы *л'антрепризъ;*
Все таки оно сюрпризъ;
А для славы, нужно часто,
Удивить людей, и баста!

Тутъ еще музея два;
Но ихъ осмотрѣть едва
Я успѣла, пробѣжала,
Ничего не удержала
Въ памяти, и хоть убей,
Мозаику голубей
Только помню, и Венеру,
И Юпитера, не въ мѣру
Гнѣвнаго, *э пюи энъ фонъ*
Ружъ антикъ: какъ видно, онъ
Пьянъ пьянехонекъ, хохочетъ,
Такъ что всякъ смѣяться хочетъ,
Кто на рожу поглядитъ.
Гладьятеръ еще стоитъ,
Вазы, барельефы тоже;
Ну ни на что не похоже,
Сколько хлама набрано!
Позабыть не мудрено.
А въ другомъ, такъ все картины,
Тоже множество;—гвертины
Особливо хороши.
Любовалась отъ души
Я прекрасною Сибилой,
И святою Петронилой,
Какъ во гробъ ее кладутъ.

Но *мусье* Висконти тутъ
Познакомился со мною,
И зоветъ меня съ собою,
Съ башни поглядѣть на Римъ;

И я поплелась за нимъ,
Римъ онъ какъ карманъ свой знаетъ,
И чудесно объясняетъ.

Вотъ тутъ, дискать, Коллисей,
Я ему въ отвѣтъ, *же се*,
Я его ужъ записала.
Тутъ вершина Квиринала,
Папы лѣтній тутъ дворецъ,
И тутъ мастерской рѣзецъ
Фидьаса и Праксителя,
Два намъ выставилъ моделя,
Двухъ преборзыхъ жеребцовъ,
А при нихъ двухъ молодцовъ
Голыхъ; но ихъ благородья,
Позабыли взять поводья,
Подлѣ лошадей стоятъ,
И руками имъ грозятъ.
Я сказала: знаю, тѣ же,
Что тамъ въ Питерѣ, въ манежѣ
Конной Гвардьи.—*Ватиканъ*,
Тутъ колонна *де* Тражанъ,
Тутъ колонна Антонина;
Это длинная *руина*,
Древній Кесарей дворецъ;
Тутъ *Шато Сентъ Анжъ:* хитрецъ
Папа Боржья тутъ когда-то
Жилъ, какъ образецъ разврата;
Это былъ Нероновъ домъ,
А тамъ дальше гипподромъ,

Тутъ извѣстный циркъ Марзелла,
Тутъ Цецилія Металла,
Понте, Ротто, Палатенъ,
Монтъ Тестачо, *авантенъ*,
А вотъ это что за штуки,
Знаете ли? *Акедюки*,—
Весь водой снабжали Римъ.
Чудный былъ народъ, Богъ съ нимъ,
Римляне, что ни затѣютъ!
Тутъ предъ вами зеленѣютъ
Монте Пинчьо *ле террасъ*,
Тутъ *д'Эспанъ*, извѣстный *пласъ*,
А тутъ *Тринита Ди Монти*,
Вотъ *Сентъ Піеръ*: *Мусье* Висконти
Столько тутъ ужъ мнѣ напѣлъ,
Что наскучилъ, надоѣлъ,
Только и глядѣла вонъ я.

Къ счастію, *мусье* Торлонья
Въ этотъ день меня позвалъ.
У него не то что балъ,
А концертъ и угощенье:
Въ немъ есть странное смѣшенье
Барина и торгаша.
Мнѣ знакомыхъ,—*пазъ энъ ша*,
Хоть сперлись, какъ сельди въ банкѣ;
Болѣе все Англичанки
Тутъ въ короткихъ рукавахъ,
Голошеи, въ жемчугахъ;
Кавалеры всѣ во фракахъ,

Въ разныхъ орденахъ и знакахъ.
Думаешь, *энкогнито*
Принцы все, но вѣдь никто
Англичанамъ не укажетъ:
На себя что ни навяжетъ,
Ни надѣнетъ, все живетъ;
Кто за справками пойдетъ?
И хозяинъ самъ съ звѣздою,
Да еще и не съ одною,
Въ лентѣ и въ цѣпочкахъ весь,
Съ крестиками, точно здѣсь
Князь владѣтельный, посланникъ.
Зала точно передбанникъ,
Такъ нагрѣлась, такъ душна,
И полнехонько полна;
Даже мудрено пробраться.
Мнѣ пришлося протолкаться
Межъ народомъ, чтобы сѣсть,
Благо мѣсто еще есть,
Возлѣ Лорда преглухаго,
Аматера записнаго
Всѣхъ концертовъ.—*Сюръ л'эстрадъ*
Музыкантовъ цѣлый рядъ,
Пять артистовъ, и всѣ хоры,
Мнѣ сказали, аматёры.
Дамы всѣ *анъ аби бланъ,*
Въ пукляхъ, просто *а л'анфанъ,*
Соблюдая, видно, форму,
Провизжали намъ всю Норму.
Между тѣмъ толкали насъ

Люди, разнося *де гласъ*,
И напитки, и конфеты;
А въ тѣхъ комнатахъ, буфеты:
Къ нимъ, ну точно мухи, льнутъ
Англичанки,—такъ и жрутъ
Будто три года постились.
Всѣ прекрасно разрядились,
Но я, точно какъ на смѣхъ,
Перещеголяла всѣхъ!
Платье массака съ цвѣтами
Голубыми, все шелками
Вышитыми, *анъ рельефъ*
Съ золотомъ, *авекъ де шефъ;*
Весь передъ и вся турнюра
Изъ богатаго *гипюра;*
Анъ маншъ куртъ, э декольте,
А перчатки *ареге*
Аматистовымъ браслетомъ,
Съ цѣпью длинной и лорнетомъ;
Башмаки *кулеръ писташъ,*
А на головѣ *панашъ*
Изъ пяти пунцовыхъ перій;
Парчевой кусокъ матерьи
Вкругъ косы моей обвитъ,
И ихъ держитъ, и виситъ
На плечахъ двумя концами;
Шаль Турецкая, съ хвостами.
Довершаетъ мой туалетъ...
Ужъ браво, мамзель Анетъ!

Всѣ шептались, говорили,
И особенно хвалили
Жемчуги, *э ме коро:*
И Торлоньевъ весь бюро,
Ужъ съ утра толкуютъ нынѣ,
Все о Русской, чай, графинѣ;
И тѣмъ лучше, *каръ деменъ,*
Всѣ мнѣ будутъ *сюръ ла менъ;*
И хозяинъ самъ, знакомый,
Общежитіемъ влекомый,
Вѣрно свой банкирскій счетъ,
Бариномъ со мной сведетъ.
Ничего и не бывало!
Обсчиталъ какъ нашъ мѣняло:
Не одной мнѣ солонъ сталъ,
Чай, его банкирскій балъ!
Всѣхъ стрижетъ онъ какъ овечекъ,
Ну такой ужъ человѣчекъ!

Чтобъ весь Римъ уразумѣть,
Мнѣ осталось осмотрѣть
Всѣ паллацы, галлереи,
Дорія, Боргезъ, Мафеи,
Барберини, Ватиканъ,
Шьара Русполи, *ме канъ?*
Я не знаю, какъ успѣю:
Я намѣренье имѣю
На Италью всю взглянуть,
И въ Сицилью завернуть.

Барберини, Форнарина
Только важная картина:
Рафаэль ее писалъ,
И любилъ оригиналъ—
Булочницу молодую:
Къ ней питалъ любовь такую,
Что все для нея забылъ;
Только что въ ней находилъ?
Наша рыжая чухонка:
Талія совсѣмъ не тонка,
Тонкости нѣтъ и въ чертахъ,
Благородства нѣтъ,—ну страхъ
Какъ похожа на *Анету!*
Страсть я объясняю эту
Только тѣмъ, что слишкомъ онъ
Какъ изображалъ Мадоннъ,
Высоко парилъ мечтою,
И усталою душою,
Онъ спускался, такъ сказать,
Въ Форнаринѣ отдыхать,
Въ страсть земную погружаясь,
Точно какъ орелъ, спускаясь
Съ неба въ лѣтній знойный день,
Сядетъ на посохшій пень,
Отдохнуть въ тѣни древесной
Отъ прогулки поднебесной.

Ченчи есть еще портретъ:
Про нее, сомнѣнья нѣтъ,
И Лафатеръ далъ бы промахъ,

И въ чертахъ ея, знакомыхъ
Только съ нѣжностью страстей,
Вѣрно бъ онъ прочелъ о ней,
Что ни дать, ни взять, овечка,
Что такое въ ней сердечко,
Какъ у курицы,—и что жъ?
На отца поднявши ножъ,
Жизни старика лишила!
И юстицья осудила
Эту голову отсѣчь.
Какъ себя предостеречь
Послѣ этого на свѣтѣ?
Вы, физіономисты, врете!
Всѣ, по мнѣ, системы вздоръ;
Бога только дивный взоръ
Въ души къ людямъ проникаетъ,
А Философъ надуваетъ,
Такъ сказать, наборомъ словъ
Только бѣдныхъ простяковъ.

Межъ картинъ Паллаци Шьяра,
Магдалинъ замѣтна пара:
Гвидо Рени *э, л'онъ ди*,
Магдалина *де* Ради,
Лучшее его творенье;
Точно, что за выраженье
Несравненной красоты,
И сердечной суеты,
И раскаянья и вѣры,
Убѣжденья, что химеры

Блага здѣшнія, что тамъ—
Суждено блаженство намъ!—

Мнѣ войти въ Паллаци Дорья
Цѣлая была исторья:
Ле кустодъ этъ энъ виленъ.
Клодъ-Лорена тутъ *муленъ,*—
Нѣтъ живѣй, прелестнѣй вида!

Юнъ Мадонна тутъ есть Гвида:
Надъ дитёй заснувшимъ бдитъ,
Всѣ движенія слѣдитъ
Чада человѣка Бога,
Какъ священнаго залога,
Небомъ ввѣреннаго ей,
Искупленія людей:
Всѣ черты ея вниманье,
И любовь и упованье;
А Христосъ, какъ бы живой,
Точно дышитъ, и порой
Кажется, что Онъ проснется,
Кровь по жиламъ будто льется,
Оконечности красны,
И его лелѣютъ сны
Неземнаго упоенья
И какъ будто откровенья
Свѣтлый лучъ, на немъ горя,
Освѣщаетъ, какъ заря,
Ликъ Святѣйшаго Младенца,
И румяныя колѣнца,

Локотки, и какъ къ живымъ
Я бы приложилась къ нимъ!

Копья съ той картины снята
Кистію Сассо Ферато;
Безподобная, едва ль
Не равна съ *л'ориживаль*.
Мятлевы ей обладаютъ,
И лампадой освѣщаютъ
Всякій разъ, когда гостей
Принимаютъ, и друзей.

У Боргеза все Альбаны,
И Корреджьо, и Тицьяны;
Но Альбаны всѣхъ важнѣй:
Года времена, ей ей,
Совершенная натура!
Прелесть каждая фигура!

Но музей *ле плю маркинъ*
Въ Римѣ, *се ле Ватиканъ:*
Ле табло Преображенья
Совершенство вдохновенья.
Какъ онъ дивно освѣщенъ!
Славно какъ расположенъ!

Нашъ Спаситель на Ѳаворѣ.
И въ Его сіяетъ взорѣ
Откровенья торжество,
Онъ облекся въ Божество!
Въ ризѣ свѣтлой Онъ, блестящей,
Яко снѣгъ, кругомъ свѣтящей!

Въ радугѣ Его лучей
Илія и Моисей
Господа сопровождаютъ;
Три ученика взираютъ
Съ дола, въ ужасѣ святомъ,
Въ изступленіи нѣмомъ!
Кто же? вѣрою горящій
Петръ одинъ; другой, любящій,
И любимый ученикъ,
Іоаннъ, а третій ликъ—
Іаковъ, коего посланья
Дышатъ жаромъ упованья!
Добродѣтелей Святыхъ
Трехъ Господь являетъ въ нихъ
Намъ свидѣтелей, чтобъ знали,
И тогда лишь ожидали
За молитву благодати,
Если будемъ заключать
Мы любовь, надежду, вѣру
Въ нашихъ душахъ, и въ ихъ мѣру
Воздавать намъ будетъ Богъ;—
Чтобы отъ земныхъ тревогъ
И суетъ освободились,
И душой преобразились,
Прежде нежели Его
Умолять, и для того,
Чтобы мы одѣлись свѣтомъ,
Яко ризой, и обѣтомъ
Укрѣпляясь вѣчныхъ благъ,
Отвергали всякій страхъ,

И съ душою обновленной,
Подъ покровъ Его священный
Повергались.—Что гласитъ
Тутъ бѣснующій!—Стоитъ
Грѣшная душа, стремится
Тоже къ Богу, но боится!
И его спасетъ Господь!
Умиритъ земную плоть,—
Истребитъ въ немъ духъ лукавый.
Озаритъ своею славой:
У родителей его,
Упованія того
Въ лицахъ признаки сіяютъ;
Они вѣрятъ, ожидаютъ,
И по вѣрѣ будетъ имъ!
Съ умиленіемъ какимъ
Этотъ юный смотритъ воинъ:
Онъ ужъ вѣры удостоенъ,
Духъ любви ужъ въ немъ горитъ!

Тутъ *табло* еще стоитъ.
Точно чудное созданье,—
Это со креста сниманье
Мишель Анджа *Сентъ Жеромъ*
Въ изступленіи святомъ,
И Мадонна *дель Фолиньо*.

Но вотъ Спирито Малиньо!
Мой *мусье* Висконти вновь
Здѣсь присталъ ко мнѣ. Любовь
Къ рѣдкостямъ его съѣдаетъ,

И какъ видно, онъ желаетъ
Заманить меня опять,
Сет-и-диръ, завербовать
Осмотрѣть библіотеку.
Ну охота жъ человѣку
Черезъ горло угощать!
Да и то еще сказать,
Ну къ чему мнѣ эти книги?
Я въ нихъ не пойму и фиги!
Глобусы? да что мнѣ въ нихъ?
Признаюсь, во мнѣ затихъ
Крѣпко духъ любопознанья,—
Такъ простите жъ, до свиданья:
Уберусь *анъ тапинуа*.
И повѣрьте мнѣ, *ма фуа*,
Какъ собака я устала.

Ба, ба, ба! я не видала
Еще здѣшнихъ катакомбъ.
Въ нихъ святыхъ людей *ле томбъ*.
Первыхъ тружениковъ вѣры
Были жительствомъ пещеры;
И обрядъ у нихъ святой
Хотя былъ и препростой,
Но торжественъ, отъ гоненья.
Приносили всесожженья
Здѣсь Святому Божеству,
И въ грядущемъ торжеству
Православья поклонялись;
Вѣрили, и не боялись
Здѣсь сердца Святыхъ отцовъ;

И сподобились вѣнцовъ
Мучениковъ, и ликуютъ
Въ свѣтломъ небѣ, торжествуютъ;
Нынѣ по Вселенной всей
Благолѣпіе церквей!

Странный городъ Римъ! Столицей,
Метропольею-царицей
Суждено, *комъ ву вуле,*
Этой быть всегда землѣ!
Лѣтопись возьмемъ любую,
И сейчасъ я растолкую:
При началѣ Римъ войной
Покорилъ весь шаръ земной;
Новой оживляясь цѣлью,
Православья колыбелью
Римъ же былъ; *э се мартиръ*
Обратили цѣлый міръ.
Нынче, мысли всѣ и чувства
Устремились на искусства;
Что жъ? со всѣхъ концевъ земли,
Здѣсь артисты притекли;
Нашихъ Русскихъ здѣсь не мало
Славилось и процвѣтало.

Напримѣръ нашъ Карлъ Брюлловъ
Здѣсь учился, и каковъ?
Молодецъ! Его Успенье
Что за чудное творенье!
Что за жизнь, за *колоритъ!*
Въ композицьи *кель меритъ!*

А послѣдній день Помпеи,—
Я не знаю эпопеи,
Чтобъ могла сравниться съ ней
Жаромъ, смѣлостью идей!
Ожидаемъ отъ Брюлова
Мы еще Осады Пскова,
И ее мы воспоемъ,
Если только доживемъ

А нашъ Бруни,—посмотрите,
Что за живость въ *колоритѣ!*
Я узнала здѣсь его,
И не скрою ничего,
Въ *ателье* къ нему пустилась;
И въ то время очутилась,
Какъ писалъ онъ *энъ модель.*
Юнъ Римлянка, бель, си бель,
Что и я въ нее влюбилась
И въ помощники просилась,
Но не принялъ онъ меня.
Полны мысли и огня
Всѣ его произведенья,
Особливо выраженья
Горести.—Вотъ мать стоитъ,
Надъ ребенкомъ: какъ убитъ
Въ ней весь духъ! какое горе,
Преглубокое, какъ море,
Даже не достать и дна!
Какъ задумчиво блѣдна!
Ну, элегія и только.

Но артистовъ нашихъ сколько!
Марковъ, родины Святой
Онъ въ Италіи мечтой
Все живетъ, и сосна дышитъ
Точно Русью: сердце слышитъ
Звукъ родимаго рожка,
И волынку пастушка;
Съ дѣвой, не хотя, играешь,
И про Русь ей напѣваешь.

А нашъ Пименовъ скульпторъ,
Какъ искусенъ, *к'иль э форъ!*
Что за мягкость, гибкость въ тѣлѣ!
Но я, право, въ самомъ дѣлѣ
Заболталась. Мнѣ пора
Римъ оставить, и съ утра
Поплетусь я въ путь-дорогу:
Дотащуся по немногу
До Неаполя, а тамъ
Я опять къ услугамъ вамъ.

XI.

Неаполь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ чепчикѣ ль, не помню, въ шляпѣ ль,
Я пріѣхала въ Неаполь—
Позабыла про туалетъ!

Такъ полна была *ма тетъ*
Антузьясма, восхищенья,
А душа *де* упоенья:
Я мечтала, *же реве!*

Здѣсь природа въ торжествѣ,
Разодѣта, какъ на праздникъ!
Говорилъ одинъ проказникъ:
Видѣть *Напель э мурирь!*
Правда, объѣзжай весь міръ,
Лучше нѣтъ;—во-первыхъ, море,
Точно бирюза въ растворѣ,
И какъ зеркало, *транкиль!*
Смотрится въ него *ла виль*,
Какъ кокетка передъ баломъ,
Изумрудомъ и кораллομъ
Разукрасивъ волоса,
Грудь и плечи, *э ту са*
Такъ накинуто небрежно!
Ла кокетъ руками нѣжно
Обнимаетъ *сонъ мируаръ;*
Такъ Неаполь, *веръ ле суаръ*,
Освѣщаемый луною,
Показался предо мною,
Какъ я въѣхала въ него.
А ужъ небо,—ничего
Нѣтъ подобнаго на свѣтѣ!
Ужъ не говоря о цвѣтѣ,
Но какая чистота,
Благовонье, красота,

Какъ прозрачно и какъ ясно!
Какъ разгульно и прекрасно
Плаваетъ по немъ луна,
И, раздумія полна,
Въ море спящее глядится,
И серебряной ложится
Полосой—протяжный взглядъ
На волнахъ!! Тутъ цѣлый рядъ
Бриговъ, шлюбокъ, амбаркацій
Разныхъ промысловъ и націй:
Точно *дезъ уазо волажъ*
Оживляютъ *пеизажъ*.
Далѣе, прельщаютъ взгляды
Три чудесныя Наяды--
Искья, Прочида, Капре.
Точно, что найдешь *апре*,
Что бы стоило вниманья?
Но какія описанья
Въ силахъ будутъ передать
Ту любовь, ту благодать,
Сладострастіе, что дышетъ
Всюду здѣсь! И кто услышитъ,
Такъ повѣрить мудрено!

Непріятно здѣсь одно:
Что и тутъ *мементо мори*
Есть свое, и тоже въ море
Смотрится.—Старикъ сѣдой,
Дикій, мрачный, вѣковой,
Онъ Неаполь караулитъ,

И ему погибель сулитъ.
Каждый часъ угрюмъ, ревнивъ,
Осѣняетъ онъ заливъ,
И закутанный въ туманѣ,
Видѣнъ на послѣднемъ планѣ,—
Ле Везювъ его зовутъ.
Вѣрно онъ поставленъ тутъ
Для того, чтобы молился
Человѣкъ, и не забылся
Въ этой нѣгѣ, красотѣ,
И чарующей мечтѣ
Всей душой не предавался!

Мнѣ Везувій показался
Посреди картины всей,
Точно старый чародѣй.
Злобою дыша и кровью,
Самъ томится, и любовью
Обезсиленъ, оцѣпленъ,
Неподвиженъ, углубленъ
Въ размышленьяхъ дикой страсти,
Безъ надежды и безъ власти,
На красавицу глядитъ,
И ревнуя къ ней, слѣдитъ
Всѣ ея движенья, взоры!!!

Огнедышащія горы
И въ *митоложи жадисъ*,
Чародѣями жъ звались,—
Такъ не новая идея!
Полагали Прометея

Подъ какою-то горой;
Полагали подъ другой
То Титана, то Циклопа,
И старинная Европа
Вѣрила разсказамъ тѣмъ.
Такъ бѣдняжка Полифемъ,
Съ думой страстной и завѣтной,
Говорятъ, лежитъ подъ Этной:
Къ Галатеѣ ревновалъ,
И на небо возсылалъ
Огневыя воздыханья!
Таковы истолкованья
Старины, про феноменъ,
Что теперь поймутъ *а пенъ*.

Очень я люблю методу,
Такъ одушевлять природу:
Находить вездѣ романъ.
Что за дѣло, что обманъ,
Если весело, пріятно,
И притомъ душѣ понятно!
Доктора такъ говорятъ,
И пилюли золотятъ,
Чтобы легче проглотили;
Намъ надоѣдаютъ были,
Но съ приправой небылицъ,
Хоть двѣ дюжины страницъ
Подавай, всякъ прочитаетъ.

Но одно меня смущаетъ:
Это то, что нѣтъ квартиръ.

Кажется, *данъ ле трактиръ*
Вояжеры здѣсь столпились,
И какъ будто сговорились:
Я куда, такъ всѣ за мной.
Правда, здѣсь климатъ такой,
Что хоть на дворѣ остаться;
Но вѣдь надо жъ одѣваться
Иногда, на балъ, за столъ.
Нашъ Посланникъ хлѣбосолъ,
Баринъ Русскій, слава Богу,
Какъ вдругъ сдѣлаетъ тровогу,
Позоветъ меня,—*ке феръ?*
Рѣшено, какъ бы ни *шеръ*,
А квартиру я достану,
И приготовляться стану.

Накуплю я *де рюбанъ*,
Закажу себѣ тюрбанъ
Блё барбо, изъ *газъ ириса*,
Изъ малиноваго плиса,
Закажу я пелеринъ,
Всю подбитую *д'serминъ;*
Платье палеваго цвѣта,
Съ фалбалой, изъ петинета,
И атласныя *креве*,
Если я могу *труве*
Цвѣтъ зеленый иль лиловый;
Да и здѣшнею обновой,
Цѣпію *де діаметъ*
Вкругъ тюрбана, *сюръ ла тетъ*,

Я украшусь для забавы;
Да камея два изъ лавы
Я пришпилю *де коте;*
Сверхъ того, *юнъ кантите*
Этихъ корольковыхъ штучекъ,
Ножекъ, и рожковъ, и ручекъ,
Что зовутъ *де гєтатуръ,*
Я развѣшу, *тутъ о туръ;*
Севинье, изъ магазина,
На браслетахъ, два антика
Съ головой Каракалла,
А ботинки *шокола!*
Хоть куда, нарядъ исправный.

Здѣсь туалетъ быть долженъ славный:
У Посланника жена
Здѣсь, что на небѣ луна,
Царствуетъ своей красою,
И плѣняетъ всѣхъ собою,
Такъ воздушна, хороша!
Глядя на нее, душа
По неволѣ замечтаетъ!
Какъ пріятно разливаетъ
Чай, и сливки подаетъ:
Облачкомъ она зоветъ
Каплю сливокъ въ чашкѣ чая,
И сама, какъ неземная,
Какъ видѣніе небесъ,
Эта милая *контесъ;*
Вся окутанная флеромъ,

Она какъ сестра тѣмъ *Эрамъ*
Эркуланскимъ, что подъ стать
Мнѣ придется описать,
Съ толкованьемъ лонъ-лакея,
Среди рѣдкостей музея;
Но теперь мнѣ не до нихъ,
А одна въ глазахъ моихъ,
Эта милая графиня!
Роль ея здѣсь—*ла* богиня!
Напель, древній Партенопъ,
Просто весь ея холопъ!—
Ей одной—сердца и взгляды;
То пускай хотя наряды
Отличатъ меня, и тутъ
Дю рельефъ и мнѣ дадутъ.

По совѣту Харитона,
Сюръ ла пьяца Кьятамона,
Я въ *отель де Рюси*
Помѣстилась, *Діе мерси;*
Хоть о родинѣ поминка.
Эта *пьяца* въ родѣ рынка:
Устрицы тутъ продаютъ,
И раскинуты все тутъ,
Какъ палатки изъ холстины;
Къ довершенью же картины,
Въ каждой видны фонари;—
Это, какъ ни говори,
Точно актъ второй Фенеллы.
Я ждала все тарантеллы,

Но никакъ не дождалась.
Всѣмъ вниманьемъ увлеклась,
На чудесное явленье:

Изъ Везувья изверженье
Страшнаго столба огня
Поразило вдругъ меня!
Ярко въ морѣ отражался
Этотъ столбъ, и тамъ встрѣчался
Съ тихой, свѣтлой полосой,
Серебристой, что луной
Стелется такъ вдохновенно
По морю, и такъ священно
Кажется, въ молитвы часъ,
Будто съ неба дивный гласъ,—
Путь душевнаго спасенья,
Отголосокъ откровенья!
Встрѣчей этихъ двухъ полосъ
То же на волнахъ сбылось,
Что сбывается съ душою,
Съ страстію когда земною
Борется въ ней вѣры свѣтъ,
И къ спокойствію зоветъ
Растревоженныя думы,
И съ унылой и угрюмой
Жизнью, снова примиря,
Намъ сіяетъ, какъ заря
Послѣ бурной, мрачной ночи!!—
Но устала я, нѣтъ мочи,
Чувствую, пора мнѣ спать.

Завтра можно досказать
Остальныя осязанья;
Такъ прощайте жъ, до свиданья!

Дологъ, сладокъ былъ мой сонъ.
Какъ проснулась, на балконъ
Чай себѣ подать велѣла;
Насладиться я хотѣла
Утромъ лѣтнимъ въ Январѣ;
Такъ прекрасно на дворѣ
Здѣсь зимой, что время это
Лучше, чѣмъ въ Тамбовѣ лѣто;
Здѣсь не знаютъ про морозъ.

Но Неаполь *отре шозъ*
Поутру мнѣ показался,
Чѣмъ вчера, когда являлся
При сіяющей лунѣ.
Въ небо не хотѣлось мнѣ,
А житейское плѣняло,
Все къ веселью призывало;
Все такъ живо, такъ кипитъ,
Солнце ярко такъ горитъ,
Такъ манитъ къ существованью
Что и мѣста нѣтъ мечтанью;
Полной жизнью ты живешь,
Съ воздухомъ раздолье пьешь,
И душою упоенной,
Ты Создателя вселенной
Здѣсь за жизнь благодаришь,
И ты жизнью дорожишь.

Все хотѣлось бы шататься,
Ротозѣять, любоваться;
Даже некогда читать,
Фаръ ніенте благодать.

Муравейникъ настоящій,
Ле Неаполь: вдругъ гремящій
Пролетитъ кабріолетъ,
И съ полдюжины везетъ
Де солда, де лаззарони;
Тутъ варятся макарони,
И руками ихъ ѣдятъ:
Живописно тутъ сидятъ
Группы, слушая разсказы
Кинтасторья, тутъ проказы
Де мусье полишинель;
Тутъ мальчишки, *де* мамзель,
Что-то продаютъ у *мола*,
Тутъ большая *акуайола*
Съ флагами, *э дезъ арбузъ;*
Тутъ тащится омнибусъ,
Тутъ кричатъ, поютъ и свищутъ,
Тутъ бранятся, а тутъ ищутъ
Другъ у друга въ головѣ;
Тутъ на камнѣ, на травѣ,
Спитъ себѣ благополучно
Лаззарони, и нескучно,
Хотя сутки бы не ѣлъ;
А какъ много тутъ Фенеллъ!

Изъ Везувья не стремится
Ужъ огонь, а дымъ клубится,
И теряясь въ небесахъ,
Въ выразительныхъ словахъ,
Онъ Неаполь объясняетъ;
Ночью, такъ душа встрѣчаетъ
Въ немъ парящую мечту,
А при солнцѣ суету!

Но пора мнѣ одѣваться,
И немножко прогуляться,
Посмотрѣть ***энъ пе ла виль.***
Говорятъ, ***энъ омъ абиль***
Лонъ-лакей, Антоньо Руффо;
Хоть наружностью на буффо
Театральнаго похожъ,
Но всегда былъ у вельможъ,
И мѣста довольно знаетъ.

Вотъ онъ плавно выступаетъ,
Въ сѣрой шляпѣ, въ сюртукѣ,
Съ краснымъ зонтикомъ въ рукѣ,
И поклонъ мнѣ—предлагая
Посмотрѣть: сперва ***ла Кiаiа***,
Гдѣ всѣ знатные живутъ,
И ***шато де л'Ефъ***, а тутъ
Въ *виллу* намъ пойти Реале,
Чтобы тамъ еще застали
Весь гуляющiй народъ.
И оттуда ***данъ ла*** гротъ
Позилипа, а оттолѣ

Хоть, пожалуй, и въ Пуцуоли.
Много тамъ *антиките*,
Да и та *кюріозите*,
Что *патри* Полишинеля.

Добрый, милый пустомеля,
И буянъ и балагуръ,
Онъ кричитъ, шумитъ *тужуръ;*
Никого онъ не боится,
Все поетъ и веселится;
И кому онъ не знакомъ?
Гдѣ теперь, въ краю какомъ
Онъ съ шарманкой не явился?
И гдѣ всѣмъ не полюбился
Этотъ милый *тапажеръ*,
Безпрестанный вояжеръ?
Данзъ энъ сакъ, что въ родѣ ранца,
За спиной у Итальянца:
Всѣхъ дѣтей любви предметъ.
И герой, какихъ ужъ нѣтъ!..
Что *глуаръ* Наполеона?
Что поэзія Бейрона,
Что Сезаръ и что Помпей?
Хоть они и не глупѣй,
Но ихъ рѣдко вспоминаютъ,
Иногда и забываютъ,
А мусье Полишинель,
Какъ хотите, *иммортель!*
Онъ разшевелилъ впервыя
Наши думы молодыя,

Онъ былъ первый нашъ Тальма!
Какъ смѣялись безъ ума,
Какъ мы плакали, бывало,
Отъ него, какъ утѣшало
Насъ, когда онъ Нѣмца билъ,
Или артикулъ училъ!
И съ какою мы тоскою
Видѣли, какъ съ сатаною
Улеталъ, *и прямо въ адъ!*
Нашъ бѣдняжка самъ не радъ,
Какъ о немъ мы сожалѣли!—
Молодые пролетѣли
Наши годы, и съ тѣхъ поръ
Разный видѣли мы вздоръ,
И балеты, и трагедьи,
Драмы, оперы, комедьи,
А *мусье* Полишинель
Все намъ памятенъ.—Ужель
Всѣхъ звучнѣе въ сердцѣ струны
Вспоминанья жизни юной?—
И душа не встрѣтитъ вновь
То, что первая любовь
Ей восторга подарила,
Если въ бездну уронила
Времени ея мечту,
А съ ней жизни красоту!

Вотъ, прогулку начиная,
Я явилась *а ла Кьяйа*,
Но особеннаго тутъ

Я не вижу; *дасъ истъ гутъ*:
Есть дома весьма большіе,
И трактиры щегольскіе,
Магазины, *де бутикъ*,
Гдѣ въ *витринахъ дезъ антикъ*,
Де галантери изъ лавы;
И коралы безъ оправы,
Какъ находятъ ихъ *о фонъ*
Де ла мерь, э де шифонъ;
Лавки очень здѣсь богаты;
Тутъ монахи, тутъ солдаты;
Шумъ, движенье, суета,
И такая пестрота,
Что, *време́нъ*, курьезно взору.
Тутъ идетъ дорога въ гору,
И прямехонько ведетъ
А ла стради де Толедъ.

Но я ею не пустилась,
А назадъ поворотилась
Посмотрѣть *шато де л'Ефъ*.
Тутъ тюрьма, *э с'етъ юнъ превъ*,
Какъ хотите, что напрасно
Небо чисто, небо ясно,
А въ душѣ все облака,
Все грѣшки, и здѣсь рука
На чужое посягаетъ,
Разобидитъ, обругаетъ,
Какъ у насъ иной нахалъ,
Оберетъ, и конченъ балъ.

Но здѣсь странная полицья.
Вотъ какъ дѣйствуетъ юстицья:
Канарейкой нарядитъ
Арестанта, и сидитъ
Въ желтой курткѣ у рѣшетки,
И не думаетъ изъ клѣтки;
А немножко забурлитъ,
Лишь ружьемъ пошевелитъ
Косолапый солдатишка,
И утихнетъ, какъ мальчишка,
Если розгой погрозишь.

Ле шато де л'Ефъ, какъ шишъ,
Тутъ торчитъ среди залива,
Но я видно несчастлива:
Не пустили въ *лэнтеріеръ;*
Нечего смотрѣть *даліеръ*

Я пойду гулять по *виллѣ;*
Тамъ Фриньяно, Чимитиле,
Имперьяли, мусье Беръ
И какой-то кавалеръ
По фамиліи Пизани:
Ужъ такіе куртизаны,
Особливо Русскихъ дамъ,
Что при нихъ прекрасно намъ;
Все прогулки затѣваютъ,
И всегда насъ угощаютъ;
Кто изъ нихъ на что гораздъ,
Всякій дань свою ужъ дастъ;
И *чекченсъ* ужъ непремѣнно;

Только встрѣтятъ, совершенно
Какъ старинные друзья.
Прежде все стыдилась я,
И руки имъ не давала,
Но прывыкла, перестала,
И сама, бывало, имъ
Протяну.—Что тутъ за кримъ?
Болѣе всего задора
Я у Санта Теодора
Здѣсь нашла: какъ онъ учтивъ,
Какъ любезенъ, *атантифъ!*
Вотъ онъ предложилъ мнѣ руку
Для прогулки; и въ науку,
Сталъ онъ всѣхъ мнѣ называть,
Трафилось кого встрѣчать,
Позабыла я названья,
Но знатнѣйшая компанья
Все *де дюкъ, э де марки:*
Щегольскіе сюртуки,
И всѣ въ шпорахъ и съ усами,
И такими молодцами
Выступаютъ—*сэтъ энъ шармъ!*
По аллеямъ, *де* жандармъ,
Часовые для порядка;
Тутъ дѣтей, два, три десятка
Бѣгаютъ и тамъ и сямъ.
Но какъ хороши *ле дамъ,*
Какъ прекрасно разодѣты,
Точно, право, какъ букеты
Украшаютъ этотъ садъ,

И всегда четыре въ рядъ,
Или больше маршируютъ;
Кавалеры жъ фланкируютъ,
И имъ дѣлаютъ *эскортъ*.
Начиная *де ла портъ*,
Вплоть до самой до *ривіеры*.
Дамы тутъ и кавалеры
Разстаются,—*се партажъ*:
Кто верхомъ, кто въ экипажъ,
Ѣдутъ *а ла страда* Ново.—

Тутъ близъ берега крутаго,
Главный здѣшній променадъ:
Экипажи ѣдутъ въ рядъ,
И ряда два, три, четыре;
Ничего нѣтъ лучше въ мірѣ!
Щегольство *дезъ экипажъ*,
Де туалетъ и пеизажъ!
Весь заливъ какъ на ладони,
И на синемъ небосклонѣ
Оттѣнились, какъ *экспре*,
И Везувій и Кипре!
Точно торжество природы!
И тріумфъ богинѣ моды!
Такъ сказать, *дё ку д'юнъ пьеръ*.

Я вернулась *анъ аріеръ*,
На *шёдевръ* полюбоваться
Де Роменъ; могу признаться,
Удивительный народъ!
Здѣсь онъ продолбилъ *юнъ* гротъ,

Въ двѣ версты почти, сквозь гору.
И еще въ такую пору,
Какъ ни порохъ, ни *ваперъ*,
Ни ихъ даже *энвантеръ*,
Ни *ле* галванизмъ чудесный,
Еще не были извѣстны,
А умѣли смастерить,
Что не только что ходить,
Даже ѣздить, разъѣзжаться
Въ двухъ каретахъ и встрѣчаться
Безопасно въ темнотѣ.
Монъ аферъ э ле коте:
Но никакъ не понимаю,
Сколько я ни разсуждаю,
Для чего, *пуръ кель юзажъ*
Сетъ Египетскій *увражъ?*
Въ гору лѣнь было взбираться,
Такъ и стали ухищряться
Низомъ провести *ла* трупъ;
Говорятъ еще, что глупъ,
Кто не выдумалъ *ла пудръ:*
Трудно, такъ, по мнѣ, *резудръ,*
Видя Римлянъ чудеса;
Кто же умникъ *апре са?*

Грота видъ имѣетъ ада;
Гдѣ фонарь, а гдѣ лампада,
Но темно и душно въ ней,
Точно въ области тѣней;
Какъ войдешь, такъ духъ стѣснится,

Что-то тяжкое ложится
На сердце, что мочи нѣтъ!—
А вдали, въ отверстьѣ свѣтъ
Ярко, радостно сіяетъ.
Такъ душа, когда мечтаетъ,
Отягченная тоской,
О наградѣ неземной,
За терпѣнье, за страданья,
Здѣшней жизни испытанья
Переноситъ, чтобъ опять
Ей свободно ликовать
Тамъ, гдѣ ликовала прежде,
И ввѣряяся надеждѣ,
Смотритъ вдаль, и свыше тучъ
Вѣры ей сіяетъ лучъ!

Разбирая мои ноты,
Нахожу, что возлѣ гроты,
Есть Виргильевъ мавзолей.
Но нельзя, *комъ ву вуле*,
Всѣ ужъ лыки ставить въ строку;
На горѣ *томбо*, и съ боку;
И быть можетъ *апокрифъ*,
Такъ грѣшна ль я пропустивъ?
Мало вижу въ немъ я толка.—
Вотъ несется одноколка
Черезъ гроту во всю прыть
Въ одну лошадь,—задавить
Мудрено ли пѣшехода?
А какъ много въ ней народа,

Сзади, спереди, внутри!
Право, гдѣ ни посмотри,
Здѣсь вездѣ *аглотерацья!*
Прекурьезнѣйшая нацья!

Вотъ я вышла *де ла* гротъ.
И опять небесный сводъ,
Солнце, и лѣса, и море,
И опять я на просторѣ,—
Я вольна; душѣ моей
Какъ-то стало веселѣй!

Возлѣ берега сиреной,
Вся обрызганная пѣной,
Низида въ волнахъ сидитъ,
И, веселая, глядитъ
На роскошную природу,
И на небо, и на воду,
Слиться *данъ ле луентенъ.*

Не мѣшало бъ *се матенъ*
Посмотрѣть и на Пуцоли;
Отъ него верста, не болѣ.
Городъ очень нехорошъ;
Весь построенъ *сюръ юнъ рошъ*
И съ большимъ пренебреженьемъ;
Но ужъ мѣстоположеньемъ
Онъ особенно счастливъ:
Байскій видѣнъ весь заливъ,
Ламартиномъ такъ воспѣтый,—
Лучше нѣтъ картины этой!

Капъ Мисенскій, *де рюинъ,*
Между прочимъ, *д'Агрипинъ;*
Но есть также много вздору.

Напримѣръ: ведутъ васъ въ гору,
И вамъ кажутъ погребокъ,
Гдѣ источникъ—кипятокъ
Натуральный совершенно;
Въ три минуты, непремѣнно,
Можно яицы испечь.
Странно! но, не въ этомъ рѣчь,
А къ чему такія рѣчки?
Кухни есть на то и печки.
Есть еще *ла* гротъ *дю шьенъ:*
Въ ней угарно, *се не ръенъ;*
Есть еще *ла* Солфатара,
Родъ подземнаго пожара,
Гдѣ ни тронешь, то огонь,
И ужаснѣйшая вонь;
Есть и озеро Фузаро:
Тутъ строенье плохо, старо,
И все устрицы ѣдятъ,
А завелъ ихъ, говорятъ,
Тамъ Лукуллусъ, *энъ* обжора!
Но для этакого вздора
Ѣздить нечего *си луенъ;*
Въ *Наполѣ* ихъ ѣшь, *о муенъ;*—
И другое есть занятье:
Ты заказываешь платье,
Ты газеты пробѣжишь,

Съ тѣмъ, съ другимъ поговоришь;
Точно, ворочусь въ Неаполь,
И приму я мятныхъ капель,—
Что-то *ж'е боку манже*,
И желудокъ *деранже*.

XII.

Неаполь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Я раздѣлась, отдохнула
И съ полчасика заснула,
Тамъ спросила мой обѣдъ,
А тамъ кликнула Анетъ,
Начала распоряжаться,
Холиться и снаряжаться
На вечеръ въ *л'Академи*.
Дюкъ одинъ, *де мезъ ами*,
Мнѣ досталъ туда билетецъ.
Тамъ особый этикетецъ,
И не то, чтобы воксалъ,
А почти придворный балъ:
Королевская услуга,
И стараются другъ друга
Провзойти *данъ лёръ* туалетъ
Дамы всѣ; *анъ эполетъ*
И въ мундирахъ кавалеры,

А почти все каммергеры;
Королева и король;
А Французы, *комъ се дроль!*
Всѣ во фракахъ, съ бородами.

Ну, нельзя мнѣ, Русской дамѣ,
Здѣсь лицемъ ударить въ грязь.
Будетъ нашъ Великій Князь,
А съ нимъ Русскихъ, *тутъ юнъ свита.*
Мнѣ не сдѣлали визита
Се Месіе но такъ и быть!
А нельзя ихъ не любить!
Между ними есть пріятель,
Мой старинный обожатель,
Дипломатъ и не простой:
Позабылъ меня; постой,
Я опять его задѣну,
И полѣзетъ онъ на стѣну,
Видя, какъ я хороша!
Закипитъ опять душа!

Для него я отличилась,
Чудо какъ принарядилась;
Платье *де велуръ серизъ*,
Башмаки *Мари Луизъ*,
А по платью кружевныя
Все фалборочки двойныя,
И Торжковскій поясокъ,
А на головѣ, вѣнокъ
Изъ тюльпановъ и камельи,
Пара славныхъ *буклъ д'орельи*,

Флеши двѣ *данъ ле шиніонъ*,
На цѣпочкѣ *монъ лорніонъ*,
На рукахъ браслетовъ восемь,
Какъ всегда теперь ихъ носимъ;
Дезъ аграфы д'аметистъ,
И платочекъ *анъ батистъ*,
Весь обшитый кружевами,
Съ бортикомъ и вензелями,
Окружаетъ мой букетъ:
Нынче, ужъ сомнѣнья нѣтъ,
Всѣхъ туалетомъ озадачу:
И стянулась я въ придачу,
Въ струночку, *пуръ ле седюиръ*,
Вотъ что значитъ *сувениръ!*

Я въ *Академи* явилась,
Какъ вошла, всѣмъ поклонилась
Съ ловкостью, *де л'елегансъ*,
Дѣлаю *ме реверансъ*,
А на нихъ не отвѣчаютъ,
Даже и не примѣчаютъ;
Очень стыдно стало мнѣ,
Я смѣшалась, и къ стѣнѣ
Стулъ подвинула и сѣла,
И ужасно покраснѣла:
Здѣсь никто мнѣ незнакомъ,
Тщетно обвожу кругомъ
Любопытные я взгляды.
Какъ разсказъ Шехеразады,
Зала вся въ огнѣ горитъ;

Все въ движеньи, все шумитъ,
Чай, морожено разносятъ,
Угощаютъ насъ, и просятъ,
А хозяевъ не видать:
Короля нельзя назвать
Здѣсь хозяиномъ, ни сколько;
Посѣтитель онъ и только.

Вотъ оркестръ вдругъ заигралъ,
Подаетъ ему сигналъ
Клакомъ, ***метръ де дансъ*** проворный,
Въ башмакахъ, въ одеждѣ черной.
Мнѣ достался ***энъ Англе,***
Толстый, низенькій, ***тре ле;***
Мы съ нимъ въ первой парѣ встали,
А ***пуръ виз-а-ви*** достали
Мятлева, ***се*** балагуръ,
Что когда-то мнѣ ***ла куръ***
Такъ учтиво, нѣжно строилъ.
Онъ вниманіе удвоилъ,
Какъ узналъ.... ***С'етъ энъ*** поэтъ,
Ну того гляди, портретъ
Мой напишетъ онъ стихами;
Но вотъ очередь за нами—
Точно закричалъ ***ле сотъ***
Баллетмейстеръ, нашъ чередъ.

Вотъ я руки округлила,
И съ прыжками подскочила
Къ кавалеру, а назадъ,
Отошла ***паръ де глисадъ;***

Тутъ *шасе* пошла я бокомъ,
Съ преузорчатымъ прискокомъ,
Тамъ *перле* и *кадансе*,
Сдѣлала я *балансе*,
И какъ пень остановилась—
Ну чуть-чуть не оступилась:
Шпорою меня задѣлъ,
Гвардья *Нобиле*, пострѣлъ,
И опять мнѣ стыдно стало.

А покамѣстъ разбирало
Ле Везювъ; онъ грохоталъ,
Камни, пламя извергалъ,
И готовилъ разрушенье:
Но, что значитъ просвѣщенье,
Этотъ страшный феноменъ
Замѣчаютъ здѣсь *а пенъ:*
Просто въ усъ себѣ не дуютъ,
Веселятся и танцуютъ.
Мнѣ не съѣздить ли туда?
Балъ увижу я всегда,
А на это бы мнѣ чудо
Посмотрѣть вблизи не худо.

Выбралась *анъ тапинуа*,
Позабыла мой *боа;*
Но къ трактиру дотащилась,
Поскорѣй разоблачилась,
И накинула *юнъ блузъ*,
Шляпу съ воалемъ и бурнусъ,
И отправилась въ Резину:

Тамъ я наняла скотину
Длинноухую, *энъ анъ*,
И на немъ, *ту дусеманъ*,
Подыматься стала въ гору.
И чѣмъ далѣе, то взору
Лучше все являлся видъ.

И кого не восхититъ
Эта чудная картина!
Торъ дель греко и Резина,
Ле Камалдули, ла виль,
Весь заливъ *авекъ сезъ иль*
И весь берегъ до Сорента,
Какъ узорчатая лента,
Освѣщенная луной,
Тутъ лежатъ передо мной.
Плавно по небу гуляетъ,
И задумчиво сіяетъ
Сладострастная луна.
Всюду нѣга, тишина!

А Везувій, разъяренный,
Гнѣвный, бурный, изступленный
Мечетъ пламя и реветъ,
Точно будто въ небо шлетъ
Клятву, ропотъ и упреки,
И, огнемъ клубятся, рѣки
Изъ жерла его текутъ.
Мнѣ казалось: страшный судъ!
Вѣчный огнь, юдоль мученья,
За грѣхи, за преступленья,

Ожидающіе насъ;
И душа моя рвалась
Къ небу, съ чистымъ покаяньемъ.
Окрыляясь упованьемъ
Въ милосердіе Творца.
Здѣсь всю ночь я, до конца,
До разсвѣта, простояла—
И далеко увлекала
Дума страшная меня.

Этотъ столпъ весь изъ огня,
Надъ пылающей горою,
Мнѣ казался сатаною;
Свергнутый когда съ небесъ,
Онъ опять главу вознесъ,
И надъ бездной разрушенья,
Полный ярости и мщенья,
Онъ пятой отважной сталъ,
И все небо вызывалъ
На отчаянную битву!—
И творила я молитву.

Но вотъ солнце, дня восходъ.
Безпредѣльный неба сводъ
Свѣтомъ, славой озарился,
И внезапно превратился
Столпъ огненный—въ дымъ густой.
И помчался съ быстротой,
Блескомъ солнца устрашенный,
Точно демонъ, пораженный
Ангела мечемъ въ тотъ мигъ,

Какъ святой Архистратигъ
Намъ второе Воскресенье
Возвѣститъ, и возглашенье—
Да воскреснетъ Богъ, у насъ,
Какъ въ одинъ сольется гласъ,
Правые возвеселятся,
И враги всѣ расточатся,
И какъ исчезаетъ дымъ,
Такъ исчезнутъ передъ нимъ!

Воротилась я въ Резину,
И назадъ всю половину
Я почти пѣшкомъ прошла,
А въ Резинѣ я нашла,
Что всю ночь тамъ люди спали,
Преспокойно, не мечтали
Объ опасности ихъ крышъ,
Дѣло странное—барышъ:
Англичане пріѣзжаютъ,
И ословъ ихъ нанимаютъ,
Такъ имъ больше ничего
И не надо; а того,
Что съ Помпеей приключилось,
И не помнятъ, позабылось,
То есть, нѣтъ, они *паръ кёръ*
Это знаютъ.—Вояжеръ,
Кто къ нимъ въ руки попадется,
Ихъ рѣчей не оберется;
Столько ужъ наговорятъ
Про Помпею, заманятъ,—

И за блюдо макарони
Всѣ готовы въ Чичерони.

Я условилась съ однимъ,
И туда пустилась съ нимъ;
По дорогѣ намъ встрѣчались
Мальчики, и кувыркались:
Обернется колесомъ,
И намъ ручками потомъ
На брюшко и ротъ покажетъ.
Адамъ Смитъ, пожалуй, скажетъ,
Что и это ремесло.

Всю дорогу занесло
Здѣсь золой отъ изверженья:
Это въ родѣ объясненья
Миньятюрнаго *пуръ ну*,
Какъ Помпея въ старину,
Съ роскошью, ея со славой,
Подъ золою и подъ лавой
Здѣсь въ одинъ исчезли мигъ—
Се пале э се бутикъ,
Храмы, бани, гипподромы,
И аптеки, и хоромы,
И живущій въ нихъ народъ,
Дѣвъ веселыхъ хороводъ,
И тріумфы, и трофеи,
И всѣ прелести Помпеи,
И *Трибуна*, и налой,
Все засыпалось золой:—
И, быть можетъ, что застала

Ихъ бѣда во время бала;
Можетъ быть, давалъ обѣдъ
Въ этотъ день *мусье* Дьйомедъ:
На супругѣ обгорѣлой,
Найденъ былъ туалетецъ цѣлый,
Цѣпь, и серги, и кольцо,
Но курносое лице
Обгорѣлаго скелета
Не плѣнило бы поэта,
И никто бъ не написалъ
На него *энъ* мадригалъ.

Но какъ много упованій,
И восторговъ, и страданій,
Плановъ, происковъ, интригъ,
Здѣсь одинъ разрушилъ мигъ!
А кто знаетъ? продолжалось,
Можетъ быть, и приближалось
По немногу это зло,—
Оно хуже: тяжело
Видѣть, какъ валятся зданья,
Слышатъ вопли и рыданья,
Трескъ и шумъ, подземный громъ;
Небо мрачное кругомъ
Точно заревомъ объято.
Какъ съ натуры это снято
У Брюлова, и взгляну ль
Всякій разъ—*ла шеръ де пуль*.
Такъ онъ живо все представилъ,
И намъ памятникъ оставилъ.

Все стремится, все бѣжитъ;
Кто чѣмъ больше дорожитъ,
То схватя съ собой уноситъ;
Тотъ, рыдая, небо проситъ,
Чтобы помогло ему;
Тотъ, не вѣря ничему,
Изступленью предается;
Въ колесницѣ тотъ несется,
Но уже проѣзда нѣтъ,
И пропалъ дороги слѣдъ;
Весь народъ, какъ стадо, бродитъ;
Устрашенная, уводитъ
Мать испуганныхъ дѣтей,
И ихъ мантьею своей
Отъ бѣды укрыть мечтаетъ,
И молиться заставляетъ;
Сыновья отца несутъ
Умирающаго тутъ,
Жрецъ боговъ своихъ спасаетъ,
Имъ уже не довѣряетъ,
И отчаянья укоръ
Дикій выражаетъ взоръ;
А тутъ дѣва молодая,
Вся весной благоухая,
Вся въ убранствѣ, вся въ цвѣтахъ,
Вдругъ низвергнута во прахъ,
И при взорахъ умираетъ
Жениха; а тутъ играетъ,
Птичку ручками схватя,
Беззаботное дитя.

Такъ одинъ, людьми забытый,
Но подъ Божьею защитой,
Ангелъ въ небо улетитъ,
И ребенка не мутитъ
Общій страхъ, земная тризна;
У него своя отчизна!
Плиній силится спасать
Дряхлую, больную мать,
Средь развалинъ, среди труповъ;
Множество еще есть группов,—
Всѣмъ имъ видъ особый данъ;
Но Семейство Христіанъ
Здѣсь вниманія достойно:
Какъ умильно и спокойно
Оно смотритъ въ небеса,
И послѣдняго часа̀
Безмятежно ожидаетъ—
Молится и уповаетъ.

Но всего не описать:
А признательно сказать,
Первыя мои идеи
О погибели Помпеи
Въ древности я набрала
У Брюлова; но прочла
Гдѣ-то про ея открытье
Прекурьезное событье.

Энъ французъ, *энъ дюкъ* д'Эльбефъ
Дачу строилъ, *э юнъ превъ*
Вдругъ нашелъ, въ саду копая,

Что земля тутъ не пустая,
А должны быть *де ришесъ*.
Принялся *авекъ ардесъ*,
Дальше, дальше дорываться,
И вдругъ стали появляться
Статуи, *де лампъ, де вазъ.*
Вѣсть объ этомъ разнеслась,
И Губернское правленье
Насылаетъ предложенье,
Что все, что внутри земли,
Получаютъ Короли,
Такъ гласитъ-де *лексъ регалья*,
И что *дюкъ* д'Эльбефъ каналья,
Если тотчасъ не отдастъ;
Но д'Эльбефъ былъ презубастъ,
Споръ завелъ,—его прогнали,
И сейчасъ въ казну забрали
Дачу всю его и садъ:
А какъ въ Неаполѣ Сенатъ
Мастеръ былъ всегда копаться,
Такъ и сталъ онъ заниматься
Этимъ дѣломъ, *авекъ суэнъ*,
Лѣтъ десятка два *о муэнъ*,
И дорылся до Помпеи.

Храмы, лавки, мавзолеи,
Улицы всѣ найдены:
Но домовъ сохранены
Только первые этажи,
Гдѣ жъ ѣзжали экипажи,

Узнаешь по колеѣ;
И все это *баліе*
Здѣсь командой инвалидной,
Вояжерамъ преобидной,
Потому что все слѣдятъ
За тобою, и глядятъ.
Чтобъ ты не укралъ фигурки,
Камешка, иль штукатурки,
А къ чему ихъ, *с'етъ эгаль!*
Но и этого имъ жаль.

Здѣсь въ Помпеѣ какъ гуляешь,
Точно будто разбираешь—
Рукопись старинныхъ дней,
Въ передѣлѣ у мышей
Побывавшую съ полвѣка,
Й не въ силахъ человѣка
Смыслъ найти, и кто́ пойметъ?
Тутъ страницъ не достаетъ,
Тутъ двѣ, три, четыре фразы,
Тутъ опять мышей проказы,
Уголокъ отгрызли весь,
Иль середку? такъ и здѣсь,
Ты найдешь начало *страды*,
И тутъ пашни, винограды,
Поле чистое, а тамъ,
Гдѣ колонна и гдѣ храмъ;
Видно, что тутъ люди жили,
Кто жъ они такіе были,
Чѣмъ тутъ промышлялъ народъ,

И какой былъ обиходъ
Зеведенія, порядки,—
Это просто ужъ догадки.

Правда, что здѣсь найдены
И провизьи старины,
Хлѣбъ и мясо, и бутылки,
Медъ, и яица, и вилки,
Подъ золой: *с'етъ энъ эндисъ*,
Что здѣсь кушали *жадисъ*,
И что ключницы бывали;
Но ужъ это все забрали,
И въ Неаполѣ оно
По шкапамъ разложено,
Среди рѣдкостей въ музеѣ.

А оставили въ Помпеѣ
Одинъ только мозаикъ
Пребольшой и манификъ.
Домикъ выстроенъ нарочно
Для него, и также точно,
Какъ рисунокъ для канвы,
Разграфленъ. Двѣ головы
Лошадиныя прелестны,
Но ужъ группы всѣ такъ тѣсны,
Что нельзя и разобрать;
Видно, что въ походѣ рать
Спѣшилась, или дерется,
Но ученымъ достается
Попотѣть *сюръ се сюже*,
И весьма *андоможе*.

Этотъ мозаикъ старинный,
Знать паркетомъ былъ въ гостиной,
Или въ храмѣ гдѣ нибудь.

Но пора мнѣ отдохнуть,
Я довольно погуляла,
И ужасно какъ устала;
Доберусь къ себѣ въ трактиръ,
И поѣсть и *подормиръ*.

Но еще довольно рано,
Такъ заѣхать въ Эркулано;
Тамъ *руины* подъ ключемъ,
Но нельзя понять, о чемъ
Такъ ужъ много прокричали.
Здѣсь мнѣ только показали
Корридоръ одинъ, иль два,
И колодезь, гдѣ едва
Что въ потьмахъ увидѣть можно,
И водили осторожно,
Чтобы шеи не сломить.
Ну нельзя не похвалить
Здѣсь ступенекъ *энъ* десятокъ,
Цирка древняго остатокъ;
Но не стоило труда
Ѣздить *пуръ села* сюда.

Вотъ здѣсь Портича, извѣстной,
По Фенеллѣ интересной,
Королевской тутъ дворецъ,
Точно Стрѣльна; наконецъ

Вотъ *иль кармине меркато,*
Гдѣ такъ бушевалъ когда-то,
Мазаньелло либералъ,
И Гиспанцевъ разогналъ,
Но самъ царствовать рѣшился,
И какъ разъ ума лишился,
Потому что всякъ сверчокъ
Долженъ вѣдать свой шестокъ.

Вотъ *иль моло,* вылѣзаю
Изъ коляски: я желаю
Посмотрѣть *энъ пе* сблизи,
Дѣтство *де ла поэзи;*
Кантасторьевы разсказы,
И народные *экстазы.*
Въ пѣсняхъ онъ когда гласитъ
Про Роланда, говоритъ
О сраженіяхъ бывалыхъ,
О разбойникахъ удалыхъ,
О лихихъ богатыряхъ,
О святыхъ монастыряхъ;
Кантасторья хромоногій,
Въ рубищахъ, старикъ убогій,
Но король и властелинъ
Надъ толпою: ни одинъ
Шевельнуться не дерзаетъ,
Все въ молчаньи, все внимаетъ,
И по бревнамъ размѣстясь,
На ладонь облокотясь,
Лазарони и солдаты,

И монахи, всѣ объяты
Вдохновеніемъ его,
И не слышатъ ничего,
Что кругомъ ихъ происходитъ,
Онъ такой восторгъ наводитъ;
То пугаетъ, то смѣшитъ,
То въ сердцахъ растормошитъ
Сокровеннѣйшія чувства;
И такого я искусства
Не видала: какъ рѣка
Льется рѣчь,—то высока
Какъ у Тасса и Арьосто,
То легко, забавно, просто
Онъ поетъ иль говоритъ.
Ме вола ле гранъ меритъ,
Что никакъ онъ не наскучитъ,
И шутя, играя учитъ;
Если жъ про святой предметъ
Рѣчь нечаянно зайдетъ,
Тотчасъ шляпу онъ снимаетъ;
Крестится и повторяетъ
Весь народъ его поклонъ,
И на синій небосклонъ
Взоръ возводитъ умиленный.
Кантасторья вдохновенный
Солнцемъ, говоромъ валовъ,
Чарою затѣйныхъ словъ,
Чертитъ разныя фигурки;
Не отъ сивки, не отъ бурки,
Начинаетъ свой разсказъ,

Такъ какъ водится у насъ,
Но картиною прелестной,
Иль пословицей извѣстной.
Пропоетъ сперва *юнъ строфъ*
Изъ двѣнадцати стиховъ,
А тамъ плюнетъ, и толкуетъ
Просто въ прозѣ, разрисуетъ
Содержанье *де се веръ*
И *а торъ*, и *а траверъ*,
Прибавляетъ прибаутки,
И сентенціи, и шутки:
И все съ нимъ тутъ за одно;
Даже море. и оно
Слушаетъ, кипитъ, тропещетъ
И волной о берегъ плещетъ,
Вторя будто бы ему.

Но къ трактиру моему
Я никакъ не доберуся,
А устала признаюся:
Какъ бы только добѣжать,
Поскорѣй домой, и спать.

XIII.

Неаполь.

часть третія.

Прохрапѣла прездорово,
Я до четверти втораго;

Какъ проснулась, тотчасъ мнѣ
Подали *монъ дежене:*
Кофе, въ странномъ самоварѣ,
Фрутти, какъ бишь ихъ, *ди марѣ*,
Яица, *э де котлетъ*,
Дежене а ме фуршетъ;
Недостатка въ апетитѣ
Нѣтъ во мнѣ, но *каномети*
Тронуть не могла никакъ:
Имажине ву, червякъ
Въ скорлупѣ сидитъ въ неволѣ.
Положи немножко соли,
Онъ и лѣзетъ, *э пуртанъ*
Ихъ ѣдятъ; *се дегутанъ!*
Также мало вижу вкуса
Въ устрицахъ я, признаюся;
Но котлетокъ *э дезъ ё*
Я накушалась *пуръ дё*.
И пустилась, до обѣда,
Я по улицѣ Толеда,
И куда глаза глядятъ,
Анъ калешъ.

Какъ вдругъ летятъ
На меня два, три гусара,
Съ саблей на голо! Пожара
Не видать, такъ видно бунтъ!
Па дю ту: они во фрунтъ
Экипажи разставляютъ,

Объѣзжать не позволяютъ,
А ступай-ко *данъ ла филъ.*
Здѣсь вся съѣхалась *ла вилъ,*
И толпа народа бездна!
И попытка безполезна
Даже выбраться назадъ;
Благо я попала въ рядъ,
Ѣхать видно, мнѣ покуда,
Какъ велятъ.—
Но что за чудо?
На меня со всѣхъ сторонъ,
Изъ толпы *э де балконъ,*
Вдругъ посыпались большіе
Шарики все мѣловые,
И одинъ изъ нихъ, какъ разъ,
Такъ меня ударилъ въ глазъ,
Что чуть-чуть не окривѣла;
Я поднять *калешъ* велѣла,
И запряталась *о фонъ.*
Вдругъ на встрѣчу, *де буфонъ,*
Въ разныхъ шутовскихъ костюмахъ,
Въ шапкахъ въ мантіяхъ и въ плюмахъ,
Въ шлафрокахъ, *э де тюрбанъ,*
Ѣдутъ *данъ де шаробанъ*:
И кидаютъ маски эти
Тѣ же самыя *конфети,*
Тѣ же шарики,—ужель
Я жъ опять ихъ буду цѣль?
Точно такъ! Всю закидали,

И все платье обмарали,—
Ну куда я покажусь?
Но напрасно я сержусь:
Видно здѣсь такая мода;
И довольно бы народа,
Чтобы шалуновъ унять,
Нѣтъ, всѣ силятся кидать,
Другъ на друга и хохочутъ,
Не одну меня морочатъ;
Такъ, здѣсь правятъ карнавалъ,
И попала я въ развалъ;
Нѣтъ причины обижаться.

Но вотъ начало смеркаться,
И вотъ ѣдетъ, *ихъ бемеркъ*,
Преогромный фейерверкъ,
Колесница съ фонарями,
Съ разноцвѣтными огнями,
Что зовутъ *фё дю бенгаль;*
Настоящій *сатюрналь:*
Крики, музыка, смятенье,
И ужасное волненье!
Вдругъ всю улицу Толедъ
Озарилъ волшебный свѣтъ,
Точно адская денница;
И вездѣ мелькаютъ лица,
Въ окнахъ, дверяхъ, *сюръ ле туа,*
На балконахъ; *се пуръ муа*
Какъ Брамбеуса видѣнья
Въ библіотекѣ для чтенья,

Или мастерской эскизъ
Карнаваловъ *де Венизъ*—
Какъ тамъ въ старину бывало.

Но въ желудкѣ забурчало,
Ужасъ какъ пора *дине!*
Заставляютъ *промене*
Пять часовъ здѣсь по неволѣ;
Нѣтъ терпѣнія ужъ болѣ:
Иль фетъ энъ фруа де лу,
Я устала, вся въ мѣлу,
И туалетъ совсѣмъ измятый,
А, я чай, ужъ часъ десятый,
Прогуляла я обѣдъ,—
Ну ужъ этотъ мнѣ Толедъ!

Но Толедъ я обвиняю,
Будто бы сама не знаю,
Что тутъ не его вина;
Ужъ такая здѣсь страна.
Можно видѣть и иную
Тутъ картину: вотъ въ Страстную,
Начиная *де жеди*,
Здѣсь уже пѣшкомъ ходи,
Экипажей не пускаютъ;
Всѣ такъ чинно тамъ гуляютъ,
Мало такъ народъ шумитъ,
Что и муха пролетитъ
Такъ услышишь,—нѣтъ ни крика,
Ни тревоги, лишь музыка
Полковая, и Король

Даже тутъ имѣетъ роль:
Съ непокрытой головою
Ходитъ, окруженъ толпою
Царедворцевъ.—Въ эти дни,
Точно общаго родни
Всякъ кончины ожидаетъ
И наслѣдства; наблюдаетъ
Чтобъ онъ умеръ въ тишинѣ;
Даже, вы повѣрьте мнѣ,
Не залаетъ и собака,
Не задѣнетъ забіяка
На Толедѣ.—По церквамъ
Раздается, здѣсь и тамъ,
Мизерере, чудно пѣтой
Всей консерваторьей этой,
Что такъ хвалитъ цѣлый свѣтъ,
И съ которой, слова нѣтъ,
Никакая ни сравнится;
И всю ночь прогулка длится,—
И я точно вамъ скажу,
Что я эту нахожу
Преглубокою идею!
Общей Христіанъ семьею,
Какъ наслѣдство почитать
Вѣчной жизни благодать,
Данную намъ и мученьемъ
Господа, и Воскресеньемъ,
И такъ поминать тотъ день.

Утромъ встала я *а пенъ*
Въ Студіи сходить рѣшилась

Но, признаться, нарядилась
Для того *анъ аби д'омъ,*
Чтобъ все осмотрѣть кругомъ;
Тамъ какой-то *кабинето,*
По названію *секрето,*
Гдѣ для дамъ и хода нѣтъ;
Мы вошли *авекъ Анетъ,*
Но сейчасъ отворотились,
И ужасно устыдились!
Совершенно просто срамъ!—
Козы и сатиры тамъ,
И еще другія штуки
Нехорошія,—я руки
Опустила, и ушла
И подумала: *вола*
Любопытство не у мѣста!
Ахъ, я *теста, теста, теста!*

Тутъ напротивъ кабинетъ,
Ужъ гораздо *плюзъ онетъ;*
Все тутъ рѣдкости Помпеи:
Цѣпь, которая на шеѣ
О Дьомедши найдена;
Видно, что была она
Щеголиха пребольшая,
Цѣпь чудесная какая!
Серьги съ камнемъ, перстенекъ,
Рядомъ меду тутъ раекъ,
Тутъ лежитъ яицъ десятокъ,
Пара древнихъ тутъ перчатокъ,

Тутъ говядина, *дю бёфъ*,
Стклянокъ и бутылокъ *нёфъ*,
Хлѣба черстваго краюшка,
И старинная ватрушка.
Но всего не осмотрѣть.

Въ комнатѣ другой, *анъ* мѣдь
Все старинная посуда:
Чайники, шандалы, блюда,
Рукомойники, *де жатъ*,
И статуйчики стоятъ,
Мельницы, *э де* машины,
Люстры, *де* тряпье, кувшины,
Шпаги *э де кокемаръ*,
С'етъ-а-диръ, *де* самоваръ,
Какъ у насъ въ употребленьи;
И бычки тутъ, и олени
Мѣдные, и цѣлый рядъ
Сорта разнаго лампадъ,
Канделабры и кровати,
—Эти-то къ какой ужъ стати?—
Де курильницъ *пуръ ле мюскъ*.

Далѣе, *де вазъ Этрюскъ*,
Пять шесть залъ, и въ цѣломъ свѣтѣ
Вы подобныхъ не найдете,
Богатѣйшіе! *десенъ*
Точно сдѣланъ *а ла менъ:*
Эти-то горшки, едва ли
Что не боги обжигали,
И теперь не перенять,

Хоть пядей имѣй и пять
Ты во лбу! и по ранжиру
Всѣ стоятъ, на диво міру,
Разныхъ видовъ, разныхъ формъ;
Даже *иль й анъ а д'енормъ*.

Въ нижній я этажъ спустилась,
Въ залѣ бронзовъ очутилась,
Среди залы, пьяный Фонъ
На скалѣ лежитъ, буфонъ,
Что творитъ онъ за гримасы!
Онъ годился бы въ паясы.
Тутъ старинный бюстъ стоитъ
Данте,—преугрюмый видъ,
Но навѣрное похожій,
Съ натуральной его рожей;
Что за мысль, *кель верите*
Въ этой дряхлой *ветюсте!*
И какъ выраженъ весь геній
Его чудныхъ пѣснопѣній;—
И какъ видно, что старикъ
Въ души глубоко проникъ:
Какъ онъ грустно увлекался
За Франческой, какъ ругался
Съ Уголино, местью злой
Надъ Руджери головой.

Голова тутъ съ гривой длинной
Лошади, какъ гербъ старинный
Партенопа, найдена
Гдѣ-то подъ землей она.

Тутъ статуя Купидона
И Меркурья, тутъ колонна,
Барельефъ, а тутъ *лезъ Еръ*
Д'Эркуланумъ, *инъ кулёръ:*
Богатѣйшіе рисунки;
Пляшутъ, точно какъ на стрункѣ
Баллерине,—хороши
Какъ мечтанія души
Пылкой, юной и влюбленной
Неба жаромъ одаренной,
Прежде нежели нашъ свѣтъ
Все подъ общій приведетъ
Здѣсь холодный знаменатель!
Только *эри* эти кстати ль,
Я не знаю; между бронзъ,
Штукъ ихъ десять или *онзъ.*

Въ лѣвой сторонѣ музея
Мраморовъ есть галлерея,
И *кустоде* показалъ
Сряду нѣсколько мнѣ залъ,
Корридоровъ и чулановъ,
Гдѣ коллекцья истукановъ,
То есть статуй: *Жюль Сезаръ,*
Балбуса два, Амилькаръ
Цицеронъ и Агриппина,
Кесарей еще *додзина,*
То есть дюжина. По мнѣ,
Всѣхъ прелестнѣй,—*девине*
Что? *Флагманъ де ла Псишея!*

Что за талья, что за шея!
Что за грудь, *э кель профиль!*
Грецьи весь изящный стиль;
Только жалко, что обломокъ,
Вѣрный въ немъ нашла я съемокъ
Той восторженной мечты,
Нѣжности и красоты,
Что такъ сладостно бывало
Богдановича внушала.

Безподобная *анкоръ*
Тутъ статуя *де ла флоръ*,
Колоссальная съ цвѣтами.
Что сравнить съ ея чертами?
Какъ роскошная весна,
Улыбается она!
Платья такъ легки, такъ гибки,
Соотвѣтствуютъ улыбкѣ.

Тутъ ораторъ Аристидъ,
А съ нимъ рядушкомъ стоитъ
Терпсихоръ, богиня пляса;
Тутъ ни рыба и ни мясо
Съ щучіимъ хвостомъ амуръ.
Выдумалъ же балагуръ
Ваятель такую штуку!
Людямъ, можетъ быть, въ науку
Этимъ онъ замѣтить далъ,
Что любви такъ богъ удалъ,
Что лишь дай ему свободу,
Онъ готовъ въ огонь и въ воду.

Гладьятеровъ штуки три
Тутъ стоятъ, *анъ симетри*
Съ Адонисомъ и Діаной;
Бахусъ богъ дитя, ужъ пьяный
При рожденіи.—Но вотъ
Въ кучу собрался народъ
Передъ статуей Венеры:
Дамы тутъ и кавалеры,
И мамзелей и ребятъ
Множество, и всѣ глядятъ,
Какъ шалунья подымаетъ
Са шемизъ, и выставляетъ,
Что должно бы быть секретъ.
Неприлично, *э се бетъ!*
Но здѣсь и мамзель и дама
Смотритъ просто и безъ срама,
На Венеру Калипижъ—
Такъ зовутъ ее,—поди жъ,
Древніе что представляли!
Ихъ за это не ругали,
А напротивъ: похвала
И теперь имъ *пуръ села;*
А у насъ такъ толки, рѣчи,
Ежели раскроешь плечи,
Перейдешь немножко грань,—
Осужденіе и брань,
А ее не осуждали.

Тутъ мнѣ залу показали
Гдѣ стоитъ *л'Эркюль Фарнезъ:*

Признаюсь, *же сви бьенъ эзъ,*
Что не при людяхъ смотрѣла;
Я бы страхъ какъ покраснѣла.
Русскій, Волжскій нашъ бурлакъ,
На разшивѣ, точно такъ,
Выкупавшись, отдыхаетъ,
И весь голый ожидаетъ,
Чтобъ Богъ высушилъ его.

Вотъ ужъ въ группѣ ничего
Въ этой я не понимаю,
Дю Торо Фарнезъ: я знаю,
Что когда-то лютый быкъ,
Изступленный скокъ и прыгъ
Устремясь за Прозерпиной,
Ей во слѣдъ бѣжалъ долиной;
Что Полюксъ *авекъ* Касторъ
Выручили *де ла моръ*
Прозерпину, дочь Цереры
Но престранныя манеры
Здѣсь поставленныхъ фигуръ,
Особливо этихъ дуръ,
Что спокойно отдыхаютъ,
Пока люди выручаютъ
Ихъ, схватившись за рога.
А вѣдь группа дорога!

Есть здѣсь два картинъ собранья,
Но не стоятъ описанья:
Хоть и цѣнятся *тре шеръ,*
Но довольно *ординеръ;*

Главное межъ ними мѣсто
Дю Лука Жордамъ Фа-Престо.

Есть еще *ле Папиросъ:*
Для меня они хаосъ,
Толку въ нихъ не понимаю,
И молчаньемъ пропускаю.

Да мнѣ и домой пора:
Завтра хочется съ утра
Мнѣ съ Неаполемъ разстаться.
Трудно здѣсь не заболтаться,
А нетрудно надоѣсть.
Завтра же рѣшилась сѣсть
Я на пароходъ Велоче;
И оно всего короче.
Тѣмъ закончится, какъ разъ,
Мой Неапольскій разсказъ.

Чтобъ зѣвающій читатель
Не сказалъ, *кандъ финиратъ эль?*—
Чего Боже сохрани,—
Знайте же, *ке се фини.*

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	5
Новый годъ	7
Фонарики	10
Сонъ	14
Статуя	14
Гюгеноты	15
Разочарованіе	21
Звѣзда	21
Небо	22
Птичка	23
Облако	25
Русскій снѣгъ въ Парижѣ	26
Разговоръ человѣка съ душой	27
Старушка	28
Жизнь	30
Лютня	31
Звѣздочка	32
Медвѣдь и коза (басня)	33
Дума на кладбищѣ	34
Часы	35
Похитосъ	36
День рожденія	37
Катерина шарманка	38
Видѣніе	42
Скрипка	42
Соловьямъ Новознаменскаго	50
Бывало	52

стр.
Падучая звѣзда 53
Наставленіе Гр. Р. 56
Листокъ 58
Молитва при лунѣ 59
Петергофскій праздникъ 61
Фантазія 72
Истолкованіе любви 74
Могила и роза 75
Смерть солдата 76
На смерть пѣвицы Малибранъ 76
Брачная деликатность 77
Непріятный сосѣдъ 77
Лунная ночь 78
Видѣніе 80
Скучно 84
Соловей 85
Восторгъ 86
Кн. А. Лоб. 86
Больной дѣвицѣ 87
Молитва 88
Ей 89
А. M-lle Любовь 90
Воскресеніе Лазаря 91
Нейдорфская ночь 93
Уныніе 95
Артамонычъ 96
Осень 98
Луна 99
Фантастическая высказка 101
Къ морю 102
Плачъ дитяти 103
Большая медвѣдица 105
Ласточка 108
Свадебный поѣздъ колонистовъ 110
Споръ за вафли 112

стр.
Сельское хозяйство 113
Наставнику аббату 115
Проектъ гросфатера 118
Разговоръ барина съ Афонькой 127
Раутъ 130
На грѣхъ мастера нѣтъ 133
Великолуцкій французскій кадриль 134
С.-Петербургскій французскій кадриль 136
Облака 138
Звѣзды 145
День и жизнь 146
Чужое дитя 149
Нева 150
Гробъ младенца 152
Рыбакъ 154
Розы 156
Una fra tante 157
Сиротка 158
Плавающая вѣтка 160
Вечеръ 161
Пѣснь ратника 163
День рожденія матери 164
Тарантелла 166
Коммеражи 170
Сенсаціи и замѣчанія г-жи Курдюковой за границею, данъ л'этранже.
Глава I. Отъѣздъ 184
II. Любекъ 193
III. Гамбургъ 200
IV. Дилижансъ 209
V. Бременъ 215
VI. Оснабрюкъ и Мюнстеръ 220
VII. Колонь 225
VIII. Рейнъ 232
IX. Франкфуртъ 247

		стр.
Глава X.	Мангеймъ	263
XI.	Бадъ-Баденъ	275
XII.	Шварцвальдъ	280

Швейцарія.

Глава I.	Введеніе	284
II.	Базель	287
III.	Бернъ	302
IV.	Бернскій Оберландъ	317
V.	Лозанна	339
VI.	Женева (часть первая)	353
VII.	Женева (часть вторая)	388
VIII.	Симплонъ	413

Италія.

Глава I.	Введеніе	422
II.	Боромейскіе острова и Комо	424
III.	Миланъ (часть первая)	449
IV.	Миланъ (часть вторая)	468
V.	Венеція (часть первая)	485
VI.	Венеція (часть вторая)	501
VII.	Флоренція (часть первая)	513
VIII.	Флоренція (часть вторая)	535
IX.	Римъ (часть первая)	560
X.	Римъ (часть вторая)	573
XI.	Неаполь (часть первая)	599
XII.	Неаполь (часть вторая)	621
XIII.	Неаполь (часть третья)	639

[illegible]

71-285
U. C. BERKELEY LIBRARIES
C051335949
YC159336